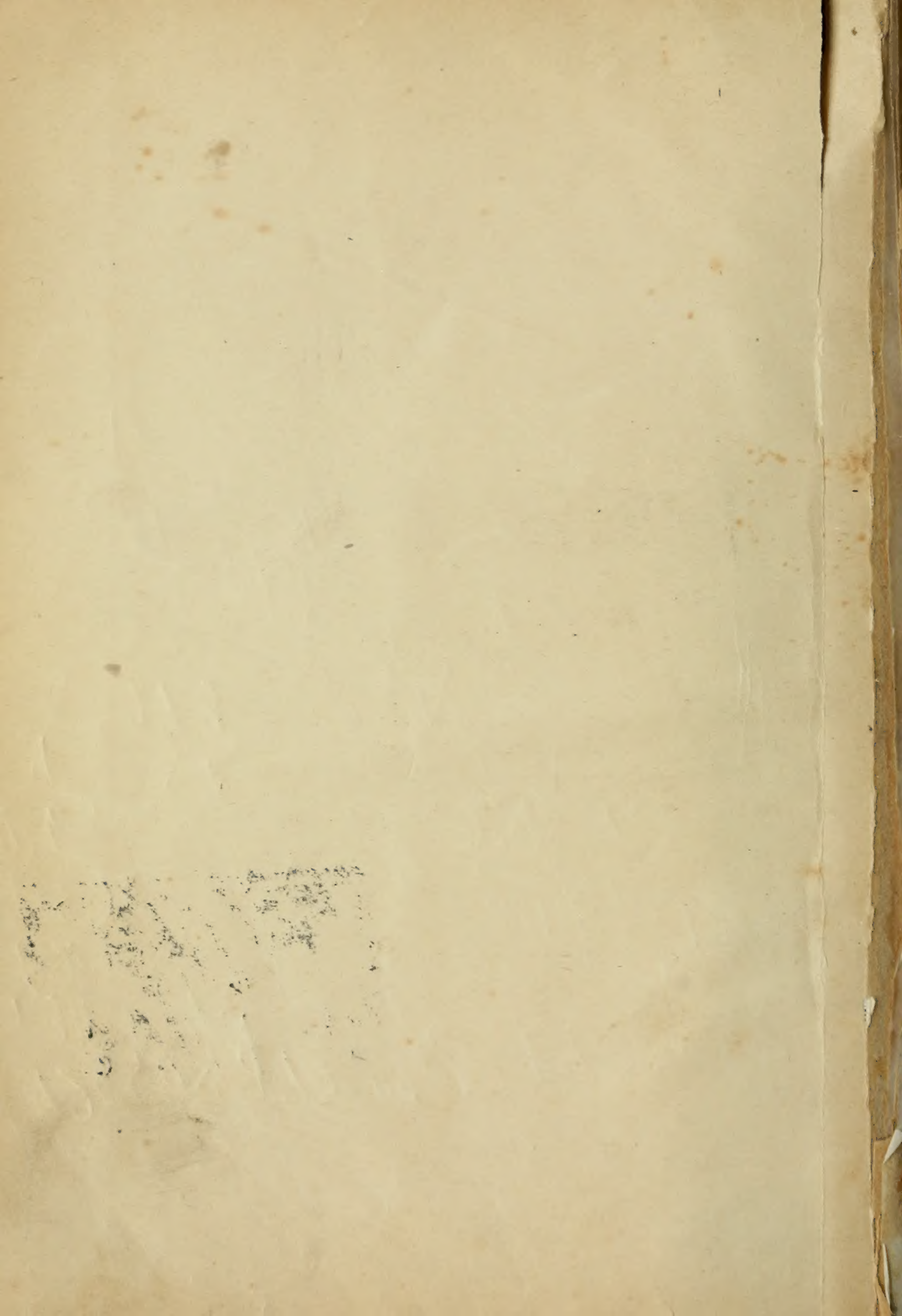

HB
179
M197
1906

А. БОГДАНОВЪ.

Malinovskii, Aleksandr Aleksandrovich

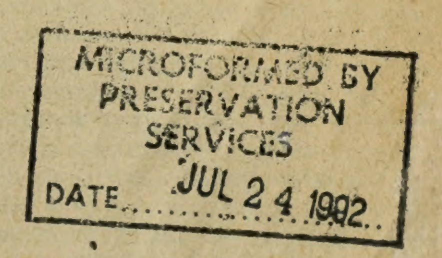
КРАТКІЙ КУРСЪ

ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ.

Kratkii kurs ėkonomicheskoi nauki

ИЗДАНІЕ ДЕВЯТОЕ, ВНОВЬ ИСПРАВЛЕННОЕ.

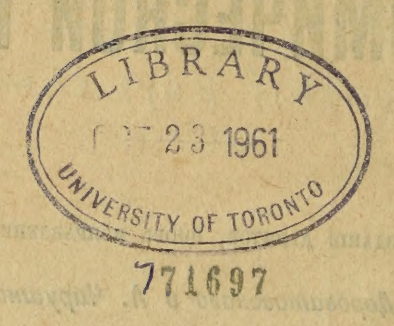
С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

МОСКВА.

1906.

HB
179
M197
1906

771697

Общія понятія.

1. Опредѣленіе экономической науки.

Въ процессѣ развитія человѣчества борьба людей за ихъ существованіе становится все въ большей степени сознательной и общественной.

Сознательной борьбой за существованіе или, короче, трудомъ называется затрата человѣческой энергіи для опредѣленной, заранѣе сознаваемой цѣли. Цѣль эта всегда заключается въ удовлетвореніи какой-нибудь человѣческой потребности. Если дѣло идетъ только о личной потребности самого трудящагося, то передъ нами трудъ «индивидуально-полезный». Таковъ, напр., трудъ человѣка, который ѣстъ или одѣвается. Съ этимъ видомъ труда экономической наукѣ не приходится имѣть дѣла. Ее интересуетъ только «общественно-полезный» трудъ, т.-е. такой, который направленъ къ удовлетворенію не исключительно личныхъ потребностей трудящагося, а потребностей общественныхъ, къ пользѣ общественнаго цѣлаго, членомъ котораго является трудящійся. При этомъ безразлично, сознательно ли стремится человѣкъ принести пользу другимъ людямъ, или это выходитъ независимо отъ его прямыхъ, непосредственныхъ цѣлей: если даже рабъ трудится только для того, чтобы избѣжать палки, или наемный работникъ—чтобы спасти себя отъ голодной смерти,—все равно, трудъ ихъ общественно-полезенъ, когда онъ фактически содѣйствуетъ удовлетворенію потребностей другихъ людей.

Не занимаясь изслѣдованіемъ потребностей, экономическая наука называетъ общественно-полезнымъ всякій трудъ, который нуженъ обществу, удовлетворяетъ ли онъ потребности насущныя или второстепенныя, естественныя или искусственныя: трудъ земледѣльца и ювелира, учителя и слуги не различается съ этой точки зрѣнія.

Въ совершенно одинаковомъ смыслѣ съ выраженіемъ «общественно-полезный трудъ» мы будемъ употреблять терминъ «производство».

Въ процессахъ производства наука различаетъ двѣ стороны: техническую и общественную.

Производство есть борьба людей съ внѣшней природою. Въ борьбѣ этой человѣкъ непосредственно воздѣйствуетъ на природу,—пользуясь ея

предметами и силами, измѣняетъ ее въ своихъ интересахъ. Непосредственныя отношенія трудящагося къ внѣшней природѣ — это техническая сторона производства. Она изучается науками техническими (механика, технологія) и естественными (математика, физика, химія, біологія).

Общественную сторону производства составляютъ тѣ отношенія, въ которыя человѣкъ при производствѣ становится къ другимъ людямъ. Основное и всеобщее производственное отношеніе ясно выражается уже въ самомъ обозначеніи «общественно-полезный трудъ»: люди трудятся другъ для друга, для общественнаго цѣлаго — слѣдовательно, между ними существуетъ отношеніе союза, совмѣстности въ трудовой борьбѣ съ природой. Это всеобщее отношеніе въ различныхъ случаяхъ принимаетъ различныя формы, которыя сводятся къ немногимъ основнымъ видамъ: простое сотрудничество, когда работники вмѣстѣ выполняютъ одинаковую работу; раздѣленіе труда, когда различныя части одного производственнаго процесса выполняются отдѣльными работниками; подчиненіе (частный случай раздѣленія труда), когда одинъ человѣкъ выполняетъ указанія другого...

Основной предметъ экономической науки составляетъ именно общественная сторона производства—отношенія между людьми, а не техническая, не отношенія человѣка къ внѣшней природѣ.

Въ наукѣ съ давнихъ поръ укоренилось раздѣленіе общественно-полезнаго труда на „производительный" и „непроизводительный". Производительнымъ называютъ трудъ, создающій матеріальные полезные предметы; непроизводительнымъ — трудъ, продукты котораго не матеріальны; примѣры: трудъ фабричнаго рабочаго и трудъ лектора. При такомъ грубомъ разграниченіи вся, напр., перевозочная промышленность, несмотря на ея громадное непосредственное значеніе въ матеріальной жизни общества, должна быть отнесена къ непроизводительному труду. Въ такомъ видѣ разграниченіе нельзя признать научнымъ. Можно дать ему иную формулировку, въ научномъ смыслѣ болѣе удовлетворительную: называть производительнымъ всякій общественно-полезный трудъ, производящій матеріальныя измѣненія во внѣшней природѣ. Тогда не получится такихъ противорѣчій, какъ въ предыдущемъ примѣрѣ съ перевозочной промышленностью. Но тогда самое разграниченіе падаетъ. Всякій общественно-полезный трудъ приходится считать производительнымъ, потому что никакой трудъ не можетъ стать общественно-полезнымъ, не проявившись матеріально, не произведя матеріальныхъ измѣненій во внѣшней природѣ: трудъ писателя воздѣйствуетъ на психику людей лишь черезъ посредство матеріальной рукописи или книги; трудъ лектора становится полезнымъ для слушателей потому, что до ихъ слуха достигаютъ производимыя лекторомъ звуковыя колебанія — матеріальныя измѣненія въ атмосферѣ и т. п.

Разграниченіе производительнаго и непроизводительнаго труда играло прежде очень важную роль въ наукѣ: въ область экономики включались только тѣ отношенія людей, которыя возникаютъ въ сферѣ „производительнаго" труда. Однако, если бы даже удалось придать этому разграниченію достаточно точную и ясную формулировку, оно врядъ ли было бы полезно для науки, для изслѣдованія закономѣрности явленій. Дѣло не только въ крайней условности стараго раздѣленія, дѣло въ томъ, что въ науку чисто общественную—науку объ отношеніяхъ людей—оно вноситъ

чуждую ей точку зрѣнія, опредѣляя границы этой науки естественными свойствами вещей, ихъ матеріальностью или нематеріальностью. Между тѣмъ, отношенія людей въ ихъ общественномъ трудѣ могутъ принимать совершенно одинаковыя формы какъ при производствѣ матеріальныхъ, такъ и при производствѣ нематеріальныхъ вещей. Да и какая наука, кромѣ экономической, могла бы взять на себя спеціальное изслѣдованіе тѣхъ отношеній трудовой совмѣстности, которыя связываютъ „непроизводительныхъ“ общественныхъ работниковъ между собой и съ работниками „производительными“?

Съ общественной стороной производства, являясь какъ бы ея продолженіемъ, неразрывно связано **распредѣленіе**.

Личное потребленіе лежитъ внѣ области экономической науки—одной изъ наукъ общественныхъ, — и принадлежитъ ученію объ организмѣ (физіологіи). Но процессы производства не могли бы стать общественно-полезными, если бы ихъ результаты, ихъ матеріальные и нематеріальные продукты не распредѣлялись тѣмъ или инымъ способомъ между членами общества для личнаго потребленія. Такимъ образомъ, между общественнымъ производствомъ и личнымъ потребленіемъ стоитъ распредѣленіе—общественный процессъ, въ которомъ продуктъ труда переходитъ къ потребителю.

Процессъ распредѣленія весь слагается изъ различныхъ отношеній между людьми. Сущность этихъ отношеній всюду одна и та же: съ извѣстнаго момента отдѣльная личность начинаетъ признавать продуктъ общественнаго труда «своимъ», т.-е. предметомъ своего индивидуальнаго пользованія, а другіе члены общества допускаютъ это.

Частныя формы распредѣленія сводятся къ двумъ основнымъ типамъ: во-первыхъ, распредѣленіе прямое или организованное—когда одна воля, личная или общественная, опредѣляетъ долю отдѣльныхъ лицъ въ общественномъ продуктѣ, напр., когда рабовладѣлецъ, присваивая себѣ весь продуктъ рабскаго труда, удѣляетъ изъ него рабамъ необходимыя жизненныя средства, или когда совѣтъ родовой общины распредѣляетъ предметы потребленія между ея членами; во-вторыхъ, распредѣленіе косвенное или неорганизованное, или обмѣнъ — когда общественный продуктъ по пути къ потребителю проходитъ рядъ мѣновыхъ процессовъ, становясь поочередно собственностью различныхъ людей, напр., посредствомъ продажи — покупки идетъ отъ фабриканта къ оптовому торговцу, отъ оптоваго къ мелочнымъ, отъ нихъ — къ дѣйствительнымъ потребителямъ.

Обыкновенно ученіе объ обмѣнѣ отдѣляютъ отъ ученія о распредѣленіи, какъ особый, самостоятельный отдѣлъ экономической науки. Для этого нѣтъ достаточныхъ основаній: обмѣнъ есть частная форма распредѣленія, исторически преходящая, на извѣстной стадіи развитія возникающая и на извѣстной стадіи исчезающая.

Точно опредѣляя область экономической науки, приходится, слѣдовательно, сказать, что это — наука объ **общественныхъ отношеніяхъ производства и распредѣленія.**

Въ сущности, было бы вполнѣ точно и вполнѣ достаточно сказать объ отношеніяхъ производства. Распредѣленіе изучается экономической наукою лишь постольку, поскольку оно нераздѣльно сливается съ производствомъ, поскольку оно представляетъ какъ бы другую его сторону. Если одному классу принадлежатъ орудія и матеріалы труда, а другому—только его рабочая сила, то это—отношеніе распредѣленія, но въ то же время и производственное отношеніе, такъ какъ означаетъ господство перваго надъ вторымъ въ трудовомъ процессѣ. Вообще распредѣленіе, изучаемое экономической наукою, есть распредѣленіе условій производства, та и другая область отношеній для нея одно неразрывное цѣлое.

Общественныя отношенія не представляютъ чего-либо постояннаго, неизмѣннаго; они непрерывно измѣняются, какъ все въ природѣ. Въ ихъ измѣненіяхъ выражается или прогрессъ, или упадокъ силы общества, побѣда общества надъ природой или природы надъ обществомъ. Было время, когда люди жили маленькими, тѣсно сплоченными общинами, независимыми другъ отъ друга; тогда производственныя отношенія были очень узки и несложны, а распредѣлительныя сводились къ прямому распредѣленію; теперь человѣческія общества громадны, экономическія отношенія въ высшей степени сложны; но между прошлымъ и настоящимъ устанавливается непрерывная цѣпь развитія. Бывали факты и другого рода — когда сила общества въ борьбѣ съ природой падала, обширныя общественныя связи порывались, экономическія отношенія становились болѣе узкими и несложными; тутъ наукѣ приходится прослѣживать другую непрерывную цѣпь измѣненій, цѣпь не развитія, а упадка, деградаціи. Въ вопросахъ развитія и деградаціи — весь интересъ науки, потому что наука есть одно изъ орудій человѣчества въ борьбѣ за жизнь, за развитіе.

Теперь мы можемъ закончить характеристику экономической науки: наука, изслѣдующая общественныя отношенія производства и распредѣленія въ ихъ измѣненіяхъ, въ ихъ развитіи и деградаціи.

Этимъ опредѣленіемъ намѣчается въ существенныхъ чертахъ порядокъ дальнѣйшаго изложенія.

2. Производство.

Мы начнемъ съ выясненія нѣкоторыхъ основныхъ вопросовъ относительно производства въ его цѣломъ, не раздѣляя пока его техническую и его общественную сторону.

Эти основные вопросы легко намѣчаются самымъ опредѣленіемъ производства, какъ общественно-полезнаго труда. Трудъ есть затрата человѣческой энергіи для опредѣленной цѣли. Очевидно, прежде всего приходится выяснить слѣдующее:

во-первыхъ, для какой цѣли, въ какомъ направленіи производится затрата энергіи («качество» общественно-полезнаго труда)?

во-вторыхъ, какъ велика эта затрата («количество» общественно-полезнаго труда)?

въ-третьихъ, насколько она достигаетъ своей цѣли («успѣшность» или «производительность» труда)?

а) Качество общественно-полезнаго труда.

Если одинъ человѣкъ занимается обработкой земли, другой—обработкой металловъ, третій—преподаваніемъ грамоты и т. д., то каждый изъ нихъ въ своихъ частныхъ дѣйствіяхъ стремится къ особой непосредственной цѣли, тратитъ свою энергію въ иномъ направленіи, чѣмъ другіе. Это различное направленіе труда обозначается, какъ различное его «качество».

Качество труда въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ зависитъ отъ трехъ условій; во-первыхъ, отъ потребности трудящагося, отъ его стремленій; во-вторыхъ, отъ тѣхъ внѣшнихъ средствъ труда, которыя находятся въ его распоряженіи; въ-третьихъ, отъ его рабочей силы. У дикаря есть потребность — прикрыть свое тѣло отъ холода; внѣ себя онъ находитъ острый камень и звѣря съ теплой шкурой; наконецъ, организмъ дикаря обладаетъ способностью къ рѣзкимъ, сильнымъ, вѣрно направленнымъ простымъ движеніямъ. Этими элементами вполнѣ опредѣляется качество труда, который въ данномъ случаѣ будетъ выполненъ: первобытно-грубая охота за звѣремъ изъ-за его шкуры.

Въ экономической наукѣ дѣло идетъ только о производствѣ, т.-е. общественномъ трудѣ; поэтому здѣсь изложенная мысль принимаетъ уже такую форму: въ производствѣ качество труда различныхъ людей опредѣляется, во-первыхъ, общественными потребностями, во-вторыхъ, общественными средствами производства, въ-третьихъ, всей наличной системой рабочихъ силъ общества.

Характеръ и размѣры общественныхъ потребностей обусловливаются всѣмъ предшествующимъ развитіемъ общества: у европейскаго общества потребности въ значительной мѣрѣ иныя, гораздо болѣе обширныя, сложныя и разнообразныя, чѣмъ у общества папуасскаго. По мѣрѣ того какъ развивается сила общества въ борьбѣ съ природой, растутъ и его потребности.

Средства производства—это матеріалы и орудія, вообще тѣ элементы внѣшней природы, на которые направленъ трудъ людей. Въ однихъ случаяхъ эти средства производства прямо готовыми даются природою—таковы деревья дѣвственнаго лѣса, надъ которыми работаетъ дровосѣкъ, желѣзная руда—матеріалъ для рудокопа, острый кремень—орудіе дикаря. Въ другихъ случаяхъ производитель имѣетъ дѣло съ обработанными уже предыдущимъ трудомъ элементами природы, напр., съ желѣзомъ, добытымъ изъ руды, съ машиной, сдѣланной изъ желѣза. Этотъ рядъ случаевъ соотвѣтствуетъ, вообще говоря, большей сложности, болѣе высокому развитію общественнаго производства.

Вопросъ о различіи между „матеріаломъ" и „орудіемъ" имѣетъ нѣкоторое значеніе для экономической науки. Нерѣдко даются неточныя, чисто словесныя опредѣленія: матеріалъ есть то, надъ чѣмъ работаютъ; орудіе—то, посредствомъ чего работаютъ,—это все равно, что сказать: матеріалъ есть матеріалъ, а орудіе есть орудіе. Практическое различіе между этими двумя родами средствъ производства заключается

въ слѣдующемъ: матеріалъ, пройдя черезъ одинъ отдѣльный процессъ производства, оказывается такъ значительно измѣненнымъ, что признается не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ прежде, и не годится для прежняго употребленія; если данное количество хлопка одинъ разъ спрядено, его нельзя спрясть другой разъ; если уголь сгорѣлъ, его нельзя жечь другой разъ. Напротивъ, орудіе, разъ употребленное въ дѣло, все еще остается прежнимъ орудіемъ и годится опять для прежняго примѣненія, до извѣстнаго предѣла, разумѣется: машина, которая сегодня спряла данное количество хлопка, можетъ послужить для той же цѣли и завтра, и послѣ завтра—пока не износится.

Третій элементъ, которымъ опредѣляется качество общественнаго труда отдѣльныхъ работниковъ, есть система рабочихъ силъ общества. Выраженіе это обозначаетъ совокупность рабочихъ силъ въ ихъ установившихся, наличныхъ взаимныхъ отношеніяхъ. Общество первобытное, состоящее изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, очевидно, не можетъ развить того разнообразія качественно различныхъ видовъ труда, какъ позднѣйшее, болѣе обширное. Въ первобытномъ обществѣ почти не приходится различать отдѣльныхъ «спеціальностей», трудъ одного мало отличается отъ труда другого; въ современномъ же обществѣ съ его развѣтвленнымъ производствомъ число различныхъ спеціальностей измѣряется тысячами.

Итакъ, существуютъ «качественно» различные виды общественнаго труда, другими словами, общественно-трудовая энергія затрачивается во внѣшнюю природу по различнымъ направленіямъ. Но все же люди считаютъ возможнымъ сравнивать даже самые несходные виды труда по ихъ количеству; они говорятъ, напр., что такой-то кузнецъ трудится больше, чѣмъ такой-то сапожникъ, что данная книга стоила больше труда, чѣмъ данная машина и т. под. И это совершенно естественно, потому что всякій трудъ есть вообще затрата элементовъ человѣческаго мозга, нервовъ, мускуловъ, крови,—затрата, которую можно сравнить съ другой затратой по количеству, независимо отъ того, какъ она направлена: на обработку дерева или желѣза, земли или дѣтскихъ головъ.

Такимъ образомъ, на сцену выступаетъ вопросъ о количествѣ общественнаго труда.

б) Количество общественнаго труда.

1. Количество трудовой энергіи, которую общество тратитъ въ борьбѣ съ природой за существованіе, ограничивается прежде всего размѣрами самого общества, числомъ его рабочихъ силъ. Первобытно-коммунистическое общество, состоявшее изъ нѣсколькихъ десятковъ, сотенъ человѣкъ, по необходимости должно было развивать въ десятки тысячъ разъ меньше труда, чѣмъ многомилліонное капиталистическое.

Но при подсчетѣ того количества труда, которымъ общество располагаетъ, надо, кромѣ общаго числа членовъ общества, принять во вниманіе еще нѣкоторыя условія.

Не всѣ члены общества одинаково способны къ труду. Дѣти, старики—плохіе работники, либо вовсе не работники. По даннымъ физіоло-

гіи, нормальный рабочій возрастъ слѣдуетъ считать приблизительно отъ 15 до 60 лѣтъ. Въ возрастѣ отъ 25 до 45 лѣтъ человѣкъ располагаетъ наибольшей трудовой энергіей. Такимъ образомъ, составъ общества по возрасту бываетъ въ однихъ случаяхъ болѣе, въ другихъ—менѣе благопріятнымъ для успѣшной борьбы съ природой. При значительной смертности мало народу доживаетъ до возраста наибольшей силы, и преобладаетъ дѣтскій, нерабочій возрастъ. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и высокая рождаемость, которая обыкновенно наблюдается рядомъ съ усиленной смертностью.

Больной человѣкъ работаетъ мало или вовсе не работаетъ. Болѣзненность рабочаго населенія уменьшаетъ количество общественнаго труда.

И смертность, и рождаемость, и болѣзненность производительныхъ членовъ общества измѣняется въ зависимости отъ всей суммы общественныхъ условій и прежде всего — отъ матеріальной жизненной обстановки работниковъ: чѣмъ хуже питается, чѣмъ больше работаетъ трудящееся населеніе, чѣмъ меньше гигіеничны внѣшнія условія труда, напр., устройство мастерскихъ, тѣмъ больше болѣзней, тѣмъ ниже средняя продолжительность жизни. Чѣмъ безпорядочнѣе соединеніе дѣтскаго труда съ трудомъ взрослыхъ мужчинъ и женщинъ, тѣмъ раньше заключаются браки въ рабочемъ населеніи, которое преждевременно вовлекается въ половую жизнь; и чѣмъ сильнѣе дѣтскій возрастъ въ обществѣ съ наемнымъ трудомъ захватывается областью производства, тѣмъ быстрѣе размноженіе трудящихся классовъ, потому что дѣти рано перестаютъ быть бременемъ для родителей.

Далѣе, въ силу опредѣленныхъ, чисто-общественныхъ условій, не всѣ члены общества, способные къ общественно-полезному труду, дѣйствительно имъ занимаются. Одни, не участвуя въ производствѣ, имѣютъ возможность участвовать въ общественномъ распредѣленіи и занимаются только индивидуально-полезнымъ трудомъ, только «трудомъ потребленія»—элементы паразитическіе. Другіе оказываются и внѣ производства, и внѣ распредѣленія—безработные рабочіе... Обѣ группы уменьшаютъ собой число дѣйствительныхъ общественныхъ работниковъ и, стало быть, количество общественнаго труда.

2. Продолжительность времени, которое каждый работникъ отдаетъ производству, очевидно имѣетъ громадное вліяніе на общее количество труда. Чѣмъ больше рабочихъ дней въ году и часовъ въ рабочемъ днѣ, тѣмъ, повидимому, больше должно быть и общественнаго труда.

3. Но тутъ изслѣдованіе наталкивается на третье, очень важное условіе—напряженность, интенсивность труда. Въ теченіе одного часа работникъ можетъ затратить больше или меньше рабочей силы, произвести большее или меньшее количество труда. Работаютъ, положимъ, два землекопа съ одинаковыми орудіями, при одинаковомъ умѣніи; между тѣмъ, одинъ вынимаетъ въ часъ 2 кубическихъ аршина земли, а другой—только 1 куб. аршинъ; очевидно, первый больше тратитъ трудовой энергіи, работаетъ интенсивнѣе.

Количество общественнаго труда тѣмъ больше, чѣмъ выше его интенсивность. А она зависитъ отъ многочисленныхъ и разнообразныхъ условій, опредѣляемыхъ всѣмъ уровнемъ общественнаго развитія.

Первый рядъ условій лежитъ въ самомъ организмѣ работника — это его сила, здоровье, привычка къ энергичному, непрерывному труду.

Слишкомъ длинный рабочій день надрываетъ силы работника, вредитъ его здоровью и уменьшаетъ, такимъ образомъ, интенсивность труда. Поэтому съ сокращеніемъ рабочаго дня обыкновенно оказывается, что количество труда все-таки увеличивается или, по крайней мѣрѣ, не уменьшается: 12-часовой день заключаетъ больше труда, чѣмъ 14 — 15 часовой, 10-часовой больше, чѣмъ 12-часовой. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, даже 8-часовой день при достаточно хорошихъ жизненныхъ условіяхъ можетъ заключать въ себѣ большее количество труда, чѣмъ 10-часовой.

Что для интенсивнаго труда необходима привычка — это общеизвѣстный фактъ. Главнымъ образомъ отъ развитія такой привычки зависитъ высокая интенсивность труда англійскихъ рабочихъ. Она возрастала тамъ въ цѣломъ рядѣ поколѣній, при чемъ каждое послѣдующее развивало ее нѣсколько дальше предыдущаго.

Одинъ изъ существенныхъ элементовъ силы работника составляетъ его интеллигентность, хотя ея вліяніе на интенсивность труда не является очевиднымъ съ перваго взгляда.

Всякій трудъ есть затрата прежде всего нервной энергіи, а высшая интеллигентность связана вообще со способностью нервной системы развивать большее количество энергіи. Поэтому, рядомъ съ низкой интеллигентностью рабочаго класса замѣчается въ среднемъ малая интенсивность труда. Наибольшей интенсивностью труда отличаются американскіе рабочіе, наиболѣе развитые умственно; затѣмъ англійскіе. Русскіе значительно отстали въ томъ и другомъ отъ европейцевъ; китайцы стоятъ еще ниже русскихъ.

Другія условія интенсивности труда лежатъ въ способѣ производства. Въ машинномъ, напр., производствѣ рабочій подчиненъ машинѣ, принужденъ постоянно поспѣвать за нею. Поэтому здѣсь возможно увеличеніе напряженности труда путемъ увеличенія скорости машинъ, — зачастую, конечно, и цѣной крайняго истощенія организма работника.

Третій рядъ составляютъ правовыя и идейныя условія работы. На первомъ планѣ изъ нихъ надо поставить свободу труда и общественное уваженіе къ нему.

Работа по принужденію, изъ-подъ палки—плохая работа: тутъ человѣкъ никогда не захочетъ трудиться съ полной энергіей, на какую способенъ. Таковъ былъ трудъ рабовъ въ древнемъ мірѣ, трудъ крѣпостныхъ—не такъ давно въ Россіи. Въ среднемъ рабъ тратитъ менѣе половины той энергіи, какую могъ бы затратить безъ вреда для себя. Это было давно извѣстно самимъ владѣльцамъ рабовъ. Наиболѣе спѣшныя работы они нерѣдко поручали свободнымъ наемникамъ, не довѣряя

энергіи труда своихъ рабовъ. И чѣмъ тяжелѣе рабство, чѣмъ первобытнѣе и грубѣе его формы, тѣмъ ниже интенсивность рабскаго труда.

Такое же точно значеніе имѣетъ общественное уваженіе къ труду, которое, вообще говоря, идетъ рядомъ съ дѣйствительной свободой труда.

Итакъ, количество общественно-полезнаго труда вполнѣ опредѣляется слѣдующими элементами:

1) Числомъ производительныхъ работниковъ.

2) Средней продолжительностью рабочаго времени.

3) Средней интенсивностью труда.

в) Производительность труда.

Если два работника трудятся съ одинаковой энергіей и, тѣмъ не менѣе, въ одинаковое время одинъ успѣваетъ сдѣлать больше, чѣмъ другой, то, очевидно, различна успѣшность ихъ труда или, какъ принято говорить, его производительность.

Условія, которыми опредѣляется въ отдѣльныхъ случаяхъ производительность труда, безконечно многочисленны и разнообразны, и здѣсь они охватываютъ не только всю сумму современныхъ условій жизни общества, но и все его предшествующее развитіе.

Условія эти можно, однако, для удобства изслѣдованія разбить на нѣсколько группъ, изъ которыхъ каждую здѣсь возможно будетъ характеризовать только въ самыхъ общихъ чертахъ. Основными группами будутъ слѣдующія:

Во-первыхъ, непосредственно данныя условія внѣшней природы. Отъ нихъ въ особенности зависитъ производительность труда въ земледѣліи и въ горномъ дѣлѣ; но также, хотя въ меньшей степени, и въ остальныхъ отрасляхъ производства.

Во-вторыхъ, техника—степень совершенства средствъ и пріемовъ труда, уровень техническихъ знаній и профессіональнаго искусства.

Въ-третьихъ, общественная организація производства—сотрудничество, раздѣленіе труда и проч.

1) Чѣмъ больше даровыхъ матеріаловъ и силъ даетъ человѣку природа, тѣмъ трудъ его, вообще говоря, производительнѣе. Разсматривать подробно вліяніе различныхъ природныхъ условій на успѣшность общественнаго труда не дѣло экономической науки, а дѣло ученія о матеріальной культурѣ. Здѣсь можно привести только нѣсколько примѣровъ, иллюстрирующихъ это вліяніе.

Прежде всего—климатъ, степень теплоты и влажности въ атмосферѣ. Для каждаго растенія, для каждаго животнаго необходима извѣстная температура воздуха, безъ которой они жить не могутъ. Въ сѣверной полосѣ Россіи пшеница совсѣмъ не растетъ, а рожь еще растетъ, но плохо. На югѣ же тепла достаточно для полнаго развитія и созрѣванія какъ ржи, такъ и пшеницы; очевидно, тамъ земледѣльческій трудъ производительнѣе.

Подобно теплотѣ, влажность имѣетъ особенно большое значеніе въ сферѣ земледѣльческаго труда. Въ степной полосѣ на югѣ Россіи и тепла довольно, и почва плодородная; но климатъ недостаточно влажный: нерѣдки засухи, а съ ними—неурожаи.

Далѣе, составъ земной коры, именно верхнихъ ея слоевъ, почвы и подпочвы. Имъ опредѣляется плодородіе земли и ея минеральныя богатства, слѣдовательно—производительность труда въ земледѣліи и горномъ дѣлѣ, вообще въ добывающей промышленности. А отъ матеріаловъ, которые даетъ добывающая промышленность, въ очень сильной степени зависитъ производительность общественнаго труда и въ другихъ его сферахъ.

Затѣмъ устройство поверхности—расположеніе морей, рѣкъ, горъ и т. д. Этотъ рядъ природныхъ условій имѣетъ громадное, но преимущественно непрямое вліяніе на производительность труда. Именно отъ устройства поверхности зависитъ легкость или трудность сношеній между людьми, а сношенія играютъ существенную роль въ развитіи производства: во-первыхъ, люди при сношеніяхъ учатся другъ у друга болѣе совершеннымъ способамъ производства; во-вторыхъ, они обмѣниваютъ свои продукты на чужіе и, въ силу этого, получаютъ возможность оставить тѣ отрасли производства, которыя по мѣстнымъ условіямъ требуютъ черезчуръ большихъ затратъ труда, и расширить тѣ, въ которыхъ трудъ производительнѣе.

Въ Европѣ приморскія страны — Греція и Италія раньше другихъ развили производительность труда, главнымъ образомъ благодаря тому, что Средиземное море сближало ихъ съ культурными народами Азіи и Африки; моря и рѣки вообще сближаютъ людей и тѣмъ облегчаютъ прогрессъ производительности труда. При этомъ имѣютъ большое значеніе такія обстоятельства, какъ очертанія береговъ, доступность ихъ, замерзаніе морей и рѣкъ зимою, направленіе рѣкъ, судоходность ихъ и т. д. Напротивъ, горы, раздѣляя людей и мѣшая сношеніямъ, замедляютъ развитіе производительности труда. Подобную же роль играли, впрочемъ, и моря, пока не развилось мореплаваніе.

Разсматривая вліяніе непосредственно данныхъ природою внѣшнихъ условій на производительность общественнаго труда въ наиболѣе общей формѣ, приходится сказать слѣдующее: чѣмъ больше даетъ людямъ природа, тѣмъ легче, успѣшнѣе трудъ человѣка. Однако чрезмѣрная щедрость природы далеко не на всѣхъ ступеняхъ культуры оказывается полезной для развитія производительности труда; во многихъ случаяхъ она вліяетъ такъ же, какъ и чрезмѣрная скудость природы.

Получая средства къ жизни съ ничтожною затратою силъ, человѣкъ не нуждается въ развитіи общественнаго труда; и оно, разумѣется, не происходитъ. Въ жаркихъ тропическихъ странахъ Африки растетъ сахарное сорго. Одно такое растеніе даетъ пропитаніе на день цѣлой семьѣ. Стоитъ туземцу употребить нѣсколько дней въ году, чтобы посадить 400 стеблей сорго,—и существованіе его самаго и его семьи обез-

печено. При такихъ слабыхъ побужденіяхъ къ труду невозможенъ значительный прогрессъ производства.

Среди слишкомъ бѣдной природы также плохо развивается производительность труда, хотя по другой причинѣ. Здѣсь все время, всѣ силы человѣку приходится тратить на добываніе самыхъ необходимыхъ жизненныхъ средствъ. Устройство теплаго жилища, изготовленіе теплой одежды требуютъ отъ жителей Гренландіи массы лишняго труда, отъ котораго избавленъ обитатель теплыхъ странъ. И пищи первому надо гораздо больше, притомъ болѣе питательной. Ему необходимо брать у природы гораздо больше, чѣмъ южанину, а между тѣмъ, при одинаковыхъ затратахъ труда она даетъ ему неизмѣримо меньше. Онъ вѣчно выбивается изъ силъ, чтобы добыть хоть что-нибудь, и живетъ постоянно подъ угрозою смерти. Ни умъ его, ни тѣло не имѣютъ возможности развиваться.

Слишкомъ щедрая и слишкомъ скупая природа такъ же дѣйствуетъ на цѣлыя человѣческія общества, какъ безъ труда полученное богатство, съ одной стороны, и безысходная бѣдность съ другой — на отдѣльныхъ людей. Природа ли слишкомъ много даетъ человѣку, или трудъ другихъ людей, ея ли суровость надрываетъ его энергію, или доводитъ до изнуренія бѣдность — во всѣхъ этихъ случаяхъ полное развитіе силъ невозможно.

Всего лучше пока условія для прогресса въ странахъ умѣреннаго пояса. Природа тамъ не слишкомъ щедра и не слишкомъ скупа: человѣку приходится не мало трудиться, но не такъ много, чтобы трудъ подавлялъ его.

Исторія указываетъ, что первые крупные шаги въ развитіи производства были сдѣланы, первые зародыши культуры появились въ жаркихъ странахъ съ богатой природой — въ Индіи, Месопотаміи, Египтѣ и т. д. Причина понятна: у тамошнихъ обитателей было всегда не мало свободнаго времени, такъ какъ средства къ жизни доставались легко. Но эти зачатки культуры развивались лишь до извѣстнаго, невысокаго предѣла; затѣмъ начинался застой. А народы умѣреннаго пояса перенимали культуру у народовъ жаркихъ странъ и развивали ее гораздо далѣе. И въ настоящее время производительность труда и вся вообще культура стоятъ всего выше въ странахъ умѣреннаго пояса—въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ.

Природныя условія нигдѣ не остаются всегда одинаковыми. Они измѣняются, и при этомъ, конечно, измѣняется ихъ вліяніе на производительность труда.

Измѣненія во внѣшней природѣ можно разграничить по ихъ происхожденію на два ряда: во-первыхъ, измѣненія, такъ сказать, самостоятельныя, производимыя дѣйствіемъ силъ *самой внѣшней природы*; во-вторыхъ, измѣненія, порождаемыя *дѣятельностью человѣка*.

а) *Сами по себѣ* природныя условія измѣняются очень медленно. Вслѣдствіе дѣятельности подземныхъ силъ одни мѣста земной коры под

нимаются, другія опускаются, образуются новыя горы, острова; моря измѣняютъ свое положеніе, глубину. Но все это совершается обыкновенно десятками, сотнями тысячъ лѣтъ. Быстрѣе происходятъ измѣненія въ теченіи рѣкъ. Подъ вліяніемъ разныхъ силъ онѣ переходятъ въ новыя русла, размывая старые берега. Такъ, Сыръ-Дарья, впадающая теперь только въ Аральское море, нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ текла однимъ рукавомъ въ Каспійское. Иногда рѣки наносятъ изъ песка и ила цѣлые обширные острова. Большая часть Голландіи образовалась за послѣднія 2 — 3 тысячи лѣтъ изъ наносовъ Рейна. Измѣняется, хотя очень медленно, и климатъ. Изъ геологіи извѣстно, напр., что когда-то, много тысячъ лѣтъ тому назадъ, климатъ Европы былъ несравненно холоднѣе, чѣмъ теперь, приблизительно таковъ, какъ климатъ нынѣшней Сибири. По различнымъ остаткамъ костей и каменныхъ орудій несомнѣнно, что и тогда жилъ въ Европѣ человѣкъ. Суровая природа тѣхъ временъ была, навѣрное, сильнымъ препятствіемъ развитію производительности труда.

Въ общемъ, для тѣхъ короткихъ періодовъ общественнаго развитія, которые приходится изучать современной экономической наукѣ, такія медленныя измѣненія природныхъ условій почти не имѣютъ значенія.

Какъ исключеніе наблюдаются и быстрые, рѣзкіе перевороты во внѣшней природѣ. Землетрясенія, изверженія вулкановъ, наводненія— иногда въ нѣсколько часовъ, даже минутъ, производятъ обширныя измѣненія на земной поверхности. Для развитія общественнаго труда подобныя катастрофы могутъ имѣть иногда не малое, но только отрицательное значеніе, въ силу тѣхъ разрушеній, которыя онѣ производятъ.

б) Съ тѣхъ поръ, какъ общественный трудъ въ своемъ развитіи сталъ все чаще одерживать побѣды надъ природою, съ тѣхъ поръ сама природа начала замѣтно измѣняться подъ вліяніемъ дѣятельности человѣка, и чѣмъ дальше, тѣмъ въ большей степени. Иногда эта дѣятельность приводитъ къ улучшенію, иногда — къ ухудшенію природныхъ условій. Можно было бы привести множество примѣровъ того или другого рода.

Когда люди истребляютъ лѣса, климатъ дѣлается болѣе сухимъ и неровнымъ; зимній морозъ и лѣтняя жара становятся сильнѣе; чаще бываютъ засухи; рѣки мелѣютъ. Когда люди осушаютъ болота, улучшается почва, дѣлаясь болѣе плодородною, и улучшается климатъ, становясь болѣе здоровымъ. Неискусная, нераціональная обработка земли ухудшаетъ почву, истощаетъ ее.

Углубляя рѣки, соединяя ихъ каналами, люди значительно улучшили рѣчные пути. Проведя на тысячи верстъ желѣзныя дороги, люди сблизили такія мѣстности, между которыми прежде сношенія были очень затруднительны, благодаря громадности разстояній. Нерѣдко цѣлыя горы, препятствующія сношеніямъ, прорѣзываются туннелями. Такъ, въ двухъ мѣстахъ (Монъ-Сенисѣ и Сенъ-Готардѣ) прорѣзаны Альпы—величайшая горная цѣпь Европы. Прорытіе Суэзскаго канала соединило раздѣленныя

прежде области двухъ океановъ, Индійскаго и Атлантическаго, и на нѣсколько тысячъ верстъ приблизило къ Европѣ Южную и Восточную Азію.

Такова уже въ настоящее время способность общественнаго человѣка измѣнять внѣшнюю природу, такова его власть надъ природой. И чѣмъ дальше идетъ прогрессъ человѣческаго труда, тѣмъ сильнѣе и въ то же время тѣмъ полезнѣе для человѣчества оказывается вліяніе человѣческой дѣятельности на природу.

Возрастающая власть общества надъ природою непосредственно выражается въ усовершенствованіи средствъ борьбы съ природою и умѣнья ими пользоваться—въ развитіи техники.

2) Безъ орудій, голыми руками человѣкъ можетъ сдѣлать очень мало, и чѣмъ совершеннѣе орудіе, тѣмъ трудъ успѣшнѣе, производительнѣе.

Съ каменнымъ топоромъ нашего отдаленнаго предка срубить небольшое деревцо стоило, навѣрное, не менѣе часу труда. Бронзовыя орудія, которыя въ Европѣ явились на смѣну каменнымъ, уже гораздо удобнѣе: бронзовымъ топоромъ можно было работать раза въ 2—3 быстрѣе, чѣмъ каменнымъ. Но и бронзовое орудіе недостаточно твердо — легко тупится и ломается. Поэтому работа съ нынѣшнимъ стальнымъ топоромъ опять-таки производительнѣе—требуетъ меньше времени для одинаковыхъ результатовъ.

Наиболѣе совершенная форма орудія — это машина. Машины въ десятки, сотни разъ увеличиваютъ производительность человѣческаго труда.

Подобно устройству орудій, качество матеріаловъ производства имѣетъ большое значеніе для производительности труда. Выборъ изъ предлагаемыхъ природою матеріаловъ наилучшаго, наиболѣе удобнаго, прочнаго, легко обрабатываемаго во многихъ случаяхъ сберегаетъ массу труда.

Вмѣстѣ съ орудіями и матеріалами, нераздѣльнымъ элементомъ общественной техники являются нѣкоторыя условія, лежащія въ самомъ организмѣ работника: профессіональная ловкость, привычка къ данному виду труда—вообще умѣнье пользоваться средствами производства. При одинаковыхъ средствахъ производства, чѣмъ выше это умѣнье, тѣмъ трудъ производительнѣе: работникъ дѣлаетъ меньше лишнихъ, безполезныхъ для его цѣли движеній, которыя въ большемъ или меньшемъ количествѣ сопровождаютъ всякій трудъ: меньше портится матеріаловъ, меньше изнашиваются орудія, которыя вѣдь представляютъ изъ себя воплощеніе прошлаго труда, и т. д. Для отдѣльнаго работника подобное умѣнье представляется результатомъ обученія и упражненія. Съ общественной точки зрѣнія оно есть продуктъ всего предшествующаго историческаго развитія общества.

Развитіе общественной техники дѣлается особенно быстрымъ за послѣднія столѣтія, когда человѣческій умъ сознательно направляется въ эту сторону, когда двигателемъ прогресса въ производствѣ становится

наука. Техническія знанія, основанныя на ближайшемъ знакомствѣ съ силами природы, даютъ человѣку неизвѣстную прежде власть надъ природою.

Роль техническихъ знаній выступаетъ наиболѣе ярко тамъ, гдѣ они, независимо отъ орудій производства, могутъ сильно увеличивать производительность труда. Такъ, земледѣлецъ, который знаетъ, когда, гдѣ и какія растенія лучше сѣять, работаетъ всегда успѣшнѣе; онъ и извлекаетъ изъ земли больше, и истощаетъ ее меньше, чѣмъ не знающій всего этого.

Техника могла развиться только въ обществѣ; только въ организаціи человѣкъ можетъ пользоваться развитою техникой.

3) Степень производительности труда находится въ сильной зависимости отъ способа организаціи производства, отъ общественныхъ отношеній производства. Зависимость эта будетъ подробнѣе разсматриваться въ дальнѣйшемъ, въ общей связи ученія о процессѣ экономическаго развитія, а здѣсь ее придется намѣтить только въ самыхъ общихъ чертахъ.

Производительность труда увеличивается, во-первыхъ, его соединеніемъ и, во-вторыхъ, его раздѣленіемъ.

А. Соединеніе труда или, лучше, простое сотрудничество (кооперація) заключается въ томъ, что нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ и одновременно дѣлаютъ одну и ту же работу. Его вліяніе на производительность труда заключается въ слѣдующемъ:

Во-первыхъ, сотрудничество, даже въ видѣ простой внѣшней совмѣстности труда, вліяетъ на производительность труда черезъ посредство психическаго состоянія трудящихся. Работая вмѣстѣ съ другими, каждый работникъ испытываетъ особенное нервное возбужденіе, бодрое, энергичное настроеніе, которое отражается главнымъ образомъ на интенсивности труда, но повышаетъ и его производительность. 10 человѣкъ, работая каждый свою отдѣльную работу, но вмѣстѣ, въ одной мастерской, сдѣлаютъ въ одинъ день больше, чѣмъ въ 10 дней одинъ человѣкъ, который выполняетъ ту же работу въ своей каморкѣ.

Во-вторыхъ, при совмѣстномъ трудѣ сокращается затрата трудовой энергіи на средства производства; меньше идетъ на постройку, освѣщеніе, отопленіе мастерской; легче примѣнить къ дѣлу остатки матеріала, такъ какъ ихъ накопляется больше, и т. д. Напр., на постройку одной мастерской для 20 рабочихъ требуется гораздо меньше матеріала и труда, чѣмъ на постройку 10 мастерскихъ, каждая для двухъ рабочихъ.

Въ-третьихъ, сотрудничество нерѣдко полезно, а иногда и необходимо потому, что оно даетъ возможность окончить работу въ короткій срокъ. Надо, положимъ, сжать и убрать хлѣбъ съ поля; если эта работа затянется, то много зерна осыплется, и часть труда окажется непроизводительно потерянной; а сотрудничество позволяетъ избѣжать этого.

Въ-четвертыхъ, что особенно важно, сотрудничество создаетъ механическую силу массъ. Есть много работъ, которыхъ отдѣльный

человѣкъ вовсе не можетъ исполнить, какъ бы онъ долго ни трудился. Если, напр., надо поднять большой колоколъ на колокольню, то одинъ человѣкъ ровно ничего не сдѣлаетъ, и сто человѣкъ, работая одинъ послѣ другого, — также ничего; а сто человѣкъ вмѣстѣ могутъ поднять колоколъ.

В. Подъ общимъ названіемъ раздѣленія труда объединяется цѣлый рядъ различныхъ общественныхъ отношеній производства.

Общественное раздѣленіе труда заключается въ томъ, что производство раздѣлено въ обществѣ между отдѣльными хозяйствами, предпріятіями: одно хозяйство занимается земледѣліемъ, другое — изготовленіемъ одежды, третье—добываніемъ металловъ, четвертое—выдѣлкою орудій и т. д.

Когда такого раздѣленія труда не было, то каждое отдѣльное хозяйство принуждено было производить для себя все: понятно, что размѣры такого производства оказывались очень ничтожны, и его развитіе шло очень медленно.

При общественномъ раздѣленіи труда каждое предпріятіе имѣетъ свою, болѣе или менѣе узкую сферу производительнаго труда. Это даетъ работникамъ возможность пріобрѣсти больше искусства и ловкости въ своемъ дѣлѣ и приготовлять своего продукта во много разъ больше, чѣмъ надо для даннаго хозяйства. Ремесленнику, напр., сапожнаго дѣла самому потребуется въ годъ не болѣе двухъ паръ сапогъ, а сошьетъ онъ сто паръ; гробовщику во всю жизнь не понадобится для себя ни одного гроба, а онъ сдѣлаетъ ихъ нѣсколько тысячъ. Весь излишекъ произведенъ для другихъ, для остального общества. Тѣмъ или инымъ способомъ, всѣ продукты раздѣленныхъ предпріятій распредѣляются въ обществѣ, и у каждаго хозяйства въ среднемъ оказывается гораздо больше предметовъ потребленія, чѣмъ если бы оно само все производило для себя.

Техническое раздѣленіе есть раздѣленіе труда въ предѣлахъ отдѣльнаго хозяйства, отдѣльнаго предпріятія. Примѣромъ могутъ послужить мануфактуры, въ которыхъ матеріалъ труда, прежде чѣмъ выйти изъ мастерской въ окончательной формѣ продукта, проходитъ черезъ руки нѣсколькихъ работниковъ. Такъ, одинъ выковываетъ клинокъ ножа, другой шлифуетъ, третій точитъ, четвертый вытачиваетъ черенокъ, пятый прилаживаетъ его къ клинку, и т. д.

Техническое раздѣленіе труда повышаетъ его производительность совершенно такъ же, какъ общественное, и даетъ даже наиболѣе яркіе примѣры подобнаго повышенія. На булавочной мануфактурѣ десять работниковъ при технически раздѣленномъ трудѣ легко приготовляютъ въ день 48.000 булавокъ, по 4.800 на человѣка; тогда какъ отдѣльный работникъ, выполняя всю работу одинъ, врядъ ли сдѣлалъ бы нѣсколько штукъ.

Вліяніе различныхъ видовъ раздѣленія труда на его успѣшность объясняется слѣдующимъ образомъ. Во-первыхъ, прямо сберегается много времени; если человѣкъ выполняетъ много мелкихъ работъ, одну за

другой, то не мало времени уходитъ у него на переходъ отъ одного дѣла къ другому, на приноравливаніе рукъ къ различнымъ инструментамъ.

Во-вторыхъ, раздѣленіе труда помогаетъ развитію ловкости работника. Кто дѣлаетъ постоянно много различныхъ и сложныхъ работъ, тотъ не можетъ выполнять ихъ такъ быстро, искусно, отчетливо, какъ работникъ, который всю жизнь занимается немногими простыми работами.

Наконецъ, при раздѣленномъ трудѣ легче дѣлать изобрѣтенія и улучшенія въ орудіяхъ. Работая многіе годы съ однимъ инструментомъ, человѣкъ скорѣе придумаетъ, какъ удобнѣе приспособить его къ работѣ, какія измѣненія внести въ его устройство. Благодаря этому, не мало усовершенствованій было сдѣлано рабочими.

3) Общественная полезность и общественная стоимость.

Результатъ производства есть общественный продуктъ. «Матеріаленъ» онъ или «нематеріаленъ», обладаетъ ли онъ такими или иными физическими, химическими свойствами,—экономической науки это не касается. Она есть наука общественная и продуктъ интересуетъ ее только въ томъ смыслѣ, что онъ, во-первыхъ, нуженъ для общества, и, во-вторыхъ, произведенъ общественнымъ трудомъ. Такимъ образомъ, для нея въ продуктѣ существенны два свойства: его способность удовлетворять опредѣленной общественной потребности—его общественная полезность или потребительная цѣнность, и затрата на его производство общественной трудовой энергіи или — его общественная стоимость.

Итакъ, продуктъ обладаетъ общественной полезностью, если общество въ немъ нуждается, и только до тѣхъ поръ, пока оно въ немъ нуждается. Напримѣръ, если общественная потребность въ хлѣбѣ еще не удовлетворена, то хлѣбъ обладаетъ высокой общественной полезностью; но онъ немедленно ее теряетъ, если данное его количество произведено сверхъ того, какое дѣйствительно требуется для общества.

Характеръ общественной полезности бываетъ весьма различенъ, смотря по тому, какой общественной потребности продуктъ удовлетворяетъ: полезность хлѣба отличается отъ полезности топора, научной книги, драматическаго спектакля и т. д. Этотъ характеръ полезности зависитъ отъ качества труда, употребленнаго на производство: трудъ земледѣльца, фабричнаго рабочаго, учителя, писателя, благодаря своему неодинаковому качеству, создаетъ неодинаковыя полезности, удовлетворяетъ различнымъ общественнымъ потребностямъ.

Не слѣдуетъ смѣшивать общественную потребность съ суммою личныхъ потребностей членовъ общества. Потребности отдѣльныхъ людей нерѣдко могутъ стоять даже въ рѣзкомъ противорѣчіи съ потребностями общественнаго цѣлаго, могутъ быть анти-общественными; такова, напр.. потребность въ роскоши у непроизводительныхъ, не входящихъ въ систему общественно-полезнаго труда, элементовъ общества. Общественная потребность есть потребность производства, общественной борьбы съ природой.

Только тогда, когда удовлетворенiе личной потребности необходимо для поддержанiя производства, она входитъ въ составъ общественной. Никто лично не потребляетъ машинъ, удобренiя, желѣзной руды и прочихъ средствъ производства: однако они удовлетворяютъ общественной потребности, потому что нужны обществу для производства. Вообще, экономическая наука не можетъ интересоваться и заниматься непосредственно личными потребностями людей. Если она и принуждена ихъ иногда касаться, такъ только въ томъ же смыслѣ, въ какомъ она касается и другихъ не-экономическихъ явленiй,—именно по ихъ связи съ экономическими, по ихъ влiянiю на эти послѣднiя.

Общественная стоимость есть то количество трудовой энергiи, котораго стоитъ данный продуктъ обществу. Измѣряется она, слѣдовательно, продолжительностью и интенсивностью работы людей, которые участвовали въ производствѣ продукта. Если требуется 30 часовъ общественнаго труда, чтобы сдѣлать одинъ продуктъ, и 300 часовъ труда, вдвое болѣе интенсивнаго, чѣмъ въ первомъ случаѣ, чтобы произвести другой продуктъ,—то, очевидно, что общественная стоимость второго продукта, воплощенное въ немъ количество трудовой энергiи, въ 20 разъ больше стоимости перваго.

Общественная стоимость не зависитъ отъ того, сколько труда потратитъ на производство продукта тотъ или другой работникъ въ частности. Если, благодаря неумѣнью или недостатку необходимыхъ орудiй, или еще какимъ-нибудь случайнымъ обстоятельствамъ, работникъ употребитъ на приготовленiе своего издѣлiя больше трудовой энергiи, чѣмъ обыкновенно въ данномъ обществѣ затрачивается, то отъ этого общественная стоимость продукта не станетъ больше обычной. И наоборотъ, она не станетъ меньше обычной, если изъ ряда выходящее искусство или примѣненiе особенныхъ орудiй, еще не вошедшихъ въ употребленiе въ данномъ обществѣ, позволитъ работнику произвести продуктъ съ необычно малой затратой труда. Общественная стоимость представляетъ то количество трудовой энергiи, которое нормально необходимо для производства продукта при обычныхъ въ данномъ обществѣ условiяхъ труда.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ различать общественную или нормальную стоимость отъ индивидуальной или случайной,—то количество трудовой энергiи, которое вообще необходимо на данной ступени общественнаго развитiя, отъ того, которое потрачено въ частномъ случаѣ. Для экономической науки существенна только нормальная стоимость; индивидуальной стоимостью она можетъ заниматься лишь настолько, насколько это необходимо для того, чтобы понять измѣненiя нормальной.

Разсматривая въ отдѣльности качественно различные виды труда, не трудно видѣть, что одни изъ нихъ являются болѣе сложными, другiе—болѣе простыми. Такъ, трудъ ученаго сложнѣе, чѣмъ работа часовщика, а работа часовщика сложнѣе, чѣмъ сапожника и т. д. Степень сложности труда приходится принимать во вниманiе при изслѣдованiи общественной стоимости продуктовъ.

Различные виды работы съ ихъ неодинаковой сложностью являются результатомъ неодинаковаго обученія работниковъ и, слѣдовательно, неодинаковаго развитія организмовъ. Болѣе сложный видъ труда соотвѣтствуетъ большему развитію, болѣе простой—меньшему. Но очевидно, что организмъ болѣе развитой при работѣ затрачиваетъ въ одинаковое время больше трудовой энергіи, чѣмъ менѣе развитой. Поэтому трудъ болѣе сложный долженъ разсматриваться какъ большая затрата энергіи по сравненію съ менѣе сложнымъ; первый равняется умноженному второму. Такимъ образомъ, часъ работы ученаго по количеству затраченной энергіи соотвѣтствуетъ, можетъ быть, 3 часамъ механика и 12 часамъ чернорабочаго.

Терминомъ «простой трудъ» будетъ обозначаться въ дальнѣйшемъ наименѣе сложная форма производительнаго труда, какая существуетъ въ данномъ обществѣ. При сравненіи стоимостей простой трудъ представляетъ изъ себя естественную мѣру, къ которой сводятся болѣе сложные виды труда. Естественной единицей трудовой энергіи является часъ простого труда средней для даннаго общества интенсивности. Если продуктъ произведенъ въ 100 часовъ общественнаго труда такой сложности и интенсивности, что 1 часъ его составляетъ равную затрату энергіи съ 10 часами средняго по интенсивности простого труда, то общественная стоимость продукта выразится въ 1.000 трудовыхъ единицахъ и т. п.

Само собой разумѣется, что для обществъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ развитія, такая единица трудовой энергіи окажется весьма неодинаковой.

Выраженіе „простой трудъ" примѣнено здѣсь въ нѣсколько иномъ значеніи, чѣмъ то, которое до сихъ поръ принято въ наукѣ. Подъ простымъ трудомъ понимаютъ обыкновенно трудъ, на который былъ бы безъ всякаго обученія способенъ средній по силѣ, здоровью и развитію членъ даннаго общества,—формула крайне отвлеченная и даже нѣсколько неясная („безъ всякаго обученія" ничего нельзя сдѣлать).

Очевидно, что по мѣрѣ повышенія производительности, успѣшности труда въ извѣстной его отрасли, на производство продукта требуется все меньше трудовой энергіи—общественная стоимость его понижается. Математически это слѣдуетъ выразить такъ: общественная стоимость продукта обратно пропорціональна производительности труда: если вторая увеличится вдвое, первая вдвое уменьшится и наоборотъ.

Итакъ, общественная полезность продукта есть его способность удовлетворять общественной потребности. А общественная стоимость есть количество трудовой энергіи, котораго долженъ стоить обществу продуктъ при обычныхъ для даннаго общества условіяхъ производства.

Терминъ «общественная» или «нормальная» стоимость нерѣдко замѣняется выраженіемъ «трудовая стоимость» или просто «стоимость». Послѣднее всегда удобнѣе, если не забывать, что дѣло идетъ объ **общественномъ** фактѣ.

Обзоръ общихъ понятій.

1) Экономическая наука есть одна изъ общественныхъ наукъ. Она изучаетъ, во-первыхъ, производство, т.-е. общественно-полезный трудъ, именно его общественную сторону—отношенія людей; во-вторыхъ, распредѣленіе результатовъ производства. Производственныя и распредѣлительныя отношенія людей она изслѣдуетъ въ ихъ измѣненіяхъ—въ развитіи и деградаціи.

2) Основные вопросы, касающіеся общественно-полезнаго труда, это вопросы о его качествѣ, количествѣ и производительности.

Качество общественнаго труда или направленіе трудовыхъ затратъ энергіи непосредственно опредѣляется: во-первыхъ, общественными потребностями; во-вторыхъ, общественными средствами производства; въ-третьихъ, наличной системой рабочихъ силъ общества; каждое изъ этихъ условій, въ свою очередь, опредѣляется всей предыдущей исторіей общества.

Количество общественнаго труда зависитъ отъ числа занятыхъ въ производствѣ рабочихъ силъ общества, отъ продолжительности рабочаго времени и отъ интенсивности труда работниковъ. Каждый изъ этихъ элементовъ опять-таки находится въ зависимости отъ всей суммы предшествующихъ и наличныхъ общественныхъ условій.

Производительность или успѣшность общественнаго труда опредѣляется: во-первыхъ, непосредственно данными природными условіями, въ которыхъ живетъ общество; во-вторыхъ, уровнемъ техники, т.-е. умѣнія людей пользоваться силами природы; въ-третьихъ, системой общественныхъ отношеній производства—развитіемъ сотрудничества, раздѣленія труда и т. п.

3) Результатъ производства—продуктъ—обладаетъ, независимо отъ своихъ естественныхъ свойствъ, двумя «общественными» свойствами: общественной полезностью и стоимостью. Общественная полезность заключается въ томъ, что продуктъ удовлетворяетъ извѣстной общественной потребности. Общественная стоимость представляетъ то количество трудовой энергіи, которое необходимо обществу затратить для производства продукта. При сравненіи стоимости продуктовъ, единицей трудовой энергіи является часъ *наиболѣе простого* труда, какой примѣняется въ производствѣ даннаго общества, и притомъ *средней интенсивности*.

Раздѣленіе и порядокъ изложенія экономической науки.

Общественныя отношенія производства и распредѣленія измѣняются постепенно, послѣдовательно, мало-по-малу. Быстрыхъ переходовъ не бываетъ, рѣзкихъ границъ между предыдущимъ и послѣдующимъ не наблюдается.

Тѣмъ не менѣе, изучая экономическую жизнь какого-нибудь общества, ее по большей части возможно бываетъ раздѣлить на нѣсколько періо-

довъ, значительно различающихся строемъ общественныхъ отношеній, хотя и не рѣзко отдѣленныхъ одинъ отъ другого.

Наибольшій интересъ для насъ представляетъ—и въ то же время наиболѣе изслѣдованъ наукою—ходъ развитія тѣхъ обществъ, которыя вошли въ составъ «цивилизованнаго» человѣчества нашихъ временъ.

Въ основныхъ чертахъ путь развитія этихъ обществъ оказывается повсюду сходнымъ. Намѣчаются до настоящаго времени двѣ главныхъ фазы, протекавшія въ различныхъ случаяхъ неодинаково въ частностяхъ, но въ существенномъ почти одинаково.

I. Первичное натуральное хозяйство. Его отличительныя особенности: слабость общественнаго человѣка въ борьбѣ съ природой, узость отдѣльныхъ общественныхъ организацій, несложность общественныхъ отношеній, отсутствіе или ничтожное развитіе обмѣна, крайняя медленность происходящихъ измѣненій въ общественныхъ формахъ.

Въ этомъ періодѣ слѣдуетъ различать три стадіи:

1) Первобытный родовой коммунизмъ: высшая степень господства внѣшней природы надъ человѣкомъ—отсутствіе всякой обезпеченности человѣческаго существованія; организація труда, основанная на тѣсной кровной связи между людьми; отсутствіе эксплоатаціи.

2) Патріархально-родовая система; уже существуютъ такіе способы борьбы за существованіе, которые обезпечиваютъ жизнь (земледѣліе, скотоводство); общественная организація труда расширяется, хотя все еще не выходитъ изъ рамокъ родства; среди производства обособляется трудъ организаторскій, дающій отдѣльному лицу власть надъ другими членами родовой группы; этимъ создается возможность эксплоатаціи, однако весьма ограниченной, благодаря незначительности размѣровъ производства.

3) Феодальный строй. Съ дальнѣйшимъ возрастаніемъ общественной силы людей организація труда уже не ограничивается родовыми связями; ея сплоченность уменьшается рядомъ съ ея значительнымъ расширеніемъ; входящія въ ея составъ мелкія родовыя группы не сливаются вполнѣ, а сохраняютъ нѣкоторую долю самостоятельности; организаторскій трудъ частью переходитъ къ старшимъ членамъ этихъ мелкихъ группъ, частью остается дѣломъ объединяющаго организатора-феодала; эксплоатація становится системою, но находитъ свой предѣлъ въ размѣрахъ потребностей господствующейгруппы.

II. Мѣновое хозяйство. Размѣры общественнаго производства и разнородность его элементовъ возрастаютъ. Общество представляется сложнымъ цѣлымъ, состоящимъ изъ отдѣльныхъ организованныхъ группъ, взаимно связанныхъ неорганизованнымъ раздѣленіемъ труда. Изъ распредѣлительныхъ отношеній преобладающее—обмѣнъ. Процессъ развитія общества является ускореннымъ.

Періодъ этотъ слѣдуетъ раздѣлить на двѣ стадіи:

1) Мелко-буржуазный строй—характеризуется небольшими размѣрами отдѣльныхъ хозяйственныхъ организацій; средства производства принадлежатъ тому кто непосредственно ихъ примѣняетъ; отсюда отсутствіе или очень слабое развитіе эксплоатаціи.

2) Капиталистическая система. Размѣры и сложность производства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и власть общественнаго человѣка надъ природою, возрастаютъ до небывалыхъ размѣровъ. Небывалыхъ размѣровъ достигаетъ, однако, и власть надъ людьми общественныхъ отношеній которыя стано-

вятся необычайно сложны. Основу этихъ отношеній, составляетъ свободный наемный трудъ. Процессъ общественнаго развитія принимаетъ стремительный характеръ.

III. Соціально-организованное хозяйство — еще не достигнутая ступень развитія. Размѣры и сложность производства продолжаютъ непрерывно возрастать, но разнородность его элементовъ переходитъ на орудія и методы труда, сами же члены общества развиваются въ сторону однородности. Производство и распредѣленіе планомѣрно организованы самимъ обществомъ въ единую, цѣлостную систему, чуждую дробленія, противорѣчій, анархіи. Процессъ развитія все болѣе ускоряется.

(До извѣстной степени отдѣльно отъ общаго процесса развитія современныхъ культурныхъ обществъ приходится поставить жизнь классическаго міра съ ея нѣсколько своеобразнымъ теченіемъ, которое привело къ наиболѣе законченнымъ формамъ эксплоатаціи рабскаго труда и къ послѣдующей деградаціи).

При анализѣ общественныхъ отношеній каждаго періода необходимо выяснить, почему и какимъ образомъ они возникли, почему и какимъ образомъ измѣнялись, переходя въ новыя отношенія.

Благодаря неразрывной связи экономическихъ явленій съ правовыми и идейными, экономическая наука не можетъ обойти вопроса о той взаимной связи, въ которой находится развитіе этихъ трехъ областей общественно-человѣческой жизни.

Экономическую науку подраздѣляютъ чаще всего на такіе отдѣлы: политическая экономія, экономическая политика, исторія экономическаго развитія и исторія экономическихъ воззрѣній. Исторію экономическихъ воззрѣній, очевидно, неправильно относить къ экономической наукѣ:—это одинъ изъ отдѣловъ ученія о духовной культурѣ, а не о производственныхъ отношеніяхъ. Далѣе, политическую экономію и экономическую политику неправильно выдѣлять изъ исторіи экономическаго развитія, такъ какъ и первая, и вторая не могутъ имѣть дѣла ни съ чѣмъ инымъ, какъ съ историческими измѣняющимися общественными отношеніями. Такимъ образомъ, можно сохранить только раздѣленіе экономической науки на политическую экономію и экономическую политику; и единственный смыслъ, въ которомъ оно допустимо,—это такой: политическая экономія есть ученіе о причинахъ измѣненій въ общественныхъ отношеніяхъ, а экономическая политика—ученіе о способахъ, о методахъ измѣненія этихъ отношеній. Раздѣленіе, очевидно, крайне условное.

V.

О методѣ экономической науки.

Экономическая наука есть одна изъ наукъ общественныхъ. Поэтому, чтобы дать понятіе объ ея методѣ, всего удобнѣе держаться такой послѣдовательности изложенія: во-первыхъ, какіе существуютъ методы наукъ вообще; во-вторыхъ, чѣмъ выдѣляются среди нихъ методы наукъ общественныхъ; въ-третьихъ, каковы частныя особенности метода экономической науки.

Основныхъ, всеобщихъ научныхъ методовъ два: индуктивный („методъ наведенія“) и дедуктивный („методъ выведенія“).

Индукція заключается въ томъ, что изъ частныхъ наблюденій и опытовъ дѣлаются выводы; изъ ряда такихъ выводовъ дѣлаются выводы болѣе общаго характера, и т. д. вплоть до послѣднихъ, высшихъ обобщеній науки.

Изслѣдователю пришлось нѣсколько разъ наблюдать, что при движеніи ось экипажа нагрѣвалась. Возникаетъ заключеніе: „отъ тренія ось экипажа нагрѣвается“—первый частный выводъ изъ ряда отдѣльныхъ фактовъ. Положеніе это получено по способу „сходства“, т.-е. при разсматриваніи отдѣльныхъ явленій выдѣлялось познаніемъ то сходное, то общее, что въ нихъ есть. Выводъ подкрѣпляется и становится несомнѣннымъ, если его подтверждаютъ инымъ путемъ—по способу „различія“; измѣняютъ силу тренія, напр., уменьшаютъ ее, смазывая ось какимъ-нибудь масломъ, или увеличиваютъ, суживая отверстіе, въ которомъ вращается ось; оказывается, что въ первомъ случаѣ нагрѣваніе уменьшается, во второмъ увеличивается. Итакъ, причина нагрѣванія оси есть, дѣйствительно, треніе.

Подобнымъ же образомъ возникаетъ цѣлый рядъ аналогичныхъ обобщеній: шестерни машинъ нагрѣваются отъ тренія другъ объ друга, пила—отъ тренія объ дерево при пиленіи: треніемъ кусковъ дерева дикари добываютъ огонь. Отсюда выводъ болѣе широкаго характера: „тѣла нагрѣваются отъ тренія“.

Далѣе, оказывается, что нагрѣваніе происходитъ и тогда, когда прекращается какое-нибудь движеніе: напр., пуля, ударяясь объ стѣну, нагрѣвается. При треніи движеніе если не прекращается, то замедляется, ослабляется, словомъ, исчезаетъ нѣкоторая часть его энергіи. Общее въ этихъ случаяхъ то, что движеніе исчезаетъ, отчасти или вполнѣ. Изъ множества такихъ обобщеній возникаетъ слѣдующій выводъ: „гдѣ исчезаетъ движеніе — развивается теплота“, или „движеніе (механическое) переходитъ въ теплоту“.

Другія изслѣдованія показали, что и свѣтъ, и электричество способны переходить и въ теплоту, и въ механическое движеніе, и обратно. Отсюда законъ: „всѣ виды энергіи (всѣ типы происходящихъ въ природѣ измѣненій) способны переходить одинъ въ другой“.

Такъ индукція, основываясь на **наблюденіи** и **опытѣ**, идетъ въ своихъ выводахъ отъ **частнаго** къ **общему**.

Дедукція идетъ обратнымъ путемъ. Имѣя общія положенія, она дѣлаетъ изъ нихъ выводы болѣе частнаго характера. Такъ, если извѣстно, что всѣ виды энергіи переходятъ одинъ въ другой, то встрѣчаясь съ новой, еще не изученной формой энергіи, изслѣдователь заключаетъ, что и она способна къ переходу въ другія формы энергіи.

Но и въ основѣ дедукціи всегда лежитъ индукція, потому что то общее, изъ чего дѣлаются частные выводы, само должно быть получено индуктивнымъ путемъ.

Общественныя науки, оперируя тѣми же двумя методами, какъ и всѣ остальныя, выдѣляются среди нихъ тѣмъ, что изучаютъ явленія съ **общественной точки зрѣнія**. Было бы неправильно сказать, что общественныя науки занимаются **только** обществомъ; нѣтъ, онѣ очень часто захватываютъ и явленія внѣ-общественныя, но изслѣдуютъ ихъ только по отношенію къ жизни общества, только по ихъ вліянію на общество. Такъ, описаніе жизни какого-нибудь народа почти всегда начинаютъ съ описанія внѣшнихъ природныхъ условій, среди которыхъ онъ живетъ; но условія эти изображаютъ не во всей полнотѣ, а лишь постольку, поскольку необходимо, чтобы понять происхожденіе тѣхъ или другихъ особенностей жизни народа. Немыслимо изучать общественную жизнь Египта, не обращая вниманія на фактъ періодическихъ разливовъ Нила; однако этотъ **необщественный** фактъ приходится тогда принимать въ соображеніе только съ общественной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія того вліянія,

которое онъ имѣлъ на жизнь египетскаго общества, нисколько не заботясь, напр., объ астрономическомъ происхожденіи этого факта.

Но общественная наука сложна, и общественная точка зрѣнія на общество и внѣшнюю природу можетъ примѣняться различнымъ образомъ. Одна часть общественной науки—ученіе о матеріальной культурѣ—изучаетъ всѣ факты съ точки зрѣнія ихъ отношенія къ непосредственной борьбѣ общества съ природой; если этой наукѣ когда-нибудь и приходится коснуться, напр., исторіи идей, такъ только по вопросу, какое вліяніе оказали эти идеи, разъ онѣ сложились, на успѣшность дальнѣйшей борьбы общества противъ внѣшняго міра. Другая часть—экономическая наука—изучаетъ всѣ факты съ точки зрѣнія тѣхъ отношеній, которыя складываются между людьми въ ихъ борьбѣ за жизнь; если эта наука касается вопросовъ матеріальной культуры, такъ только для выясненія того, какое вліяніе имѣли данныя техническія условія на измѣненіе взаимныхъ отношеній между людьми. Наконецъ, наука о духовной культурѣ изучаетъ все, что относится къ общественнымъ способамъ мышленія и познанія.

Итакъ, особенность метода экономической науки заключается въ томъ, что она во всѣхъ явленіяхъ интересуется только одной стороной, а именно, какое значеніе имѣютъ они для взаимныхъ отношеній людей въ борьбѣ съ природой. Эта сторона явленій выдѣляется познаніемъ, отвлекается отъ ихъ реальной нераздѣльности.

Основныя, первичныя причины всякаго явленія лежатъ внѣ его самого. Это относится и къ экономикѣ. Вотъ почему совершенно необходимо, изучая экономическіе факты, выяснять ихъ происхожденіе изъ фактовъ не-экономическихъ, вотъ почему и въ дальнѣйшемъ изложеніи рѣчь будетъ идти не исключительно о производственныхъ отношеніяхъ людей. Придется говорить и о техникѣ, какъ о причинѣ экономическихъ измѣненій; придется говорить о духовной культурѣ, какъ важномъ, хотя и производномъ условіи, замедляющемъ или ускоряющемъ ходъ экономическихъ измѣненій въ ту или другую сторону, опредѣляющемъ въ извѣстной мѣрѣ самую форму этихъ измѣненій, хотя и не вызывающемъ ихъ самостоятельно.

Крайняя сложность общественныхъ явленій часто чрезвычайно затрудняетъ примѣненіе къ экономической наукѣ индуктивнаго метода, которымъ легко оперировать только надъ простыми, несложными фактами. Тогда нерѣдко помогаетъ экономисту дедукція, въ формѣ такъ называемаго абстрактнаго метода: изслѣдователь старается представить себѣ извѣстную сторону общественныхъ фактовъ въ самомъ чистомъ и несложномъ видѣ и затѣмъ, мысленно вводя разныя новыя вліянія, старается логически сдѣлать выводы о томъ, какія измѣненія должны произойти. Такъ, разсматривая современное общество, можно начать съ того, чтобы представить себѣ въ его предѣлахъ вполнѣ свободную конкурренцію предпріятій и выяснить, въ какую сторону должны происходить измѣненія; а затѣмъ надо принять во вниманіе различныя стѣсненія конкурренціи и посмотрѣть, какъ они должны отзываться на ходѣ этихъ измѣненій.

Далѣе — нѣсколько словъ о степени современнаго развитія экономической науки. Степень эта не слишкомъ высока — сдѣланы лишь первые, хотя, надо думать, самые трудные шаги. Экономическая наука очень молода—она зародилась не раньше XVII вѣка.

Были двѣ основныхъ причины такого поздняго и сравнительно слабаго развитія экономической науки.

Первая, болѣе общая причина — крайняя сложность, слѣдовательно, крайняя трудность познанія общественныхъ явленій.

Вторая, болѣе частная: самый интересъ къ экономической наукѣ сталъ развиваться лишь недавно. Вниманіе изслѣдующаго ума привлекаютъ прежде всего и съ наибольшей силой тѣ стороны жизни, которыя отличаются

быстрымъ движеніемъ, частой смѣною формъ, бурнымъ ходомъ развитія. До-капиталистическія общественныя формы отличались, наоборотъ, крайне медленнымъ движеніемъ, весьма постепеннымъ развитіемъ. Только буржуазный міръ съ его лихорадочно-быстрымъ ходомъ жизни, съ массою все рѣзче проявляющихся внутреннихъ противорѣчій способенъ былъ породить глубокій, живой интересъ къ изученію экономическихъ явленій.

I. ПЕРВОБЫТНЫЙ РОДОВОЙ КОММУНИЗМЪ.

Данныя, на основаніи которыхъ приходится изучать жизнь первобытныхъ людей, нельзя назвать богатыми. Никакой литературы отъ времени первобытнаго человѣка не осталось, такъ какъ ея тогда и быть не могло. Единственными памятниками этого періода являеются находимыя въ землѣ кости, орудія и проч.

Есть еще важный источникъ, которымъ можно пользоваться при изслѣдованіи жизни первобытнаго человѣчества, это—жизнь, отношенія, обычаи современныхъ дикарей, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые стоятъ на самыхъ низкихъ ступеняхъ развитія.

Но, прибѣгая къ этому источнику, необходимо соблюдать большую осторожность въ выводахъ. Теперь уже не найдется дикарей, которымъ никогда не приходилось бы имѣть сношеній съ болѣе развитыми народами; и легко впасть въ серьезную ошибку, принявъ за остатокъ первобытныхъ обычаевъ то, что на самомъ дѣлѣ заимствовано въ сравнительно недавнее время.

Возможны также ошибки другого рода. Иное племя, уже до извѣстной степени развившее культуру, вновь утрачиваетъ большую часть ея пріобрѣтеній вслѣдствіе неудачно сложившейся исторической жизни. Принимая такое одичавшее племя за первобытно-дикое, можно сдѣлать много невѣрныхъ выводовъ.

Во всякомъ случаѣ и того запаса данныхъ о жизни первобытныхъ людей, какой имѣется въ настоящее время, достаточно, чтобы выяснить основныя черты общественныхъ отношеній «доисторической» эпохи.

1. Первобытныя отношенія человѣка къ природѣ.

Въ борьбѣ съ природой первобытный человѣкъ вооруженъ до крайности плохо, хуже многихъ звѣрей. Природныя орудія—руки, ноги, зубы—у него гораздо слабѣе, чѣмъ, напр., у большихъ хищныхъ животныхъ. Орудія же искусственныя, тѣ, которыя теперь даютъ человѣку рѣшительный перевѣсъ надъ остальной живой и мертвой природой, тогда были плохи, грубы и слишкомъ мало ихъ было въ распоряженіи человѣка, такъ что они не могли значительно облегчить ему борьбу за существованіе.

Въ этой тяжелой борьбѣ первобытный человѣкъ далеко не является царемъ природы. Совсѣмъ напротивъ: первый періодъ жизни человѣчества есть періодъ угнетенія, рабства человѣка. Только угнетателемъ и господиномъ является не другой человѣкъ, а природа.

Первыми орудіями были, несомнѣнно, камень и палка. Орудія эти, взятыя прямо изъ природы, можно, повидимому, найти даже у высшихъ обезьянъ.

Но уже теперь нигдѣ не осталось такихъ дикарей, которые не знали бы иныхъ орудій.

Мозгъ первобытнаго человѣка слабъ, неразвитъ. Для умственной работы у него не остается времени среди постоянной, изнуряющей борьбы, въ которой ни на минуту не прекращается опасность смерти.

И тѣмъ не менѣе человѣкъ развивается. Тупой, угнетенный рабъ природы, добывая средства къ жизни, борясь за свое существованіе, онъ знакомится съ предметами и силами природы, изъ поколѣнія въ поколѣніе передаетъ и накопляетъ опытность, улучшаетъ орудія.

Со страшной медленностью, въ теченіе многихъ лѣтъ дѣлаются одно за другимъ изобрѣтенія и открытія. Изобрѣтаются все такія вещи, которыя человѣку нашихъ временъ кажутся чрезвычайно простыми. Но онѣ очень недешево достались первобытному человѣку.

Путемъ соединенія камня и палки, обработки ихъ, приспособленія къ разнымъ цѣлямъ изъ этихъ первобытныхъ орудій произошли многія другія—каменные топоры, молотки, ножи, копья и т. п.

Приблизительно въ ту же эпоху каменныхъ орудій были открыты полезныя свойства огня.

Рыболовный крючекъ изъ рыбьихъ костей и плотъ, развивающійся затѣмъ въ лодку, явились позже. Наконецъ, изобрѣтеніе лука и стрѣлъ поставило человѣка на одинъ уровень съ самыми сильными животными.

Такъ шелъ мало-по малу прогрессъ производительнаго труда въ этотъ ранній періодъ жизни человѣчества.

Промышленность сводилась къ добыванію плодовъ съ деревьевъ, охотѣ за мелкими звѣрями, рыбной ловлѣ, приготовленію грубыхъ орудій изъ камня, дерева и кости и грубой одежды изъ шкуръ. Этотъ типъ производства можно обозначить какъ охотничій, подразумѣвая подъ охотою добываніе изъ внѣшней природы непосредственно предлагаемыхъ ею средствъ къ жизни, будутъ ли это звѣри въ лѣсу, рыбы въ водѣ или плоды на дикихъ растеніяхъ. Главная черта такой промышленности заключается въ томъ, что она никогда не обезпечиваетъ человѣческой жизни вполнѣ. Собираніе плодовъ, охота, рыбная ловля—все такія занятія, въ которыхъ слишкомъ большую роль играетъ случайность. Нѣтъ еще тѣхъ отраслей производства, которыя даютъ человѣку увѣренность въ завтрашнемъ днѣ—нѣтъ земледѣлія и скотоводства.

Всѣ силы человѣка уходятъ на добываніе необходимыхъ средствъ къ жизни. Его дневной трудъ едва достаточенъ для того, чтобы прокормить его. Все рабочее время человѣка поглощается борьбою за жизнь; не остается лишняго (прибавочнаго) рабочаго времени, которое онъ могъ бы употребить на работу для другого или на улучшеніе условій своей жизни. Трудъ не создаетъ прибавочнаго, т.-е. лишняго, продукта, сверхъ необходимаго для жизни.

Если сегодня охотникъ-дикарь и добылъ больше, чѣмъ ему на сегодняшній день нужно, то завтра онъ, можетъ быть, ничего не добудетъ, а то и погибнетъ въ неравной борьбѣ съ какимъ-нибудь сильнымъ звѣремъ.

При такихъ условіяхъ, очевидно, невозможна эксплоатація, т.-е. невозможно присвоеніе плодовъ чужого прибавочнаго труда, такъ какъ самого прибавочнаго труда нѣтъ. Здѣсь возможенъ только самый грубый, первобытный способъ извлечь выгоду изъ другого человѣка—это съѣсть его.

2. Общественныя отношенія производства въ первобытно-родовыхъ группахъ.

Современная наука ни въ настоящемъ, ни въ прошломъ не знаетъ такихъ людей, которые бы жили не въ обществѣ. Въ первобытную эпоху уже существовали связи между людьми, хотя гораздо менѣе широкія, чѣмъ теперь. Обходиться безъ помощи другихъ людей въ борьбѣ за существованіе человѣку тѣхъ временъ было такъ же невозможно, какъ нынѣшнему. Лицомъ къ лицу съ враждебной природой, отдѣльная личность была бы обречена на скорую, неминуемую гибель.

Однако и сила общественныхъ союзовъ была крайне ничтожна. Основная причина этого заключалась, какъ уже выяснено, въ очень слабомъ развитіи техники; а оно, въ свою очередь, порождало и другую причину—чрезвычайную узость общественныхъ связей, незначительность размѣровъ отдѣльныхъ обществъ.

Чѣмъ ниже техника, чѣмъ менѣе совершенны способы борьбы за существованіе, тѣмъ большее требуется на каждаго человѣка пространство земли, «площадь эксплоатаціи», для добыванія средствъ къ жизни. Первобытная охота настолько малопроизводительное занятіе, что на одной квадратной милѣ земли при среднихъ природныхъ условіяхъ умѣреннаго пояса можетъ прокормить не болѣе 20 человѣкъ. Сколько-нибудь значительная группа людей должна была бы раскинуться на такое громадное пространство, что поддержаніе общественной связи стало бы дѣломъ въ высшей степени труднымъ; а если принять во вниманіе первобытную технику сообщеній между людьми — отсутствіе какихъ бы то ни было дорогъ, отсутствіе прирученныхъ животныхъ, на которыхъ можно было бы ѣздить, громадныя опасности, связанныя съ самымъ незначительнымъ путешествіемъ,—то становится очевиднымъ, что размѣры общественнаго союза достигали тогда самое большое нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ.

Соединяться для совмѣстной борьбы за жизнь въ тѣ времена было возможно только для людей, которыхъ уже сама природа связала единствомъ происхожденія, родственными отношеніями.

Люди, чуждые другъ другу по крови, не вступали въ свободные союзы для производственной дѣятельности: первобытному человѣку не выдумать такой сложной вещи, какъ договоръ; а главное — страшная суровость борьбы за существованіе пріучила его враждебно относиться

ко всякому человѣку, съ которымъ не связали его родство и совмѣстная жизнь.

Поэтому общественная организація первобытнаго періода имѣла форму родового союза или рода. Предѣлами этой формы и ограничивались экономическія отношенія.

Основное производственное отношеніе родовой группы есть простое сотрудничество. Общественно-трудовая дѣятельность такъ ограничена и несложна, что каждый умѣетъ дѣлать все, что умѣютъ другіе, и всѣ выполняютъ, каждый въ отдѣльности, приблизительно сходныя работы. Это—наиболѣе слабая форма связи сотрудничества. Въ извѣстныхъ случаяхъ на сцену выступаетъ связь болѣе тѣснаго характера: коллективное выполненіе дѣлъ, непосильныхъ для отдѣльнаго человѣка, но осуществимыхъ съ помощью той механической силы, которая создается въ сплоченной дѣятельности цѣлой группы, напр., совмѣстная защита отъ какого-нибудь сильнаго звѣря, охота за нимъ.

Далѣе, внутри родовой группы уже весьма рано появилось нѣкоторое раздѣленіе труда. Первоначально оно основывается на физіологическихъ различіяхъ пола и возраста. Охота представляетъ занятіе взрослыхъ мужчинъ, собираніе плодовъ—дѣло женщинъ и дѣтей, и т. д.

Распредѣленіе труда между особями не могло быть дѣломъ ихъ личнаго произвола; тяжелая борьба съ природой не допускала этого: дѣйствія работниковъ необходимо было строго согласовать, чтобы не было безплодной растраты силъ. Трудъ былъ организованъ общею волею родовой группы сообразно съ ея общими интересами.

Ходъ развитія первобытнаго родового союза въ настоящее время можетъ быть возстановленъ только приблизительно и въ самыхъ общихъ чертахъ.

Въ своемъ первоначальномъ видѣ родовая группа состояла, вѣроятно, изъ женщины-матери и ея дѣтей, которымъ въ раннемъ возрастѣ необходима ея помощь. Съ теченіемъ времени выгоды сотрудничества дѣлали связь такой семьи все болѣе прочною; дѣти не уходили отъ матери и по достиженіи возмужалости. Привычка къ совмѣстной жизни развивалась, люди все больше стремились держаться вмѣстѣ. Родовыя группы возрастали, конечно, только до тѣхъ предѣловъ, которые ставило развитіе техники. Переходя въ своихъ размѣрахъ за эти предѣлы, родъ неминуемо распадался.

3. Первобытныя формы распредѣленія.

Производственнымъ отношеніямъ первобытно-родовой группы вполнѣ соотвѣтствовали ея формы распредѣленія.

Если распредѣленіе труда въ производствѣ зависѣло не отъ личной, а отъ коллективной воли, то и распредѣленіе продукта этого труда должно было являться дѣломъ всей группы. Группа давала каждому по его потребностямъ. Давать кому-нибудь изъ членовъ меньше

необходимаго было для нея невозможно, потому что такой образъ дѣйствій приводилъ бы къ гибели членовъ рода и къ ослабленію самой группы; а удѣлять кому-нибудь больше необходимаго было возможно развѣ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, вообще же этого не допускало ничтожное развитіе производства и отсутствіе прибавочнаго труда (т.-е. труда, производящаго излишки сверхъ необходимыхъ средствъ къ жизни).

Слѣдовательно, первобытное распредѣленіе имѣло организованный, коммунистическій характеръ. Не было и слѣдовъ частной личной собственности. Что сообща производилось, то сообща распредѣлялось, и затѣмъ немедленно потреблялось. Накопленія не было.

4. Основныя черты психологіи первобытнаго общества.

Положеніе личности среди родовой группы нерѣдко изображалось въ очень привлекательномъ видѣ: отсутствіе господъ и рабовъ, равенство въ распредѣленіи, братство во всѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ. Казалось бы—вотъ всѣ условія для быстраго развитія человѣческихъ силъ, для прогресса во всѣхъ областяхъ жизни общества. На дѣлѣ было совсѣмъ не то: никакое изъ извѣстныхъ наукѣ обществъ не отличалось такой застойчивостью, такой неподвижностью формъ жизни, какъ первобытное коммунистическое.

Родовое общество не знало господъ и рабовъ. Но оно не знало и свободы. Человѣкъ находился въ самомъ тяжеломъ рабствѣ, какое вообще возможно. Его угнетала суровая власть природы, передъ которою онъ былъ беззащитенъ, которую онъ не научился еще побѣждать. Стихійныя силы внѣшняго міра издѣвались надъ его усиліями, на каждомъ шагу играли его судьбой. Ихъ слѣпой произволъ былъ болѣе жестокъ, чѣмъ когда-либо впослѣдствіи сознательный произволъ человѣка.

Въ распредѣленіи господствовало равенство. Но что было распредѣлять? Результаты общественнаго труда были такъ ничтожны, что при самыхъ жалкихъ, неразвитыхъ потребностяхъ группа едва могла существовать. Матеріальное положеніе первобытныхъ людей было таково, что современная нищета въ сравненіи съ нимъ—богатство.

Первобытное братство, взаимная помощь и защита представляли, дѣйствительно, довольно тѣсную и прочную связь между первобытными людьми. Но такія отношенія не переходили за предѣлы узкой родовой группы. Человѣкъ, не принадлежащій къ данному роду, не могъ разсчитывать ни на какую помощь со стороны членовъ этого маленькаго общества. Скорѣе, напротивъ, въ немъ видѣли врага, нерѣдко охотились за нимъ, какъ за звѣремъ.

Власть природы страшно затрудняла развитіе, заставляя людей тратить всѣ силы на грубую, непосредственную борьбу за жизнь. Равномѣрное распредѣленіе, результатъ низкой техники и отсутствія прибавочнаго труда, не допускало того, чтобы хотя отдѣльныя личности расширили свои потребности и, увеличивъ тѣмъ свою личную энергію, свою способ-

ность къ развитію, могли дать толчокъ общественному прогрессу. Тѣсная взаимная связь между членами рода, при почти полномъ отсутствіи психическихъ различій между ними, вела къ тому, что личность совершенно неспособна была выдѣлить себя изъ своей группы, смотрѣть на себя, какъ на отдѣльную единицу. Человѣкъ не имѣлъ своей личной воли. Существовала воля рода. То была не только воля живыхъ, но еще болѣе—воля мертвыхъ. За многія сотни и тысячи лѣтъ почти неизмѣнными передавались отъ одного поколѣнія къ другому привычные пріемы борьбы за жизнь, формы взаимныхъ отношеній, способы мышленія. Прошлое, воплощенное въ неподвижномъ обычаѣ, господствовало надъ настоящимъ. А въ тѣхъ мелкихъ частностяхъ жизни, которыя не могли войти въ рамки обычая, личность была неспособна выступить самостоятельно и всецѣло подчинялась группѣ.

Въ тысячахъ поколѣній устойчивость обычаевъ доходитъ до степени окаменѣнія. Все новое, все противорѣчащее привычнымъ формамъ жизни и сознанія внушаетъ страхъ и причиняетъ страданіе. Психологія первобытнаго человѣчества представляетъ величайшія препятствія для всякаго развитія.

Но этого мало. Для развитія необходимъ матеріалъ. Чѣмъ беднѣе человѣческая психика, чѣмъ менѣе сознательно отношеніе людей къ окружающему, тѣмъ меньше возможность прогресса: сознаніе есть главное его орудіе, а у первобытнаго человѣка оно находилось въ зародышевомъ состояніи.

Взгляды первобытныхъ людей на жизнь и міръ были, по необходимости, грубы и смутны. Власть природы угнетала умъ; узость родовыхъ отношеній, принуждая мысль вращаться въ одномъ и томъ же тѣсномъ кругу, препятствовала всякому расширенію умственнаго горизонта.

Весь духовный запасъ человѣка тѣхъ временъ сводится къ ничтожному количеству безсвязныхъ практическихъ знаній, перепутывающихся въ одну сплошную массу со множествомъ совершенно фантастическихъ представленій о мірѣ. Несовершенство психическаго аппарата ведетъ къ тому, что невѣрные выводы изъ наблюденій преобладаютъ надъ вѣрными, продукты фантазіи—надъ положительными результатами познанія.

Находясь подъ властью природы, человѣкъ не только былъ не въ силахъ проникнуть въ ея тайны, но даже лишенъ былъ той пытливости, которая заставляла бы его стремиться къ этому. Онъ не различалъ живое и мертвое во внѣшнемъ мірѣ, безсознательное и сознаніе—въ себѣ самомъ. Всѣ предметы, всѣ явленія природы представлялись ему однородными; солнце, которое его грѣло; камень, о который онъ ранилъ ногу; звѣрь, который на него нападалъ; человѣкъ, съ которымъ онъ сталкивался,—во всякомъ такомъ фактѣ онъ видѣлъ только дѣйствіе, только силу, которая полезна для него или вредитъ ему. Отношенія вещей и отношенія людей представлялись ему совершенно однородными. Изъ крайней недостаточности познанія вытекалъ, слѣдовательно, такой взглядъ на природу, который внѣшнимъ образомъ напоминаетъ совре-

менное научное мышленіе. Для дикаря все было естественно, потому что его слабое мышленіе было ниже идеи о сверхъестественномъ.

Тупость, узость, непреодолимое отвращеніе ко всему новому, крайняя бѣдность сознанія—таковы основныя черты первобытной психологіи, черты, на первый взглядъ уничтожающія всякую возможность развитія матеріальной и духовной жизни. Однако, хотя съ громадной медленностью, развитіе совершалось. То стихійное сопротивленіе всякому прогрессу, которое представляла первобытная психологія, могли преодолѣвать только стихійныя силы.

5. Силы развитія въ первобытномъ обществѣ.

Размѣры родовой группы, какъ было уже выяснено, строго ограничиваются уровнемъ производительности труда: при данныхъ способахъ производства группа необходимо должна распадаться, какъ только сила размноженія увеличитъ ея численность дальше извѣстнаго предѣла. Вмѣсто одной группы оказываются двѣ, и каждая изъ нихъ, занимая отдѣльную площадь эксплоатаціи, можетъ опять размножаться до прежняго предѣла, чтобы опять распасться на двѣ и т. п. Такимъ образомъ, размноженіе стремится безконечно увеличивать число обитателей данной страны. Но площадь страны ограничена, и при данныхъ способахъ производства можетъ дать средства къ жизни только опредѣленному количеству людей. Когда плотность охотничьяго населенія страны достигла, напр., 20 человѣкъ на квадратную милю, то дальнѣйшее размноженіе оказывается уже чрезмѣрнымъ, и у возрастающаго населенія возникаетъ недостатокъ въ жизненныхъ средствахъ. Это—такъ называемое а б с о л ю т н о е п е р е н а с е л е н і е.

Абсолютное перенаселеніе влечетъ за собой голодъ, болѣзни, усиленную смертность—цѣлую массу страданій. Сила страданія понемногу побѣждаетъ тупую неподвижность обычая, и прогрессъ техники становится возможнымъ. Голодъ заставляетъ преодолѣть отвращеніе ко всему новому, и начинаютъ развиваться зародыши новыхъ способовъ борьбы за жизнь, какъ тѣ, которые уже раньше было извѣстны, но не находили общаго примѣненія, такъ и тѣ, которые открываются вновь.

Одно препятствіе къ развитію, наиболѣе важное, оказывается устраненнымъ. Остается другое препятствіе—бѣдность психологіи, недостаточность познанія, неспособность сознательно искать новыхъ способовъ борьбы съ природой. Благодаря этому, развитіе идетъ безсознательно, стихійно, съ такою медленностью, которую современный человѣкъ съ трудомъ можетъ себѣ представить.

Улучшеніе техники только временно облегчаетъ тѣ страданія, которыя возникаютъ вслѣдствіе абсолютнаго перенаселенія. Новые пріемы общественнаго труда, въ свою очередь, оказываются недостаточными, когда населеніе увеличится еще болѣе; и вновь сила голода заставляетъ людей сдѣлать шагъ по пути развитія.

Таковы причины развитія въ первобытномъ обществѣ. Неподвижность формъ производства—рано или поздно—неминуемо ведетъ къ абсолютному перенаселенію, и оно въ свою очередь подрываетъ эту неподвижность. При огромномъ консерватизмѣ первобытной общественной психологіи прогрессъ техники почти всегда сильно опаздывалъ по сравненію съ численнымъ прогрессомъ населенія, и недостатокъ въ жизненныхъ средствахъ являлся, вообще говоря, хроническимъ.

Одними изъ первыхъ слѣдствій абсолютнаго перенаселенія выступаютъ обыкновенно ожесточенная взаимная борьба родовыхъ обществъ и переселеніе цѣлыхъ племенъ въ новыя страны. Такое переселеніе есть настолько же трудное дѣло для тупой психики первобытныхъ людей, какъ всякое измѣненіе техники.

II. ПАТРІАРХАЛЬНО-РОДОВАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ОБЩЕСТВА.

1. Зарожденіе земледѣлія и скотоводства.

Сила абсолютнаго перенаселенія заставляла первобытныхъ людей совершенствовать мало-по-малу орудія и пріемы первобытно-охотничьяго производства; и она же съ теченіемъ времени заставила ихъ выйти изъ предѣловъ этого производства и перейти къ новымъ способамъ борьбы за жизнь, такимъ способамъ, которые въ значительной степени устраняютъ зависимость человѣческаго существованія отъ стихійныхъ капризовъ внѣшней природы.

Земледѣліе и скотоводство возникали въ различныхъ странахъ, повидимому, самостоятельно, и вначалѣ по отдѣльности одного отъ другого, въ зависимости отъ мѣстныхъ природныхъ условій.

Открытіе земледѣлія съ наибольшей вѣроятностью можно представить себѣ, какъ результатъ цѣлаго ряда «случайныхъ» фактовъ, которые необходимо должны были отъ времени до времени повторяться. Нечаянно просыпавши собранныя въ запасъ зерна дико растущихъ хлѣбныхъ растеній, человѣкъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ находилъ на томъ же самомъ мѣстѣ выросшіе колосья. Тысячи разъ это должно было оставаться непонятымъ; но рано или поздно связь двухъ явленій установилась въ умѣ дикаря, и необходимость породила мысль воспользоваться этой связью. Открытіе всего скорѣе могло быть сдѣлано женщинами, которыя изъ-за дѣтей вели менѣе бродячую жизнь, чѣмъ охотникъ-мужчина, и больше занимались собираніемъ плодовъ и зеренъ.

Первобытное земледѣліе очень мало похоже на современное по грубости и ненадежности своихъ пріемовъ. Плугъ, напр., представляетъ изъ себя довольно позднее изобрѣтеніе; еще въ сравнительно недавнія, далеко не первобытныя времена, операція паханья выполнялась помощью дерева, очищеннаго отъ всѣхъ сучьевъ, кромѣ одного, который былъ заостренъ на концѣ и который проводилъ борозду, когда дерево тащили

по полю; самое же раннее орудіе земледѣлія было—заостренная палка, съ помощью которой дѣлали ямки для зеренъ. Настоящее «первобытное» земледѣліе обходилось даже безъ такого приспособленія.

Что касается скотоводства, то оно произошло, по всей вѣроятности изъ прирученія звѣрей для забавы. И теперь еще многіе дикари, бродячіе охотники, стоящіе на самой низкой степени развитія и не имѣющіе никакого понятія о настоящемъ скотоводствѣ, приручаютъ не мало дикихъ животныхъ, изъ которыхъ не извлекаютъ никакой матеріальной пользы и которыя служатъ для нихъ скорѣе даже обузою.

Подобно земледѣлію, скотоводство дало людямъ извѣстную обезпеченность существованія и, освободивъ нѣкоторую долю человѣческихъ силъ, облегчило тѣмъ дальнѣйшее развитіе.

Первобытныя формы земледѣлія и скотоводства даже въ отдѣльности повышали въ 3—4 раза предѣльную величину населенія страны (при среднихъ условіяхъ умѣреннаго пояса—человѣкъ до 70 на квадратную милю).

Земледѣліе на первыхъ порахъ своего развитія мало измѣняетъ бродячій образъ жизни дикихъ племенъ—оно играетъ тогда роль дополненія къ охотѣ, и родовая группа, подчиняясь потребностямъ охоты, обыкновенно продолжаетъ переходить съ одного мѣста на другое, оставаясь на каждомъ мѣстѣ не дольше, чѣмъ требуется для посѣва, созрѣванія хлѣба и жатвы. Что касается скотоводства, то оно сначалѣ даже необходимо ведетъ къ кочевой жизни: для скота нужны пастбища, ихъ приходится мѣнять, когда они истощаются.

Съ теченіемъ времени ростъ населенія заставляетъ людей перейти къ соединенію земледѣлія со скотоводствомъ и къ осѣдлой жизни. Это даетъ возможность усовершенствовать земледѣльческія орудія и примѣнять къ земледѣлію силу животныхъ. Возрастаніе производительности труда еще раза въ три повышаетъ наибольшую плотность населенія (въ среднемъ климатѣ—человѣкъ до 200 на квадратную милю). Существованіе человѣка съ тѣхъ поръ является сравнительно обезпеченнымъ, и прибавочный трудъ становится постояннымъ явленіемъ.

2. Развитіе производственныхъ отношеніи родовой группы.

Повышеніе производительности общественнаго труда дѣлало возможнымъ значительное возрастаніе размѣровъ родовой группы; а скотоводство, въ частности, создавая болѣе совершенные способы передвиженія (ѣзда на оленяхъ, лошадяхъ, верблюдахъ), допуская, слѣдовательно, поддержаніе общественныхъ связей на болѣе значительныхъ, чѣмъ прежде, пространствахъ, еще болѣе содѣйствовало расширенію границъ рода. Такимъ образомъ, размѣры общества стали нерѣдко измѣряться уже не десятками, а сотнями человѣкъ, и, напр., патріархъ Авраамъ могъ насчитывать въ своей кочевой группѣ 417 человѣкъ, способныхъ носить оружіе.

Возрастающая во много разъ обширность и сложность производства порождала новыя формы раздѣленія труда. Одна изъ нихъ имѣетъ наибольшее значеніе для дальнѣйшаго развитія: это—выдѣленіе труда, организующаго производство.

Когда групповое производство было ничтожно по размѣрамъ, крайне несложно и разсчитано только на непосредственныя потребности самаго близкаго будущаго, тогда организаторскій трудъ еще могъ быть общимъ дѣломъ, могъ совмѣщаться съ трудомъ исполнительскимъ, такъ какъ не превышалъ мѣры средняго пониманія членовъ группы. Но когда дѣло идетъ о томъ, чтобы сотни различныхъ работъ распредѣлить цѣлесообразно между отдѣльными работниками, чтобы разсчитать потребности группы на цѣлые мѣсяцы впередъ, тщательно соразмѣрить съ ними затраты общественно-трудовой энергіи и внимательно контролировать эти затраты, тогда организаторская дѣятельность необходимо отдѣляется отъ исполнительскаго труда, совмѣщеніе того и другого въ каждой отдѣльной личности становится невозможнымъ—оно далеко превосходитъ среднюю мѣру умственной силы тогдашнихъ людей; организаторская дѣятельность становится спеціальностью наиболѣе опытныхъ, наиболѣе знающихъ лицъ. Въ каждой отдѣльной группѣ она, наконецъ, сосредоточивается въ рукахъ одного человѣка, обыкновенно старшаго въ родѣ патріарха.

Организатору повинуются, что вытекаетъ изъ самой сущности его роли. Такимъ образомъ, въ сферѣ производства зарождаются личная власть и подчиненіе—особая форма раздѣленія труда, имѣющая громадное значеніе въ дальнѣйшемъ развитіи общества.

Войну, съ точки зрѣнія отдѣльныхъ группъ, слѣдуетъ разсматривать какъ особую отрасль производства, общественно-трудовой борьбы съ внѣшней природой, потому что люди-враги представляютъ элементъ внѣшней для общества природы точно такъ же, какъ волки или тигры. Въ патріархально-родовую эпоху эта область производства пріобрѣтаетъ важное значеніе, потому что большая, чѣмъ прежде, плотность населенія сдѣлала болѣе частыми столкновенія между людьми; особенно между кочевниками-скотоводами почти постоянно идетъ борьба изъ-за пастбищъ. Войны сильно способствуютъ усиленію и упроченію власти организатора: онѣ требуютъ сплоченной организаціи, строгой дисциплины. Безусловное повиновеніе вождю на войнѣ переносится мало-по-малу и на мирное время. Очень вѣроятно, что именно въ сферѣ войны и охоты возникла первоначально организаторская власть, которая затѣмъ постепенно распространялась на другія отрасли производства, по мѣрѣ возрастанія его сложности. Такому расширенію сферы организаторской власти особенно долженъ былъ содѣйствовать тотъ фактъ, что отъ организатора войны и охоты зависѣло распредѣленіе добычи того и другого рода предпріятій; а это само по себѣ давало ему значительную экономическую силу и авторитетъ среди группы.

Организаторскій трудъ, повидимому, представляетъ изъ себя исторически самую раннюю форму сложнаго (квалифицированнаго) труда вообще. Въ первобытно-коммунистической группѣ, гдѣ каждый умѣлъ дѣлать все, что другіе, трудъ каждаго можно разсматривать какъ настоящій простой трудъ; такимъ же является исполнительскій трудъ большинства въ патріархально-родовой группѣ. Только роль организатора не можетъ выполняться безразлично тѣмъ или другимъ лицомъ. Она требуетъ особенной опытности, отчасти, быть можетъ, и не вполнѣ обычныхъ способностей.

Организаторъ въ своихъ дѣйствіяхъ всецѣло руководствуется, вначалѣ по крайней мѣрѣ, общими интересами рода. Основываясь, съ одной стороны, на общей суммѣ потребностей группы, съ другой стороны—на общей суммѣ труда, которой группа располагаетъ, онъ распредѣляетъ работы, устанавливаетъ формы сотрудничества и раздѣленія труда. Само собой разумѣется, что всю эту сложную дѣятельность онъ выполняетъ въ наибольшей части вполнѣ стихійно, слѣдуя установившемуся обычаю, примѣру предковъ; лишь въ сравнительно мелкихъ частностяхъ производства, въ которыхъ обычай не даетъ прямыхъ указаній, организаторъ принужденъ дѣйствовать самостоятельно, по собственному соображенію.

Возраставшая сложность организаторской дѣятельности вызвала съ теченіемъ времени новыя измѣненія въ строеніи родовой группы. Расширеніе группы и ея производства дѣлало невозможнымъ для одного человѣка выполненіе всей организаторской работы въ цѣломъ; часть ея, по необходимости, переходила мало-по-малу къ другимъ членамъ группы, людямъ обыкновенно пожилымъ и опытнымъ. Каждый изъ нихъ являлся организаторомъ, хотя второстепеннымъ и подчиненнымъ, для нѣкоторой части родовой группы и, въ силу понятныхъ причинъ, именно для той части, съ которой его связывали наиболѣе тѣсныя родственныя отношенія. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ рода начали понемногу обособляться семьи, группировавшіяся вокругъ частныхъ организаторовъ, во главѣ которыхъ стоялъ патріархъ. Однако это обособленіе въ патріархальную эпоху никогда не достигало значительной степени; единство группы преобладало надъ отдѣльностью ея частей.

Особенное значеніе пріобрѣла постепенно семья патріарха. Члены этой семьи всѣхъ ближе стояли къ общей организаторской дѣятельности и всѣхъ легче могли воспитываться пригодными къ ней. Поэтому изъ ихъ среды чаще всего избирался новый организаторъ рода, когда умиралъ или приходилъ въ негодность старый. Естественно, что патріархи стремились закрѣпить такое положеніе вещей и заранѣе подготовили своихъ ближайшихъ родственниковъ къ организаторской роли, а прочихъ членовъ группы—къ избранію ихъ для этой роли. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше такія старанія увѣнчивались успѣхомъ; избраніе новаго организатора понемногу обращалось въ пустую формальность, а патріархъ сталъ фактически самъ назначать себѣ преемника—организаторская роль стала наслѣдственной въ одной семьѣ.

Таковы внутреннія производственныя отношенія патріархальнаго род Кромѣ нихъ, въ патріархальномъ періодѣ пріобрѣтаютъ немалое знач ніе и между-родовыя связи человѣческаго труда.

Съ распаденіемъ рода связь между вновь образовавшимися группам обыкновенно обрывалась далеко не вполнѣ. Въ извѣстныхъ случаяхъ, когда силы отдѣльной группы могли оказаться недостаточными, родственныя другъ другу (одноплеменныя) группы объединялись для совмѣстной дѣятельности—защиты отъ вторгающихся иноплеменниковъ, охоты за большими стадами животныхъ и т. п. Во главѣ подобныхъ предпріятій становится либо совѣтъ старѣйшинъ-организаторовъ, либо особо выбранный ими вождь.

На ряду съ подобнымъ организованнымъ сотрудничествомъ понемногу выступаетъ на сцену иная форма производственной связи между группами—неорганизованное общественное раздѣленіе труда. Такъ какъ прибавочный трудъ становится довольно обычнымъ, а при соединеніи земледѣлія со скотоводствомъ—даже постояннымъ явленіемъ, то возникаютъ излишки производства, запасы. Благодаря различнымъ природнымъ условіямъ, въ которыхъ живутъ отдѣльныя группы, или благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, запасы эти оказываются у различныхъ групп различными. Быть можетъ, изъ обычая взаимно родственныхъ группъ уступать другъ другу подобные излишки возникаетъ первоначальный обмѣнъ. Въ обмѣнѣ выражается неорганизованная производственная связь между группами: фактически одна группа производитъ продукты не для себя одной, но отчасти и для другихъ группъ, а тѣ—также отчасти для нея: производство является до нѣкоторой степени общимъ между ними; но нѣтъ организаціи для этого общаго производства—трудъ каждой группы организованъ вполнѣ самостоятельно.

Эта форма общественнаго раздѣленія труда въ эпоху патріархально-родовыхъ отношеній не играетъ большой роли въ жизни отдѣльныхъ общинъ: наибольшую часть необходимыхъ продуктовъ каждое родовое хозяйство производитъ для себя самостоятельно.

Такимъ образомъ, основныя черты производственныхъ отношеній, отличающія родъ патріархальный отъ первобытно-коммунистическаго, сводятся къ слѣдующему: обособленіе труда организаторскаго отъ исполнительнаго, расширеніе сотрудничества и раздѣленіе труда какъ внутри группъ, такъ—въ меньшей мѣрѣ—и между ними, при чемъ, благодаря наличности прибавочнаго труда, впервые начинаетъ играть сколько-нибудь замѣтную роль та неорганизованная форма раздѣленія труда, которая выражается въ обмѣнѣ.

Всѣ эти формы складываются очень медленно, и ихъ полное развитіе наступаетъ лишь въ эпоху осѣдлой жизни, основанной на соединеніи земледѣлія со скотоводствомъ. Тамъ, гдѣ такое сочетаніе еще не достигнуто, черты эти выступаютъ менѣе рѣзко. Въ частности кочевники-скотоводы быстрѣе развиваютъ новыя формы жизни, чѣмъ чистые земледѣльцы; явленіе это зависитъ, во-первыхъ, отъ большей производит

ности скотоводства по сравненію съ первобытнымъ земледѣліемъ; во-вторыхъ, отъ болѣе подвижной жизни кочевниковъ, порождающей болѣе частныя столкновенія и болѣе частыя сношенія между людьми.

3. Формы распредѣленія въ патріархально-родовомъ періодѣ.

а) Организованное распредѣленіе.

Въ той мѣрѣ, какъ организаторская дѣятельность въ производствѣ переходила отъ группы въ ея цѣломъ къ отдѣльному лицу—патріарху, необходимо совершалась также передача въ его руки власти, организующей распредѣленіе. Только организаторъ способенъ былъ безошибочно, согласно съ общими интересами, рѣшать вопросы: какую часть общественнаго продукта можно потреблять немедленно, какую надо затратить на дальнѣйшее производство и какую сохранить въ видѣ запаса на будущее время; только онъ могъ, принимая во вниманіе роль отдѣльныхъ членовъ группы въ общемъ производствѣ, удѣлять каждому именно столько, сколько было необходимо для успѣшнаго выполненія этой роли.

Чѣмъ болѣе отвыкало большинство родовой группы отъ фактическаго участія въ организаторской дѣятельности и отъ контроля за распредѣленіемъ, тѣмъ болѣе безусловнымъ становилось право патріарха распоряжаться прибавочнымъ продуктомъ. По мѣрѣ того, какъ возрастала общая сумма прибавочнаго труда, все болѣе значительной оказывалась та доля продукта, которую организаторъ употреблялъ на свое личное пользованіе,—возрастало, слѣдовательно, неравенство въ распредѣленіи между нимъ и остальными членами группы. Это уже нѣкоторый зародышъ эксплоатаціи, но только зародышъ: на человѣкѣ, занятомъ выполненіемъ такой сложной работы, какъ организаторская, лежало, въ сущности, гораздо большее количество труда, чѣмъ на комъ-либо другомъ, и у него необходимо развились сравнительно болѣе широкія потребности. Размѣры эксплоатаціи были чрезвычайно ограничены уже въ силу общей незначительности производства и малаго разнообразія продуктовъ: самъ организаторъ долженъ былъ довольствоваться тѣми же средствами потребленія, какъ другіе; а если онъ и выбиралъ себѣ лучшее изъ всего произведеннаго, то не могъ все-таки съѣсть вдесятеро больше мяса или хлѣба, чѣмъ всякій другой членъ группы. Правда, онъ могъ вымѣнять у другой группы часть общаго прибавочнаго продукта на какія-нибудь особенныя средства потребленія; но это случалось сравнительно рѣдко, благодаря ничтожному развитію обмѣна.

Далѣе, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ отдѣльныя родовыя группы объединялись въ общую племенную организацію для какихъ-либо особенно обширныхъ предпріятій, продуктъ общаго труда (добыча общей охоты, военнаго грабежа) распредѣлялся тѣми же лицами, которыя организовали самыя предпріятія, обыкновенно—совѣтомъ старѣйшинъ; распредѣленіе между группами совершалось тогда сообразно степени участія каждой изъ нихъ въ общемъ трудѣ.

Вообще, организованныя формы распредѣленія въ изучаемую эпоху отличались отъ болѣе первобытныхъ формъ не столько неравномѣрностью распредѣленія и эксплоатаціей, сколько переходомъ въ руки отдѣльныхъ лицъ дѣятельности, организующей распредѣленіе.

б) Неорганизованное распредѣленіе—развитіе обмѣна.

Когда въ родовой группѣ производство излишковъ стало обычнымъ явленіемъ, тогда для возникновенія между двумя родовыми общинами обмѣна этихъ излишковъ достаточно было наличности двухъ условій: различіе въ производимыхъ ими продуктахъ и дружескія отношенія (общественная связь) между ними. Первое условіе осуществлялось вначалѣ по большей части благодаря различію въ средствахъ производства, которыя давала различнымъ общинамъ внѣшняя природа: земледѣльческая община, земля которой хорошо производила хлѣбъ, но плохо—ленъ, вступала въ обмѣнъ съ другой общиной, у которой почва была удобнѣе для посѣвовъ льна, но давала плохіе урожаи хлѣба; группа кочевниковъ скотоводовъ отдавала мясо за хлѣбъ земледѣльцевъ и т. п. Второе условіе осуществлялось въ родственной племенной связи отдѣльныхъ общинъ, связи, поддерживавшейся ихъ коллективными предпріятіями. Впослѣдствіи, съ бо́льшимъ развитіемъ обмѣна, различія производства все въ бо́льшей степени стали опредѣляться не только непосредственно данными природными условіями, но и неодинаковыми уже сложившимися техническими навыками; а дружескія сношенія нерѣдко завязывались и помимо племенного родства.

Въ своемъ историческомъ развитіи обмѣнъ проходитъ три фазы, принимаетъ три различныя формы.

Первая или п р о с т а я форма обмѣна относится къ тому періоду, когда обмѣнъ былъ еще очень рѣдкимъ явленіемъ, можетъ быть, именно къ эпохѣ первобытнаго коммунизма. Случайно встрѣчаются два человѣка, обыкновенно представители двухъ родовыхъ общинъ; у каждаго изъ нихъ есть для обмѣна продуктъ, который случайно оказывается нужнымъ другому. На сценѣ всего два продукта, напр., топоръ и хлѣбъ. Такой обмѣнъ можно изобразить слѣдующимъ образомъ:

1 топоръ равенъ двумъ мѣрамъ зерна

или иначе:

мѣновой цѣнностью 1 топора являются 2 мѣры зерна.

(вообще мѣновой цѣнностью одного продукта называется то количество другого продукта, которое за него даютъ).

Продукты впервые становятся товарами, т.-е. п р е д м е т а м и о б м ѣ н а. Но въ данную эпоху ихъ товарная роль является случайной, и производитель, вступающій въ обмѣнъ, еще не имѣетъ выбора между различными продуктами, которые могъ бы пріобрѣсти.

Вторая, развернутая форма обмѣна относится къ слѣдующему періоду, когда обмѣнъ сталъ болѣе обычнымъ явленіемъ и связи между людьми расширились. Одновременно встрѣчаются не два, а гораздо болѣе товаровъ. Продавецъ приходитъ съ топоромъ; ему предлагаютъ, съ одной стороны, 2 мѣры зерна, съ другой—1 овцу, съ третьей—8 стрѣлъ и т. д. Онъ можетъ выбирать между различными товарами; передъ нимъ—рынокъ. Форма обмѣна уже такова:

1 топоръ равенъ 2 мѣрамъ зерна
или 1 овцѣ
или 8 стрѣламъ, и т. д.

Вторая форма обмѣна неспособна долго держаться въ жизни и скоро переходитъ въ третью развитую или денежную форму.

Производитель топора идетъ на рынокъ и хочетъ обмѣнять свой топоръ на стрѣлы. Но лишь очень рѣдко должно получаться такое совпаденіе, что продавцу стрѣлъ нуженъ именно топоръ, а можетъ случиться и такъ, что стрѣлъ въ данное время вовсе нѣтъ на рынкѣ.

Продавцу топора предлагаются со всѣхъ сторонъ ненужные ему товары: здѣсь 2 ножа, тамъ 1 овца, тамъ 2 убитыхъ зайца, и т. д. Что ему дѣлать? Подумавши, онъ беретъ овцу. Разсужденія его приблизительно таковы: «хотя мяса у меня пока достаточно, но овца можетъ, въ крайнемъ случаѣ, прожить у меня до тѣхъ поръ, какъ запасъ истощится; а если я встрѣчусь съ человѣкомъ, продающимъ стрѣлы, то онъ скорѣе отдастъ ихъ за овцу, чѣмъ за топоръ: топоръ ему, очень возможно, не нуженъ, а овца пригодится всякому, и всѣ вообще на рынкѣ очень охотно берутъ скотъ». Разсчеты оправдываются: торговецъ стрѣлами, можетъ быть, по такимъ же точно соображеніямъ охотно уступаетъ ихъ за овцу.

При всеобщемъ сильномъ спросѣ на скотъ привыкаютъ мало-по-малу мѣнять на него всякій товаръ на рынкѣ, если не попадется именно тотъ товаръ, который нуженъ покупателю. Складывается даже обыкновеніе искать случая прямо вымѣнять свой топоръ за скотъ, и уже на скотъ покупать нужный продуктъ.

Товаръ-скотъ оказывается совершенно особеннымъ товаромъ, который всѣ берутъ наиболѣе охотно, къ которому всѣ стремятся. Прямой обмѣнъ исчезаетъ. Если всякій товаръ долженъ сначала быть обмѣненъ на скотъ, чтобы потомъ на скотъ можно было купить другой нужный товаръ, то, очевидно, этотъ особенный товаръ—скотъ—является орудіемъ обмѣна, орудіемъ обращенія товаровъ.

Такъ получается 3-я форма обмѣна:

1 топоръ или 2 ножа или 8 стрѣлъ или 2 мѣры зерна	равны 1 овцѣ.

Такой особенный товаръ, который является орудіемъ обмѣна, называется деньгами. Мѣновая цѣнность товара въ деньгахъ обозначается терминомъ цѣна.

Употребленіе денегъ чрезвычайно облегчаетъ дальнѣйшее развитіе обмѣна. Деньги обозначаютъ постоянный характеръ мѣновыхъ связей между группами.

Во всякомъ случаѣ, изучаемый періодъ—эпоха патріархально-родовой организаціи—характеризуется сравнительно слабымъ развитіемъ обмѣна и незначительной его ролью въ общей системѣ хозяйства. Только ничтожная часть продуктовъ отдѣльной родовой группы идетъ на рынокъ, и только ничтожная часть ея потребностей удовлетворяется не ея собственнымъ производствомъ. Это нисколько не противорѣчитъ тому, что общее развитіе рынка еще въ раннихъ стадіяхъ даннаго періода было достаточно для зарожденія денежной формы обмѣна.

Исторія денежной формы обмѣна представляетъ послѣдовательную смѣну различныхъ товаровъ, выступающихъ въ роли денегъ.

Вначалѣ роль эта всюду доставалась на долю распространеннаго по тѣмъ или другимъ причинамъ товара, были ли это кожи, соль, бобы, какао, особенныя раковины и т. д. И въ настоящее время у различныхъ дикихъ племенъ приходится очень часто наблюдать употребленіе въ качествѣ денегъ тѣхъ товаровъ, которые являются въ данной мѣстности наиболѣе постоянными предметами ввоза или вывоза, причемъ въ двухъ сосѣднихъ деревняхъ нерѣдко оказываются различные денежные товары. Въ странахъ кочевого быта деньгами чаще всего былъ скотъ. Въ южной Европѣ такъ было еще вѣковъ за 10 до Р. Х.: въ народныхъ греческихъ поэмахъ Гомера можно найти оцѣнку мѣднаго треножника въ 12 быковъ, золотыхъ доспѣховъ—въ 100 быковъ и т. д.

Но мало-по-малу деньги-скотъ всюду вытѣснялись металлическими деньгами. Впачалѣ выступали на сцену желѣзныя и мѣдныя деньги. Металлы эти покупались, очевидно, не менѣе охотно, чѣмъ скотъ, потому что металлическія орудія и оружіе представляли предметы первой необходимости въ каждомъ хозяйствѣ. Въ то же время металлы обладаютъ многими преимуществами, благодаря которымъ они технически болѣе пригодны для выполненія роли денегъ: во-первыхъ, они легче дѣлятся на куски малой стоимости, чѣмъ скотъ, который нельзя дѣлить на части, не убивая; во-вторыхъ, вещество металловъ однородно, и отдѣльные куски ихъ обладаютъ одинаковыми качествами, тогда какъ другіе товары, въ томъ числѣ скотъ, этимъ достоинствомъ не обладаютъ: одна овца не можетъ быть совершенно равна другой овцѣ; въ-третьихъ, металлы лучше сохраняются,—даже мѣдь и желѣзо, которыя понемногу портятся подъ дѣйствіемъ воздуха и влажности; въ-четвертыхъ, металлы обладаютъ меньшимъ объемомъ и вѣсомъ при одинаковой мѣновой цѣнности съ другими товарами (послѣднее, какъ будетъ дальше выяснено, зависитъ отъ сравнительно большей трудовой стоимости металловъ)

Впослѣдствіи желѣзо и мѣдь смѣняются серебромъ и золотомъ. Въ благородныхъ металлахъ всѣ указанныя техническія преимущества выражены особенно сильно. Затрудненіе, на первый взглядъ, представляетъ вопросъ, какимъ образомъ эти почти безполезные въ производствѣ металлы могли покупаться такъ же охотно, какъ скотъ, желѣзо и т. п. Дѣло объясняется такъ. Серебро и золото употребляются преимущественно для украшеній. Даже въ настоящее время украшенія легко находятъ себѣ сбытъ: люди неразвитые—особенно малообразованныя женщины—нерѣдко готовы отказывать себѣ въ необходимомъ, чтобы нацѣпить на себя какую-нибудь красивую бездѣлушку. А народы некультурные и полукультурные особенно любятъ украшенія и дорожатъ ими: европейскіе купцы за какую-нибудь нитку бусъ покупали у дикарей товары большой стоимости, напр., огромныя количества рыбы, дичи, плодовъ и пр. Такимъ образомъ, спросъ на украшенія создалъ возможность перехода отъ желѣзныхъ и мѣдныхъ денегъ къ серебрянымъ и золотымъ.

Первоначально деньги цѣнились прямо на вѣсъ: расчетъ при продажѣ и покупкѣ производился путемъ отвѣшиванія металловъ.

Съ обмѣномъ тѣсно связана другая общественная форма распредѣленія—кредитъ.

Когда обмѣнъ расширяется, нерѣдкими должны стать такіе случаи, что мѣновая сдѣлка затрудняется временнымъ недостаткомъ средствъ у покупателя. Чужой товаръ нуженъ немедленно; а денегъ для немедленной уплаты нѣтъ или не хватаетъ, хотя съ достовѣрностью извѣстно, что черезъ нѣкоторое время у покупателя будетъ чѣмъ заплатить. Въ подобныхъ обстоятельствахъ продавецъ нерѣдко соглашается отдать товаръ въ долгъ, въ кредитъ. Слово «кредитъ» означаетъ «довѣріе»; кредитная сдѣлка, очевидно, предполагаетъ довѣріе, во-первыхъ, къ честности, во-вторыхъ, къ состоятельности должника.

Въ назначенный срокъ должникъ отдаетъ деньги, которыя здѣсь играютъ новую роль—средство платежа.

«Довѣріе» оказываютъ обыкновенно не даромъ: долгъ отдается съ нѣкоторой прибавкой—процентъ, ростъ.

Въ тѣсной связи и приблизительно въ одно время съ чисто товарнымъ кредитомъ развивается другой видъ кредита, который обыкновенно обозначается терминомъ ростовщичество—отдача денегъ взаймы на проценты.

Разсуждая отвлеченно, не трудно было бы представить себѣ появленіе кредита независимо отъ обмѣна и раньше его: одна, напр., община ссужаетъ другой на время какія-нибудь орудія, которыхъ нѣтъ у этой послѣдней. Но если подобные случаи и происходили, въ нихъ нельзя еще видѣть „кредита“: взятыя во временное пользованіе орудія просто возвращаются ихъ владѣльцамъ, а не „уплачивается“ ихъ цѣна. Кредитъ предполагаетъ не только существованіе обмѣна, но и существованіе денегъ.

4. Основныя черты общественной психологіи патріархально-родового періода.

Выдѣленіе среди родовой группы организатора ея производства постепенно измѣняетъ отношеніе личности къ группѣ и ея психологію.

Если власть природы надъ людьми уменьшилась, то возникла зато новая власть—одного человѣка надъ другими. Въ сущности, то была прежняя власть группы надъ отдѣльнымъ ея членомъ, только перенесенная на отдѣльную личность—патріарха.

Равенство въ распредѣленіи утратилось: весь продуктъ прибавочнаго труда оказывается въ распоряженіи организатора. Но и неравенство не имѣетъ еще рѣзкаго характера: организаторъ продолжаетъ, какъ прежде дѣлала группа, удѣлять каждому необходимыя средства для поддержанія его жизни и выполненія его роли въ производствѣ. Самъ организаторъ въ развитіи своихъ потребностей недалеко ушелъ отъ прочихъ членовъ группы.

Связь взаимной помощи, сплоченность группы въ борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ еще возрастаетъ по сравненію съ предыдущимъ періодомъ. Во-первыхъ, болѣе совершенныя формы сотрудничества и раздѣленія труда внутри группы болѣе тѣсно сближаютъ ея членовъ, чѣмъ прежде, когда наибольшую часть обыденныхъ работъ каждый могъ выполнять независимо отъ другихъ, когда преобладала простая «совмѣстность труда»; во-вторыхъ, единство рода выигрываетъ отчасти и благодаря тому, что находитъ себѣ конкретное, живое воплощеніе въ личности патріарха.

Въ то же время и въ силу тѣхъ же условій возникаютъ въ родовой группѣ зародыши индивидуализма, сущность котораго заключается въ томъ, что *себя* и *свое* человѣкъ отдѣляетъ въ своемъ сознаніи отъ группы; что появляются *личные* интересы, тогда какъ раньше существовали только общинные.

Роль организатора въ производствѣ была *особенной* ролью и принадлежала *только ему одному*; такова основная причина, порождавшая въ его психикѣ индивидуалистическія чувства и представленія. Изъ этой основной причины вытекали иныя, которыя дѣйствовали въ томъ же направленіи.

Организаторъ распоряжался всѣми общественными запасами, всей суммой прибавочнаго продукта, что давало ему возможность расширять свои потребности и тѣмъ еще болѣе выдѣляться среди своей группы. При обмѣнѣ онъ неизмѣнно выступалъ какъ дѣйствительный владѣлецъ всего имущества своей общины и, имѣя при этомъ дѣло съ другимъ подобнымъ организаторомъ, онъ привыкалъ смотрѣть на этого послѣдняго, а затѣмъ и на себя самого, какъ на *собственниковъ* тѣхъ товаровъ, которые идутъ въ обмѣнъ. Такъ постепенно развивалась частная собственность: вначалѣ обмѣнъ между группами, въ которомъ онѣ выступаютъ какъ владѣльцы своихъ товаровъ, долженъ былъ создать понятіе о *родовой частной собственности*, а потомъ особенная роль ор-

ганизаторовъ въ обмѣнѣ, преобразуя психику людей далѣе, порождаетъ идею личной частной собственности.

Однако, сколько-нибудь прочно утвердиться въ головѣ организатора идея личной частной собственности могла лишь тогда, когда роль его стала наслѣдственной, когда группа перестала выбирать своего патріарха, когда, слѣдовательно, исчезли слѣды происхожденія его власти изъ общей родовой воли. Тогда индивидуализмъ нашелъ устойчивую точку опоры для своего развитія. Въ головѣ организатора все прочнѣе складывалось отношеніе къ родовому имуществу, какъ личной его собственности, и все болѣе стушевывалось старое представленіе, по которому онъ являлся только подчиненнымъ общинному контролю распорядителемъ этого имущества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ того какъ исчезалъ всякій фактическій контроль группы надъ организаторской дѣятельностью ея главы, этотъ послѣдній требовалъ все болѣе безусловнаго повиновенія себѣ и проникался идеей о своей безусловной личной власти надъ родичами. Въ своемъ развитіи воззрѣнія эти не могли не встрѣтить противорѣчія со стороны другихъ членовъ группы; не разъ, вѣроятно, родовыя общины переживали тяжелую внутреннюю борьбу; однако, рано или поздно, стремленія организатора одерживали побѣду, потому что они соотвѣтствовали фактическимъ отношеніямъ; организаторъ обладалъ дѣйствительной властью надъ продуктами и надъ людьми, и власть эта была необходима для группы. Такъ патріархъ обратился въ единственнаго собственника и полнаго господина своей группы.

Въ сущности, возникшія психологическія различія между организаторомъ и другими членами рода были еще не слишкомъ велики, потому что основы душевнаго склада оставались общія: полное безусловное подчиненіе обычаю и представленіе о группѣ, какъ единомъ, нераздѣльномъ цѣломъ, внѣ котораго немыслимо никакое личное существованіе. Даже самъ патріархъ, несмотря на относительно большое богатство своей психики, не могъ сознательно возвыситься надъ вѣковыми устоями родовой жизни, не имѣлъ никакихъ побужденій стать въ противорѣчіе съ ними. Организаторъ былъ не геній, не человѣкъ исключительныхъ способностей, а старѣйшій въ родѣ, человѣкъ многолѣтняго опыта. Его организаторская дѣятельность основывалась прежде всего и главнымъ образомъ на воспоминаніи о томъ, что дѣлали его предшественники, и только въ ничтожной степени—на личномъ творчествѣ, на соображеніи. Обычай царилъ въ его душѣ почти настолько же безусловно, какъ въ душѣ его отдаленнаго предка—первобытнаго коммуниста. Представленіе о нераздѣльности группы точно также владѣло психикой организатора, потому что и для него ни при какихъ условіяхъ не было возможности жить одному внѣ своего рода, потому что иныхъ общественныхъ связей, кромѣ родовыхъ, онъ не зналъ, а внѣ-общественная жизнь означала смерть. Къ остальнымъ членамъ группы тѣ же соображенія примѣнимы еще въ большей степени Вообще, консерватизмъ обычая еще не былъ поколебленъ новыми отношеніями, а личное сознаніе только начинало выдѣляться изъ группового. Исчезло только представленіе объ однопородности группы,

Итакъ, по общему складу психологія патріархальной группы почти не отличается отъ первобытно-родовой. Слѣдовательно, прежнія препятствія, стоявшія на пути всякаго развитія, остались почти въ полной силѣ. Приходится сказать «почти», потому что все же зародились и такія силы, которыя хотя и въ незначительной степени, но уменьшали эти препятствія: слабыя, непостоянныя сношенія и связи между группами все же расширяли горизонтъ личности за предѣлы ея рода, а столкновеніе различныхъ формъ обычая ослабляло его консерватизмъ.

Теперь другой вопросъ: насколько богатый и насколько подходящій матеріалъ для развитія представляло въ ту эпоху человѣческое познаніе?

Само собой разумѣется, что многія тысячелѣтія жизни родовыхъ обществъ прошли не даромъ, что умственный запасъ людей сдѣлался обширнѣе, разнообразнѣе. Практическія свѣдѣнія стали занимать относительно больше мѣста въ психикѣ, фантастическія представленія—относительно меньше. Расширеніе области производства неминуемо влекло за собой расширеніе области познанія; по мѣрѣ уменьшенія страха предъ стихійными силами росла любознательность.

Врядъ ли будетъ ошибкой признать, что именно въ изучаемомъ періодѣ человѣкъ впервые началъ объяснять себѣ природу, искать связи явленій; и впервые возникло то, что сколько-нибудь подходитъ подъ терминъ «міровоззрѣніе». Сущность этого міровоззрѣнія составлялъ натуральный фетишизмъ.

Во всѣ времена мышленіе человѣка стремилось объяснять себѣ отдаленное—ближайшимъ, непривычное—обыденнымъ, странное—понятнымъ. Новое явленіе кажется выясненнымъ, когда его удалось уложить въ рамки старыхъ наблюденій. Всего ближе, всего обыденнѣе для человѣка—его отношенія къ окружающимъ людямъ. Благодаря этому, во всѣ эпохи общій складъ міровоззрѣнія людей носилъ на себѣ отпечатокъ ихъ общественныхъ отношеній, отпечатокъ въ однихъ случаяхъ болѣе, въ другихъ—менѣе ясный и очевидный. То же слѣдуетъ сказать и о патріархально-родовомъ періодѣ: натуральный фетишизмъ представлялъ изъ себя именно такой взглядъ на природу, для котораго отношенія вещей представлялись какъ отношенія людей.

Отдѣленіе организаторскаго труда отъ исполнительскаго создало своеобразную двойственность во внутреннихъ отношеніяхъ родового общества: умственная сила какъ бы отдѣлилась отъ грубо-физической, сознательное начало—отъ стихійнаго; первое приняло форму власти, второе—подчиненія; первое воплотилось въ лицѣ патріарха, второе—въ остальныхъ членахъ группы. Въ то же время оба элемента были совершенно нераздѣльны и немыслимы одинъ безъ другого: исполнительская дѣятельность теряетъ всякую цѣлесообразность безъ организующей воли, а эта послѣдняя безполезна тамъ, гдѣ нѣтъ первой.

Въ дѣйствіяхъ окружающихъ людей человѣкъ привыкалъ видѣть результатъ вліянія организующей воли на болѣе грубую силу—исполни-

тельскую. По такому же типу онъ объяснялъ себѣ иныя дѣйствія, которыя наблюдалъ во внѣшнемъ мірѣ. Всякое явленіе превращается для него въ неразрывное сочетаніе двухъ элементовъ: воли, которая приказываетъ, и матеріальной силы, которая подчиняется. Пусть ему замѣтна только вторая; онъ все равно не въ силахъ понять ее безъ первой и *предполагаетъ* организующее начало тамъ, гдѣ не видитъ его. Такъ возникаютъ «души вещей». Онѣ замѣняли собой причины явленій, на нихъ познаніе могло временно успокоиться. Человѣкъ одинаково искалъ ихъ всюду—въ камнѣ и растеніи, въ звѣрѣ и человѣкѣ, въ пламени и въ водѣ. Природа во всѣхъ своихъ проявленіяхъ представлялась ему однородно-двойственной.

Обыкновенно происхожденіе натуральнаго фетишизма или *анимизма* объясняютъ слѣдующимъ образомъ. Послѣ уничтоженія какой-нибудь вещи, послѣ смерти животнаго, человѣка, у людей въ воспоминаніи сохраняется еще нѣкоторое время *образъ* исчезнувшаго вообще предмета. Образъ у первобытнаго человѣка отличается большой живостью, яркостью, такъ что приближается въ этомъ отношеніи къ непосредственному воспріятію, а въ сновидѣніяхъ онъ выступаетъ уже какъ нѣчто вполнѣ реальное. Такъ создается убѣжденіе, что вещь, которая уничтожилась, организмъ, который погибъ, еще продолжаютъ существовать нѣкоторое время, что отъ нихъ *что-то* остается. Наблюденіе надъ спящимъ или находящимся въ обморокѣ человѣкомъ, надъ трупомъ—дополняли это убѣжденіе съ другой стороны: иногда организмъ, повидимому, сохраняетъ свою прежнюю реальность, однако въ немъ *чего-то* не хватаетъ, и тогда не наблюдается дѣятельныхъ проявленій жизни. Это невидимое *что-то*, остающееся въ однихъ случаяхъ, исчезающее навсегда въ другихъ, временно странствующее въ третьихъ (сновидѣнія),—фетишистъ представляетъ себѣ, какъ „душу вещи“.

Отвергать такое объясненіе источниковъ анимизма не приходится: оно правильно указываетъ тотъ психическій матеріалъ, изъ котораго анимизмъ долженъ былъ возникнуть. Но оно неполно: оно не объясняетъ намъ, во-первыхъ, почему именно этотъ рядъ фактовъ легъ въ основу міровоззрѣнія людей, тогда какъ въ борьбѣ за жизнь онъ играетъ сравнительно ничтожную роль; во-вторыхъ, почему міровоззрѣніе это является всеобщимъ на *извѣстной* ступени развитія, почему оно не наблюдается у наиболѣе низко стоящихъ племенъ, у которыхъ, однако, тотъ же матеріалъ наблюденій, несомнѣнно, имѣется налицо. Отвѣтить на эти вопросы возможно, мнѣ кажется, только въ томъ случаѣ, если признать, что основной типъ міровоззрѣнія опредѣляется основнымъ типомъ общественной организаціи: тогда станетъ ясно, что только глубокая двойственность въ самомъ строеніи общества могла создать тотъ своеобразный складъ мышленія, который стремится найти двойственность во всякомъ проявленіи міровой жизни.

Итакъ, натуральный фетишизмъ господствовалъ въ головахъ людей. Былъ ли онъ условіемъ, благопріятнымъ для прогресса въ познаніи, для сознательно направляемой борьбы съ природой? На это приходится отвѣтить скорѣе отрицательно. Познаніе причинъ каждаго явленія неминуемо обрывалось у фетишиста на «душѣ» этого явленія и не шло дальше; терялись всѣ дальнѣйшія причинныя связи. Такимъ образомъ, содержаніе познавательной дѣятельности оказывалось крайне ограниченнымъ въ смыслѣ ея глубины: къ поверхностно практическому зна-

комству съ явленіями добавлялось только фетишистическое ихъ объясненіе, и этимъ удовлетворялась потребность мышленія.

При такой слабости и безсодержательности познанія тотъ матеріалъ для развитія, который представляла человѣческая психика, былъ ничтоженъ. Прогрессъ техники, экономики, идеологіи при такой недостаточности познанія могъ быть только стихійно-медленнымъ, и въ этомъ смыслѣ патріархально-родовой періодъ несущественно отличается отъ первобытно-коммунистическаго

Дѣйствительная побѣда человѣчества надъ природой выражается въ безконечно развивающемся познаніи причинности. Наоборотъ, фетишистическое пониманіе природы означаетъ еще несвергнутую **власть природы надъ человѣкомъ**. Правда, оно является лишь тогда, когда эта власть ослабѣваетъ, становится менѣе тяжелой; но только потому, что болѣе ранняя, первобытная, безусловная власть природы не давала мѣста **никакимъ** попыткамъ понять природу.

5. Силы развитія и новыя формы жизни въ патріархально-родовомъ періодѣ.

Такъ какъ общественная психологія въ изучаемую эпоху представляла тѣ же по существу стихійныя препятствія всякому развитію, какъ на предшествующей стадіи жизни человѣчества, то очевидно, что двигателемъ общественнаго развитія должна была являться та же стихійная сила абсолютнаго перенаселенія. По мѣрѣ того какъ съ возрастаніемъ населенія возникалъ недостатокъ въ жизненныхъ средствахъ, консерватизмъ обычая долженъ былъ отступать,—техника понемногу улучшалась и общественныя отношенія измѣнялись. Возникновеніе и постепенное расширеніе обмѣна было въ высшей степени важнымъ пріобрѣтеніемъ этого развитія.

Прогрессъ обмѣна, т.-е. того же—общественнаго раздѣленія труда, совершаясь на почвѣ развитія техники, самъ представляетъ могучаго двигателя развитія для всѣхъ послѣдующихъ историческихъ формацій, кончая современной—капиталистической.

Другое менѣе существенное пріобрѣтеніе изучаемой эпохи заключалось въ появленіи **рабовъ**.

Благодаря возникновенію прибавочнаго труда, для организатора родовой группы во многихъ случаяхъ являлось выгоднымъ увеличить число членовъ группы: при этомъ возрастала сумма прибавочнаго продукта, которою располагалъ организаторъ. Поэтому въ патріархальныхъ обществахъ нерѣдкими становятся такіе случаи, когда побѣжденнаго на войнѣ врага уже не убивали, а присоединяли къ данной группѣ и заставляли участвовать въ ея производствѣ. Такіе присоединенные члены группы и были ея рабами.

Не слѣдуетъ представлять себѣ рабовъ патріархальнаго періода въ видѣ людей, сведенныхъ до положенія вещи. Они были **почти** равно

правными членами той родовой общины, которая ихъ къ себѣ присоединила, общность работы тѣсно связывала ихъ съ остальными и постепенно изглаживала воспоминаніе о прежней борьбѣ. Организаторъ «эксплоатировалъ» ихъ врядъ ли болѣе, чѣмъ своихъ кровныхъ родственниковъ— они работали, какъ другіе. Ихъ не продавали и вообще къ нимъ относились почти такъ, какъ американскіе индѣйцы къ усыновленнымъ плѣнникамъ.

Патріархальное рабство, развиваясь далѣе и измѣняя свои формы, послужило исходной точкой той своеобразно сложившейся исторической жизни, которая достигла своей высшей ступени въ классическомъ мірѣ и закончилась деградаціей.

Возникновеніе обмѣна и появленіе рабства—два на первый взглядъ очень разнородные факта—заключаютъ въ себѣ одну очень важную общую черту: и то, и другое представляло изъ себя нарушеніе старой системы сотрудничества, основанной исключительно на кровномъ родствѣ и вытекающемъ изъ него громадномъ психическомъ сходствѣ особей. Связи кровнаго родства необходимо проникнуты духомъ крайней исключительности, духомъ нетерпимости по отношенію ко всему, выходящему за ихъ предѣлы: новыя формы жизни стояли въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ этой нетерпимостью, ограничивали ее. А изъ этого возникъ еще цѣлый рядъ общественныхъ фактовъ.

Господство чисто-родовыхъ связей было полнымъ, безусловнымъ господствомъ обычая. Сила привычки къ установившимся формамъ жизни была такъ велика, личное самосознаніе такъ слабо, что отдѣльный человѣкъ просто не могъ стать въ противорѣчіе съ обычаемъ, нарушить его, не могъ даже представить себѣ этого. Преступленій не было. Если случалось что-нибудь несогласное съ обычаемъ, то къ этому относились не такъ, какъ современный человѣкъ относится къ преступленію или проступку, а какъ къ уродству. Когда рождался ребенокъ о двухъ головахъ, его убивали, какъ чудовище; когда нарушался обычай—также поступали съ нарушителемъ: его убивали или изгоняли, что въ тѣ времена было безразлично. Это не было наказаніемъ, а чисто стихійной самозащитой противъ непонятнаго и опаснаго явленія. Идеи права и его нарушенія, представленія о нравственномъ и безнравственномъ совершенно отсутствовали; люди слѣдовали обычаю въ силу такой же естественной необходимости, въ силу какой они ѣдятъ, пьютъ, спятъ.

Съ развитіемъ новыхъ общественныхъ связей, основанныхъ не на родствѣ, дѣло измѣняется. Нарушенія обычая перестаютъ быть исключительными случайностями. Во-первыхъ, вообще начинаютъ сталкиваться различные обычаи; а исполненіе обычаевъ одной группы нерѣдко оказывается нарушеніемъ обычаевъ другой. Такъ, присоединенный плѣнникъ-рабъ, слѣдуя старымъ привычкамъ, легко можетъ помѣшать нормальному ходу общественнаго производства и тѣмъ причинить большія непріятности своимъ новымъ товарищамъ. Точно также правильный ходъ мѣновыхъ сношеній долженъ часто нарушаться старой, укоренившейся при-

вычкой относиться враждебно ко всѣмъ чужимъ людямъ. Нарушенія обычая становятся частымъ явленіемъ, и общество не можетъ относиться къ нимъ попрежнему.

Создается новая общественная форма жизни—**обычное право**, сущность котораго заключается въ защитѣ обычая противъ нарушеній. Съ преступникомъ борются уже не стихійно, а болѣе или менѣе сознательно; его судятъ по обычаю. Устанавливается цѣлая система наказаній для различныхъ проступковъ; вообще, возникаетъ цѣлый рядъ приспособленій, относящихся спеціально къ нарушенію обычаевъ; содержаніе этихъ приспособленій сводится къ способамъ устраненія уже причиненнаго поступкомъ вреда и къ средствамъ предотвратить его повтореніе. Складывается представленіе о законномъ—справедливомъ, и незаконномъ—несправедливомъ; первое означаетъ поступки, согласные съ обычаемъ, второе—несогласные съ нимъ. Зарождаются тѣ элементы, изъ которыхъ впослѣдствіи развивается нравственность и собственно «право».

Область правовой жизни обыкновенно рѣзко отдѣляютъ отъ экономической области; но для современной науки это раздѣленіе является уже условнымъ. Борьба общества противъ уклоняющейся личности по существу не отличается отъ всякой другой формы борьбы съ внѣшней природой; преступленіе есть сила внѣ-общественная, враждебная жизни общества, какъ сила холода или хищнаго звѣря. Такимъ образомъ, правовая жизнь есть только извѣстная область общественной борьбы съ природой; эту особую форму борьбы приходится изучать и съ ея технической стороны (способы воздѣйствія на преступника, какъ на элементъ внѣшней природы), и съ экономической (взаимныя отношенія между членами общества въ этихъ процессахъ воздѣйствія), и съ идеологической (взгляды людей на право и его нарушеніе). Такимъ образомъ, правовая область лежитъ **въ сферѣ производства**, а не внѣ ея.

Въ главѣ о производственныхъ отношеніяхъ было уже отмѣчено возникновеніе организованныхъ производственныхъ отношеній между родственными другъ другу группы: совмѣстныя большія охоты, племенная организація войны. Съ теченіемъ времени подобныя коллективныя предпріятія связываютъ иногда также группами не родственныя другъ другу, но объединенныя обмѣномъ и, вообще, мирными сношеніями между собой. Во главѣ подобныхъ союзовъ стоитъ обыкновенно совѣтъ старѣйшинъ-организаторовъ или выбранный ими вождь. Въ союзахъ этихъ слѣдуетъ видѣть зародыши государственныхъ, политическихъ организацій, въ которыя они и переходятъ по мѣрѣ того, какъ изъ временныхъ становятся все болѣе постоянными, а само общество расчленяется на классы, господствующіе и подчиняющіеся.

Вообще, всякая политическая организація есть по существу организація экономическая, организація совмѣстной борьбы за жизнь нѣкоторой коллективности. **Государство** же въ частности есть организація классового господства, господства однихъ классовъ надъ другими.

ДРЕВНЕЕ РАБСТВО.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ своеобразнымъ является типъ общественнаго развитія, создавшій культуру древняго міра и основанный на превращеніи производительнаго работника въ орудіе производства.

1. Отношенія общества къ внѣшней природѣ.

Система рабства развилась изъ патріархально-родовыхъ отношеній въ силу сочетанія двухъ основныхъ условій: непрерывнаго возрастанія прибавочнаго труда и борьбы между человѣческими обществами, стоявшими на различныхъ ступеняхъ культуры.

Уже соединеніе земледѣлія со скотоводствомъ осѣдлой жизни сдѣлало прибавочный трудъ постояннымъ явленіемъ. Постепенно развившееся раздѣленіе труда между общинами все болѣе повышало его производительность. Мѣновыя связи позволили отдѣльнымъ группамъ прекращать производство въ тѣхъ его отрасляхъ, гдѣ трудъ былъ менѣе производителенъ, и расширять въ тѣхъ, гдѣ онъ былъ болѣе производителенъ. Совершенствовалось и расширялось производство металловъ, орудій и оружія; создавались новыя и новыя отрасли промышленнаго труда. Обычный размѣръ производственной общины доходилъ до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ; въ иныхъ случаяхъ подъ властью одного патріарха-организатора объединялись тысячи людей. Соотвѣтственно этому была громадна сумма прибавочнаго продукта, доставляемаго общиной.

Такъ отдѣльныя человѣческія общества достигли относительно высокаго развитія, одерживая новыя и новыя побѣды надъ внѣшней природой. *Однимъ изъ элементовъ внѣшней природы для каждой производственной организаціи являются враждебныя ей организаціи, съ которыми она принуждена бороться.* Такая борьба представляетъ въ иныхъ случаяхъ существенную часть „производительной" дѣятельности людей. Это въ особенности относится къ тѣмъ племенамъ, которыя первыми выдвинулись на пути развитія среди многихъ отсталыхъ племенъ и такимъ образомъ оказывались богатыми среди бѣдныхъ. Возникали постоянныя столкновенія, непрерывная вражда. Гнетъ абсолютнаго перенаселенія заставлялъ отсталыя племена воевать изъ-за новыхъ территорій, и, конечно, съ особенной охотой они обрушивались на самыхъ культурныхъ сосѣдей, у которыхъ было чѣмъ поживиться. Не разъ дикіе кочевники побѣждали осѣдлыя, гораздо выше ихъ стоявшія общества, и частью разрушали, частью перенимали ихъ культуру.

Но нѣкоторымъ обществамъ сравнительно высокаго ранняго развитія удавалось въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ побѣдоносно бороться противъ стихійнаго натиска низшихъ племенъ—опаснѣйшихъ элементовъ внѣшней природы. Такая борьба являлась для культурныхъ обществъ производительной, общественно-полезной не только въ томъ смыслѣ, что она необходима была для охраны всего производства въ его цѣломъ, но также въ иномъ, болѣе положительномъ смыслѣ; съ тѣхъ поръ, какъ прибавочный трудъ сдѣлалъ возможной эксплоатацію, побѣда вела обыкновенно къ увеличенію производительныхъ силъ побѣдившаго общества путемъ присоединенія къ нему плѣнниковъ, которыхъ превращали въ рабовъ.

Особенная роль войны въ производственной жизни обществъ ранней культуры обусловила своеобразную судьбу ихъ.

2. Развитіе производственныхъ и распредѣлительныхъ отношеній рабства.

а) Рабовладѣльческая группа.

По мѣрѣ того, какъ возрастали величина патріархальной общины и размѣры ея производства, измѣнялся характеръ взаимныхъ отношеній между патріархомъ и его подчиненными. Дѣятельность организатора все рѣзче обособлялась въ сферѣ производства,—организаторъ, такъ сказать,

специализировался. Въ общественной психологіи все рѣзче выступало различіе между нимъ и остальными.

Когда власть патріарха сдѣлалась наслѣдственной, вмѣстѣ съ патріархомъ стала все сильнѣе обособляться среди родовой группы его семья, его ближайшіе родственники. Неравенство въ распредѣленіи усиливалось: семья патріарха, пользуясь его властью, все болѣе и болѣе начинала жить на счетъ прибавочнаго продукта. Съ этого времени можно говорить уже о дѣйствительной эксплоатаціи, такъ какъ доля общаго продукта, которую получаетъ каждый членъ семьи патріарха, опредѣляется уже не только его фактической ролью въ производствѣ, но, сверхъ того, его особымъ положеніемъ, его принадлежностью къ „господской" семьѣ. Само собою разумѣется, что это стало возможнымъ лишь благодаря значительному увеличенію суммы прибавочнаго продукта.

Чѣмъ болѣе возрастала эксплоатація группы семьею организатора, и, слѣдовательно, экономическая сила этой семьи, тѣмъ болѣе неограниченной становилась власть организатора, превращаясь въ безусловное право распоряжаться жизнью и смертью каждаго изъ его подчиненныхъ. Однако, до тѣхъ поръ, пока составъ группы опредѣлялся почти исключительно родственными связями, пока группа оставалась родовой, невозможно было сведеніе работника до степени простого орудія производства: работника приходилось цѣнить, приходилось заботливо относиться къ его потребностямъ, потому что, въ случаѣ его потери, замѣнить его было очень трудно—надо было ждать, пока размноженіе группы дастъ на его мѣсто новаго работника.

Но по мѣрѣ того, какъ число рабовъ въ составѣ группы становится относительно больше, по мѣрѣ того, какъ войны съ менѣе культурными племенами превращаются въ постоянный источникъ рабочей силы,—создаются всѣ условія для полнаго приниженія подчиненнаго производителя. Всякій данный работникъ-исполнитель, въ случаѣ его гибели, легко замѣняется новымъ, какъ замѣняется новымъ сломанное или износившееся орудіе. Правда, вначалѣ для этого требуется сдѣлать набѣгъ на враговъ и набрать плѣнниковъ, что не слишкомъ легко; но съ теченіемъ времени, благодаря развитію обмѣна, а съ нимъ мѣновой психологіи,—эта трудность устраняется. Когда въ плѣнъ взято слишкомъ большое число враговъ, такъ что самимъ побѣдителямъ неудобно сдѣлать ихъ своими рабами, то побѣдители вмѣсто того, чтобы убивать излишекъ добычи, охотно уступали ихъ родственнымъ или дружественнымъ группамъ,—конечно, въ обмѣнъ на какіе-нибудь другіе товары. Человѣкъ становится товаромъ, и личность средняго работника-исполнителя въ родовой группѣ обезцѣнивается до степени простого орудія, вмѣсто котораго, въ случаѣ поломки, можно немедленно купить новое.

Въ то же время, благодаря развитію обмѣна, возрастаетъ алчность организатора съ его семьей. Пока прибавочный продуктъ потребляется только въ натуральной, непосредственной его формѣ, до тѣхъ поръ эксплоатація ограничена, потому что ограничены потребности господствующей семьи: на что понадобится господамъ громадное количество хлѣба, котораго они не въ силахъ съѣсть? Но прогрессъ обмѣна дѣлаетъ возможнымъ почти безграничное развитіе потребностей господской семьи: всякій излишекъ обмѣнивается на какіе-нибудь новые предметы потребленія, которыхъ не производитъ сама данная группа; поэтому, чѣмъ больше прибавочнаго продукта, тѣмъ лучше для господъ.

Тогда для организатора его подчиненный выступаетъ уже не только какъ орудіе производства, но главнымъ образомъ какъ орудіе производства прибавочнаго продукта, какъ предметъ эксплоатаціи. Вопросъ о достаточномъ удовлетвореніи потребностей трудящагося отступаетъ на второй планъ; на первомъ планѣ—вопросъ объ извлеченіи возможно большей выгоды. А наибольшая выгода требуетъ, чтобы размѣры потребностей

работника были доведены до наименьшей возможной величины, количество его труда—до наибольшей. Организаторъ при такихъ условіяхъ долженъ прибѣгать въ своей дѣятельности къ грубому, насильственному принужденію, какое раньше примѣнялось исключительно къ рабамъ и только вновь принятымъ въ группу. При этомъ слѣды прежнихъ родственныхъ отношеній теряются тѣмъ легче, что фактически большинство группы состоитъ уже изъ рабовъ. Группа родовая окончательно переходитъ въ рабовладѣльческую: въ рабовъ обращаются понемногу не только военноплѣнные, но и прежніе родственники организатора, родство которыхъ оказывается слишкомъ дальнимъ и потому забывается. Возникаетъ цѣлая пропасть между свободной семьей господъ и безправной толпой рабовъ; первымъ принадлежитъ все, послѣдніе не имѣютъ ничего, даже права жить. Единственное, что вновь пріобрѣли въ этомъ превращеніи прежніе члены родовой группы,—это свойства товара, мѣновую цѣнность.

Въ сущности, товарныя свойства человѣка имѣли не только тотъ результатъ, что принижали личность; они не были лишены и положительнаго значенія, именно въ томъ смыслѣ, что облегчали до нѣкоторой степени прогрессъ производительности труда: обращеніе на рынкѣ обученныхъ рабовъ, которыхъ всѣ покупали особенно охотно, означало также легкое распространеніе повсюду разнообразныхъ техническихъ знаній и навыковъ изъ хозяйства въ хозяйство, изъ страны въ страну.

Рядомъ съ типичными рабовладѣльческими группами продолжали еще долгое время сохраняться и сравнительно небольшія патріархальныя хозяйства, въ которыхъ не было или почти не было рабовъ. Между этими двумя видами хозяйствъ не было никакой существенной разницы: если разорялась рабовладѣльческая семья, она продавала своихъ рабовъ—и хозяйство становилось чисто-семейнымъ; если обогащалась семья, не имѣвшая рабовъ, она пріобрѣтала ихъ. Общій характеръ жизни опредѣляется отношеніями рабовладѣльческихъ группъ, какъ болѣе сильныхъ экономически.

Сотрудничество и раздѣленіе труда въ большихъ рабскихъ хозяйствахъ примѣнялись въ широкихъ размѣрахъ. Въ Греціи уже вѣковъ за 5 до Р. Х. существовали цѣлыя обширныя мануфактуры—эргастеріи, гдѣ работали рабы. Въ Италіи и Сициліи нѣсколько позже развиваются особенно громадныя земледѣльческія хозяйства, гдѣ нерѣдко сотни рабовъ обрабатывали одно поле. Слѣдуетъ отмѣтить, что раздѣленіе труда рѣдко шло далѣе извѣстнаго предѣла—именно производства отдѣльнымъ работникомъ отдѣльнаго продукта; различныя стадіи производства одного продукта лишь въ исключительныхъ случаяхъ (напр., кожевенные эргастеріи) распредѣлялись между различными работниками. Зависѣло это главнымъ образомъ отъ того, что рынокъ былъ еще не слишкомъ обширенъ, спросъ не былъ такъ великъ, чтобы вызывать массовое производство продуктовъ; а только при массовомъ производствѣ выгодно усиленное раздѣленіе труда.

Съ теченіемъ времени, съ возрастаніемъ рабовладѣльческихъ хозяйствъ, сама организаторская дѣятельность въ нихъ подвергается раздѣленію: господа начинаютъ понемногу передавать ее другимъ лицамъ, обыкновенно—испытаннымъ и наиболѣе способнымъ рабамъ. Вначалѣ подобныя измѣненія совершаются въ силу фактической невозможности для одного слѣдить за громаднымъ хозяйствомъ; а затѣмъ разъ начавшаяся передача продолжается и безъ непосредственной необходимости, въ силу стремленія рабовладѣльцевъ обезпечить себѣ возможно болѣе спокойное пользованіе прибавочнымъ продуктомъ.

б) Между-групповыя производственныя связи.

Что касается до между-групповыхъ производственныхъ связей, то онѣ, вообще, чрезвычайно расширились въ изучаемую эпоху.

Неорганизованное раздѣленіе труда между группами, выражающееся въ обмѣнѣ, развилось до громадныхъ размѣровъ по сравненію съ предыдущимъ періодомъ,—однако охватило не большую, а только меньшую часть общественнаго производства.

Если вначалѣ рабовладѣльческое хозяйство являлось все еще почти исключительно натуральнымъ, то въ своемъ развитомъ видѣ оно уже обладало въ сильной степени двойственнымъ натурально-мѣновымъ характеромъ. Потребности рабовъ почти исключительно, а потребности господской семьи—въ незначительной степени удовлетворялись собственнымъ производствомъ группы, наибольшая же доля господскаго потребленія основывалась на обмѣнѣ. Такимъ образомъ, обмѣнъ преимущественно захватывалъ самые верхи общества, и преобладающая роль въ мѣновыхъ отношеніяхъ принадлежала предметамъ комфорта и роскоши.

Отчасти, именно благодаря такому характеру обмѣна въ эпоху рабства, роль денегъ перешла къ благороднымъ металламъ. Тогда же деньги впервые приняли форму монеты: вновь возникшая общественно-экономическая организація—государство—взяла на себя обязанность, точнѣе—присвоила себѣ право чеканить изъ денежныхъ металловъ слитки опредѣленной формы, вѣса и цѣнности, которые служатъ всеобщими законными орудіями обращенія товаровъ.

Самое дѣло обмѣна понемногу выдѣлилось какъ самостоятельное занятіе особаго общественнаго класса торговцевъ, которые, покупая товары у производителей, доставляютъ и продаютъ ихъ потребителямъ и живутъ на счетъ разницы мѣновой цѣнности въ первомъ и второмъ случаѣ.

Въ общемъ, размѣры торговли были все-таки ничтожны по сравненію съ нынѣшними. Объ этомъ съ достовѣрностью можно судить на основаніи количества денегъ, которое требовалось для обращенія товаровъ: добываніе золота и серебра въ Азіи и Европѣ даже въ цвѣтущую эпоху классическаго міра было во много десятковъ разъ меньше, чѣмъ въ настоящее время; между тѣмъ техника обмѣна была невысоко развита, потребность въ деньгахъ для мѣновыхъ сдѣлокъ не ослаблялась такими высоко-совершенными приспособленіями, какъ въ наши времена (обращеніемъ ассигнацій, банковыхъ билетовъ, чековой системой и т. д.).

Кредитное дѣло или, точнѣе, его зародышъ—ростовщичество—постепенно развилось въ изучаемую эпоху до обширныхъ размѣровъ. Оно сыграло важную роль въ созданіи громадныхъ богатствъ греческой и позже—римской аристократіи.

Въ соотвѣтствіи съ неорганизованными экономическими отношеніями въ древнемъ мірѣ совершился также значительный прогрессъ въ организованныхъ связяхъ.

Тѣ зародыши государственности, которые въ патріархальномъ мірѣ намѣчались въ видѣ коллективныхъ племенныхъ предпріятій—охотничьихъ и военныхъ—быстро развивались и перешли въ обширные политическіе союзы, которые иногда охватывали десятки милліоновъ людей. Прогрессъ общественнаго раздѣленія труда, выражавшійся въ ростѣ обмѣна, создавалъ потребность въ экономическомъ объединеніи для охраны и облегченія мѣновыхъ сношеній: установленіе общихъ денегъ, общихъ товарныхъ мѣръ, устройство и военная охрана путей сообщенія, рынковъ, контроль за уплатою долговъ, охрана личности и имущества купцовъ, живущихъ на чужбинѣ и т. под. Громадная роль войны, какъ способа добыванія рабовъ и новыхъ территорій, требовала прочной, обширной военной организаціи. Рѣзкое распаденіе древняго общества на два класса: угнетающій и угнетенный, изъ которыхъ второй былъ гораздо многочисленнѣе, и далѣе распаденіе перваго изъ этихъ классовъ на отдѣльныя группы съ взаимно-враждебными интересами опять-таки порождало настоятельную необходимость въ централизованной военной силѣ... Всѣмъ этимъ потребностямъ удовлетворяло древнее государство.

Развитіе древняго государства шло двумя различными путями и приводило къ двумъ весьма несходнымъ типамъ организаціи.

Въ однихъ случаяхъ обширное политическое цѣлое складывалось преимущественно путемъ войны. Это имѣло мѣсто при наличности двухъ условій: во-первыхъ, если самыя условія внѣшней природы порождали потребность въ обширной общественной организаціи, напр., когда вся судьба производства зависѣла отъ успѣшнаго регулированія уровня воды большихъ рѣкъ (плодородныя долины Нила, Тигра и Евфрата, Хо-ан-хэ и др. были мѣстомъ образованія первыхъ деспотическихъ монархій) или когда необходимо было сплотиться для борьбы съ постоянными нападеніями сильныхъ враждебныхъ племенъ; во-вторыхъ, если мѣновыя связи были еще недостаточно развиты, недостаточно широки и прочны, чтобы создать сильный политическій союзъ. Среди безчисленныхъ войнъ конца патріархальнаго періода отдѣльной родовой группѣ удавалось рядомъ побѣдъ подчинить себѣ многія сосѣднія группы. Вначалѣ побѣжденные прямо включались въ составъ общины побѣдителей, превращаясь въ рабовъ. Но за извѣстными предѣлами такое полное включеніе становится невозможнымъ—получилось бы слишкомъ обширное хозяйство, вести которое было бы немыслимо одному господину; тогда группа побѣдившая стала довольствоваться тѣмъ, что заставляла побѣжденную подчиняться политически, т.-е. признавать верховную власть побѣдившей и платить дань; а въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ подчинившаяся группа сохраняла еще значительную долю самостоятельности.

Все болѣе разрастаясь, отдѣльная группа превращалась такимъ способомъ въ громадное деспотическое государство древняго міра. Таковы были царства египетское, ассирійское, вавилонское, персидское и др. Власть деспота оставалась въ нихъ безграничной властью патріарха, рабовладѣльца. Между деспотомъ и простымъ главой рабовладѣльческой семьи существовало множество промежуточныхъ ступеней; сатрапы, начальники округовъ и т. п., и каждый начальникъ по отношенію къ его подчиненнымъ, дѣятельность которыхъ онъ долженъ былъ организовать, пользовался громадной патріархальной властью. Типъ организаціи въ подобныхъ государствахъ былъ всюду одинъ и тотъ же.

Иной характеръ имѣли древнія государства, сложившіяся на почвѣ прочныхъ и широкихъ мѣновыхъ связей между отдѣльными группами. То были свободные союзы единоплеменныхъ, равноправныхъ общинъ, союзы, первоначальная цѣль которыхъ заключалась въ совмѣстныхъ военныхъ предпріятіяхъ и въ охранѣ обмѣна и частной собственности.

Благодаря постояннымъ сношеніямъ и развитію общественнаго раздѣленія труда, общихъ дѣлъ между отдѣльными группами подобнаго союза съ теченіемъ времени становилось все больше и больше—связь становилась болѣе тѣсной и прочной.

Общія дѣла рѣшались совѣтомъ господъ, а затѣмъ ихъ выборными, которые, впрочемъ, оставались подъ контролемъ совѣта. Во внутреннихъ дѣлахъ своей группы каждый свободный глава семьи оставался по прежнему полнымъ господиномъ. Что касается рабовъ, то они, само собой разумѣется, не принимали никакого участія въ управленіи общественными дѣлами. Таковы были многочисленныя республики древней Греціи и частью Италіи.

Благодаря массѣ войнъ древняго міра, организаціи второго типа оказывались не особенно устойчивыми и нерѣдко измѣнялись въ организаціи перваго типа; война требуетъ строгаго единства власти, котораго слишкомъ трудно было достигнуть въ аристократическихъ республикахъ. Такимъ образомъ, въ результатѣ громаднаго ряда войнъ республиканскій Римъ превратился въ Римъ цезарей. Кромѣ этого, нерѣдко внутренняя борьба экономическихъ интересовъ путемъ междоусобныхъ войнъ въ республикахъ приводила къ подобной же смѣнѣ формъ: многія греческія республики не-

однократно переходили въ тиранію; когда мелкіе рабовладѣльцы, крестьяне, ремесленники и торговцы выступали противъ сплоченной крупно-рабовладѣльческой аристократіи, они становились по большей части подъ знамена царя или тирана, такъ какъ только строгая централизація силъ могла доставить имъ побѣду.

Въ общемъ государство древняго міра являлось организаціей внѣшней и внутренней охраны сложившихся экономическихъ отношеній, организаціей рабовладѣльческихъ интересовъ.

3. Основныя черты общественной психологіи древняго міра.

а) Положеніе личности въ группѣ и въ обществѣ.

Постепенное превращеніе патріарха въ рабовладѣльца и рабовладѣльца изъ организатора производства—въ паразита влекло за собой соотвѣтственныя измѣненія во взглядахъ на производителя и производительный трудъ. Уваженіе и интересъ къ производительному труду исчезали и смѣнялись противоположнымъ отношеніемъ. Здѣсь умѣстно будетъ характеризовать эту сторону общественнаго мышленія въ ея полномъ развитіи, въ эпоху расцвѣта рабовладѣльческой системы.

Въ тѣ времена сложилась такая классификація орудій производства: 1) instrumenta muta — нѣмыя, мертвыя орудія, напр., топоръ, станокъ; 2) instrumenta semivocalia — орудія живыя, но такія, которыя только наполовину, т.-е. очень несовершенно, выражаютъ голосомъ свои чувства — это домашія животныя, и 3) instrumenta vocalia — орудія, одаренныя способностью рѣчи, т.-е. люди—рабы.

Такой взглядъ неизбѣжно навязывался уму древнихъ общественно-экономическимъ строемъ того времени: система производства основывалась на фактическомъ отношеніи человѣка къ человѣку, какъ къ простому орудію, на присвоеніи чужой личности съ цѣлью пользоваться ея рабочей силой.

Не зная иного общественнаго строя, древніе считали рабство естественнымъ и неизмѣннымъ закономъ природы. Отъ такого взгляда неспособны были отрѣшиться и наиболѣе интеллигентные, даже геніальные люди тѣхъ временъ. „Природа создаетъ однихъ людей для свободы, другихъ—для рабства“ (Аристотель, „Политика). Платонъ, одинъ изъ благороднѣйшихъ мыслителей древности, создавая свой планъ идеально-совершеннаго государства, не находилъ возможности обойтись въ немъ безъ рабовъ. (Послѣднее, впрочемъ, тѣмъ болѣе понятно, что „Республика“ Платона представляетъ по существу только идеализацію спартанскаго общества.)

Если не всегда съ рабами обращались жестоко, то по крайней мѣрѣ, въ нихъ, вообще, не видѣли, не могли видѣть людей. Впрочемъ, и жестокость прогрессируетъ по мѣрѣ того, какъ развитіе обмѣна съ вытекающей изъ него жаждой наживы побуждаетъ все сильнѣе эксплоатировать рабовъ.

Во взаимныхъ отношеніяхъ рабовъ господствовало равенство,—конечно, равенство безправія. Однако, по мѣрѣ того, какъ господа передавали довѣреннымъ рабамъ часть своей организаторской дѣятельности, возникала также власть рабовъ надъ рабами.

Семейныя связи рабовъ создавались и разрушались сообразно расчетамъ господъ.

Господскіе расчеты опредѣляли также то количество жизненныхъ средствъ, которое должно было доставаться на долю раба. Съ широкимъ развитіемъ систематической торговли рабами становилось болѣе выгоднымъ не заботиться о полномъ удовлетвореніи основныхъ потребностей раба, а заботиться главнымъ образомъ объ интенсивности его работы: такимъ обра-

зомъ рабъ скоро „изнашивался“ и замѣнялся свѣжимъ, который стоилъ сравнительно недорого. Слѣдовательно, господскимъ расчетомъ регулировалась продолжительность жизни рабовъ, какъ регулировалось ихъ размноженіе.

Приниженность, подавленность, безсмысленная покорность—вотъ главныя черты рабской психологіи, вытекавшія изъ подобныхъ отношеній. Не было возможности развитія, отсутствовала и идея борьбы. Лишь при исключительныхъ условіяхъ происходили иногда возмущенія рабовъ; это бывало обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ самый характеръ занятій создавалъ либо необычную сплоченность массы рабовъ (земледѣльческіе рабы Сициліи, работавшіе скованными по нѣскольку сотъ на одномъ полѣ), либо необычную энергію и воинственность (гладіаторы Рима. Здѣсь, впрочемъ, имѣлъ значеніе и тотъ фактъ, что гладіаторы по большей части были рабами въ первомъ поколѣніи, а не потомками рабовъ, совсѣмъ не знавшими свободы). Подобные бунты подавлялись съ безпощадной жестокостью путемъ возможно болѣе полнаго истребленія возставшихъ. Но и въ случаѣ успѣха рабовъ не измѣнилась бы самая система отношеній—рабы не въ силахъ были организовать иную, а измѣнился бы развѣ только составъ класса свободныхъ людей.

Надъ безправной массой рабовъ возвышалась господская семья. Но и на ея организацію рабство наложило свой рѣзкій отпечатокъ. Въ ней не только сохранилась обычная власть патріарха надъ членами его рода, доходящая до права распоряжаться ихъ жизнью и смертью: глава семьи имѣлъ также право п р о д а в а т ь своихъ дѣтей въ рабство; и даже въ цвѣтущія времена классическаго міра такіе факты не были особенною рѣдкостью. Но хотя по своей безграничности власть отца надъ семьей не отличалась отъ власти господина надъ рабами, тѣмъ не менѣе дѣйствительныя отношенія въ первомъ случаѣ были, конечно, гораздо мягче, чѣмъ во второмъ.

Далѣе, надъ отдѣльной семьей возвышалось государство. Отношенія къ нему свободнаго человѣка были весьма различны, смотря по типу государственнаго устройства.

Въ азіатскихъ деспотіяхъ каждый подданный являлся рабомъ государства. Экономически это выражалось въ эксплоатаціи частныхъ хозяйствъ хозяйствомъ государственнымъ — въ собираніи громадныхъ даней и налоговъ; юридически — въ полномъ безправіи личности передъ любымъ изъ зубцовъ административной машины, служившей для собиранія этихъ даней и налоговъ. Массы населенія вовсе не жили гражданской жизнью. Лежавшій на нихъ гнетъ съ теченіемъ времени усиливался, по мѣрѣ того, какъ совершенствовалась организація чиновничества. Вмѣсто того, чтобы только исполнять велѣнія высшей власти и служить для нея живымъ орудіемъ эксплоатаціи, чиновничество это все болѣе начинало жить своей жизнью, эксплоатировать для себя. Такое измѣненіе совершалось по мѣрѣ того, какъ высшіе слои азіатской бюрократіи все болѣе перелагали свою общественно-организаторскую дѣятельность на низшіе слои, превращаясь такимъ образомъ изъ производительныхъ членовъ общества въ паразитовъ, какъ рабовладѣльцы Греціи и Рима. При этомъ, стараясь о своемъ потомствѣ, бюрократія создавала для него массу новыхъ общественно-безполезныхъ должностей. Въ такихъ восточныхъ деспотіяхъ, какъ Китай, Персія, чудовищная сила административнаго аппарата явилась источникомъ величайшаго экономическаго и юридическаго угнетенія.

При подобныхъ условіяхъ развитіе личности становится невозможнымъ не для однихъ рабовъ, и духовная подавленность господъ немногимъ отличается отъ рабской забитости.

Въ иныхъ отношеніяхъ стояла личность къ политическому цѣлому въ государствахъ европейскаго типа.

Тамъ личность не была угнетена — этого по существу не допускала самая форма государственнаго союза. Впрочемъ, вначалѣ наиболѣе богатымъ, знатнымъ рабовладѣльческимъ фамиліямъ удавалось экономически и политически подчинить себѣ демонъ—массу менѣе богатыхъ гражданъ—земледѣльцевъ и ремесленниковъ; экономическая зависимость послѣднихъ выражалась главнымъ образомъ въ задолженности, политическая — въ ничтожномъ вліяніи на государственное управленіе. Но когда развитіе мѣновыхъ сношеній усилило взаимную связь элементовъ демоса и на сцену выступила вновь сложившаяся группа демоса — торговцы, тогда демосъ сплотился противъ крупной земельной аристократіи и повелъ съ ней упорную борьбу за политическія права, за связанныя съ ними экономическія выгоды. Борьба завершилась побѣдой демоса, который добился полной политической равноправности.

Исторія врядъ ли можетъ указать гдѣ-либо такой блестящій расцвѣтъ гражданской жизни, какъ въ Аѳинахъ VI—IV вв. до Р. Х. Юридическое равенство было полнѣйшее: каждый могъ участвовать въ обсужденіи и подавать свой голосъ въ рѣшеніи общегосударственныхъ дѣлъ. Дѣло дошло до того, что нѣкоторыя должности замѣщались даже не по избранію, а прямо по жребію. Таковъ былъ демократизмъ республики. Но это была только лицевая сторона общественной жизни.

За немногими десятками тысячъ гражданъ, свободно развивавшихся въ атмосферѣ широко-гражданской жизни, стояли многія сотни тысячъ безправныхъ, угнетенныхъ „живыхъ орудій". Смыслъ политической дѣятельности свободныхъ людей заключался въ дѣлежѣ добычи, созданной рабскимъ трудомъ и отнятой у рабовъ.

Такъ было и въ древнемъ Римѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ боролась тамъ демократія—плебеи—съ высшимъ классомъ—патриціатомъ—ради тѣхъ же экономическихъ цѣлей, какъ демосъ Аѳинъ. Шагъ за шагомъ, съ поразительной энергіей она принуждала своихъ сильныхъ, организованныхъ противниковъ дѣлать уступки въ сторону равенства. Но во время всей этой борьбы не раздался ни одинъ голосъ за улучшеніе условій жизни рабовъ—въ этомъ отношеніи не было различія между самыми корыстными изъ демагоговъ и честнѣйшими утопистами въ родѣ Гракховъ, вся жизнь которыхъ прошла въ самоотверженной борьбѣ за „народные" интересы.

Подводя итоги, о положеніи личности въ древнемъ обществѣ можно сказать слѣдующее. Для раба возможности развитія не было, но были всѣ данныя, чтобы деградировать. Для господина въ слабо-мѣновыхъ обществахъ Востока условія развитія были только немногимъ лучше этого; наоборотъ, въ обществахъ Запада, гдѣ обмѣнъ былъ широко развитъ, свободная личность имѣла полный просторъ для того, чтобы развернуть свои силы.

б) Общественныя формы міровоззрѣнія.

Далѣе слѣдуетъ разсмотрѣть вопросъ, насколько богатый и насколько подходящій м а т е р і а л ъ для техническаго, а за нимъ и экономическаго развитія представляла общественная психологія періода рабства.

Что касается психики рабовъ, то о ней много говорить не приходится: ея крайняя бѣдность и безсодержательность, ея узость и ограниченность не подлежатъ сомнѣнію, разъ эти люди были фактически низведены до степени простыхъ орудій производства. Здѣсь нечего искать элементовъ развитія; умственная жизнь людей этого класса была даже въ лучшихъ случаяхъ (ученые рабы) слабымъ отблескомъ умственной жизни господъ.

Классъ господъ находился въ иномъ положеніи: здѣсь бѣдность психологіи отнюдь не являлась необходимостью; по самой сущности своей организаторская дѣятельность требуетъ нѣкотораго умственнаго развитія

а эксплоатація рабовъ давала господамъ возможность посвящать время не только различнымъ удовольствіямъ, но и труду мышленія.

Обширный періодъ рабства охватываетъ собою длинный рядъ далеко не вполнѣ сходныхъ общественныхъ формацій; сравнивая уровень духовной жизни въ различныя стадіи этого періода и у различныхъ народовъ, можно найти всѣ переходы отъ полнѣйшаго варварства до той высокой ступени цивилизаціи, какой достигли Греція и Римъ въ эпоху ихъ процвѣтанія.

Нѣтъ надобности останавливаться на содержаніи психической жизни господъ въ тѣхъ обществахъ, которыя сложились при слабыхъ мѣновыхъ связяхъ и организовались въ формѣ восточныхъ деспотій: тамъ на извѣстной стадіи развитія почти стушевываются различія психологіи господъ и рабовъ; аналогичный характеръ гнета, лежащаго на тѣхъ и другихъ, порождаетъ аналогичную узость, безсодержательность, неподвижность мышленія; разница въ степени такъ мала, что почти не заслуживаетъ вниманія.

Иную картину представляютъ рабовладѣльческія общества со значительнымъ развитіемъ обмѣна. Свободныя, далеко простирающіяся мѣновыя связи расширяютъ умственный горизонтъ людей, даютъ толчокъ познанію, освобождаютъ мышленіе отъ того оцѣпенѣнія, въ которомъ находится оно въ натурально-хозяйственныхъ группахъ прежнихъ временъ. Психическій матеріалъ необходимо возрастаетъ, становится разнообразнѣе; отсутствіе внѣшняго гнета, съ одной стороны, и сравнительно небольшая власть природы надъ людьми—съ другой стороны, создаютъ почву для извѣстной ступени мышленія, для болѣе интенсивной познавательной дѣятельности.

Натуральный фетишизмъ все болѣе и болѣе отступаетъ на второй планъ. Онъ сохраняетъ за собой только нѣкоторыя области; его остатки—языческія религіи, метафизическое пониманіе жизненныхъ явленій и вообще наиболѣе сложныхъ явленій природы. Въ религіяхъ древняго міра выступаютъ въ обоготворенномъ, фетишистическомъ видѣ не побѣжденныя и, слѣдовательно, не объясненныя стихійныя явленія природы, а позже—и стихійныя явленія общественной жизни... Метафизика, объясняющая явленія безразличными „силами, которыя за ними скрываются", есть только болѣе отвлеченная форма анимизма. Само собой разумѣется, что въ психикѣ экономически слабѣйшихъ элементовъ общества (демосъ, плебеи, позже пролетаріи) анимизмъ и метафизика постоянно занимаютъ сравнительно болѣе широкую сферу, чѣмъ въ психикѣ высшихъ слоевъ.

Во всякомъ случаѣ, классическій міръ за время своего существованія успѣлъ высоко развить познавательную дѣятельность. Но шелъ ли ея прогрессъ въ томъ направленіи, которое благопріятно для развитія техники и экономики, была ли эта дѣятельность полезна съ точки зрѣнія интересовъ непосредственной борьбы съ природой, съ точки зрѣнія захвата дѣйствительной власти надъ нею?

Тутъ слѣдуетъ различать двѣ стадіи жизни классическаго міра. Пока крупный рабовладѣлецъ оставался фактическимъ организаторомъ производства своей группы, а рядомъ съ нимъ сохранился еще свободный крестьянинъ и ремесленникъ, до тѣхъ поръ общественное мышленіе неизбѣжно направлялось въ сторону пріобрѣтенія практическихъ знаній. Правда, это было въ болѣе раннія эпохи рабовладѣльческой культуры, когда силы развивающагося познанія были еще ничтожны, а консерватизмъ патріархальнаго быта еще въ значительной степени тяготѣлъ надъ умами; слѣдовательно, прогрессъ практическихъ знаній могъ идти только очень медленно. Но по сравненію съ предыдущими эпохами — то была громадная скорость. Въ теченіе немногихъ вѣковъ было сдѣлано множество техническихъ усовершенствованій и изобрѣтеній: къ послѣднимъ вѣкамъ исторіи античнаго міра былъ накопленъ большой запасъ научно-практическихъ свѣдѣній, и въ нѣкоторыхъ областяхъ производства постановка дѣла была высоко цѣлесообразная, основанная на сравнительно глубокомъ знакомствѣ

съ законностями явленій (напр., инженерное и строительное дѣло, обработка металловъ и т. под.).

Но въ слѣдующей стадіи фактическая роль крупнаго рабовладѣльца въ производствѣ быстро уменьшается, организаторская дѣятельность перелагается на плечи нѣкоторой части рабовъ (и подобныхъ рабамъприслужниковъ). Въ то же время ходъ вещей разрушаетъ крестьянскій и ремесленный классъ, обращая ихъ въ паразитическій пролетаріатъ (какимъ способомъ—это будетъ выяснено дальше). Тогда естественно измѣняется направленіе умственной жизни господствующаго класса. Она отрывается отъ интересовъ непосредственной борьбы съ природой, отъ области производства и переходитъ въ „высшія сферы". Какъ общественная роль господъ все болѣе сводится къ потребленію, такъ ихъ мыслительная дѣятельность все болѣе сводится къ утонченному самоуслажденію.

Исчезаетъ всякій интересъ къ техническимъ наукамъ, которыя непосредственно служатъ производительному труду, т.-е. вообще говоря—рабскому, а не господскому занятію. На слабыхъ зачаткахъ останавливается прогрессъ наукъ естественныхъ, потому что наблюденія и опыты надъ обыденными явленіями господа считаютъ недостойнымъ себя дѣломъ. О соціальныхъ наукахъ и говорить нечего; въ качествѣ ихъ зародыша является лишь поверхностная исторія героевъ и войнъ, а изученіе матеріальной и экономической культуры почти отсутствуетъ, такъ какъ оно имѣетъ своимъ предметомъ неважное и презрѣнное дѣло — производство. Такое крайнее высокомѣріе мысли явилось своеобразнымъ отраженіемъ безграничной власти господъ надъ ихъ рабами.

Съ особенной охотой древніе занимались наиболѣе отвлеченными изъ естественныхъ наукъ—математикой, логикой. Изъ наукъ болѣе конкретныхъ пользовалась уваженіемъ астрономія, предметъ которой возвышенъ. Для подобныхъ наукъ сколько-нибудь близкія къ жизни практическія ихъ приложенія считались униженіемъ. По мнѣнію Платона, примѣнять геометрію къ рѣшенію механическихъ задачъ значило оскорблять достоинство геометріи.

Философіей въ древнемъ мірѣ, особенно въ Греціи, занимались столько, сколько врядъ ли гдѣ-либо потомъ. Греческая философія была наиболѣе блестящимъ плодомъ древней цивилизаціи. Но и здѣсь преобладающая черта—оторванность философіи отъ обыденной жизни, недостатокъ стремленія положить въ ея основу изученіе дѣйствительности, по преимуществу умозрительный характеръ.

Вообще, въ позднѣйшую эпоху античнаго міра все богатство познанія было почти безполезно для техническаго прогресса, а стало быть — и для экономическаго развитія.

Развитіе изящныхъ искусствъ было другимъ характернымъ продуктомъ психической жизни древняго міра, продуктомъ также почти безполезнымъ для экономическаго прогресса, хотя и весьма цѣннымъ для высшихъ классовъ въ смыслѣ наслажденія жизнью.

Въ экономическихъ воззрѣніяхъ эпохи расцвѣта классической цивилизаціи особенно ясно отражается неблагопріятное для экономическаго развитія направленіе общественнаго мышленія.

Воззрѣнія эти отрывочно разбросаны въ различныхъ произведеніяхъ древней литературы. Они не являлись результатомъ критическаго изслѣдованія, а прямо диктовались общественными условіями; они не были научны и не могли сложиться въ научную систему. Экономическая наука—ученіе объ отношеніяхъ людей при производительномъ трудѣ—была вообще невозможна въ эпоху всеобщаго презрѣнія къ производительному труду.

„Вся наука хозяина,—говоритъ Аристотель,—сводится къ умѣнію пользоваться своимъ рабомъ". При этомъ идеалъ древнихъ—имѣть все нужное прямо изъ труда своихъ рабовъ, безъ помощи обмѣна. Такого взгляда придерживались даже аѳиняне, нація сравнительно торговая. Осно-

вывался онъ во первыхъ, на общемъ характерѣ тогдашняго хозяйства, которое было все же болѣе натуральнымъ, чѣмъ мѣновымъ, такъ какъ обмѣнъ захватывалъ только его верхи; во-вторыхъ, на рѣзкомъ антагонизмѣ между классомъ торговцевъ и остальными группами общества.

При сравнительно слабомъ обмѣнѣ, когда масса товаровъ, проходящая черезъ руки купца вообще не велика, торговый классъ не можетъ довольствоваться такимъ небольшимъ процентомъ прибыли какъ въ наши, напр., времена. Купцы энергично эксплоатировали и производителей, и потребителей,—что было для нихъ довольно легко благодаря слабой конкурренціи. Такимъ образомъ, ярко выступила противоположность интересовъ класса торговцевъ съ интересами другихъ членовъ общества, враждебное отношеніе большинства древнихъ писателей къ торговлѣ и торговцамъ. „Купцы, привыкшіе лгать и обманывать, могутъ быть только терпимы въ государствѣ, какъ неизбѣжное зло... для гражданина торговать—преступленіе... Государство должно слѣдить за продажей товаровъ и допускать только самую небольшую прибыль для купцовъ“ (Платонъ). Мелочная торговля—гнусное дѣло. Обширная—только терпимое. Не можетъ быть барыша безъ обмана“... (Цицеронъ). Мѣновая цѣнность товаровъ получаетъ у Аристотеля полупрезрительное названіе „искусственной пользы отъ предмета“, въ противоположность „естественной пользѣ отъ предмета“, т.-е. возможности прямо потребить продуктъ.

Раздѣленіе труда древніе цѣнили не съ производственной точки зрѣнія, а съ потребительной. Они не обращали вниманія на ту существенную выгоду раздѣленія труда, что оно увеличиваетъ количество продуктовъ и уменьшаетъ ихъ стоимость. Они придавали значеніе только тому, что раздѣленіе труда улучшаетъ качество продуктовъ, повышаетъ удовольствіе ихъ потребленія. Такая точка зрѣнія какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ потребительной роли рабовладѣльцевъ въ развитомъ античномъ обществѣ.

Общественное раздѣленіе труда и обмѣнъ, въ которомъ оно выражается, были великими прогрессивными силами древняго міра. Они представляли собой основную связь, объединявшую тогдашнее производство. И вотъ къ этимъ-то явленіямъ общественная психологія частью относилась прямо отрицательно, частью игнорировала самое существенное ихъ значеніе—ихъ роль въ пріобрѣтеніи обществомъ власти надъ природой.

Любопытно, что ростовщичество было гораздо болѣе уважаемымъ занятіемъ, чѣмъ торговля. Въ литературѣ попадаются, правда, нападки и на него,—напр., Аристотель осуждаетъ его на томъ основаніи, что „въ высшей степени противно природѣ рожденіе денегъ изъ денегъ“. Но такихъ нападокъ сравнительно немного. Между тѣмъ, противоположность интересовъ ростовщика и его должниковъ не менѣе очевидна и чувствовалась не слабѣе, чѣмъ противоположность интересовъ торговца съ производителемъ и потребителемъ. Ростовщичество пользовалось большимъ уваженіемъ, чѣмъ торговля потому, что тотъ классъ, который занимался ростовщичествомъ, былъ гораздо сильнѣе и вліятельнѣе класса торговцевъ.

Торговля требовала въ тѣ времена много предпріимчивости, трудовъ, связана была съ большимъ рискомъ. Воспитанные на бездѣльѣ, знатные рабовладѣльцы не обладали вообще необходимой для такого дѣла энергіей. Ростовщичество было гораздо болѣе легкимъ и не менѣе прибыльнымъ занятіемъ. Аристократы противъ него ничего не имѣли и охотно имъ занимались. Въ Аѳинахъ эпохи расцвѣта 18% въ годъ были обычной высотой роста. Въ Римѣ такіе люди, какъ Помпей, Сулла, Антоній, даже патріоты-идеалисты Брутъ и Кассій не стѣснялись давать ссуды за громадные проценты—48—70% въ годъ. Естественно и то, что государство энергично покровительствовало ростовщическому дѣлу и съ замѣчательнымъ усердіемъ охраняло интересы кредиторовъ. Государство не принимало тогда во вниманіе различія между нежеланіемъ и невозможностью уплатить. Несостоятельнаго должника кредиторъ имѣлъ право продать въ рабство. А по рим-

скимъ законамъ 12 таблицъ (составлены аристократами въ 451 г. до Р. Х.) кредиторамъ, повидимому, предоставлялось даже разрѣзать на части тѣло человѣка, не имѣющаго средствъ для уплаты долговъ.

Таково было отношеніе общества и государства къ ростовщическому дѣлу. Между тѣмъ, въ исторіи гибели древняго міра развитіе ростовщичества, какъ будетъ выяснено дальше, сыграло очень важную и очень печальную роль.

Преобладаніе политики надъ другими сторонами жизни рѣзко бросается въ глаза въ греко-римскомъ мірѣ. Общественныя дѣла этого рода играли настолько важную роль въ жизни гражданъ, что Аристотель даже считалъ стремленіе къ политической дѣятельности отличительной чертой человѣка. „Человѣкъ,—говоритъ онъ,—есть по самой природѣ своей животное политическое“ (т. е. гражданинъ). Презрѣніе къ физическому труду мотивируется въ значительной степени тѣмъ, что онъ не оставляетъ досуга для занятія общественными дѣлами (Ксенофонтъ). Между тѣмъ, если изслѣдовать тѣ интересы, которые лежали на основѣ этой широкой гражданской жизни и порождали борьбу партій, то окажется, что они сводились въ концѣ концовъ къ интересамъ эксплоатаціи, завоеванія, грабежа, дѣлежа добычи. И чѣмъ дальше, тѣмъ въ большей мѣрѣ становилась фактически непроизводительной, т.-е. общественно-безполезной вся политическая область труда, которая представлялась наиболѣе полезной, наиболѣе производительной свободнымъ гражданамъ.

4. Причины и ходъ деградаціи рабовладѣльческихъ обществъ.

Техническій прогрессъ—основа всякаго развитія общества—началъ все сильнѣе замедлять свой ходъ съ того времени, какъ сословіе господъ фактически утратило, сложило съ себя организаторскую роль въ производствѣ. Дѣйствительно, то былъ единственный классъ общества, по условіямъ своей жизни имѣвшій возможность развиваться; по мѣрѣ его превращенія въ группу общественно-паразитическую, и его развитіе измѣняло свой характеръ, шло уже въ паразитическомъ, потребительномъ, а не производительномъ направленіи. Рабы же, въ силу основныхъ условій своей жизни, почти не могли развиваться и развивать силы общества въ борьбѣ съ природой

Но этого мало,—рабы фактически принижались, деградировали умственно и физически. Человѣкъ, превращенный въ орудіе производства, быстро терялъ свою жизненную энергію. Безпощадная эксплоатація сокращала его существованіе и приводила его потомство къ быстрому вырожденію и гибели. При наличности постоянной, систематической торговли рабами для господъ оказывалось выгоднымъ требовать отъ своихъ рабовъ наибольшаго возможнаго напряженія въ работѣ, не заботясь о томъ, чтобы вполнѣ возстановлять ихъ истощенныя силы отдыхомъ, пищей и вообще достаточнымъ удовлетвореніемъ ихъ потребностей. Правда, живое орудіе скоро изнашивалось, но извлеченная изъ него выгода съ избыткомъ покрывала издержки на покупку новаго такого орудія.

Въ результатѣ рабы необходимо вымирали, число ихъ уменьшалось, смертность преобладала надъ размноженіемъ. Но въ теченіе многихъ вѣковъ это вымираніе съ избыткомъ покрывалось притокомъ свѣжихъ плѣнниковъ, которые добывались посредствомъ войны съ варварами—сосѣдями культурнаго рабовладѣльческаго общества. Пока этотъ источникъ рабовъ не изсякъ, рабовладѣльческое общество по крайней мѣрѣ не деградировало, а держалось на одномъ уровнѣ: производство не уменьшалось въ размѣрахъ, потому что рабочей силы было достаточно.

Однако, такое положеніе дѣлъ не могло продолжаться безконечно. Настало время, когда успѣшность войнъ съ варварами начала быстро

понижаться, и добываніе рабовъ въ достаточномъ количествѣ сдѣлалось очень затруднительнымъ, а затѣмъ—и прямо невозможнымъ. Побѣды надъ варварами смѣнились цѣлымъ рядомъ пораженій, войны изъ наступательныхъ стали оборонительными, источникъ рабочей силы изсякъ. Какія причины вызвали такой поворотъ военнаго счастья?

Причины эти сводятся къ быстрому упадку военной силы рабовладѣльческаго общества.

Война--производство рабовъ—оставалась единственной областью производства, которую никоимъ образомъ нельзя было передать рабамъ, и которая оставалась поэтому дѣломъ свободныхъ людей. Войско могло состоять только изъ людей свободнаго сословія, и потому упадокъ этого сословія означалъ упадокъ войска, упадокъ производства рабовъ, деградацію рабовладѣльческаго хозяйства. Между тѣмъ, внутреннія экономическія условія древняго міра подрывали силу свободнаго сословія.

Свободное сословіе состояло, во-первыхъ, изъ типичныхъ крупныхъ рабовладѣльцевъ, которыхъ было меньшинство, и, во-вторыхъ, изъ мелкихъ собственниковъ, хозяйство которыхъ нерѣдко имѣло чисто семейный характеръ, т.-е. обходилось безъ рабовъ, и всегда держалось по преимуществу личнымъ трудомъ владѣльцевъ и ихъ семействъ; наибольшую часть такихъ хозяйствъ составляли земледѣльческія, наименьшую—ремесленныя.

Такимъ образомъ, основную часть военной силы древняго міра составляли мелкіе собственники-земледѣльцы, иначе—крестьянство. Римъ, объединившій подъ своею властью всѣ античныя общества, являлся въ эпоху расцвѣта своей завоевательной политики по преимуществу крестьянскимъ государствомъ. Пока сохранялось сильное, многочисленное, свободное крестьянство, до тѣхъ поръ классическій міръ, пользуясь своей высокой военной техникой, могъ безъ труда одерживать побѣды надъ варварскими племенами—храбрыми, сплоченными, но мало знакомыми съ военнымъ искусствомъ.

Крестьянство несло на себѣ всю тягость войнъ не только въ томъ смыслѣ, что жертвовало въ нихъ своею кровью, но также въ томъ смыслѣ, что на немъ лежали почти всѣ государственные налоги и платежи, на счетъ которыхъ велись эти войны. Высшіе классы—крупные рабовладѣльцы—умѣли свалить съ себя эту тягость, потому что вмѣстѣ съ богатствомъ имъ принадлежала и политическая сила. Наоборотъ, выгодами войнъ крестьянство пользовалось лишь въ ничтожной степени—наибольшая доля доставалась опять-таки богатымъ рабовладѣльцамъ, и по той же причинѣ они занимали всѣ важныя и вліятельныя должности въ войскѣ, они завѣдывали распредѣленіемъ добычи (главнымъ образомъ земли и рабовъ), они дѣлались правителями завоеванныхъ провинцій и т. д.

Отдавая войнѣ массу времени и средствъ, мелкіе свободные земледѣльцы мало-по-малу запускали и разстраивали свои хозяйства.

Ростовщичество, къ которому прибѣгалъ въ такихъ обстоятельствахъ земледѣлецъ, облегчало и нерѣдко довершало упадокъ его хозяйства: съ помощью громадныхъ процентовъ ростовщикъ — обыкновенно богатый рабовладѣлецъ, аристократъ—скоро доводилъ крестьянина до полнаго разоренія.

Разореніе крестьянства ускорялось, наконецъ, развитіемъ крупнаго сельскаго хозяйства. Примѣняя къ земледѣлію многія сотни рабовъ, крупный землевладѣлецъ Сициліи или южной Италіи доставлялъ на рынокъ массы дешеваго хлѣба; нерѣдко въ видѣ контрибуціи побѣжденные народы доставляли Риму громадныя количества хлѣба совершенно даромъ. Для мелкаго земледѣльца производство хлѣба на продажу становилось прямо невыгоднымъ дѣломъ.

Такимъ образомъ, все соединилось противъ мелкаго земледѣльца: тягость громадныхъ налоговъ и постоянныхъ войнъ, сила ростовщическаго капитала и сила конкурренціи крупнаго рабовладѣльческаго земледѣлія съ

его болѣе высокой техникой. Разореніе крестьянства шло быстр : мелкій земледѣлецъ терялъ свою землю за долги, а нерѣдко даже самъ бросалъ ее въ виду невыгодности хозяйства. Его участокъ переходилъ къ крупному земледѣльцу. Такъ земельная собственность сосредоточивалась въ рукахъ богачей. Уже около Рожд. Христова вся Италія представляла небольшое число громадныхъ помѣстій—латифундій.

Мелкіе собственники чѣмъ дальше, тѣмъ больше превращались въ „пролетаріевъ", т.-е. въ свободныхъ людей, лишенныхъ средствъ производства. Въ деревнѣ, гдѣ господствовали богачи и хозяйство велось рабскимъ трудомъ, пролетарію нечего было дѣлать; онъ бѣжалъ въ городъ искать средствъ къ жизни. Въ городахъ скоплялись сотни тысячъ подобнаго бездомнаго люда, для котораго и тамъ не было производительныхъ занятій. Государству приходилось поддерживать ихъ: политическія партіи пользовались ими какъ средствомъ въ борьбѣ другъ противъ друга. Основными средствами существованія являлись для пролетаріевъ подачки со стороны богачей, государственная помощь и продажа голосовъ политическимъ партіямъ. Въ особенности относится это къ тѣмъ пролетаріямъ, которые жили въ Римѣ. Они всегда служили тому, кто имъ больше давалъ. То былъ настоящій „пролетаріатъ паразитовъ", выступавшій въ роли прислужниковъ и льстецовъ господствующей политической силы и отдѣльныхъ экономически-сильныхъ лицъ. Онъ еще пополнялся вольноотпущенниками—рабами, которыхъ за особыя услуги или за выкупъ господа отпускали на волю. Эти низшіе элементы пролетаріата ускоряли его нравственное разложеніе, присоединяя къ тогдашнимъ порокамъ свободныхъ людей всю низость рабской психологіи.

Итакъ, крестьянство разорялось, теряло прежнюю общественную роль и деморализовалось, переходя въ пролетаріатъ паразитовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ таяла военная сила рабовладѣльческаго общества: паразитическій пролетарій неспособенъ замѣнить въ войскѣ энергичнаго, мужественнаго крестьянина; паразитъ не выноситъ тяжелыхъ трудовъ войны, ея суровой дисциплины; онъ не хочетъ никуда выходить изъ города, гдѣ, не работая, добываетъ средства къ жизни. Въ этомъ отношеніи пролетарій древняго міра вполнѣ сходенъ со своей противоположностью — изнѣженнымъ крупнымъ рабовладѣльцемъ.

А варвары, сильные сплоченностью родовыхъ связей, свободные и гордые, неутомимо продолжали свою борьбу противъ рабовладѣльческаго міра, противъ его военной организаціи — римской арміи. И этотъ, когда-то несокрушимый оплотъ античной культуры началъ понемногу подаваться подъ натискомъ новыхъ и новыхъ волнъ прилива варваровъ. Изъ наступательной война становится для Римской имперіи оборонительною, побѣды смѣняются пораженіями. Военное производство рабской рабочей силы чрезвычайно уменьшается, и вмѣстѣ съ тѣмъ подрывается самая основа древней культуры.

Начинается общій упадокъ производства—результатъ недостатка рабочей силы. Первымъ пострадало земледѣліе. Сначала наблюдается въ латифундіяхъ замѣна земледѣлія скотоводствомъ, которое требуетъ меньше рабочихъ рукъ; но на этомъ дѣло не останавливается: деревня приходитъ въ запустѣніе, и пастбища, явившіяся на мѣстѣ прежнихъ полей, въ свою очередь превращаются въ пустоши. Слабость сельскаго хозяйства уже сама по себѣ подрываетъ другія сферы промышленности, для которыхъ деревня была частью источникомъ сырыхъ матеріаловъ и жизненныхъ средствъ, частью—рынкомъ. Но, кромѣ того, къ упадку обрабатывающей промышленности ведетъ и непосредственно все тотъ же недостатокъ свѣжихъ рабовъ, который разстроилъ сельское хозяйство. Шагъ за шагомъ древній міръ подвигался къ полному крушенію. Но онъ еще боролся за свою жизнь и культуру, пытался приспособиться къ измѣняющимся условіямъ.

Недостатокъ рабочихъ силъ въ основныхъ отрасляхъ производства — въ военномъ и сельскомъ хозяйствѣ — Римская имперія старалась пополнить свободными варварами.

Составъ римскихъ легіоновъ измѣняется: туда набираютъ все больше галловъ и германцевъ; съ теченіемъ времени начинаютъ даже нанимать для охраны границъ цѣлыя варварскія дружины. Благодаря этому, Римъ могъ еще продержаться нѣкоторое время противъ варваровъ, противопоставляя имъ варваровъ; но римская армія перестала быть римской по своему составу, и даже римляне-полководцы были вытѣснены мало-по-малу германцами—вождями германскихъ дружинъ. И когда въ 476 г. варваръ Одоакръ свергнулъ римскаго императора Ромула-Августула, — это было внѣшнимъ выраженіемъ уже совершившагося превращенія римской арміи въ германскую.

Аналогичное явленіе происходило и въ сельскомъ хозяйствѣ. Правительство имперіи старалось привлекать на опустѣвшія земли поселенцевъ, уступая имъ участки на льготныхъ условіяхъ, за извѣстные подати и налоги. Подобнымъ же образомъ поступали и частные землевладѣльцы, отдавая землю въ аренду желающимъ за опредѣленные оброки. Такъ возникъ свободный колонатъ — сословіе мелкихъ землевладѣльцевъ, которые вели свое самостоятельное хозяйство на государственной или владѣльческой землѣ за установленную сумму повинностей. Большую часть свободныхъ колоновъ составляли переселившіеся въ Римскую имперію варвары, изъ которыхъ создалось, слѣдовательно, основное ядро новаго крестьянства.

Рядомъ со свободнымъ колонатомъ упадокъ крупнаго земледѣлія породилъ колонатъ несвободный: арендаторами-земледѣльцами во многихъ случаяхъ дѣлались рабы: когда условія хлѣбнаго рынка значительно ухудшились, то прежнее массовое производство въ латифундіяхъ не могло продолжаться вслѣдствіе плохого сбыта даже тамъ, гдѣ не было недостатка въ рабахъ; а производство въ мелкихъ размѣрахъ удобнѣе было вести при посредствѣ арендаторовъ, которые брали на себя всѣ хлопоты и платили оброкъ. Такимъ образомъ, для господъ стало выгоднѣе предоставить рабамъ вести за оброкъ самостоятельное хозяйство, чѣмъ непосредственно ихъ эксплоатировать въ своемъ хозяйствѣ; къ тому же относительное повышеніе свободы труда усиливало его интенсивность и производительность по сравненію съ обычнымъ рабскимъ трудомъ, такъ что являлась возможность повышенной эксплоатаціи.

Въ сущности колонатъ представлялъ изъ себя учрежденіе не столько римское, сколько германское: онъ былъ внѣдреніемъ германско-феодальныхъ формъ жизни въ римско-рабовладѣльческое общество. Принимая на свои земли варваровъ-поселенцевъ, имперія должна была принять вмѣстѣ съ ними ихъ порядки, такъ какъ инымъ порядкамъ они не хотѣли и неспособны были подчиниться.

Классическій міръ какъ бы растворялся въ своей варварской средѣ: его войско, его крестьянство, его внутреннія отношенія постепенно германизировались. Завоеваніе имперіи германцами только довершило этотъ процессъ перехода античнаго общества въ феодально-средневѣковое.

Итакъ, причины деградаціи древней культуры сводятся къ тому, что основу этой культуры составляла военная эксплоатація варварскихъ племенъ, которыя являлись какъ бы сырымъ матеріаломъ для производства живыхъ орудій—рабовъ. Послѣдовательный ходъ процесса можно изобразить въ такомъ видѣ: деградація рабовъ—силою чрезмѣрной эксплоатаціи, деградація свободныхъ людей—путемъ превращенія ихъ въ паразитическіе элементы общества, упадокъ военной силы и военнаго производства, упадокъ производства вообще, вслѣдствіе недостатка рабочей силы, внѣдреніе варварскихъ элементовъ въ старое разлагающееся общество и окончательная побѣда этихъ элементовъ надъ его остатками.

Общая характеристика рабовладѣльческаго періода.

1) Съ технической стороны изучаемый періодъ характеризуется: во-первыхъ, сравнительно высокой производительностью труда, при которой прибавочный трудъ представляетъ постоянное явленіе, и сравнительно большимъ разнообразіемъ общественно-раздѣленнаго производства; во-вторыхъ, онъ характеризуется значительной ролью и развитіемъ въ общей системѣ производства той его отрасли, которая называется войною и имѣетъ своимъ содержаніемъ борьбу общества противъ окружающихъ его враждебныхъ обществъ.

2) Рабовладѣльческая группа развивалась изъ патріархальнаго рода слѣдующимъ образомъ. Производственная роль организатора съ возрастаніемъ и осложненіемъ производства все рѣзче обособлялась отъ дѣятельности исполнителей; при наслѣдственномъ характерѣ организаторской роли это вело къ рѣзкому выдѣленію семьи организатора среди группы. Эта семья все въ большей мѣрѣ начинаетъ жить на счетъ прибавочнаго продукта, что становится возможнымъ, лишь благодаря значительному возрастанію общей его суммы. Родственный характеръ отношеній между семьею организатора и остальной группою исчезаетъ въ силу двухъ условій: съ одной стороны, вслѣдствіе того, что измѣняется фактическій составъ группы — возрастаетъ относительное число входящихъ въ нее плѣнниковъ—рабовъ, съ другой стороны — вслѣдствіе развитія алчности организатора; второе условіе въ свою очередь зависитъ отъ развитія обмѣна, допускающаго почти безграничное возрастаніе потребностей господской семьи. Съ исчезновеніемъ родственныхъ отношеній, подчиненные члены группы выступаютъ для организатора какъ простое орудіе эксплоатаціи, и это орудіе все болѣе обезцѣнивается въ его глазахъ съ развитіемъ систематической торговли рабами. Производитель превращается въ орудіе производства и въ товаръ.

Съ теченіемъ времени организаторская дѣятельность мало-по-малу перелагается на отдѣльныхъ рабовъ, наиболѣе способныхъ и пользующихся довѣріемъ господина. Начинается этотъ процессъ въ силу невозможности для одного лица регулировать значительно возросшее производство группы, а продолжается и заканчивается подъ вліяніемъ стремленія господъ избавить себя отъ труда вообще.

Междугрупповыя производственныя связи въ эпоху рабства дѣлаютъ значительный шагъ впередъ, съ одной стороны, въ неорганизованной формѣ раздѣленія труда, выраженіемъ которой является обмѣнъ, съ другой стороны—въ организованной формѣ государственныхъ союзовъ.

Государственные союзы, сложившіеся подъ вліяніемъ значительно развившагося обмѣна, имѣли форму преимущественно аристократическихъ республикъ; тамъ, гдѣ мѣновыя сношенія играли менѣе значительную роль въ жизни, а условія внѣшней природы требовали широкаго общественнаго объединенія, государства складывались главнымъ образомъ путемъ завоеванія и отливались въ форму деспотическихъ восточныхъ монархій.

3) Система общественныхъ отношеній рабства устраняла всякую возможность развитія для класса рабовъ. Для класса господъ условія были неодинаковы въ восточно-деспотическихъ и западно-мѣновыхъ обществахъ: въ первыхъ гнетъ бюрократическаго механизма парализовалъ всякое развитіе и создалъ въ самихъ рабовладѣльцахъ вполнѣ застойную, апатичную и фаталистическую психологію; во второй группѣ обществъ имѣлись въ наличности всѣ условія для развитія людей свободнаго класса.

Но развитіе психики высшаго класса въ обществахъ классическаго міра шло въ сторону техническаго и экономическаго прогресса только до тѣхъ поръ, пока господа не сложили съ себя фактически своей производственной роли; а когда это произошло, ихъ психологія стала развиваться

не въ производительномъ, а въ потребительномъ, въ паразитическомъ направленіи. Съ тѣхъ поръ почти прекратился техническій прогрессъ, а развивались только искусство, отвлеченнѣйшія изъ наукъ и философія.

4) Основу производственной жизни древняго міра составляла война-производство рабовъ. Военная же сила рабовладѣльческаго общества заключалась не въ крупныхъ рабовладѣльцахъ, а въ мелкихъ собственникахъ-землевладѣльцахъ. Когда войны, ростовщичество и конкурренція крупнаго производства обширныхъ помѣстій подорвали крестьянство и превратили большую часть его въ паразитическій пролетаріатъ, тогда военная сила рабовладѣльческаго общества пришла въ упадокъ, а за ней и все его производство. Классическій міръ, обезсиленный и одряхлѣвшій, расплылся тогда въ окружавшемъ его варварскомъ мірѣ, низшемъ по культурѣ, но здоровомъ и полномъ силъ для дальнѣйшаго развитія.

5) Въ наслѣдство германо-романскому міру среднихъ вѣковъ классическое общество оставило много высоко-совершеннаго идеологическаго матеріала: римское право, греческое искусство, изящная литература, наука и философія. Этимъ готовымъ матеріаломъ германо-романскій міръ воспользовался лишь тогда, когда дошелъ до соотвѣтственной ступени развитія, когда древнія идеологическія формы оказались подходящими къ его новымъ отношеніямъ.

III. ФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО.

1. Отношенія общества къ природѣ.

Если патріархально-родовое общество сложилось подъ вліяніемъ **возникновенія** новыхъ способовъ производства, обезпечивающихъ человѣческую жизнь, то общество феодальное имѣло своей основой **дальнѣйшее развитіе** этихъ способовъ.

Преобладающее въ производствѣ значеніе земледѣлія, при которомъ подчиненную роль играетъ скотоводство, и вполнѣ осѣдлая жизнь при ограниченномъ земельномъ просторѣ—таковы техническія условія феодальнаго періода.

Когда кочевыя племена скотоводовъ начинаютъ заниматься земледѣліемъ, то на первыхъ порахъ оно является у нихъ подчиненной, подсобной отраслью производства; оно приноравливается къ условіямъ скотоводства, такъ что площадь посѣва очень часто мѣняется. Но, по мѣрѣ того, какъ плотность населенія возрастаетъ, земельный просторъ уменьшается, область кочевой жизни суживается, по мѣрѣ того, какъ скотоводство ограничивается въ своемъ развитіи недостаткомъ пастбищъ, земледѣліе становится все болѣе важнымъ элементомъ борьбы за жизнь. При вполнѣ осѣдломъ существованіи уже оно представляетъ основную область борьбы за жизнь, а скотоводство, утративъ свою связь съ кочевымъ бытомъ, приноравливается къ условіямъ земледѣлія, превращается какъ бы въ его отрасль. Что касается племенъ, съ самаго начала чисто земледѣльческихъ и осѣдлыхъ, то у нихъ дѣло сводится къ постепенному развитію земледѣлія, которое мало-по-малу включаетъ въ себя осѣдлое скотоводство.

Другія отрасли добывающей промышленности (охота, горное дѣло) и промышленность обрабатывающая въ феодальную эпоху находятся въ весьма неразвитомъ, частью зародышевомъ состояніи. Война имѣетъ въ жизни каждаго общества не малое значеніе, какъ необходимый способъ охраны всего производства и какъ единственное средство расширять территорію общества.

Въ общемъ, разнообразіе продуктовъ еще незначительно (условіе, мало благопріятное для развитія обмѣна), но прибавочный трудъ представляетъ уже относительно не малую долю производства (условіе, благопріятное для роста эксплоатаціи).

2. Производственныя и распредѣлительныя отношенія феодальной группы.

Повышеніе производительности труда привело къ такому возрастанію размѣровъ общественной организаціи, что средневѣковая община нерѣдко измѣряется уже не сотнями, а тысячами человѣкъ. Въ то же время условія земледѣльческой техники вызвали нѣкоторое раздробленіе производства въ предѣлахъ такой группы.

Уже въ крупной патріархально-родовой группѣ замѣчалось частичное разслоеніе на семьи; оно порождалось, какъ было указано, невозможностью для патріарха единолично выполнять всю организаторскую работу, необходимостью переложить часть ея на другихъ, болѣе мелкихъ организаторовъ; однако, самостоятельностью эти мелкіе организаторы обладали лишь въ ничтожной степени, а производство всей общины характеризовалось значительнымъ единствомъ. При господствѣ осѣдлаго земледѣльческаго производства мелкія экономическія единицы—семьи пріобрѣтаютъ большую независимость въ хозяйственной жизни. Для выполненія земледѣльческихъ работъ обыкновенно вполнѣ достаточны силы отдѣльной семейной группы,—въ общей кооперацій всей группы нѣтъ надобности; мало того, мелкое семейное производство въ этомъ случаѣ болѣе производительно, такъ какъ при грубыхъ способахъ земледѣлія небольшая группа, сосредоточивая свое вниманіе и приложеніе своей рабочей силы на небольшомъ участкѣ, способна полнѣе использовать его естественныя свойства, чѣмъ многочисленная группа, раскидывающая свою коллективную дѣятельность на обширномъ пространствѣ.

Такимъ образомъ, земледѣльческая община на границѣ феодальнаго періода состояла изъ множества родственныхъ другъ другу по происхожденію семейныхъ группъ, которыя вели каждая въ значительной степени отдѣльное земледѣльческое хозяйство. По размѣрамъ своимъ эти группы представляли нѣчто среднее между патріархальнымъ родомъ древности и современной семьей; онѣ соотвѣтствовали приблизительно славянскимъ «большимъ семьямъ» въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, которыя сохранились кое-гдѣ и до нашего времени.

Однако остались еще довольно значительныя производственныя связи между семейными группами. Во многихъ случаяхъ, когда силы отдѣльной семьи оказывались недостаточными, ей дѣятельно помогали сосѣднія семьи, а то и вся община. Такъ бывало нерѣдко при постройкѣ жилища, при расчисткѣ изъ-подъ лѣса новаго участка подъ пашню и т. п. Въ скотоводствѣ выгоды совмѣстности являлись настолько значительными, что общинный скотъ съ весны до осени почти всегда соединялся въ одно стадо, которое паслось на нераздѣльныхъ общинныхъ пастбищахъ подъ надзоромъ общинныхъ пастуховъ; къ числу нераздѣльныхъ пастбищъ принадлежали, между прочимъ, всѣ поля подъ паромъ и поля, съ которыхъ уже снята жатва, такъ что каждый участокъ поля служилъ отдѣльному производству семейной группы только въ продолженіе чисто-земледѣльческихъ работъ. Косьба на общинныхъ лугахъ, по большей части, выполнялась коллективно, а затѣмъ сѣно дѣлилось между семьями пропорціонально ихъ полевымъ участкамъ.

Кромѣ того, даже пользованіе пахотной землей обыкновенно регулировалось въ извѣстныхъ предѣлахъ общиною: семейное производство не оставалось связаннымъ съ опредѣленнымъ участкомъ земли; время отъ времени производилась новая разверстка полей между семьями; при этомъ каждое хозяйство получало либо участокъ прежней величины, только въ другомъ мѣстѣ общинныхъ пашенъ, либо измѣнялись и размѣры участковъ, сообразно съ величиной семей, съ ихъ рабочей силой и т. п. Подобныя переверстки и передѣлы происходили вначалѣ, можетъ быть, каждый годъ, потомъ—черезъ нѣсколько лѣтъ. Онѣ имѣли то значеніе, что ими уравнивались выгоды и невыгоды, происходившія отъ неодинаковаго плодородія различныхъ участковъ земли. Впрочемъ, уже съ довольно раннихъ временъ общины перестаютъ пускать въ передѣлъ тѣ земли, которыя были расчищены изъ лѣсовъ и пустошей трудомъ исключительно отдѣльной семьи. Слѣдовательно, въ общинныхъ передѣлахъ выражается тотъ фактъ, что первоначальное завладѣніе общинной землей было произведено совмѣстнымъ трудомъ всей общины, былъ ли это трудъ расчистки новыхъ невоздѣланныхъ земель, или просто трудъ завоеванія.

Надо прибавить, что въ различныхъ случаяхъ трудовая совмѣстность отдѣльныхъ семей сохранялась не въ одинаковыхъ формахъ и не въ одинаковой степени, смотря по мѣстнымъ условіямъ, природнымъ и историческимъ.

До новаго времени мѣстами сохранились слѣды земледѣльческаго коммунизма въ формѣ „общиннаго землевладѣнія" въ Швейцаріи, южной Германіи, Пиринейскомъ полуостровѣ, у южныхъ славянъ и т. п.

Въ наибольшей степени земледѣльческій коммунизмъ сохранился тамъ, гдѣ существовали какія-нибудь особенныя условія, ставившія земледѣліе въ зависимость отъ коллективнаго труда. Такъ, въ нѣкоторыхъ областяхъ Остъ-Индіи все земледѣліе основано на искусственномъ орошеніи, на сложной канализаціи, которая необходимо является дѣломъ обширной группы, а не отдѣльной семьи; именно тамъ еще въ недавнее время можно было наблюдать земледѣльческій коммунизмъ въ его наиболѣе чистыхъ

формахъ. Въ этихъ общинахъ вся обработка земли производится совмѣстнымъ трудомъ, и потомъ общій продуктъ дѣлится между семьями. Однако пряжа, тканье и многія работы выполняются уже каждымъ семействомъ въ отдѣльности, какъ домашнія побочныя занятія. Община имѣетъ своихъ ремесленниковъ (кузнецъ, плотникъ, горшечникъ, цирюльникъ, прачка и т. д.) и должностныхъ лицъ (старшина, бухгалтеръ, надзиратель за водоемами, жрецы и др.), тѣ и другіе назначаются общиною и, не занимаясь земледѣліемъ, содержатся на общественный счетъ. Организаторскій трудъ (должностныя лица) не только отдѣленъ отъ труда исполнительнаго, но раздѣленъ между нѣсколькими людьми,—однако еще находится подъ контролемъ всей общины, что опять-таки зависитъ отъ необычной сплоченности общиннаго цѣлаго, порожденной необычной земледѣльческой техникой. Благодаря этой сплоченности, группа сохраняетъ еще ясно выраженный родовой характеръ; единство происхожденія продолжаетъ опредѣлять собою рамки экономическихъ связей.

Въ земледѣльческой общинѣ начала среднихъ вѣковъ есть и ремесленники, но по большей части они не спеціализируются въ своемъ ремеслѣ, а соединяютъ его съ земледѣліемъ. Да и каждое семейное хозяйство выполняетъ собственнымъ трудомъ нѣкоторыя работы ремесленнаго характера, главнымъ образомъ—пряжу, тканье, приготовленіе одежды. Тамъ, гдѣ семья не въ состояніи справиться собственными силами, она дѣлаетъ заказъ ремесленнику, при чемъ обыкновенно доставляетъ ему сырой матеріалъ; нерѣдко ремесленникъ работаетъ на дому у заказчика. Общественное раздѣленіе труда, вообще, слабо развито и выражается почти исключительно въ сосѣдскомъ обмѣнѣ и работѣ ремесленниковъ на заказъ. Этому соотвѣтствуютъ и неразвитыя формы кредита; кредитъ денежный представляетъ почти исключеніе.

Съ теченіемъ времени общественное раздѣленіе труда принимало болѣе рѣзкій характеръ, ремесло отдѣлялось отъ земледѣлія. Раньше всего обособились изъ ремесленниковъ кузнецы, мѣстами—мельники. Уже въ очень раннюю эпоху изучаемаго періода кузнецъ и мельникъ нерѣдко являются общими для нѣсколькихъ сосѣднихъ общинъ, чѣмъ создается, хотя слабая, производственная связь между общинами.

Возрастаніе размѣровъ общины и значительное обособленіе семейныхъ группъ привело къ тому, что мало-по-малу исчезъ и былъ забытъ родственный характеръ первоначальной связи между отдѣльными хозяйствами: связь чисто производственная и вытекающая изъ нея связь политическая уже является основнымъ цементомъ, скрѣпляющимъ общинное цѣлое.

Тамъ, гдѣ развитіе феодальной группы изъ земледѣльческой общины шло наиболѣе постепенно и наиболѣе типически, тамъ послѣдовательность этого развитія является въ такомъ видѣ:

Вначалѣ строеніе общины отличается сравнительно большой однородностью—разница въ размѣрахъ отдѣльныхъ хозяйствъ была не такъ велика, чтобы обезпечить наибольшимъ изъ нихъ рѣшительное экономическое преобладаніе надъ остальными. Дѣла, касающіяся всей общины, рѣшались совѣтомъ старѣйшинъ—хозяевъ; для коллективныхъ предпріятій, требующихъ единаго организатора (главнымъ образомъ—въ слу-

чаѣ войны), совѣтъ старѣйшинъ избиралъ изъ своей среды вождя, который выполнялъ эту роль только временно, пока была надобность. Когда войны велись—какъ обыкновенно и бывало—не одной общиной, а племеннымъ союзомъ, тогда мелкіе вожди дружинъ избирали, въ свою очередь, общаго временнаго вождя.

Однако зародыши экономическаго неравенства уже существуютъ. Одинъ изъ этихъ зародышей представляетъ, хотя бы даже временное, выдѣленіе организатора общихъ предпріятій; другой зародышъ заключается въ томъ, что кромѣ общинной собственности на землю, существуетъ и частная. Земли, расчищенныя собственнымъ трудомъ отдѣльной семьи, представляютъ ея полную собственность; точно также земли, пріобрѣтенныя военнымъ путемъ, разъ онѣ распредѣлены между участниками войны, обыкновенно уже не передѣляются болѣе.

Какъ нельзя болѣе понятно, что хозяйства, нѣсколько выдѣляющіяся изъ среды остальныхъ бо́льшей экономической силой, должны были при такихъ условіяхъ и развивать эту силу быстрѣе остальныхъ. Во-первыхъ, такимъ хозяйствамъ легче было расширять площадь ихъ частныхъ владѣній путемъ расчистки новыхъ незанятыхъ земель; во-вторыхъ, лица, принадлежавшія къ этимъ болѣе крупнымъ хозяйствамъ, занимали вообще болѣе видное положеніе въ организаціи военныхъ предпріятій, а слѣдовательно, получали болѣе значительную долю изъ военной добычи—движимой и недвижимой. Не мѣшаетъ помнить, что къ движимой добычѣ относились и р а б ы, такъ какъ земледѣльческая община унаслѣдовала отъ патріархальной группы, между прочимъ, отношенія рабства въ ихъ мягкой формѣ.

Такимъ образомъ, неравенство хозяйственныхъ единицъ все болѣе возрастало и мало-по-малу подрывало прежнюю однородность общины. Вліяніе наиболѣе богатыхъ семей на ходъ общинной жизни все болѣе усиливалось и упрочивалось благодаря тому, что экономическое превосходство позволяло имъ поставить всѣ остальныя хозяйства въ нѣкоторую матеріальную зависимость отъ себя: крупныя хозяйства брали на себя устройство такихъ предпріятій, которыя оказывались не по силамъ для всѣхъ остальныхъ, напримѣръ, устройство большихъ мельницъ, пекаренъ и т. п. Будучи гораздо болѣе устойчивыми, большія хозяйства гораздо меньше страдали отъ всякихъ экономическихъ потрясеній, отъ голодовокъ и другихъ стихійныхъ бѣдствій, столь нерѣдкихъ при неразвитой техникѣ; поэтому нерѣдко большія хозяйства оказывали мелкимъ помощь изъ своихъ запасовъ; а за нее мелкіе крестьяне обыкновенно расплачивались отработками, что позволяло богатымъ значительно расширять свои запашки и вообще все свое производство.

Съ теченіемъ времени фактическая сила наиболѣе богатыхъ семей дошла до того, что только изъ ихъ среды избирались организаторы военныхъ дружинъ; и естественно, что эти семьи воспользовались своимъ экономическимъ вліяніемъ на общину, чтобы закрѣпить такое положеніе дѣлъ; онѣ энергично боролись противъ всякихъ отдѣльныхъ попытокъ измѣнить эту систему и постепенно добивались того, что обычный

фактъ превратился въ право—власть вождя стала наслѣдственной въ его семьѣ, временный организаторъ войны превратился въ постояннаго.

Съ этого времени можно считать начало собственно феодальнаго періода. Крупный землевладѣлецъ, выдѣлившійся изъ общины, прочно присвоившій себѣ военно-организаторскую роль, а также иными способами поставившій общину въ экономическую зависимость отъ себя, есть уже типичный феодалъ.

Въ иныхъ случаяхъ выдѣленіе феодала среди группы совершалось гораздо быстрѣе еще въ эпоху превращенія кочевой патріархальной общины въ осѣдлую земледѣльческую; это случалось тамъ, гдѣ пріобрѣтеніе земли для осѣдлости стоило особенно долгой и упорной борьбы, такъ что война очень рано наложила сильный отпечатокъ на строеніе общины.

Феодальныя отношенія быстро развивались и крѣпли: возрастала и становилась болѣе постоянною, съ одной стороны, положительная, общественно-полезная роль феодала въ жизни крестьянской общины, съ другой стороны—экономическое и юридическое подчиненіе ему крестьянъ.

Феодалъ строитъ укрѣпленные замки, гдѣ крестьяне, находящіеся подъ его покровительствомъ, укрываются въ случаѣ нападеній со стороны враговъ. Феодалъ заботится объ устройствѣ дорогъ, мостовъ и т. п. въ своей общинѣ. Во всѣхъ случаяхъ, когда крестьянскія хозяйства не могутъ управиться своими средствами, феодалъ приходитъ къ нимъ на помощь; онъ организуетъ систематическую поддержку для нихъ на случай неурожая, разоренія отъ войны и т. д. На все это необходимы были средства, и, конечно, феодалъ не склоненъ былъ даромъ жертвовать для своихъ крестьянъ доходами собственнаго хозяйства. За всѣ заботы феодала крестьяне съ избыткомъ расплачивались своимъ трудомъ.

Феодальная эксплоатація имѣла двѣ главныхъ формы: во-первыхъ, основная и болѣе ранняя форма—отработки; во-вторыхъ, производная—оброкъ. Когда феодалъ былъ почти только богатымъ крестьяниномъ, тогда отработки существовали, какъ обычная расплата за долги; когда власть феодала упрочилась, отработки сдѣлались постоянной повинностью крестьянъ, превратились въ такъ называемую барщину: опредѣленное число дней въ году крестьянинъ обязанъ былъ работать на своего феодальнаго сеніора въ его хозяйствѣ. Въ иныхъ случаяхъ для феодала оказывалось удобнѣе получать повинность не въ видѣ труда, а въ видѣ готоваго продукта,—это былъ такъ называемый оброкъ. Оброку подлежалъ по преимуществу, и чѣмъ дальше тѣмъ въ большей степени, ремесленный крестьянскій трудъ. Размѣры оброка, такъ же какъ и барщины, разъ установившись, охранялись обычнымъ правомъ. Разумѣется, въ случаѣ надобности, сеніоръ легко добивался увеличенія повинностей.

Въ формахъ барщины и оброка эксплоатація является въ самомъ простомъ и открытомъ видѣ: барщина — это прямое и явное присвоеніе прибавочнаго труда, оброкъ—прибавочнаго продукта.

Основываясь на барщинѣ и оброкѣ, хозяйство сеніора было, подобно мелкому крестьянскому хозяйству, почти исключительно натуральнымъ.

Конечно, феодалъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ крестьянинъ, могъ пользоваться обмѣномъ для удовлетворенія своихъ утонченныхъ потребностей, но все же и для феодала это было вначалѣ исключеніемъ—такимъ слабымъ оказывалось тогда развитіе обмѣна; бо́льшую часть всего необходимаго для себя сеніоръ получалъ отъ своихъ крестьянъ.

Насколько хозяйство феодала оставалось натуральнымъ, потребительнымъ, настолько величина оброка и барщины ограничивалась размѣрами потребностей феодала. Поэтому вначалѣ тягости зависимаго населенія были относительно невелики; онѣ, естественно, возрастали съ прогрессомъ обмѣна, благодаря которому потребности феодаловъ развивались.

Отношенія между феодаломъ и подвластными ему людьми были не вполнѣ однородны: одна часть крестьянъ находилась въ большей экономической зависимости, несла большія тягости, и соотвѣтственно этому была въ большей мѣрѣ подчинена феодалу юридически; другая часть находилась въ сравнительно болѣе выгодныхъ условіяхъ; обычай охранялъ эти различія и переносилъ ихъ поколѣніе за поколѣніемъ на потомство крестьянъ.

Такія различія зависѣли отчасти отъ самаго характера повинностей: какой-нибудь кузнецъ, доставлявшій господину только опредѣленный оброкъ и почти не имѣвшій съ нимъ другихъ дѣлъ, естественно, оказывался менѣе стѣсненнымъ въ своей экономической и правовой жизни, чѣмъ земледѣлецъ, который отбывалъ барщину и, слѣдовательно, на извѣстные промежутки времени становился въ положеніе раба. Отчасти различіе въ повинностяхъ опредѣлялось исторически сложившимися отношеніями: позднѣйшіе поселенцы, которыхъ феодалы сами приглашали къ себѣ на льготныхъ условіяхъ, были по большей части закрѣпощены въ меньшей степени, чѣмъ старые общинники.

Нѣкоторые изъ подданныхъ феодала жили въ господскомъ дворѣ для личныхъ услугъ, не занимаясь по бо́льшей части производительнымъ трудомъ; ихъ зависимость достигла наибольшей степени, потому что они жили исключительно милостями господина; это были домашніе рабы—дворовые.

Только наиболѣе зависимые изъ подданныхъ феодала лишены были свободы передвиженія, не имѣли права уходить изъ-подъ его власти; другіе могли дѣлать это, если желали; но тогда они лишались своей земли и всего недвижимаго имущества. Чтобы логика такихъ отношеній стала понятна, надо принять во вниманіе слѣдующее:

Наиболѣе общее положеніе экономической зависимости населенія отъ феодала выражалось въ томъ, что феодалъ считался владѣльцемъ всей земли, на которой жили его подданные. Когда земледѣліе играло такую громадную роль въ производительной жизни общества было очень естественно, что феодалъ стремился присвоить себѣ верховное господство надъ землею, что означало также господство надъ людьми; а при экономической силѣ феодала стремленія эти не могли не увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Въ тѣ неспокойныя времена очень часто бывало, что свободный крестьянинъ-собственникъ самъ передавалъ свою землю сосѣд-

нему феодалу изъ-за того, чтобы пользоваться его покровительствомъ, а затѣмъ тотчасъ же получалъ эту самую землю въ ленъ, т.-е. въ зависимое владѣніе. Вообще, званіе верховнаго собственника земли еще не означало произвольнаго распоряженія этой землей: феодалъ фактически подчинялся въ своихъ дѣйствіяхъ обычаю.

Итакъ, феодальная группа имѣла характеръ помѣстья съ натуральнымъ типомъ хозяйства. Собственнику земли принадлежала организаторская роль въ коллективныхъ предпріятіяхъ всего населенія; въ отдѣльномъ хозяйствѣ помѣстья роль эту выполнялъ глава семьи, а въ дѣлахъ, касавшихся только крестьянскихъ хозяйствъ въ ихъ совокупности, организаторская дѣятельность была оставлена за общиннымъ совѣтомъ или сходомъ и его выборными лицами. Въ соотвѣтствіи съ этимъ сложились распредѣлительныя и правовыя отношенія: сеніоръ получалъ въ установленныхъ обычаемъ формахъ барщину и оброкъ со своихъ подданныхъ и былъ верховнымъ судьею помѣстья и его законодателемъ; въ вопросахъ, не касавшихся феодала, напр., относительно распредѣленія земли между крестьянскими хозяйствами, относительно частныхъ столкновеній между общинниками, рѣшеніе зависѣло обыкновенно отъ всей общины, а исполнителями являлись ея уполномоченные.

Происхожденіе феодальнаго строя нерѣдко объяснялось, какъ результатъ завоеванія одного племени другимъ. Въ иныхъ случаяхъ, дѣйствительно, въ роли феодаловъ выступали завоеватели, а въ роли подчиненнаго населенія — побѣжденные; и очень понятно, что при такихъ условіяхъ легко происходило рѣзкое разграниченіе двухъ сословій; но, чтобы создать феодальные порядки въ завоеванной странѣ, побѣдители должны были имѣть ихъ у себя раньше, какъ это и было во всѣхъ подобныхъ случаяхъ.

б) Между-групповыя отношенія феодальнаго общества.

Экономическая самостоятельность феодальнаго помѣстья была очень значительна, но не безусловна. Прежде всего въ сферѣ войны силы отдѣльной группы оказывались по большей части недостаточными для защиты отъ окружающихъ враговъ, напр., отъ кочевыхъ племенъ, которыя не разъ совершали набѣги на феодальную Европу, или просто отъ болѣе сильныхъ сосѣдей-феодаловъ.

На этой почвѣ между феодалами складывались отношенія, подобныя тѣмъ, которыя существовали въ помѣстьѣ между феодаломъ и его крестьянами. Если потребность въ военной защитѣ ставила крестьянъ подъ власть феодала, то она же принуждала болѣе слабыхъ феодаловъ подчиняться болѣе сильнымъ. Добровольно или послѣ неудачной борьбы сеніоръ признавалъ другого, болѣе могущественнаго сеніора своимъ господиномъ и покровителемъ — сюзереномъ. Вмѣстѣ со своей дружиной онъ сражался подъ его начальствомъ на войнѣ (своего рода «барщина»), а иногда платилъ также опредѣленную дань—оброкъ. Въ извѣстныхъ слу-

чаяхъ онъ подчинялся суду сюзерена. Во внутреннія дѣла помѣстья своего данника (вассала) сюзеренъ, вообще говоря, не вмѣшивался.

Сюзеренъ, въ свою очередь, состоялъ обыкновенно вассаломъ другого, еще болѣе могущественнаго сеніора, и т. д. до короля. Послѣдній, какъ будетъ далѣе показано, также состоялъ въ вассальныхъ отношеніяхъ къ самому сильному феодалу тѣхъ временъ—къ католической церкви.

Король былъ только предпослѣднимъ звеномъ въ цѣпи сюзереновъ. Внутреннихъ дѣлъ вассальныхъ государствъ онъ не касался, да и во внѣшнихъ его вліяніе было невелико. Совершенно независимо отъ него феодалы вели войны между собою, заключали договоры. Нерѣдко власть королей, и вообще сюзереновъ, существовала только по имени.

При такой дробности и слабой связи частей общественной организаціи, а главное—при неразвитой техникѣ, которая постоянно создавала «абсолютное перенаселеніе», феодальный міръ былъ обреченъ на постоянныя войны. Послѣ земледѣлія война несомнѣнно являлась наиболѣе крупной отраслью человѣческой дѣятельности.

Говоря объ „абсолютномъ перенаселеніи" феодальнаго періода, слѣдуетъ замѣтить, что содержаніе этого понятія является здѣсь уже нѣсколько измѣненнымъ. Перенаселеніе феодальнаго періода выражается не только въ томъ, что нѣкоторой части общества не хватаетъ основныхъ необходимыхъ средствъ къ жизни, и захватываетъ не только низшіе слои общества; это также перенаселеніе феодаловъ. Даже если бы семья феодала не размножалась, то благодаря застойной техникѣ и размноженію крестьянства становилось бы все труднѣе для феодала добывать средства удовлетворенія своихъ широкихъ потребностей отъ крестьянъ собственныхъ помѣстій; тѣмъ больше становятся затрудненія, если размножаются сами феодалы. По существу, тутъ дѣло идетъ попрежнему о несоотвѣтствіи между количествомъ средствъ потребленія, какое возможно при данной техникѣ добыть изъ даннаго пространства земли, и размѣромъ потребностей растущаго населенія, только принимать во вниманіе приходится не однѣ насущныя потребности массъ населенія, но также и высоко развитыя потребности класса феодаловъ. Такъ какъ высокія потребности феодаловъ опредѣляются собственно соціальными отношеніями даннаго строя, то перенаселеніе можно считать происходящимъ уже не отъ одной застойности отношеній человѣка къ природѣ, а отчасти и отъ характера сложившихся отношеній между людьми (переходъ къ „относительному" перенаселенію послѣдующихъ періодовъ, которое зависитъ почти исключительно отъ второй причины).

Военно-феодальная организація, такимъ образомъ, не только не могла облегчать для населенія Европы бѣдствія постоянныхъ войнъ, которыя страшнымъ гнетомъ ложились на крестьянское населеніе, но даже сама являлась до извѣстной степени источникомъ этихъ бѣдствій. Непригодна была она и для удовлетворенія иныхъ общихъ потребностей феодальнаго міра. Абсолютное перенаселеніе въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, а также безчисленныя войны создавали массу обездоленнаго люда, которому было нечѣмъ жить, потому что не надъ чѣмъ работать; заботиться объ этихъ несчастныхъ феодаламъ въ массѣ случаевъ не было никакого разсчета, потому что они не могли извлечь изъ нихъ никакой непосредственной выгоды. Заботы о калѣкахъ, больныхъ и т. д. тѣмъ болѣе не

входили въ программу военныхъ феодаловъ. Далѣе, они были не въ силахъ хоть сколько-нибудь обезопасить мѣновыя и всякія иныя отношенія между различными областями и странами, а сношенія эти хотя были слабо развиты, но все же существовали и являлись экономически необходимыми, потому что феодальная группа, уже въ силу своихъ малыхъ размѣровъ, не могла производить для себя все, въ чемъ нуждалась, и обходиться безъ всякой экономической связи съ другими группами: металлы и орудія изъ нихъ, соль, вино, нѣкоторыя ткани для одежды и другія подобныя вещи невозможно было производить въ каждомъ отдѣльномъ помѣстьѣ. Словомъ, далеко не всѣмъ потребностямъ феодальнаго общества способна была удовлетворять военно-феодальная организація; цѣлый рядъ потребностей общаго характера порождалъ необходимость въ иной организаціи, болѣе сплоченной и единой для всего феодальнаго міра.

Такой организаціей являлась католическая церковь.

Она возникла въ переходную эпоху, когда древній классическій міръ, разлагаясь, уступалъ мѣсто новымъ, средневѣковымъ формамъ жизни. Во времена упадка Римской имперіи деградація общественнаго производства привела къ разоренію громадныхъ массъ народа, и христіанская церковь съ самаго начала выступила, какъ организація всяческой помощи и поддержки обездоленнымъ элементамъ общества. Такая роль была какъ нельзя болѣе естественна для христіанства, потому что оно было идеологіей «отверженныхъ» древняго міра—идеологіей тогдашнихъ пролетаріевъ и отчасти рабовъ (этимъ объясняется и тотъ фактъ, что первоначально христіанство выступило на сцену исторіи въ видѣ коммунистической, отрицавшей частную собственность, секты). Энергичная борьба отживающаго языческаго міра противъ христіанской церкви только придала ей бо̀льшую сплоченность и прочность. Чѣмъ глубже падало древнее рабовладѣльческое общество, тѣмъ шире разрасталась и тѣмъ тѣснѣе организовалась католическая церковь. Типъ объединенія, въ который отлилось ея устройство, былъ строго централистическій, подобный устройству арміи; вся организація основывалась на подчиненіи низшихъ членовъ высшимъ, верховная власть была сосредоточена въ рукахъ одного лица—папы. Такая форма организаціи наиболѣе приспособлена для борьбы; не даромъ сложилась она въ непрерывной борьбѣ, вначалѣ главнымъ образомъ внѣшней, затѣмъ—преимущественно внутренней (противъ «еретиковъ»).

Въ средневѣковомъ мірѣ общественная роль церкви продолжала возрастать въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Силою вещей католическая церковь принуждена была взять на себя организаторскую дѣятельность въ удовлетвореніи тѣхъ общихъ потребностей феодальнаго міра, о которыхъ некому было позаботиться. Въ средніе вѣка церковь частью продолжала выполнять свои прежнія общественно-экономическія задачи— тѣ, которыя приняла на себя въ эпоху Римской имперіи; частью новыя задачи, порожденныя новыми условіями жизни. Все это было возможно

и необходимо именно потому, что церковь являлась величайшей и наиболѣе сплоченной экономической силой того времени.

Какъ сложилась такая громадная экономическая сила духовенства? Ея основной причиной являлась благотворительная забота церкви о бѣдныхъ, экономически угнетенныхъ и экономически вырождавшихся элементахъ населенія. Эта забота доставила церкви необычайное вліяніе на народныя массы, вліяніе, съ которымъ не могла не считаться господствующая сила Римскаго государства—императорская бюрократія. Послѣ тщетныхъ попытокъ утопить силу церкви въ потокахъ крови, имперія смирилась и стала искать союза съ могущественной организацiей. Тогда церковь, изъ гонимой сдѣлавшись господствующей, стала быстро расти на свободѣ, и ея сокровищницы наполнялись богатыми приношеніями, притекавшими отъ всѣхъ слоевъ общества. Императоры, а позже ихъ—германскіе короли и герцоги, которые также не могли не считать выгоднымъ союзъ съ церковью, дарили духовенству громадныя помѣстья въ вознагражденіе за разнообразныя услуги. Услуги эти заключались не только въ томъ, что своей заботой о бѣднѣйшей части населенія и всѣмъ характеромъ своего ученія церковь содѣйствовала общественному спокойствію и порядку. Уже въ эпоху упадка имперіи церковь принимала значительное участіе въ политическихъ междоусобіяхъ и доставляла побѣду тому изъ противниковъ, на сторону котораго становилась. Уже тогда выполняла она своими силами не малую долю законодательной работы въ общегосударственныхъ дѣлахъ. Когда же на мѣстѣ имперіи водворились варвары, то духовенству пришлось вводить повсюду порядокъ и устройство: варвары рѣшительно не въ силахъ были выполнить эту задачу—не такъ воспитала ихъ вся предыдущая исторія, характеризующаяся экономической раздробленностью, массой войнъ и междоусобій; духовенство же являлось опытнымъ организаторомъ, для него общественно-организаторская роль была вполнѣ привычна. Такимъ образомъ, въ законодательной дѣятельности, въ устройствѣ администраціи—во всемъ этомъ наибольшую часть работы взяло на себя духовенство.

Организаторскій трудъ, осуществленный церковью, естественно доставилъ ей громадную долю въ общественномъ распредѣленіи. Уже въ началѣ среднихъ вѣковъ церковь обладала громадными богатствами, заключавшимися прежде всего въ земельной собственности; церковь оказывалась крупнѣйшимъ и богатѣйшимъ феодаломъ того времени—феодаломъ, владѣнія котораго были разбросаны рѣшительно повсюду, но объединены централизованнымъ управленіемъ. Этимъ создавались всѣ условія для дальнѣйшаго расширенія всеобщей организаторской дѣятельности духовенства.

Съ церковныхъ помѣстій получалось гораздо больше продуктовъ, чѣмъ могло потребить само духовенство. При господствѣ натуральнаго хозяйства громадные избытки нельзя было обратить въ деньги и сохранить въ этой формѣ. Для католической церкви всего выгоднѣе было употребить ихъ на самую широкую помощь бѣднымъ, больнымъ, стари-

камъ, т.-е. продолжать, только еще въ большихъ размѣрахъ, то, что она дѣлала въ эпоху имперіи.

Далѣе, церкви пришлось бороться съ тѣмъ глубокимъ упадкомъ экономической жизни, который былъ вызванъ неурядицами и броженіемъ переходнаго періода. И здѣсь варвары оказались вначалѣ такими же безсильными, какъ и въ дѣлѣ государственнаго устройства: по развитію производительнаго труда они стояли неизмѣримо ниже римлянъ. Монастыри начинаютъ обучать ихъ земледѣлію и ремесламъ, становятся разсадниками техническихъ знаній, матеріальной культуры.

Безконечныя войны внутри феодальнаго міра представляли большія невыгоды съ точки зрѣнія церкви: не говоря уже о томъ, что имѣнія и сокровища церкви нерѣдко прямо страдали отъ военнаго разбоя и грабежа, войны феодаловъ еще въ болѣе сильной степени, хотя косвенно, задѣвали интересы церкви, подрывая благосостояніе народа, ослабляя источникъ ея доходовъ: между тѣмъ, въ качествѣ общей организаціи феодальнаго міра, церковь была въ состояніи возвыситься надъ узостью точки зрѣнія отдѣльныхъ феодаловъ и защищать дѣло общественнаго порядка даже тамъ, гдѣ непосредственно ея интересы и не затрагивались. Поэтому церковь употребляла все свое вліяніе на то, чтобы поставить хотя нѣкоторыя границы разнузданной воинственности феодаловъ. Она нерѣдко выступала въ роли посредника при различныхъ междоусобіяхъ, и роль эта приносила ей по большей части даже прямыя матеріальныя выгоды, такъ какъ за услуги по улаживанію столкновеній церковь не оставалась безъ вознагражденія. Далѣе, церковь устанавливала дни «Божьяго міра», которые соблюдались вообще плохо, но все же въ извѣстной мѣрѣ соблюдались, и давали хотя относительный отдыхъ измученному населенію; она добилась и формальной, и фактической неприкосновенности церквей, монастырей и монастырскихъ помѣстій. Все это не только уменьшало ужасы феодальныхъ междоусобій, но и создавало хоть какую-нибудь охрану для мѣновыхъ сношеній въ феодальномъ мірѣ; монастыри становились мѣновыми центрами, дни «Божьяго міра»—торговыми днями.

Общественно-экономическая роль церкви создала ей неслыханную власть надъ умами народныхъ массъ. Власть эта была въ свою очередь средствомъ для дальнѣйшаго увеличенія силы и богатства церкви. Духовенство установило въ свою пользу всеобщій налогъ на земледѣліе—«церковную десятину». Оно организовало обширную систему всевозможныхъ поборовъ на благочестивыя цѣли—поборовъ, которые съ теченіемъ времени возрастали все болѣе. Пожертвованія въ громадныхъ количествахъ стекались въ руки духовенства; наиболѣе важными изъ нихъ были пожертвованія земельныя, которыя къ концу среднихъ вѣковъ сосредоточили въ рукахъ духовенства не менѣе трети всей земли; и это была не худшая треть.

Только церковь, укрѣпившая свой авторитетъ многовѣковой дѣятельностью, была въ состояніи объединить весь феодальный міръ на борьбу съ общими врагами—народами Востока (крестовые походы). Вообще, во

всѣхъ случаяхъ, когда возникала необходимость организовать кооперацію въ такой области, гдѣ свѣтскіе феодалы не могли выполнить этого, или кооперацію болѣе широкую, чѣмъ было для нихъ привычно,—тамъ выступала католическая церковь—общая политическая организація средневѣковой Европы.

Въ общемъ, экономическое строеніе феодальной Европы приходится представлять въ слѣдующемъ видѣ. На почвѣ мелкаго, технически слабаго земледѣльческаго производства, изъ котораго еще не выдѣлилась обрабатывающая промышленность, создались небольшія, но довольно сплоченныя натурально-хозяйственныя организаціи — земледѣльческія общины. Въ тѣхъ областяхъ общиннаго производства, гдѣ существовала потребность въ единой организующей волѣ, выдвинулась власть феодаловъ, которые съ организаторской дѣятельностью въ производствѣ соединили такую же роль въ распредѣленіи. Потребность въ болѣе широкой военной кооперацiи создала сложную, непрочную организацію сюзеренитета, основанную на ограниченномъ подчиненіи однихъ феодаловъ другимъ. Цѣлый рядъ иныхъ общественныхъ потребностей, которымъ военно-феодальная организація не могла удовлетворять по своему спеціально-военному характеру и слабой сплоченности, вызвалъ всеобщую организаторскую дѣятельность церкви, опять-таки не только въ сферѣ производства, но и въ сферѣ распредѣленія. Въ то же время, заполняя собою пробѣлы всѣхъ этихъ организованныхъ экономическихъ связей, незамѣтную, но необходимую роль въ общественной жизни играли неорганизованныя мѣновыя связи, большею частью въ зародышевой формѣ сосѣдскаго обмѣна, но отчасти и въ видѣ обмѣна между различными группами, даже различными странами.

3. Основныя черты общественной психологіи феодальнаго періода.

Положеніе личности въ феодальной группѣ мало чѣмъ отличается отъ положенія личности въ патріархально-родовой организаціи. Въ крестьянской семьѣ патріархальныя отношенія сохранились почти въ чистомъ своемъ видѣ. Надъ личностью крестьянина—главы семейства—тяготѣлъ авторитетъ его общины, далѣе—авторитетъ феодала и, наконецъ, авторитетъ католической церкви. Сила этихъ авторитетовъ была громадна, и вліяніе ихъ имѣло глубоко консервативный характеръ.

Община являлась вѣрной хранительницей обычаевъ, завѣщанныхъ предками, всѣхъ старыхъ формъ техническихъ, экономическихъ, идеологическихъ. Всякія нововведенія вызывали въ ней ожесточенную борьбу противъ себя, потому что они угрожали ломкой исконныхъ основъ общинной жизни, подрывомъ единства общины, которое она инстинктивно отстаивала всѣми силами. Величайшій консерватизмъ въ техникѣ земледѣльческаго производства вытекалъ прежде всего изъ низкой производительности крестьянскаго труда: за удовлетвореніемъ насущныхъ потребностей самого крестьянина и за вычетомъ той доли его труда, которая шла въ пользу феодала, не оставалось свободнаго излишка трудовой

энергіи, который возможно было бы растратить на развитіе способовъ производства. Далѣе, вся система пользованія общинной землею не допускала, по большей части, даже мысли о техническихъ улучшеніяхъ; тѣсное сосѣдство участковъ и одновременное превращеніе полей послѣ жатвы въ общія пастбища заставляло каждаго всецѣло сообразоваться съ тѣмъ, что дѣлали другіе, а передѣлы и переверстки тамъ, гдѣ они сохранились, дѣлали невозможной индивидуальную заботу о повышеніи плодородія земли, такъ какъ участокъ находился лишь временно въ рукахъ каждаго даннаго владѣльца. Консерватизмъ же въ техникѣ означалъ консерватизмъ во всѣхъ сферахъ жизни, ибо съ техническаго прогресса начинается всякій иной.

Отрицательное отношеніе феодальной, свѣтской и духовной организаціи къ измѣненіямъ сложившихся формъ жизни вытекало изъ того, что подобныя измѣненія угрожали увеличить экономическую силу другихъ классовъ и подорвать феодальное господство. Обѣ эти организаціи могли играть сколько-нибудь прогрессивную роль лишь до тѣхъ поръ, пока ихъ господство не упрочилось окончательно; лишь до тѣхъ поръ и психологія обѣихъ группъ могла быть сравнительно мало консервативной. Но съ тѣхъ поръ, какъ феодальныя отношенія сложились вполнѣ, дали жизни все, что могли, — съ тѣхъ поръ сила интересовъ сдѣлала обѣ организаціи господства враждебными дальнѣйшему движенію и застойными по психологіи.

Забитый тяжелыми жизненными условіями, подавленный всяческими авторитетами, крестьянинъ отличался неподвижностью духовнаго склада и тупой приверженностью ко всему привычному. Его психологія представляла величайшія препятствія всякому развитію.

Въ нѣсколько лучшемъ состояніи находился ремесленникъ. Въ своей производственной дѣятельности онъ не былъ скованъ рамками общинныхъ формъ; въ ремеслѣ не было такихъ препятствій техническому прогрессу, какія указаны для земледѣлія. Занимая, въ силу своихъ занятій, нѣсколько отдѣльное положеніе среди общины, ремесленникъ могъ съ меньшими затрудненіями измѣнять свои способы производства; и даже феодальные авторитеты въ этомъ случаѣ въ меньшей степени ограничивали его, потому что ремесленникъ, находясь обыкновенно на оброкѣ, вообще имѣлъ меньше дѣла съ феодаломъ, чѣмъ крестьянинъ, отбывшій барщину. Мало того, искусство ремесленниковъ во многихъ случаяхъ поощрялось высшими классами, такъ какъ доставляло имъ болѣе совершенные предметы потребленія. Въ силу этихъ обстоятельствъ весь духовный складъ ремесленниковъ представлялъ для развитія гораздо меньше препятствій, чѣмъ духовный складъ крестьянъ-земледѣльцевъ.

Что касается до количества и качества того познавательнаго матеріала, на который опиралось общественное развитіе, то и здѣсь приходится отмѣтить большое сходство съ патріархально-родовымъ періодомъ. Общій типъ міровоззрѣнія сводился къ нѣсколько измѣненной формѣ натуральнаго фетишизма. Познаніе причинъ при этомъ также обрывается

на таинственной «силѣ», скрывающейся за реальнымъ фактомъ и представляющей, въ сущности, обезличенную «душу явленія».

Эти формы мышленія господствовали, на ряду съ остатками еще болѣе первобытныхъ формъ, во всѣхъ общественныхъ классахъ; католическое многобожіе, построенное по феодальному типу, являлось завершеніемъ всего міропониманія той эпохи, завершеніемъ естественнымъ и всеобщимъ. «Ереси» возникали лишь тамъ и постольку, гдѣ и поскольку зарождались уже элементы новаго строя. Разница въ психическомъ развитіи отдѣльныхъ группъ была почти исключительно количественная.

Для крестьянина при натуральномъ хозяйствѣ весь міръ сводится къ его общинѣ; тамъ онъ рождается, тамъ проходитъ вся его однообразная жизнь, тамъ онъ умираетъ; иныхъ условій, иной жизни онъ почти не видитъ, почти не представляетъ себѣ. Отсюда—величайшая бѣдность психическаго матеріала, глубокая безсодержательность душевной жизни. Въ этомъ отношеніи крестьянинъ среднихъ вѣковъ едва ли не ниже своего предка-кочевника патріархальныхъ временъ.

И опять-таки ремесленникъ по богатству психики выше средняго крестьянина: его занятіе вынуждаетъ его иногда переходить за предѣлы общины, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ одинъ работаетъ не на одну, а на нѣсколько деревень, или когда онъ нуждается въ матеріалѣ или орудіяхъ, которыхъ не производитъ его община. Вообще, онъ меньше привязанъ къ участку земли, легче переходитъ съ мѣста на мѣсто, и стремится туда, гдѣ больше спроса на его трудъ: изъ маленькой общины въ большую, изъ бѣдной въ богатую, изъ деревни въ городъ. Благодаря всему этому, его психическая ограниченность не доходитъ до такой степени, какъ у чистаго земледѣльца.

Феодалы — свѣтскіе и духовные — находились въ болѣе выгодныхъ условіяхъ; ихъ жизнь была шире, разнообразнѣе, матеріалъ сознанія по количеству гораздо значительнѣе. При этомъ свѣтскіе феодалы, благодаря большой узости своихъ жизненныхъ интересовъ, болѣе ограниченной сферѣ дѣятельности, стояли по своей интеллигентности гораздо ниже духовныхъ. Можно сказать, что въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, когда развилась феодальная система отношеній, почти вся умственная жизнь сосредоточивалась въ духовномъ сословіи, отъ него одного исходило всякое просвѣщеніе. Знаніе, умственное развитіе были нужны духовенству въ его сложной и трудной общественно-организаторской роли; вотъ почему оно явилось хранителемъ остатковъ духовной культуры древняго міра. Въ то же время, по самой сущности организаціи духовенства, на первомъ планѣ для него стояло не познаніе, не наука, а то ученіе, которое привлекало церкви сочувствіе массъ, которое идейно объединяло церковь. Наука являлась естественной прислужницей религіи, простымъ орудіемъ для достиженія намѣчаемыхъ ею цѣлей. Такъ смотрѣло на вещи не одно духовенство, но и все общество, для котораго благодѣтельная роль церкви являлась неопровержимымъ доказательствомъ абсолютной истины проповѣдуемаго церковью ученія.

Но если абсолютная истина дана, не зачѣмъ стремиться къ новой истинѣ; надо только стараться о томъ, чтобы полнѣе раскрыть ту, которая дана. Мышленіе феодальнаго міра нисколько не стремится къ пріобрѣтенію новыхъ научныхъ знаній, къ выясненію естественныхъ законовъ, считая все это суетой суетъ. Зато формальная логика процвѣтаетъ, такъ какъ она является точнымъ методомъ полнаго и подробнаго раскрытія той истины, которая уже дана въ общей формѣ и которую остается лишь развить въ частностяхъ. Отсюда—безконечныя схоластическія упражненія ученыхъ монаховъ и всѣхъ вообще представителей учености въ феодальномъ мірѣ; отсюда—своеобразная программа преподаванія въ учебныхъ учрежденіяхъ духовенства, программа, сводящаяся къ богословію, формальной логикѣ и церковной латыни; отсюда, наконецъ, необычайное значеніе, которое придавалось произведеніямъ творца формальной логики—Аристотеля, на ряду съ твореніями отцовъ церкви.

Познающая мысль всецѣло и добровольно подчинялась высшему авторитету. Если гдѣ-либо особенныя условія создавали почву для критическаго мышленія и возникало стремленіе выйти изъ рамокъ католической доктрины, тогда все общество съ величайшимъ единодушіемъ возставало противъ «ереси» и подавляло ее.

Подводя итоги, приходится сказать, что для общественнаго развитія психологія феодальнаго періода представляла: во-первыхъ, очень бѣдный и не подходящій по качеству матеріалъ, во-вторыхъ, чисто стихійныя препятствія въ формѣ господства надъ жизнью обычая, и въ-третьихъ, противодѣйствіе со стороны консервативныхъ интересовъ господствующихъ классовъ. При такихъ обстоятельствахъ развитіе могло совершаться только дѣйствіемъ стихійныхъ силъ со свойственной имъ медленностью.

Что касается до отдѣльныхъ общественныхъ группъ, то сравнительно наиболѣе благопріятныя условія для развитія представлялъ классъ ремесленниковъ.

4. Силы развитія и его направленіе въ феодальномъ обществѣ

Стихійный консерватизмъ психологіи феодальнаго періода, подобный консерватизму родовой группы, но все же менѣе прочный и устойчивый, могъ отступать и давать мѣсто развитію только подъ дѣйствіемъ силъ стихійнаго характера. Такова сила абсолютнаго перенаселенія, т.-е. порождаемаго неподвижностью техники недостатка средствъ для удовлетворенія потребностей общества.

Первичное вліяніе абсолютнаго перенаселенія выразилось въ безчисленныхъ войнахъ феодальнаго міра. Какъ было выяснено, преимущественно эти войны и привели къ превращенію свободныхъ земледѣльческихъ общинъ въ феодальныя группы, создали самый типъ организаціи феодальнаго общества.

Во всякомъ случаѣ, внутреннія войны представляли изъ себя наименѣе выгодный для феодальнаго міра способъ избавляться отъ избыточнаго населенія, такъ какъ, разрушая производительныя силы феодальнаго общества, онѣ создавали тѣмъ самымъ новое избыточное населеніе, если не въ средѣ побѣдителей, то въ средѣ побѣжденныхъ. Поэтому, вслѣдъ за объединеніемъ феодальнаго общества католической организаціей, начинаются войны внѣшнія, въ которыхъ феодальныя силы выступаютъ подъ католическимъ знаменемъ противъ не-католическихъ сосѣдей. Крестовые походы выражали собою стремленіе расширить территорію феодальнаго міра и устранить этимъ способомъ земельную тѣсноту—сельскохозяйственное перенаселеніе. На завоеванныхъ земляхъ основывались феодальныя королевства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ совершался, хотя очень медленно, и собственно-техническій прогрессъ. Въ земледѣліи онъ до конца среднихъ вѣковъ былъ, въ общемъ, незначителенъ,—тамъ общественная психологія представляла наибольшія препятствія развитію. Другое дѣло—обрабатывающая промышленность, гдѣ условія были благопріятнѣе для развитія. Тамъ прогрессъ шелъ быстрѣе: вырабатывались технически-лучшіе способы производства, какіе возможны при мелкомъ ремесленномъ его характерѣ; ремесло понемногу отдѣлялось отъ земледѣлія и спеціализировалось. Такимъ образомъ, усиливалось общественное раздѣленіе труда; усиливался, слѣдовательно, обмѣнъ. Ремесленникъ стремился быть поближе къ мѣстамъ сбыта своихъ продуктовъ, и уходилъ мало-по-малу изъ деревни въ возникшіе центры обмѣна—города. Изъ этого произошли въ высшей степени важныя экономическія измѣненія, о которыхъ будетъ рѣчь въ послѣдующемъ изложеніи.

Кратко опредѣляя общее направленіе происходившихъ въ феодальной жизни измѣненій, надо сказать, что, дѣйствуя различными способами, абсолютное перенаселеніе вело средневѣковый міръ къ одной цѣли—къ развитію неорганизованнаго раздѣленія труда, которое выражается въ обмѣнѣ.

Даже внутреннія войны феодальнаго общества имѣли необходимымъ своимъ результатомъ ростъ сношеній, слѣдовательно—производственныхъ связей и обмѣна между феодальными группами. Въ томъ же смыслѣ дѣйствовали внѣшнія войны. Знакомство съ арабами, затѣмъ съ сарацинами, турками — культурными народами Востока, также знакомство съ Византійской имперіей, лежавшей на пути крестовыхъ походовъ, дало сильный толчокъ общественному раздѣленію труда, во-первыхъ, — непосредственно, расширивъ кругъ мѣновыхъ сношеній, во-вторыхъ, — косвенно, позволивъ европейцамъ заимствовать нѣкоторые новые техническіе пріемы и усовершенствованія, что въ тѣ времена необходимо вело къ прогрессу обмѣна, такъ какъ болѣе совершенная техника нуждается въ большемъ раздѣленіи труда, въ спеціализаціи.

Такъ у арабовъ были заимствованы многія улучшенія въ сферѣ земледѣльческой техники: въ садоводствѣ, въ огородничествѣ, въ искусственномъ орошеніи полей и пр.; затѣмъ, многое въ сферѣ инженернаго ис-

кусства, нѣкоторыя важныя свѣдѣнія по технической химіи (приготовленіе полезныхъ въ производствѣ кислотъ), далѣе, въ техникѣ морскихъ сообщеній и т. д.

Развитіе ремесленной техники, будучи связано съ постепеннымъ отдѣленіемъ ремесла отъ земледѣлія и со спеціализаціей ремесла, означаетъ развитіе обмѣна уже въ силу того факта, что никакой ремесленникъ не можетъ жить непосредственно продуктами своего ремесла и, производя ихъ во много разъ больше, чѣмъ ему для себя требуется, долженъ продавать ихъ, чтобы покупать необходимыя средства потребленія.

Натуральное хозяйство феодальнаго міра постепенно переходило въ мѣновое.

Феодальныя отношенія складывались въ Западной Европѣ приблизительно съ V вѣка до IX, отъ эпохи конца Римской имперіи до разложенія имперіи Карла Великаго. Временемъ расцвѣта феодальной системы являются X, XI вѣка. Затѣмъ начинается процессъ ея разложенія подъ вліяніемъ развивающагося обмѣна.

Общая характеристика натурально-хозяйственныхъ обществъ прошлаго.

1) Въ области производственной техники натуральныя общества прошлаго характеризуются значительной властью внѣшней природы надъ людьми, и, наоборотъ, — малою властью людей надъ внѣшней природой. Въ наибольшей степени это относится къ первобытно-коммунистическому обществу, въ наименьшей—къ феодальному.

2) Въ сферѣ производственныхъ отношеній эти общества характеризуются, во-первыхъ,—относительной узостью, во-вторыхъ,—организованнымъ характеромъ производственныхъ связей. Однако, уже съ незапамятныхъ временъ существовали въ нихъ и неорганизованныя производственныя отношенія, создавшія нѣкоторую связь между обособленными организаціями. И въ этомъ смыслѣ крайностями являются: общество первобытное—почти совершенно обособленная, въ высшей степени сплоченная группа изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, въ которой почти отсутствуютъ неорганизованныя (мѣновыя) связи, и общество феодальное, гораздо менѣе сплоченное, но зато охватывающее цѣлыя сотни тысячъ, даже милліоны людей, объединенныхъ не только организованными, но также отчасти и неорганизованными отношеніями въ борьбѣ за жизнь.

3) Въ сферѣ распредѣленія характернымъ является, во-первыхъ, господство организованныхъ формъ распредѣленія, во-вторыхъ, отсутствіе крайностей богатства и бѣдности. И въ этомъ отношеніи вполнѣ типично лишь первобытное общество, а феодальное стоитъ уже на границѣ новыхъ формъ жизни.

4) Общественная психологія натуральныхъ обществъ прошлаго отличается стихійнымъ консерватизмомъ (господство обычая) и бѣдностью познавательнаго матеріала. Первобытную эпоху почти правильно было бы признать не имѣющей никакого міровоззрѣнія, двѣ послѣдующія ха-

рактеризуются по преимуществу натуральнымъ фетишизмомъ, который отражаетъ власть природы надъ обществомъ, но власть уже поколебленную и не безусловно подавляющую.

5) Соотвѣтственно такому характеру общественной психологіи, силы развитія въ этихъ обществахъ стихійны. Абсолютное перенаселеніе является основнымъ двигателемъ общественнаго развитія.

IV. МЕЛКО-БУРЖУАЗНОЕ ОБЩЕСТВО.

1. Отношенія общества къ природѣ.

Феодальное общество развивало производительныя силы быстрѣе, чѣмъ родовое; поэтому и существованіе перваго было менѣе продолжительно. Преобразованіе феодальныхъ отношеній въ мелко-буржуазныя началось почти съ самаго ихъ возникновенія. Основной причиной преобразованія были слѣдующія измѣненія въ сферѣ общественной борьбы съ природой.

Общіе размѣры производства возросли во много разъ: во-первыхъ, трудъ сталъ производительнѣе, во-вторыхъ, чрезвычайно увеличилось количество общественнаго труда, такъ какъ общество стало обширнѣе. При большомъ разнообразіи общественныхъ продуктовъ особенно быстро развивалась та область производства, которая занимается перемѣщеніемъ продуктовъ, т.-е. перевозочная промышленность. Все болѣе и болѣе значительная доля продуктовъ потреблялась не тамъ, гдѣ производилась. Выдѣлился цѣлый общественный классъ, занятый исключительно перемѣщеніемъ продуктовъ и ихъ распредѣленіемъ между хозяйствами,—классъ торговцевъ. Самая техника перемѣщенія продуктовъ и вообще сношеній между людьми понемногу улучшалась: проводились дороги, строились мосты на рѣкахъ, дѣлались болѣе обширные и прочные корабли, пригодные для дальнихъ плаваній, примѣнялась военная сила для охраны путешественниковъ и складочныхъ мѣстъ перевозочной промышленности и т. д.

Съ возрастаніемъ размѣровъ и разнообразія общественнаго производства, съ развитіемъ перевозочной промышленности, съ улучшеніемъ техники сношеній между людьми все болѣе ослабѣвала власть природы надъ общественнымъ человѣкомъ. Матеріальная среда общественной жизни людей переставала всецѣло зависѣть отъ узкихъ природныхъ условій данной мѣстности; если природа одной страны не давала человѣку достаточныхъ средствъ для побѣды надъ собою, то ихъ могла дать ему при посредствѣ другихъ людей природа другой страны, и наоборотъ. Всякое новое завоеваніе въ борьбѣ съ природой распространялось въ общественной средѣ гораздо шире, чѣмъ прежде, и подрывало господство стихійныхъ силъ внѣшняго міра повсюду, куда простиралась общественно-экономическая связь взаимныхъ сношеній между людьми. Передъ расширяющимся общественнымъ союзомъ, хотя и не тѣсно спло-

ченнымъ въ изучаемую эпоху, понемногу отступала грубая власть природы.

2. Производственныя и распредѣлительныя отношенія людей въ мелко-буржуазномъ обществѣ.

а) Неорганизованныя связи между хозяйствами.

Такъ какъ для мелко-буржуазнаго общества наиболѣе важными и характерными являются неорганизованныя (мѣновыя) связи между отдѣльными предпріятіями, то, изучая его строеніе, удобнѣе начать именно съ этихъ связей, а не съ внутреннихъ отношеній предпріятія.

Мѣновыя отношенія между хозяйствами существовали, какъ было выяснено, уже въ довольно раннія эпохи жизни натуральныхъ обществъ. Но господствующая роль принадлежала тогда не мѣновымъ связямъ: онѣ охватывали только незначительную часть производства, — главнымъ образомъ производство излишковъ; производство же основныхъ, необходимыхъ средствъ къ жизни, т.-е. наиболѣе существенная часть производства, было организовано почти цѣликомъ въ предѣлахъ отдѣльной группы. Группа могла продолжать свое существованіе даже въ томъ случаѣ, если бы оборвались ея мѣновыя сношенія съ другими группами; она обладала дѣйствительной независимостью въ производственной жизни. Поэтому каждая такая группа являлась сама по себѣ настоящимъ «обществомъ».

По мѣрѣ развитія общественнаго раздѣленія труда матеріальная независимость группы утрачивается: въ сферу обмѣна все болѣе втягивается, вслѣдъ за излишками производства, и основная его часть, группа мало-по-малу перестаетъ непосредственно производить для себя все необходимое и начинаетъ даже наиболѣе насущныя свои потребности удовлетворять при помощи обмѣна. Отдѣльное хозяйство чѣмъ дальше, тѣмъ въ большей степени перестаетъ производить собственно для себя. Ремесленникъ, порывая прежнюю связь съ земледѣліемъ, лишь самую ничтожную долю продуктовъ своего труда можетъ предназначать для своей семьи: сапожникъ, напримѣръ, одну сотую, а шелковый ткачъ — и совсѣмъ ничего. Точно также, вовлеченное въ мѣновую жизнь феодальное хозяйство потребляетъ все меньшую часть того хлѣба, мяса и т. д., которые въ немъ произведены.

Такимъ образомъ, матеріальная зависимость каждаго хозяйства отъ всѣхъ другихъ непрерывно возрастаетъ. Между тѣмъ формально оно независимо, т.-е. организуетъ его отдѣльная личная воля, особая для каждаго предпріятія. Его внутреннія отношенія вполнѣ организованы этой волею: а его внѣшнія отношенія не организованы, не зависятъ ни отъ чьей воли. Таково строеніе всякаго мѣнового общества, и прежде всего мелко-буржуазнаго.

Исторія не знаетъ чистаго, законченнаго типа мелко-буржуазнаго общества, какъ и вообще никакой вполнѣ однородной системы отноше-

ній. Всякое данное общество, кромѣ своихъ основныхъ, наиболѣе характерныхъ элементовъ, заключаетъ тѣсно переплетающіеся съ ними пережитки прошлыхъ общественныхъ формацій и зародыши будущихъ. Къ мелко-буржуазному обществу все это относится въ особенно сильной степени: оно оказалось весьма кратковременной переходной стадіей отъ общества феодальнаго къ капиталистическому. Поэтому, нѣкоторыя черты общественныхъ отношеній, которыя оно само по себѣ стремится развить, стали выступать съ достаточной ясностью лишь въ послѣдующія эпохи; но такъ какъ тогда черты эти осложняются и видоизмѣняются различными новыми вліяніями, то для простоты анализа онѣ должны изучаться именно въ связи съ экономикой мелко-буржуазнаго общества. Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ намъ придется прибѣгать къ очень отвлеченному, такъ сказать, идеализированному изображенію мелко-буржуазныхъ общественныхъ отношеній, чтобы отъ него постепенно переходить къ исторической дѣйствительности, какой она была.

Итакъ, въ мѣновомъ обществѣ производство раздѣлено между многочисленными хозяйствами, и нѣтъ единой организующей воли, которая цѣлесообразно распредѣляла бы общественный трудъ между различными отраслями производства. Связь между хозяйствами выражается въ переходѣ продуктовъ и средствъ производства изъ одного хозяйства въ другое; этотъ переходъ совершается при посредствѣ обмѣна, т.-е. неорганизованнаго распредѣленія общественно-полезныхъ вещей.

Только въ организованномъ производствѣ возможно вполнѣ цѣлесообразное распредѣленіе труда: только въ организованномъ производствѣ трудъ можетъ въ точности удовлетворять потребностямъ общества: разъ хорошо извѣстны размѣры этихъ потребностей и количество труда, которымъ общество располагаетъ для ихъ удовлетворенія, организующая воля можетъ распредѣлить трудъ въ соотвѣтствіи съ потребностями. При мѣновыхъ отношеніяхъ потребности каждаго хозяйства удовлетворяются трудомъ, который не оно организовало, а его организованный трудъ служитъ для удовлетворенія потребностей другихъ хозяйствъ, которыя не имѣютъ прямого вліянія на организацію труда въ этомъ хозяйствѣ.

Только въ самой ранней стадіи мѣнового хозяйства, когда господствуетъ производство на заказъ, производитель обладаетъ хотя приблизительнымъ представленіемъ о величинѣ той общественной потребности, которой должно удовлетворять его хозяйство. По мѣрѣ того, какъ развивается общественное раздѣленіе труда и расширяются рамки мѣновыхъ связей, работа на заказъ смѣняется работой на рынокъ; другими словами, на мѣсто узкаго, опредѣленнаго, заранѣе извѣстнаго производителю круга покупателей выступаетъ все болѣе широкій но, и болѣе неопредѣленный, измѣнчивый, безличный рыночный спросъ. Производитель лишается возможности судить о томъ, въ какихъ предѣлахъ понадобятся обществу его продукты. Изъ этого вытекаютъ важныя послѣдствія. Чтобы ясно ихъ себѣ представить, воспользуемся слѣдующимъ грубымъ примѣромъ.

Тысяча сапожниковъ даннаго общества произвели 200.000 паръ са-

ногъ, а рыночный спросъ, выражающій собою общественную потребность сводится къ 150.000 паръ; трудъ 250 сапожниковъ не удовлетворяетъ никакой общественной потребности, онъ оказался общественно-безполезнымъ. Наоборотъ, пятьдесятъ тысячъ земледѣльцевъ произвели десять милліоновъ пудовъ хлѣба; между тѣмъ, общественная потребность простирается на 10½ милліоновъ пудовъ, и для ея полнаго удовлетворенія понадобилась бы работа еще 2.500 земледѣльцевъ. Часть общественной трудовой энергіи разсѣялась безъ пользы, потому что оказалось излишне потраченной; другая часть—потому, что не были полностью удовлетворены потребности трудящихся. И основная причина всего этого та, что каждый работалъ независимо отъ другихъ, что не было единой организующей воли—личной или групповой, это все равно,—которая распредѣлила бы работниковъ цѣлесообразно, уменьшила бы количество труда въ ремеслахъ и перенесла бы часть его въ земледѣліе,—словомъ, которая организовала бы взаимныя отношенія хозяйствъ.

Часть труда ремесленниковъ оказалась общественно-безполезной, за нее они ничего не получаютъ отъ общества, т.-е. отъ рынка. Благодаря этому, ихъ потребности удовлетворяются не вполнѣ; отсюда возникаетъ цѣлый рядъ страданій. Въ земледѣліи затрачено недостаточно труда, хлѣба хватило не всѣмъ,—отсюда опять-таки возникаютъ страданія. Люди оказались неприспособленными къ собственнымъ взаимнымъ отношеніямъ, какъ первобытный человѣкъ нерѣдко оказывался неприспособленнымъ къ отношеніямъ внѣшней природы.

Въ дѣйствительности такая рѣзкая неприспособленность, какъ въ данномъ примѣрѣ, врядъ ли когда-нибудь наблюдалась въ исторической жизни мелко-буржуазныхъ обществъ. Да и вообще она имѣетъ свои предѣлы, зависящіе отъ тѣхъ же общественныхъ отношеній. Чтобы выяснить, гдѣ лежатъ эти предѣлы, слѣдуетъ перейти къ вопросу о рынкѣ и о конкурренціи.

Производитель обмѣниваетъ свой продуктъ—свой **товаръ**—на чужіе товары: сначала на деньги, потомъ эти деньги на другіе продукты, въ которыхъ нуждается; но деньги—также товаръ, и пока объ нихъ нѣтъ надобности говорить особо. Какое же количество чужихъ товаровъ производитель получитъ за свои? Другими словами: какъ велика окажется мѣновая цѣнность его товаровъ?

Допустимъ, что общество вполнѣ однородно, что различныя хозяйства сходны между собой по величинѣ потребностей и по количеству трудовой энергіи, которое въ каждомъ изъ нихъ затрачивается на производство. Если такихъ хозяйствъ имѣется милліонъ, то потребности каждаго изъ нихъ составляютъ одну милліонную потребностей общества, и трудъ каждаго изъ нихъ составляетъ одну милліонную общественныхъ затратъ трудовой энергіи. Если при этомъ все общественное производство вполнѣ удовлетворяетъ всю сумму общественныхъ потребностей, то каждому хозяйству для полнаго удовлетворенія его потребностей необходимо получить за свои товары одну милліонную всего общественнаго продукта. Если отдѣльныя хозяйства получатъ меньше этого, они начнутъ слабѣть

и разрушаться, не будутъ въ силахъ выполнять прежней общественной роли, доставлять обществу по одной милліонной долѣ всей его трудовой энергіи въ борьбѣ съ природой. Если нѣкоторыя хозяйства получатъ больше чѣмъ, по одной милліонной долѣ всего продукта общественнаго труда, то пострадаютъ и начнутъ слабѣть другія хозяйства, которымъ достанется меньше.

То количество трудовой энергіи, которое необходимо обществу для производства опредѣленнаго продукта, называется общественной стоимостью или просто стоимостью этого продукта. Пользуясь этимъ терминомъ, предыдущія соображенія можно представить въ такомъ видѣ:

Въ однородномъ обществѣ съ раздѣленнымъ трудомъ для полнаго поддержанія производственной жизни въ прежнемъ видѣ необходимо, чтобы каждое хозяйство при обмѣнѣ получало за свои товары **равное имъ по стоимости** количество этихъ продуктовъ для своего потребленія. Въ приведенномъ примѣрѣ стоимость товаровъ даннаго хозяйства равна одной милліонной всей стоимости общественнаго продукта, и стоимость необходимыхъ для хозяйства предметовъ потребленія равна также одной милліонной всей общественно-трудовой энергіи.

Какъ было указано во введеніи, за единицу измѣренія общественно-трудовой энергіи слѣдуетъ принимать часъ простого труда средней интенсивности. Если товаръ стоитъ 12 такихъ «часовъ», то онъ долженъ обмѣниваться на другой товаръ, стоющій также 12 «часовъ», напр., за соотвѣтственное количество денежнаго металла. Если же обмѣнъ происходитъ иначе, то нѣкоторыя хозяйства должны разстраиваться и приходить въ упадокъ. На рынкѣ необходимо должны складываться цѣны товаровъ, въ общемъ и въ среднемъ соотвѣтствующія ихъ стоимостямъ, въ противномъ случаѣ, существованіе всего общества становится крайне неустойчивымъ.

Но дѣйствительное мѣновое общество все же не лишено нѣкоторой устойчивости. Цѣны товаровъ постоянно, въ большей или меньшей степени, уклоняются отъ ихъ стоимостей, потому что никакая организующая воля не управляетъ обмѣномъ; однако, въ самомъ строеніи общества заключается своеобразный механизмъ, дѣйствіе котораго управляетъ колебаніями цѣнъ такимъ образомъ, что уклоненія въ одну сторону смѣняются уклоненіями въ другую, а въ среднемъ уравновѣшиваются. Механизмъ этотъ обладаетъ громадной силой, грубой и стихійной; онъ называется **рыночной конкурренціей**.

Если производитель соглашается продавать свой товаръ ниже стоимости, то хозяйство его разстраивается; если другіе производители покупаютъ его товаръ выше стоимости, то ухудшается ихъ матеріальное положеніе. Возникаетъ борьба интересовъ продавца и покупателя; въ результатѣ этой борьбы каждый привыкаетъ требовать за свой продуктъ никакъ **не меньше** его стоимости и давать за чужой **не больше** его стоимости; такимъ образомъ, въ обществѣ складывается представленіе о «цѣнности» товаровъ, которая въ дѣйствительности соотвѣтствуетъ (приблизительно) ихъ стоимостямъ.

Но не всегда производителю удается продать свой товаръ по его стоимости; иногда онъ вынужденъ уступать его дешевле. Въ прежнемъ примѣрѣ, когда 1.000 сапожниковъ представили на рынокъ 200.000 паръ сапогъ, а общество можетъ купить только 150.000, сапожники оказываются въ очень трудномъ положеніи. Предложеніе ихъ товара превышаетъ спросъ на него; весь товаръ не можетъ быть проданъ и каждый изъ продавцовъ рискуетъ остаться совсѣмъ безъ покупателя. Тогда начинается ожесточенная борьба между продавцами: каждый изъ нихъ готовъ пожертвовать часть стоимости своего товара, лишь бы привлечь покупателей къ себѣ и не возвратиться домой съ непроданнымъ товаромъ. Цѣна товара понижается: сапоги, стоящіе 50 «часовъ простого труда», продаются за такое количество денегъ, въ которомъ заключается всего 40, 35 подобныхъ единицъ трудовой энергіи. Хозяйства сапожниковъ слабѣютъ, нѣкоторыя даже совсѣмъ рушатся; часть сапожниковъ принуждена уменьшить свое производство, потому что недостаточно удовлетворяютъ потребностямъ своего хозяйства, т.-е. начинаютъ плохо питаться, не могутъ покупать матеріала въ прежнемъ количествѣ, и т. под.; другая часть совсѣмъ бросаетъ прежнее дѣло и избираетъ себѣ иную роль въ производствѣ или оказывается вообще внѣ его. Въ результатѣ, на слѣдующій разъ рынокъ оказывается не только не переполненъ сапожнымъ товаромъ, но даже наоборотъ: при спросѣ на 160.000 паръ сапогъ предложеніе сводится, напр., къ 120.000 п. Тогда возникаетъ борьба уже между покупателями: не желая остаться совсѣмъ безъ сапогъ, многіе покупатели соглашаются платить за пару сапогъ выше ея стоимости, вмѣсто 50-ти—60, 65 единицъ трудовой энергіи въ формѣ денегъ. Выгодныя цѣны позволяютъ хозяйствамъ продавцовъ подняться, расширить производство; сапожныя предпріятія могутъ даже вновь увеличиться въ числѣ; и опять измѣняется отношеніе спроса къ предложенію, происходитъ новое колебаніе цѣны товара въ другую сторону и т. д.

Такимъ образомъ, рыночная конкурренція въ формѣ борьбы—съ одной стороны, между покупателемъ и продавцомъ, съ другой стороны, между продавцами одинаковыхъ товаровъ, а также между покупателями—стремится въ постоянныхъ колебаніяхъ поддерживать цѣны товаровъ около уровня ихъ стоимостей, понижая цѣны, чрезмѣрно повышенныя, и повышая цѣны пониженныя. Если производство въ данной отрасли идетъ дальше размѣровъ общественной потребности, его продукты продаются ниже стоимости, и оно сокращается; если оно не вполнѣ удовлетворяетъ общественной потребности, его продукты продаются выше стоимости, и оно расширяется. Такъ при посредствѣ рынка законъ стоимости управляетъ общественнымъ производствомъ, приноравливая его къ общественнымъ потребностямъ.

Но такое приноравливаніе совершается лишь путемъ непрерывныхъ колебаній; во всякій данный моментъ оно является далеко не полнымъ, а это влечетъ за собой страданіе производителей, безплодную растрату общественной энергіи. Во всякій данный моментъ производитель риску-

стъ оказаться неприспособленнымъ къ своей общественной средѣ. Плохое утѣшеніе для ремесленника, разорившагося отъ недостатка сбыта и прекратившаго производство, знать, что съ теченіемъ времени равновѣсіе спроса и предложенія само собой вновь установится на рынкѣ. Такъ общественныя отношенія господствуютъ надъ людьми въ мѣновомъ хозяйствѣ, хотя, быть можетъ, и менѣе жестоко, чѣмъ отношенія внѣшней природы надъ людьми натуральныхъ обществъ.

Изложенныя воззрѣнія на цѣну и стоимость въ мѣновомъ обществѣ господствуютъ въ современномъ научномъ мышленіи подъ именемъ „теоріи трудовой стоимости". Въ качествѣ пережитковъ неразвитого познанія, поддерживаемыхъ классовыми интересами извѣстныхъ группъ общества, до сихъ поръ сохраняются, однако, если не въ наукѣ, то въ ученыхъ трактатахъ, взгляды иного рода, болѣе или менѣе сложныя и запутанныя теоріи, иначе „объясняющія" жизни мѣнового общества. Разсмотримъ поэтому можетъ ли вообще быть вѣрною какая бы то ни было изъ этихъ теорій.

При обмѣнѣ происходитъ сравненіе самыхъ разнородныхъ товаровъ: топоръ, хлѣбъ, книга, украшеніе и т. п. Для всякаго сравненія различныхъ предметовъ необходимо, чтобы въ нихъ было что-нибудь общее, поддающееся измѣренію. И человѣкъ, и камень обладаютъ вѣсомъ, который возможно измѣрить; поэтому вполнѣ допустимо сравненіе человѣка съ камнемъ по вѣсу.

Что же общаго можно найти во всѣхъ различныхъ товарахъ, которые сравниваются между собой въ актѣ обмѣна? Уже для самаго поверхностнаго взгляда очевидно, что это—не объемъ, не вѣсъ, не твердость—вообще, не „естественныя" ихъ свойства. Стало быть, это—ихъ о б щ е с т в е н н о е свойство. Но какое именно? Такихъ свойствъ, какъ было раньше указано, всего два: общественная полезность и общественная стоимость. Но есть ли это общественная полезность? Нѣтъ; топоръ полезенъ в ъ к а ч е с т в ѣ орудія производства, хлѣбъ—в ъ к а ч е с т в ѣ средства поддержанія рабочей силы производителя и т. п.;—количественному сравненію не было бы мѣста, а именно оно и выступаетъ въ обмѣнѣ. Очевидно, дѣло идетъ объ общественной стоимости, т.-е. о томъ количествѣ общественно-трудовой энергіи, котораго стоитъ каждый товаръ; съ этой точки зрѣнія становится вполнѣ понятнымъ количественное равенство самыхъ разнообразныхъ продуктовъ, даже матеріальныхъ съ нематеріальными.

Но допустимъ, что предыдущее разсужденіе ошибочно, что въ основѣ мѣнового процесса лежитъ не стоимость, а что-нибудь другое, чего мы даже, можетъ быть, еще не знаемъ. Пусть въ топорѣ и парѣ сапогъ это неизвѣстное „что-то" заключается въ равномъ количествѣ, такъ что оба товара должны продаваться по одинаковой цѣнѣ. Въ то же время трудовая стоимость этихъ товаровъ неодинакова: топоръ стоитъ 8 „часовъ простого труда", а сапоги—12. Въ такомъ случаѣ, кто станетъ заниматься сапожнымъ дѣломъ, когда это явно невыгодно? Всѣ предпочтутъ дѣлать топоры. Развитіе общественнаго раздѣленія труда стало бы невозможнымъ; невозможнымъ стало бы и само мѣстное общество. Такимъ образомъ, допущеніе всякой иной основы обмѣна, кромѣ стоимости, приводитъ къ абсурду.

Хотя цѣна въ общемъ опредѣляется стоимостью, но въ каждомъ частномъ случаѣ она можетъ не совпадать съ нею. Только тамъ, гдѣ свободно дѣйствуетъ конкурренція, гдѣ производство товаровъ способно расширяться и сокращаться подъ вліяніемъ рыночнаго спроса—только тамъ цѣны дѣйствительно стремятся къ уровню стоимости. Всего больше

это относится къ обрабатывающей промышленности. Гдѣ производство не такъ эластично, тамъ законъ трудовой стоимости проявляется въ менѣе чистомъ видѣ.

Таково земледѣліе и въ меньшей степени другія отрасли добывающей промышленности. На данномъ участкѣ земли трудно увеличить сколько-нибудь значительно производство хлѣба, если весь участокъ уже эксплоатируется земледѣліемъ. Поэтому, съ возрастаніемъ размѣровъ мѣнового общества, съ увеличеніемъ спроса на хлѣбъ цѣна хлѣба можетъ упорно держаться выше стоимости, потому что предложеніе не поспѣваетъ за спросомъ.

Далѣе, свободному дѣйствію конкурренціи нерѣдко въ сильной степени препятствуютъ различныя организованныя отношенія между людьми; такъ было и въ исторически извѣстныхъ мелко-буржуазныхъ обществахъ (связи цеховыя, феодальныя—объ ихъ вліяніи на обмѣнъ и конкурренцію подробнѣе излагается дальше).

Наконецъ, въ иныхъ случаяхъ, часто въ связи съ только что указанными условіями, особенно съ послѣднимъ, на сцену выступаетъ монополія. Монополіей называется, собственно, не простой недостатокъ конкурренціи, а полное ея отсутствіе, но обыкновенно этимъ именемъ обозначается всякая значительная степень недостаточности конкурренціи. Если производствомъ извѣстнаго общественно-необходимаго продукта занимается только одно предпріятіе или небольшое число дѣйствующихъ въ союзѣ предпріятій, то покупатели могутъ быть принуждены платить за продуктъ несоразмѣрно высокія цѣны. Тогда оказывается, что отдѣльная группа, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, эксплоатируетъ остальное общество.

Монополіей объясняется тотъ фактъ, что въ мѣновомъ обществѣ цѣну имѣютъ, между прочимъ, и нѣкоторые изъ предметовъ, вовсе не созданныхъ трудомъ, не имѣющихъ трудовой стоимости, напр., невоздѣланная земля, сила теченія воды (когда рѣка сдается въ аренду подъ мельницу), почетное званіе, право на трудъ, отпущеніе грѣховъ (предметъ торговли католическихъ монаховъ) и т. п.

Это бываетъ въ томъ случаѣ, когда предметы, не созданные трудомъ, но обладающіе полезностью и въ то же время имѣющіеся въ ограниченномъ количествѣ, попадаютъ въ частную собственность, захватываются отдѣльными людьми во владѣніе; тогда владѣльцы не соглашаются уступать эти предметы въ пользованіе другихъ людей иначе, какъ за вознагражденіе, за извѣстную стоимость, напр., за извѣстную сумму денегъ. Цѣна такихъ предметовъ не можетъ опредѣляться ихъ стоимостью, которой вовсе нѣтъ. Какъ всякая эксплоатація, цѣна эта непосредственно опредѣляется отношеніемъ силы общественныхъ классовъ— въ данномъ случаѣ продавцовъ и покупателей подобныхъ товаровъ; само собой разумѣется, что и это отношеніе силъ само подлежитъ опредѣленію изъ основныхъ историческихъ условій, въ конечномъ счетѣ — изъ развитія отношеній человѣка къ природѣ.

Мелко-буржуазное мѣновое общество предполагаетъ уже развитую

денежную форму обмѣна. Безъ денегъ невозможно широкое обращеніе товаровъ, орудіемъ котораго онѣ являются. Деньги играютъ громадную и разнообразную роль въ жизни мѣнового общества. Такъ какъ мѣновое общество знаетъ только денежный обмѣнъ, такъ какъ деньги являются цѣной каждаго товара, то онѣ же являются и постояннымъ мѣриломъ стоимости товаровъ. Благодаря рыночной конкурренціи, у производителя складывается стремленіе брать за свои товары не меньше равной имъ стоимости; но эта стоимость представляется ему, конечно, не въ видѣ опредѣленнаго количества общественно-трудовой энергіи, а въ видѣ опредѣленной суммы денегъ.

Далѣе, во всѣхъ кредитныхъ сдѣлкахъ, которыя становятся въ мѣновомъ обществѣ обычнымъ явленіемъ, деньги поступаютъ какъ законное орудіе платежа. Съ товарнымъ рынкомъ неразрывно связанъ кредитный. Въ суммѣ они составляютъ рынокъ вообще.

Для нормальнаго хода жизни мѣнового общества совершенно необходимо, чтобы орудіе обмѣна и платежа находилось на рынкѣ въ достаточномъ количествѣ. Разсмотримъ, какъ велико это достаточное количество.

При одновременной продажѣ за наличныя, денегъ требуется, очевидно, столько, сколько стоятъ на рынкѣ продаваемые товары. Но за опредѣленный періодъ времени для цѣлаго ряда сдѣлокъ за наличныя сумма денегъ можетъ быть меньше суммы цѣнъ товаровъ.

Ремесленникъ купилъ у крестьянина хлѣба на 10 рублей. За эти 10 рублей крестьянинъ купилъ сошникъ у кузнеца; кузнецъ купилъ за полученныя деньги столъ у столяра. Всѣ три сдѣлки произошли въ теченіе одной недѣли; для нихъ потребовалось всего 10 руб. денегъ, хотя сумма цѣнъ этихъ товаровъ равна 30 руб.; причина заключается въ томъ, что за эту недѣлю данная сумма денегъ сдѣлала три оборота. Вообще, при продажѣ за наличныя, необходимая для товарнаго рынка сумма денегъ опредѣляется такъ: сумму цѣнъ продаваемыхъ товаровъ дѣлятъ на среднее число оборотовъ монеты за время продажи этихъ товаровъ.

Товары, продаваемые въ кредитъ, непосредственно изъ рукъ въ руки переходятъ безъ помощи денегъ. Но впослѣдствіи и за эти товары приходится платить. Чтобы выяснить количество денегъ, необходимое для кредитнаго рынка, надо принять во вниманіе не только скорость обращенія денегъ, какъ въ предыдущемъ случаѣ, но и другое условіе.

Столяръ купилъ въ долгъ у крестьянина хлѣба на 10 рублей, а тотъ, въ свою очередь, купилъ у него—также въ долгъ—столъ за 9 руб. Сводя счеты, столяръ платитъ крестьянину только 1 рубль, хотя сумма долговъ была цѣлыхъ 19 руб.—А долженъ В 100 руб., В долженъ С также 100 руб., наконецъ, С купилъ въ кредитъ у А товару также на 100 р. Сводя счеты, всѣ трое ничего не платятъ деньгами. Такимъ образомъ, при уплатѣ долговъ количество необходимыхъ орудій платежа уменьшается на всю сумму платежей, которые взаимно уничтожаются. Осталь-

ное выплачивается такимъ количествомъ денегъ, какое потребуется, смотря по скорости обращенія денегъ.

Въ общемъ, сумма денегъ, необходимая для рынка на извѣстный промежутокъ времени,—**спросъ на деньги**—опредѣляется такъ: къ суммѣ цѣнъ товаровъ, кромѣ тѣхъ, которые продаются въ кредитъ, прибавляется сумма срочныхъ платежей, безъ тѣхъ, которые взаимно уничтожается, и результатъ сложенія дѣлится на среднее число оборотовъ монеты за это время.

Дѣйствительное количество денегъ въ мѣновомъ обществѣ, вообще говоря, не бываетъ меньше размѣровъ рыночнаго «спроса на деньги»; наоборотъ, кромѣ тѣхъ денегъ, которыя обращаются на рынкѣ, имѣется еще нѣкоторый излишекъ, который въ качествѣ «сокровища», денежнаго запаса, спокойно лежитъ въ карманахъ и въ подвалахъ его владѣльцевъ, чтобы выйти оттуда тогда, когда явится усиленный спросъ на деньги для покупки товаровъ или для платежа долговъ.

Громадной общественной роли денегъ, какъ орудія обращенія товаровъ, соотвѣтствуетъ выдѣленіе особаго класса людей, для которыхъ обращеніе товаровъ становится спеціальностью,—класса торговцевъ. Впрочемъ, ихъ дѣятельность отнюдь не сводится къ одной покупкѣ-продажѣ товаровъ, они организуютъ также перемѣщеніе товаровъ, доставку ихъ съ мѣста производства на рынокъ, иногда также—съ рынка на мѣсто потребленія. Это перемѣщеніе товаровъ, по справедливости, слѣдуетъ разсматривать какъ послѣднюю операцію ихъ производства: если продуктъ въ данномъ мѣстѣ не можетъ удовлетворить общественной потребности, то онъ не есть еще законченный продуктъ, не есть еще дѣйствительный предметъ потребленія; его производство заканчивается перевозкой его туда, гдѣ онъ является пригоднымъ для потребленія, гдѣ онъ получаетъ свою общественную полезность.

Денежный кредитъ вызываетъ также возникновеніе особаго класса людей, дѣлающихъ его своей спеціальностью,—это классъ ростовщиковъ.

Остальная масса товаропроизводителей мелко-буржуазнаго общества тоже далеко не вполнѣ однородна: она распадается на классы, сообразно съ различной ролью отдѣльныхъ группъ общества въ его производствѣ: земледѣльцы, различные ремесленники — сапожники, кузнецы и т. д.

Здѣсь умѣстно выяснить различіе между понятіями „сословія“ и „класса“ Классомъ называется группа людей, объединенныхъ сходнымъ положеніемъ въ производствѣ и, въ силу этого, сходными экономическими интересами: торговцы, ремесленники, земледѣльцы; организаторы, съ одной стороны, организуемые—съ другой и т. д. Сословіемъ называется группа людей, находящихся въ сходномъ **правовомъ** положеніи: феодалы, съ одной стороны, зависимые крестьяне—съ другой,—это два сословія, различающіяся своими правами. Такъ какъ правовыя различія вытекаютъ изъ чисто экономическихъ, то и сословія являются обыкновенно въ то же время классами; но классы могутъ совсѣмъ не быть сословіями, т.-е. могутъ не различаться по правовому положенію.

б) Внутреннія отношенія отдѣльныхъ хозяйствъ мелко-буржуазнаго общества.

Наиболѣе типичной мелко-буржуазной группой слѣдуетъ считать хозяйство городского ремесленника второй половины среднихъ вѣковъ. Оставляя до слѣдующей главы вопросъ о томъ, какъ произошло образованіе городовъ и освобожденіе ремесленно-торговыхъ классовъ, будемъ пока имѣть въ виду, что такой ремесленникъ является **свободнымъ** товаропроизводителемъ.

Въ чистомъ видѣ хозяйство ремесленника представляетъ изъ себя небольшую семью—результатъ распаденія большихъ семей ранняго феодальнаго періода, представлявшихъ въ свою очередь остатокъ прежнихъ патріархально-родовыхъ организацій. Малый размѣръ семьи ремесленника опредѣляется самымъ характеромъ первоначальнаго ремесленнаго производства, орудія котораго не требуютъ соединенія труда многихъ работниковъ, такъ что одинъ-два человѣка могутъ свободно управляться съ ними.

Являясь слабымъ остаткомъ патріархально-родовыхъ отношеній, мелкобуржуазная семья въ миніатюрѣ воспроизводитъ ихъ въ своемъ внутреннемъ усройствѣ. Отецъ семьи представляетъ изъ себя не только главную рабочую силу хозяйства, но и полновластнаго организатора его производственныхъ и распредѣлительныхъ отношеній. Остальная семья находится въ полнѣйшемъ подчиненіи уже въ силу того факта, что наибольшая и главная доля работы по добыванію средствъ къ жизни лежитъ на плечахъ отца. При помощи сыновей-подростковъ, нерѣдко также при помощи принятыхъ въ ученье постороннихъ молодыхъ людей, хозяинъ ведетъ ремесленное производство и продаетъ его продукты. Онъ же завѣдуетъ покупкой на вырученныя деньги необходимыхъ предметовъ потребленія.

Обыкновенно различныя жизненныя средства пріобрѣтаются не въ томъ законченномъ видѣ, въ которомъ они могли бы служить для немедленнаго употребленія. Послѣдніе процессы производства проходятся уже въ самомъ потребляющемъ хозяйствѣ (приготовленіе пищи изъ купленныхъ припасовъ, шитье платья изъ купленныхъ тканей и т. п.). Все это выполняется главнымъ образомъ женской половиной семьи.

Такимъ образомъ, женщины представляютъ изъ себя «натуральнохозяйствующую» часть семьи: онѣ ведутъ домашнее производство для непосредственнаго потребеленія, при чемъ средства для этого производства имъ доставляетъ глава семьи. Для женщины очерчивается, слѣдовательно, крайне узкій, замкнутый кругъ дѣятельности, вдобавокъ, дѣятельности, въ высшей степени несамостоятельной, для которой матеріальныя условія дается женщинѣ ея господиномъ—мужчиною. Изъ этого не трудно понять, насколько приниженное положеніе занимаетъ въ семьѣ женщина.

Историческія судьбы женщины за последніе века определяются именно темъ фактомъ, что въ развивающемся меновомъ обществе женщине приходилось выполнять почти неизменную натурально-хозяйственную роль, являться остаткомъ низшей производственной формаціи среди высшей по типу системы отношеній. Замкнутое домашнее хозяйство кухни и детской означаетъ подчиненіе женщины.

Положеніе посторонняго человека, принятаго мастеромъ-ремесленникомъ въ обученіе и называемаго ученикомъ, а потомъ подмастерьемъ, вначале мало чемъ отличается отъ положенія членовъ семьи. Онъ живетъ вместе съ хозяйской семьей, пьетъ и естъ вместе съ нею, вообще пользуется, какъ членъ семьи, готовыми средствами къ жизни. Кроме того, такъ какъ ему предстоитъ въ свое время сделаться самостоятельнымъ ремесленникомъ, онъ получаетъ отъ хозяина хотя небольшое денежное жалованье, изъ котораго долженъ скопить средства для обзаведенія собственной мастерской. Онъ работаетъ вместе съ хозяиномъ, одновременно съ нимъ начиная и оканчивая работу; хозяинъ смотритъ на него какъ на своего помощника въ производстве, а не какъ на предметъ эксплоатаціи. Вообще, въ раннюю эпоху менового хозяйства положеніе учениковъ и подмастерьевъ если и отличается отъ положенія хозяйскихъ родныхъ, то скорее въ выгодную сторону, въ смысле большей самостоятельности.

Что касается до крестьянской семьи, то она, насколько ее захватываетъ круговоротъ менового хозяйства, превращается понемногу изъ прежней патріархальной «большой семьи» въ семью обычнаго мелкобуржуазнаго типа. Но въ теченіе среднихъ вековъ этотъ переходъ не успеваетъ еще завершиться. Впрочемъ, крестьянскую семью того времени и не следуетъ разсматривать какъ самостоятельную производительную группу: она еще входитъ въ составъ группы феодальной.

Хозяйство феодально-натуральное на первый взглядъ мало изменило свое строеніе, перейдя въ хозяйство феодально-меновое—темъ более, что переходъ этотъ совершился очень постепенно, и въ мелко-буржуазномъ обществе, какимъ да[...]о намъ исторія, никогда не былъ законченъ вполне. Попрежнему [...]ъ оказывается организаторомъ общественныхъ предпріятій въ [...] случаяхъ, когда этой роли не могутъ выполнить отдельные [...]естьянско-феодальной группы; попрежнему онъ остается организаторомъ распределенія въ томъ смысле, что подъ видомъ барщины и оброка присваиваетъ себе прибавочный трудъ крестьянъ; попрежнему онъ сохраняетъ за собой организаторскую деятельность въ правовой жизни своей группы. Но размеры и характеръ его деятельности въ каждой изъ этихъ трехъ областей испытываютъ хотя весьма постепенное, однако и весьма существенное изменение.

Организаторская деятельность феодала въ сфере производства быстро уменьшается. Широкія меновыя связи вызвали возникновеніе большихъ государственныхъ организацій, взявшихъ на себя охрану общественной безопасности. Такимъ образомъ, феодалъ утрачиваетъ свою общественно-полезную роль въ деле военной защиты подвластнаго ему крестьянства. При своихъ воинственныхъ наклонностяхъ онъ нередко вмешивается даже

не какъ охранитель нормальнаго хода производственной жизни, но какъ его нарушитель.

Если прежде феодалъ оказывался полезнымъ въ томъ отношеніи, что устраивалъ такія обще полезныя предпріятія, которыя были не по силамъ отдѣльнымъ крестьянскимъ хозяйствамъ—сеніоральныя мельницы, пекарни, виноградныя давильни, мосты и т. под., то теперь надобность въ этомъ исчезаетъ. Въ общемъ раздѣленіи труда отдѣльныя, наиболѣе крупныя крестьянскія и ремесленныя хозяйства оказались бы способными взять на себя подобные дѣла; но феодалъ не допускаетъ этого. Онъ обращаетъ сеніоральныя предпріятія въ свою монополію и, требуя высокую плату за пользованія ими, создаетъ изъ нихъ для себя важный и обезпеченный источникъ дохода, не заботясь нисколько объ удобствахъ населенія. Нерѣдко бывало такъ, что феодалъ даже не имѣлъ собственной мельницы, а заставлялъ крестьянъ платить за право отвезти зерно на чужую мельницу, платить на томъ основаніи, что перемалываніемъ зерна на чужой мельницѣ нарушается сеніоральныя привилегія.

Далѣе, онъ понемногу сокращаетъ свою дѣятельность какъ организатора помощи крестьянскимъ хозяйствамъ въ случаяхъ различныхъ стихійныхъ бѣдствій, находя, что все это—излишнія издержки.

Дѣло въ томъ, что мѣновое хозяйство развиваетъ жажду денегъ, жажду накопленія. Въ эпоху натуральнаго хозяйства жажда пріобрѣтенія имѣла свои границы въ устойчивыхъ потребностяхъ феодаловъ. При неразвитомъ обмѣнѣ, даже самый могущественный феодалъ не можетъ въ расширеніи своихъ потребностей идти дальше того, что даетъ ему производство его собственныхъ помѣстьевъ; увеличить повинности своихъ крестьянъ, напримѣръ, на 100.000 пудовъ хлѣба для него нѣтъ расчета: хлѣба этого онъ со своей дворней не въ состояніи съѣсть, и хлѣбъ безъ пользы лежалъ бы и гнилъ въ амбарахъ. Совсѣмъ не то при широкомъ общественномъ раздѣленіи труда, при денежномъ хозяйствѣ. Потребности могутъ развиваться какъ будто до безконечности, лишь бы были деньги для ихъ удовлетворенія. Деньги вообще все могутъ; но каждая данная сумма денегъ можетъ доставить человѣку не все, а только ограниченную сумму удовольствій. Такая роль денегъ въ жизни порождаетъ въ людяхъ стремленіе къ безконечному увеличенію денежныхъ богатствъ—стремленіе, захватывающее феодаловъ все сильнѣе по мѣрѣ того, какъ ихъ хозяйство становится мѣновымъ. (Развитію такого стремленія способствуетъ, конечно, и тотъ фактъ, что деньги возможно накоплять и сберегать—не такъ, какъ другіе продукты.)

Отсюда значительныя перемѣны въ характерѣ распредѣлительной дѣятельности феодала. Барщина и оброки возрастаютъ до крайнихъ предѣловъ. Феодалъ старается выжать изъ крестьянина все, что только возможно.

Организаторская власть феодала въ сферѣ правовой жизни превращается въ средство вымогательства. Сеніоральный судъ и административныя обязанности становятся для феодала важнымъ источникомъ дохода.

Стремясь увеличить размѣры собственнаго хозяйства, феодалъ присваиваетъ себѣ земли, находившіяся у него въ общемъ пользованіи съ крестьянами, вообще, всячески урѣзываетъ крестьянское землевладѣніе, чѣмъ создается страшная земельная тѣснота въ крестьянскихъ хозяйствахъ.

Подавленные непосильными тягостями, крестьяне все чаще убѣгаютъ съ земли. Феодалу приходится прикрѣпить ихъ къ землѣ, что онъ и выполняетъ, пользуясь своей политической силой, своимъ вліяніемъ на законодательство. Изъ полусвободнаго человѣка, какимъ въ большинствѣ случаевъ крестьянинъ былъ до тѣхъ поръ, онъ становится крѣпостнымъ, почти рабомъ.

Такъ сила мѣновыхъ отношеній вызвала переходъ феодальныхъ порядковъ въ крѣпостное право.

Крестьянская земельная община въ значительной степени продолжала сохраняться среди всѣхъ этихъ перемѣнъ. Правда, феодалъ постепенно урѣзываетъ ея самостоятельность: на мѣсто выборныхъ старостъ и судей выдвигались ставленники помѣщика; всякое сколько-нибудь важное рѣшеніе общиннаго схода нуждалось въ утвержденіи феодала и назначенныхъ имъ лицъ. Но, въ общемъ, феодалы щадили общинный строй, насколько, по крайней мѣрѣ, не противорѣчило ихъ интересамъ. Особенно въ эпоху крайняго угнетенія крестьянства крѣпостными отношеніями общинные порядки стали выгодны для феодала, такъ что онъ не только старательно поддерживалъ ихъ, но въ иныхъ случаяхъ, можно думать, даже искусственно создавалъ тамъ, гдѣ ихъ уже не было. Для этого стоило только связать крестьянъ круговой порукой, сдѣлать «міръ» отвѣтственнымъ за исправное выполненіе повинностей каждымъ изъ крестьянъ. Тогда община принуждена заботиться и о томъ, чтобы поддержать каждое приходящее въ упадокъ хозяйство, потому что его разореніе увеличиваетъ тягости другихъ, и о томъ, чтобы воспрепятствовать бѣгству крестьянъ съ земли. Словомъ, хотя новая административная община и напоминаетъ по формѣ старую, дофеодальную, но роль ея по существу совсѣмъ иная. Старая община стремилась къ равенству отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ въ благополучіи, новая—къ уравнительному распредѣленію гнета.

Такимъ образомъ, въ противоположность освободившимся отъ личной зависимости ремесленнику и торговому классу, земледѣльческое населеніе въ первыхъ стадіяхъ развитія мѣнового общества попадаетъ въ еще болѣе тяжелую зависимость, чѣмъ прежняя. Основная причина такого различія заключается въ большой застойности способовъ земледѣльческаго производства, въ сравнительно болѣе быстромъ прогрессѣ техники другихъ областей общественнаго труда.

в) Организованныя между-групповыя отношенія мелко-буржуазнаго общества.

Обособленіе города отъ деревни, центровъ ремесла и обмѣна—отъ области сельскаго хозяйства слѣдуетъ считать исходной точкой развитія новыхъ между-групповыхъ организованныхъ связей.

Обособленіе это, если не считать тѣ города, которые средневѣковый міръ унаслѣдовалъ отъ эпохи мірового владычества римлянъ, шло очень медленно. По большей части, зародышемъ города являлась торговая деревня. Деревни, расположенныя особенно выгодно по отношенію къ путямъ сообщенія—при сліяніи судоходныхъ рѣкъ, при выходѣ изъ горныхъ проходовъ, на перекресткахъ большихъ дорогъ и т. д.,—постепенно становились центрами обмѣна, мѣстами періодическихъ ярмарокъ. Богатства, которыя, благодаря этому, въ нихъ сосредоточивались, возбуждали жадность сосѣдей, и для защиты отъ частыхъ нападеній приходилось строить стѣны (въ средніе вѣка—отличительная черта города). Благодаря легкости сбыта товаровъ, въ новомъ городѣ развивались ремесла. Зависимый ремесленникъ феодальной группы стремился въ городъ, чтобы быть поближе къ своему рынку; феодальныя отношенія при этомъ мало стѣсняли ремесленника, такъ какъ обыкновенно онъ находился на оброкѣ и, живя въ городѣ, могъ еще исправнѣе выполнять свои повинности. Вначалѣ ремесленникъ, по большей части, ведетъ еще свое небольшое земледѣльческое хозяйство: зарождающійся средневѣковый городъ окруженъ полями и пастбищами и по характеру жизни очень близокъ къ деревнѣ. Но такъ какъ ремесла съ прогрессомъ мѣновыхъ сношеній становятся для горожанъ все болѣе прибыльнымъ дѣломъ, земледѣліе отодвигается на задній планъ. Спеціализація городскихъ ремесленниковъ доводитъ ихъ искусство до такой высоты, что тѣмъ крестьянамъ, которые еще продолжаютъ заниматься ремесломъ, нечего и думать сравняться съ ними. Съ тѣхъ поръ даже феодалы предпочитаютъ покупать произведенія обрабатывающей промышленности у горожанъ; ихъ крестьяне должны уже не изготовлять для нихъ эти произведенія, а доставлять средства для ихъ пріобрѣтенія. Такъ произошло обособленіе города отъ деревни. Насколько медленно совершался этотъ процессъ, можно судить по тому, наприм., факту, что еще въ 1589 году граждане Мюнхена, по словамъ баварскаго герцога, не могли бы существовать безъ пашенъ и выгоновъ.

Возникая на почвѣ неорганизованныхъ мѣновыхъ отношеній между людьми, городъ, самъ по себѣ, означаетъ уже нѣкоторую организованную связь между ними. Онъ предполагаетъ общую для его обитателей организацію военной защиты и общую организацію правовой жизни: только при этихъ условіяхъ онъ способенъ являться дѣйствительнымъ центромъ ремесла и обмѣна.

Благодаря слабому развитію экономическихъ противорѣчій и имущественнаго неравенства, организація общественныхъ дѣлъ у горожанъ складывалась по республиканскому типу, приближающемуся къ устройству республикъ новаго времени. Впрочемъ аристократическій оттѣнокъ—преобладаніе могущества немногихъ наиболѣе знатныхъ и богатыхъ фамилій—уже съ самаго начала замѣчается во всѣхъ городскихъ республикахъ. Оттѣнокъ этотъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе развито фактическое неравенство—богатство и бѣдность, а оно, какъ будетъ показано дальше, постепенно усиливалось съ ходомъ экономическаго развитія, такъ

что наиболѣе передовыя, въ этомъ смыслѣ, республики Италіи были въ то же время наиболѣе аристократическими.

По мѣрѣ возрастанія матеріальной силы городского населенія слабѣетъ фактическая зависимость города отъ феодальнаго сеніора, на землѣ котораго онъ находится. Частью путемъ денежнаго выкупа, частью путемъ прямой борьбы горожане пріобрѣтали все больше самостоятельности во внутреннихъ дѣлахъ. Постоянныя столкновенія между феодалами, ослабляя ихъ могущество, часто давали горожанамъ удобные случаи для улаживанія своихъ дѣлъ: опираясь на свою военную силу и крѣпкія стѣны, городъ во многихъ случаяхъ могъ играть рѣшающую роль въ борьбѣ и, конечно, онъ отдавалъ свое содѣйствіе не даромъ, а за какія-нибудь новыя права и привилегіи. Въ эпоху крестовыхъ походовъ, когда масса феодаловъ впала въ большія денежныя затрудненія, многимъ городамъ удалось откупить у сеніоровъ свою землю и свою самостоятельность, окончательно избавиться отъ всякихъ оброковъ, повинностей и вмѣшательства сеніоровъ во внутреннія городскія дѣла.

Борьба городовъ противъ феодальныхъ сеніоровъ, желающихъ сохранить свои права надъ ними, продолжается въ теченіе всей второй половины среднихъ вѣковъ. Передовой группой горожанъ въ этой борьбѣ выступаетъ вначалѣ классъ торговцевъ, самое занятіе которыхъ въ тѣ времена развивало большую энергію, воинственность и организаторскую способность. Группируясь вокругъ старѣйшихъ, богатыхъ и могущественныхъ купеческихъ семей, болѣе зажиточные горожане организовались въ такъ называемыя гильдіи—товарищества, по формѣ обыкновенно религіознаго характера, по существу же имѣвшія своимъ назначеніемъ совмѣстную защиту общихъ экономическихъ интересовъ. Подъ знаменами гильдій долгое время велась борьба городовъ за самостоятельность. Въ строеніи гильдій взаимныя отношенія между стоящими во главѣ ихъ богатыми фамиліями и остальными членами организаціи еще довольно сильно напоминаютъ отношенія сеніоровъ къ ихъ вассаламъ.

Съ теченіемъ времени дальнѣйшее развитіе ремесла и возрастаніе силы класса ремесленниковъ ведетъ къ иной группировкѣ городского сословія—къ образованію цеховыхъ организацій.

По существу цеховыя организаціи представляютъ изъ себя остатокъ тѣхъ патріархальныхъ отношеній, той общинной опеки надъ личностью и отдѣльнымъ хозяйствомъ, какая существовала, напр., въ земледѣльческой общинѣ феодальныхъ временъ. Въ силу какихъ же именно причинъ такой остатокъ прежнихъ отношеній могъ выступить и развиться среди новой общественной формаціи?

При мелкомъ ремесленномъ производствѣ взаимная помощь и поддержка производителей безусловно необходимы для того, чтобы положеніе ихъ стало прочнымъ и обезпеченнымъ. Безъ такой помощи мелкій производитель, при своей экономической слабости, постоянно подвергается опасности все потерять отъ первой неблагопріятной случайности: временнаго паденія цѣны на товаръ, поломки орудій, пожара, кражи и т. под.

[illegible] шатко становится положеніе ремесленниковъ при сво-

бодной конкурренціи между ними. Борьба неизбѣжно гибельна для болѣе слабыхъ производителей, т.-е., именно, для большинства. Для устраненія конкурренціи необходимо объединяться производителямъ одной спеціальности.

Очень вѣроятно, что начала цеховыхъ организацій слѣдуетъ искать въ общинныхъ отношеніяхъ феодально-земледѣльческаго міра. Историческія же данныя о возникновеніи цеховъ можно найти съ XI—XIII вѣка. Иногда цехи зарождались въ видѣ временныхъ союзовъ, заключаемыхъ живущими въ одномъ городѣ мастерами одного ремесла или нѣсколькихъ близкихъ между собой ремеслъ; такіе временные союзы, возобновляясь и становясь болѣе прочными, благодаря тѣмъ выгодамъ, которыя они приносили своимъ участникамъ, переходили далѣе въ постоянные союзы.

Прочная организація цеховъ складывается въ борьбѣ не только въ томъ смыслѣ, что цехамъ пришлось выполнять направляющую организаторскую роль въ борьбѣ за освобожденіе городовъ отъ феодальнаго гнета, но также и въ томъ смыслѣ, что старая аристократія городского сословія не легко отказалась отъ прежняго своего господствующаго положенія въ политической жизни, и цехамъ понадобилось не мало усилій, чтобы сломить ея упорство.

Сложившись въ приблизительно сходныхъ общественныхъ условіяхъ, цехи въ основныхъ чертахъ своего устройства представляли одинъ и тотъ же типъ, хотя въ частностяхъ было, разумѣется, не мало различій.

Каждый цехъ имѣлъ свое выборное правленіе и свои уставы. Уставы цеховъ были довольно разнообразны, довольно демократичны по общему характеру, но съ нѣкоторой примѣсью аристократическаго оттѣнка; примѣсь эта вначалѣ, въ эпоху борьбы цеховъ со старой городской аристократіей и феодалами, была незначительна, почти незамѣтна: полноправнымъ горожаниномъ становился, напр., даже феодально-несвободный человѣкъ, если ему удавалось прожить одинъ годъ и одинъ день въ городѣ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ цехи захватываютъ дѣйствительное господство въ общественныхъ дѣлахъ и получаютъ возможность стать въ свою очередь аристократіей города, ихъ демократизмъ идетъ на убыль. Цехи выдѣляютъ изъ себя неполноправныя группы ремесленниковъ; это тѣ, которые не имѣютъ еще собственнаго хозяйства или не закончили еще своего профессіональнаго обученія: во-первыхъ, подмастерья (появляются въ Германіи въ XIII вѣкѣ), вовторыхъ, ученики (въ Германіи вѣка съ XIV).

Полноправными членами цеховъ являются съ тѣхъ поръ только «мастера»—ремесленники, самостоятельно ведущіе свое производство. Это—своеобразная аристократія ремесла; но она опирается вначалѣ не на происхожденіе, даже не на богатство, а на ремесленное искусство, на степень знанія ремесла. Званіе мастера, при извѣстной энергіи и способностяхъ, можетъ добиться каждый ремесленникъ. Для этого онъ долженъ вначалѣ прослужить нѣсколько лѣтъ въ ученикахъ у какого-нибудь мастера. Затѣмъ онъ сдаетъ экзаменъ въ своемъ ремеслѣ на степень под-

мастерья. Это еще не даетъ ему права открыть собственную мастерскую; онъ обязанъ извѣстное число лѣтъ служить по найму. Только тогда онъ сдаетъ экзаменъ на мастера, и, если выдержитъ его, получаетъ право самостоятельно вести дѣло. Его права въ сферѣ общественныхъ дѣлъ возрастаютъ вмѣстѣ съ повышеніемъ его экономическаго положенія.

Сущность этой системы заключается, очевидно, въ томъ, что она устраняетъ чрезмѣрную конкурренцію между ремесленниками отъ слишкомъ быстраго возрастанія числа предпріятій.

Къ ослабленію конкурренціи между мастерами направлены также многія еще изъ цеховыхъ установленій. Такъ, число наемныхъ рабочихъ—подмастерьевъ, учениковъ—обыкновенно ограничивается небольшой цифрой—2, 3, 5-ю человѣками, рѣдко больше. Ремесленникъ не можетъ, слѣдовательно, расширить по произволу свое предпріятіе, не можетъ сильно увеличить производительность труда въ немъ посредствомъ усиленнаго сотрудничества и раздѣленія труда; онъ не можетъ этимъ способомъ вытѣснить съ рынка и оставить безъ хлѣба другихъ ремесленниковъ. Его предпріятіе обречено оставаться мелкимъ. Рынка, благодаря этому, хватаетъ на всѣхъ.

Такъ какъ наемныхъ рабочихъ мало, то прибыль, получаемая отъ ихъ труда мастеромъ, недостаточна для того, чтобы мастеръ могъ безбѣдно существовать, ограничиваясь одной организаторской ролью. Онъ принужденъ работать наравнѣ съ подмастерьями; благодаря этому, въ теченіе перваго періода жизни цеховъ, до выступленія на сцену новыхъ силъ, разбивающихъ старыя формы, отношенія мастера и его рабочихъ оставались въ значительной степени дружескими, семейными.

Далѣе, во избѣжаніе неравенства въ конкурренціи, уставами строго опредѣлена длина рабочаго дня и число рабочихъ дней въ году. При этомъ не дѣлается никакой разницы между величиной рабочаго времени для мастера и для его подчиненныхъ, такъ какъ тотъ и другіе работаютъ постоянно вмѣстѣ. По различнымъ цеховымъ уставамъ величина эта различна, обыкновенно около 50—60 часовъ въ недѣлю (въ Англіи XV вѣка—8 часовъ въ день). При этомъ къ многочисленнымъ католическимъ праздникамъ нерѣдко прибавляется еще понедѣльникъ каждой недѣли.

Въ уставахъ точно опредѣляется обыкновенно и заработная плата работниковъ, и цѣна товара, и свойства, какими онъ долженъ обладать чтобы мастеръ имѣлъ право продавать его.

Производство регламентировано, опредѣлено правилами до мелочей. Весь смыслъ этой регламентаціи сводится къ одному: всѣ мастера должны вести производство одинаково и въ одинаковыхъ условіяхъ: не допускается, чтобы одни производили товаръ лучше или въ большемъ количествѣ, чѣмъ другіе. Само собой разумѣется, что правила эти складывались постепенно, по мѣрѣ того какъ давало себя чувствовать неудобство конкурренціи въ той или другой формѣ.

Чтобы хотя на извѣстномъ, опредѣленномъ рынкѣ окончательно устранить конкурренцію для цеховыхъ мастеровъ, законы городовъ даютъ це-

хамъ монополію на производство и торговлю въ городахъ. Всякій, кто захотѣлъ бы заниматься въ городѣ извѣстнымъ ремесломъ, долженъ сначала вступать въ мѣстный цехъ, разумѣется, съ согласія самого цеха. Для принятія такихъ новыхъ членовъ цеховыми уставами опредѣляются извѣстныя условія и формальности, въ однихъ случаяхъ болѣе, въ другихъ—менѣе стѣснительныя.

Кромѣ установленій, регламентирующихъ производство, имѣются въ цеховыхъ уставахъ правила о взаимномъ вспомоществованіи членовъ цеха въ случаѣ острой нужды. Эта сторона дѣятельности цеховой организаціи имѣла также не малое значеніе для мелкихъ производителей.

Почти съ самаго начала организація цеховъ скрываетъ въ себѣ одно основное противорѣчіе, которое развивается до значительныхъ размѣровъ въ позднѣйшія эпохи: это—противоположность интересовъ мастеровъ, съ одной стороны, подмастерьевъ и учениковъ—съ другой. Цеховые уставы имѣютъ въ виду, вообще говоря, интересы мастеровъ, составлявшихъ эти уставы; отсюда, наприм., различныя стѣсненія для подмастерьевъ, желающихъ стать мастерами. Но пока всякій ремесленный работникъ могъ сохранять надежду рано или поздно стать мастеромъ, до тѣхъ поръ внутреннія противорѣчія цеховой организаціи не выступали въ рѣзкой формѣ.

Съ развитіемъ общественнаго раздѣленія труда и расширеніемъ обмѣна далеко за предѣлы небольшихъ городскихъ округовъ, становятся недостаточными для охраны мѣновыхъ связей прежнія политическія организаціи — феодально-духовная, феодально-военныя и городскія. Раздробленіе территоріи на тысячи маленькихъ деспотическихъ государствъ страшно затрудняетъ сношенія, дѣлаетъ занятіе купцовъ всегда довольно опаснымъ и слишкомъ часто невыгоднымъ. Мало того, что на своемъ пути, странствуя по сквернымъ дорогамъ, среди разореннаго крестьянства, готоваго разбойничать съ голоду, купецъ на каждомъ шагу натыкается на заставы, гдѣ его принуждаютъ платить большія пошлины въ пользу мѣстнаго сеніора,—онъ еще постоянно рискуетъ быть начисто ограбленнымъ какимъ-нибудь изъ этихъ царьковъ подъ тѣмъ предлогомъ, что идетъ изъ владѣній его врага, а то и безъ всякаго предлога. Къ этому надо прибавить разнообразіе законовъ, по которымъ судятъ купца въ различныхъ мѣстностяхъ, разнообразіе монетъ, правомъ чеканки которыхъ пользовались всѣ феодалы. Среди этихъ опасностей и этой путаницы общественно-необходимое торговое дѣло становится нерѣдко почти невозможнымъ.

Возникаетъ настоятельная потребность въ широкихъ, прочныхъ, централизованныхъ политическихъ организаціяхъ, которыя способны бы были военной силой обуздать безчинства феодаловъ, создать общественный порядокъ и спокойствіе, установить какое-нибудь единство въ законахъ относительно обмѣна, единство монеты, мѣры, вѣса, провести большія дороги, организовать охрану купцовъ въ чужихъ странахъ и т. д.

Католическая церковь оказалась не въ силахъ выполнить всего этого. Ея могущество, ея авторитетъ сталъ слабѣть съ развитіемъ обмѣна.

Сила обмѣна, сила денегъ произвела глубокія измѣненія въ общественной роли духовенства; когда хозяйство церкви изъ натуральнаго сдѣлалась мѣновымъ, съ нею произошло то же превращеніе, что и съ другими феодалами, и по тѣмъ же причинамъ: жажда накопленія вызвала значительное уменьшеніе общественно-полезной дѣятельности католическаго духовенства и значительное усиленіе его эксплоататорскихъ стремленій. Общественное вліяніе церкви, ея власть надъ умами начала падать, тѣмъ болѣе, что и люди стали не тѣ, что прежде: сношенія расширяли ихъ кругозоръ, разсѣивали темноту, подрывали консерватизмъ, возбуждали пытливость ума; сила матеріальныхъ интересовъ направляла развивающееся мышленіе противъ католицизма, какъ идейной опоры эксплоататоровъ.

Во всю вторую половину среднихъ вѣковъ ереси идутъ непрерывнымъ рядомъ, и папство ожесточенно борется съ ними, истощая свою главную силу—сочувствіе народныхъ массъ.

Городскія республики оказались неспособны стать исходной точкой достаточныхъ политическихъ организацій. Правда, нѣкоторые города пытались создавать подобныя организаціи защиты обмѣна и взаимной охраны собственности (союзы торговыхъ городовъ, напр., Ганзейскій), но въ нихъ обнаруживался съ теченіемъ времени недостатокъ силы и устойчивости, недостатокъ внутренняго единства. Отдѣльные города не въ состояніи были возвыситься надъ своими мѣстными интересами и стремились эксплоатировать союзниковъ, а тѣ, естественно, отстаивали свою экономическую и политическую самостоятельность. Къ тому же самое строеніе городскихъ организацій было неблагопріятно для выполненія такого дѣла какъ «собираніе земли»: въ нихъ власть была недостаточно централизована, а потому и не настолько сильна, какъ было бы для данной цѣли необходимо.

Такимъ образомъ, на военно-феодальную систему ходъ вещей возлагалъ «историческую миссію» развить изъ себя новую силу, способную установить порядокъ въ земляхъ «большихъ и обильныхъ». И тамъ нашлись подходящіе элементы.

Распри и междоусобія мелкихъ феодаловъ между собою и съ городами были на руку крупнымъ феодаламъ—князьямъ и особенно королямъ. Понемногу они начали «собирать землю» въ своихъ рукахъ, побѣждая мелкихъ феодаловъ и присоединяя ихъ владѣнія къ своимъ.

Феодалы энергично боролись противъ захватовъ со стороны своихъ высшихъ сюзереновъ. Но эти послѣдніе нашли себѣ энергичнаго и надежнаго союзника въ лицѣ враждебныхъ феодаламъ городскихъ сословій. Союзъ съ городами доставилъ королямъ такія матеріальныя средства, какими не могли располагать ихъ противники. Короли организовали постоянныя войска, которыя давали имъ возможность во всякое время начинать борьбу, чего не въ состояніи были дѣлать феодалы.

Прогрессъ военной организаціи оказалъ при этомъ большія услуги дѣлу королей, ускоривъ ихъ побѣду надъ непокорными: порохъ сдѣлалъ

безполезными въ борьбѣ для феодаловъ ихъ неприступные прежде замки, ихъ желѣзное вооруженіе. Феодалъ пересталъ быть непобѣдимымъ, когда пересталъ быть общественно-необходимымъ. Побѣжденные феодалы поступали на службу къ королямъ или дѣлались простыми помѣщиками.

Католическая церковь, подобно другимъ феодаламъ, очень неохотно и не безъ энергичной борьбы уступала новой силѣ свою первенствующую организаторскую роль въ общественной жизни. Временами духовенству удавалось даже одерживать серьезныя побѣды надъ монархами.

На исходѣ среднихъ вѣковъ борьба закончилась побѣдою королей. Такъ сложились постепенно обширныя абсолютно-монархическія организаціи, способныя обезпечить на время спокойный ходъ развивающейся мѣновой жизни.

3. Основныя черты общественной психологіи мелко-буржуазнаго періода.

Для развитія личности мелко-буржуазное общество представляетъ гораздо болѣе широкій просторъ, чѣмъ какое-либо изъ обществъ натуральныхъ. Однако, условія развитія не одинаковы для особей различныхъ классовъ этого общества—для однѣхъ болѣе, для другихъ менѣе благопріятны.

Въ мірѣ земледѣльческомъ, гдѣ мѣновое хозяйство выступило подъ феодальной оболочкой, развитіе личности было поставлено въ самыя тѣсныя рамки. Крѣпостная форма мѣнового феодализма, во многихъ сходная съ чистымъ «рабствомъ», сильно угнетала производителя и, выжимая до крайности его жизненную энергію, не оставляла свободныхъ силъ для развитія. Что касается самихъ феодаловъ, которые не находились подъ такимъ гнетомъ, то для нихъ возможность развитія суживалась подъ вліяніемъ другой причины. По мѣрѣ того, какъ они утрачивали свою прежнюю общественно-производительную роль и сосредоточивали свою дѣятельность на «распредѣленіи» и потребленіи, развитіе ихъ совершалось, соотвѣтственно этому, въ непроизводительномъ, въ паразитическомъ направленіи.

Такимъ образомъ, земледѣльческіе классы не могли выступить первыми въ видѣ такой силы, которая преобразовала бы внутреннія отношенія мелко-буржуазной организаціи.

Свободные промышленные классы городовъ находились въ значительно болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Отсутствіе внѣшняго гнета, высокополезная роль въ общественномъ производствѣ обезпечивали имъ возможность развитія. Но и здѣсь слѣдуетъ различать двѣ группы, находившіяся не въ одинаковомъ положеніи: собственно ремесленниковъ и торговцевъ.

Для мелкаго ремесленника, принадлежащаго къ цеху, сфера дѣятельности и сама по себѣ узка, и еще болѣе суживается благодаря цеховымъ стѣсненіямъ. Узка она потому, что сводится къ одной частной

ремесленной спеціальности да къ маленькому домашнему хозяйству; ограничиваютъ ее цеховыя отношенія въ томъ смыслѣ, что онп замыкаютъ ее въ предѣлахъ одного города, гдѣ данному цеху принадлежитъ монополія, и стѣсняютъ развитіе производственной техники массой установленій, направленныхъ противъ свободной конкурренціи и препятствующихъ личности въ расширеніи ея производственной роли. Цеховой ремесленникъ всюду связанъ цеховыми регламентами; онъ долженъ производить такъ же, какъ другіе, а слѣдовательно—и жить, какъ другіе; онъ не смѣетъ значительно возвыситься надъ общимъ уровнемъ своей среды, не смѣетъ ввести сколько-нибудь важныхъ усовершенствованій въ свое дѣло, не смѣетъ увеличить размѣровъ своего производства и т. д.

Въ иныхъ условіяхъ живетъ и дѣйствуетъ торговецъ. Его спеціальность—та послѣдняя операція производства различныхъ продуктовъ, которая заключается въ ихъ перемѣщеніи, въ ихъ доставкѣ туда, гдѣ они могутъ быть потреблены. Спеціальность эта сама по себѣ очерчиваетъ сравнительно широкую сферу дѣятельности, приводитъ купца въ соприкосновеніе съ разнообразными формами жизни, заставляетъ его приспособляться къ различной средѣ. Въ то же время дѣятельность купца, по существу, меньше поддается внѣшнимъ стѣсненіямъ; его техника даже не можетъ быть такъ строго регламентирована, какъ техника любого ремесла. Далѣе, купецъ больше, чѣмъ кто-либо другой, имѣетъ дѣла съ деньгами; а деньги, какъ было выяснено, развиваютъ стремленіе къ безграничному накопленію, для купца же, слѣдовательно, къ безграничному расширенію его дѣятельности. Въ противоположность купцу—представителю накопленія, ремесленникъ сводитъ свою главную заботу къ поддержанію жизни на данномъ уровнѣ. Въ силу всего этого, купецъ въ общемъ прогрессѣ мелко-буржуазныхъ отношеній необходимо опережаетъ ремесленника и потому-то, какъ увидимъ, онъ выступаетъ въ роли истиннаго преобразователя мелко-буржуазной системы.

Общественныя формы міровоззрѣнія въ мелко-буржуазномъ періодѣ имѣютъ переходный характеръ. Съ одной стороны, въ довольно значительной степени сохраняется еще прежній натуральный фетишизмъ, съ другой—складывается новый, особый фетишизмъ—товарный.

Натуральный фетишизмъ сохраняется въ формѣ религіозной метафизики. Онъ не можетъ еще исчезнуть, потому что мелко-буржуазное общество не есть то, которое окончательно одерживаетъ побѣду надъ природой, окончательно освобождаетъ человѣка изъ-подъ ея власти: мелкое производство недостаточно для этого.

Цѣлый общественный классъ, энергичный и могущественный, тщательно охранялъ остатки натуральнаго фетишизма. Когда эксплоататорская роль католическаго духовенства стала преобладать надъ его общественно-организаторской ролью, тогда католицизмъ началъ измѣнять свое отношеніе къ наукѣ. Духовные феодалы, желая удержать за собою столь выгодную для себя безраздѣльную власть надъ умами, становились все болѣе враждебны всякому точному познанію, всякому научному

изученію дѣйствительности. Тогда въ духовенствѣ ослабѣваетъ интересъ къ остаткамъ древней классической науки и философіи, хранителемъ которыхъ оно было до тѣхъ поръ; наука и философія объявляются вовсе ненужными при религіи, «какъ не нуженъ тусклый фонарь при яркомъ солнечномъ свѣтѣ». Католицизмъ превращается въ систему грубыхъ суевѣрій. Онъ запугиваетъ ужасами темные и слабые умы, и такимъ образомъ удерживаетъ ихъ въ своей власти. Безсмысленно жестокое преслѣдованіе вѣдьмъ и колдуновъ какъ нельзя болѣе характерно для этого періода жизни католической церкви.

При такихъ условіяхъ естественно, что натуральный фетишизмъ лишь съ большею медленностью уступалъ мѣсто познанію причинъ явленій. До чего прочно держались остатки прежняго фетишизма, видно, напр., изъ того факта, что тогда существовали и процвѣтали такія фетишистическія науки, какъ астрологія и алхимія.

Что касается мѣнового фетишизма, то онъ являлся выраженіемъ новой власти, подчинившей себѣ человѣка въ мѣновомъ обществѣ—власти общественныхъ отношеній.

Въ обмѣнѣ выражается раздѣленіе труда между людьми. Но это—неорганизованное раздѣленіе труда. Именно изъ его неорганизованнаго характера вытекаетъ та неприспособленность производителей къ ихъ взаимнымъ отношеніямъ, которую обозначаютъ, какъ «власть» этихъ отношеній.

Цѣны товаровъ подчиняются, какъ было выяснено, закону стоимости, т.-е. въ своихъ постоянныхъ колебаніяхъ стремятся къ соотвѣтствію со стоимостями. Но во всякій данный моментъ онѣ въ большей или меньшей степени уклоняются отъ своей нормы, потому что законъ стоимости проводится въ жизнь не сознательной, организующей волей, а стихійнымъ механизмомъ конкурренціи. Во всякій данный моментъ производитель товара рискуетъ оказаться неприспособленнымъ къ условіямъ рынка, его трудовая энергія—частью или вполнѣ—потраченной безполезно, его участіе въ общественномъ распредѣленіи—уменьшеннымъ, его потребленіе—пониженнымъ.

Въ силу всего этого рынокъ является для производителя внѣшней силой, къ которой онъ долженъ приспособляться, но удастся ли — зависитъ не отъ него; такой же являлась и внѣшняя природа съ ея тысячами неожиданныхъ опасностей сознанію дикаря. Отсюда — оба различныхъ вида фетишизма.

Рынокъ, съ его конкурренціей, съ его нерѣдко ожесточенной борьбой, заслоняетъ отъ глазъ производителя фактъ общественнаго союза, общественной совмѣстности въ борьбѣ съ природой. Покупатель и продавецъ, которые въ дѣйствительности трудились каждый для общества, встрѣчаются на рынкѣ не какъ два члена одного общественнаго союза, а какъ два противника. Производителю нѣтъ возможности понять, что его трудъ есть затрата общественно-трудовой энергіи, какъ и трудъ другихъ производителей.

Производитель товаровъ не можетъ ничего знать о ихъ общественной

стоимости, потому что онъ не привыкъ смотрѣть на товаръ, какъ на общественный продуктъ. Наблюдая массу случаевъ обмѣна, онъ составляетъ себѣ понятіе о цѣнности, т.-е., въ сущности, объ обычной цѣнѣ товаровъ; но она для него—необъяснимое явленіе. Свести ее къ затратѣ общественно-трудовой энергіи для него невозможно прежде всего потому, что онъ понятія не имѣетъ объ общественномъ характерѣ труда, которымъ произведенъ продуктъ, а затѣмъ также и потому, что эта цѣнность представляется ему непремѣнно въ видѣ извѣстнаго количества денегъ, а не въ видѣ извѣстнаго количества труда. Но если сознаніе товаропроизводителя не въ состояніи связать цѣнность съ отношеніями общественнаго труда людей, то оно можетъ связать ее только съ самимъ товаромъ. И для поверхностнаго взгляда это вполнѣ естественно: у кого бы ни находился товаръ, у его производителя или у другого лица, все равно,—товаръ продается по присущей ему цѣнности. Отсюда какъ нельзя легче сдѣлать заключеніе, что цѣнность—способность продаваться за извѣстную сумму денегъ—есть свойство товара самого по себѣ, свойство, не зависящее отъ людей, отъ общества—вообще, естественное свойство товара. Откуда берется такое свойство, чѣмъ опредѣляются его границы, производитель товара не изслѣдуетъ этого. Для него мѣновая цѣнность топора есть два рубля и только; она ни отъ чего не зависитъ, она существуетъ въ топорѣ сама по себѣ, какъ для натуральнаго фетишиста душа топора есть только душа топора и ничего больше. Въ этомъ и заключается сущность товарнаго фетишизма. Не имѣя возможности постигнуть, что въ обмѣнѣ выражается трудовая совмѣстность людей въ борьбѣ съ природой, т.-е. общественное отношеніе людей, товарный фетишизмъ считаетъ способность товаровъ къ обмѣну внутреннимъ, природнымъ свойствомъ самихъ товаровъ. Такимъ образомъ, то, что въ дѣйствительности представляетъ изъ себя отношенія людей, кажется ему отношеніями вещей. Мѣновой фетишизмъ является, слѣдовательно, противоположностью натуральнаго, который представлялъ отношенія вещей, какъ отношенія людей.

Вліяніе мѣнового фетишизма на мышленіе людей простирается гораздо дальше области мѣновыхъ процессовъ. Все міровоззрѣніе эпохи получаетъ подъ этимъ вліяніемъ своеобразную окраску. Натуральный фетишизмъ въ каждое явленіе стремился вложить живую душу, аналогичную живой душѣ патріархальной группы—ея организатору. Мѣновой фетишизмъ вкладываетъ въ товаръ „цѣнность“ — пустую, холодную абстракцію—мертвую душу, и ею удовлетворяется въ самомъ жизненномъ для себя вопросѣ—въ вопросѣ о движеніи товаровъ. Привычки мышленія, сложившіяся въ сферѣ наиболѣе постоянныхъ и обычныхъ отношеній, и здѣсь переносятся людьми, безсознательно и невольно, на всѣ области опыта. Повсюду, гдѣ мышленію приходится сводить разнообразіе къ единству (въ чемъ и заключается его главная работа), оно начинаетъ пользоваться для этого такими же мертвыми и пустыми по своей безсодержательности, „формальными“ по преимуществу понятіями. Такъ, правовыя и нравственныя нормы отрываются отъ своего непосредственнаго жизненнаго значенія и пріобрѣтаютъ „абсолютный“, т.-е. отвлеченно-безжизненный характеръ: онѣ требуютъ подчиненія уже не потому, что выражаютъ волю боговъ—

организаторовъ міра, и не потому, что соотвѣтствуютъ реальнымъ интересамъ людей, а потому, что онѣ нормы,—и только; голый, абстрактный „императивъ“ становится мертвой душою всей моральной жизни. Нормы познанія—„истины“—также, переставши быть „откровеніемъ божества“, отрываются отъ живого опыта и борьбы за жизнь, и становятся чистыми нормами, къ которымъ познаніе должно стремиться потому, что онѣ—его нормы, что онѣ „обязательны“ для него—и только. Въ метафизическихъ и критическихъ философскихъ системахъ царство мертвыхъ абстракцій находитъ свое завершеніе; системы эти представляютъ изъ себя высшій идеологическій продуктъ мѣнового фетишизма.

Въ мѣновомъ фетишизмѣ выражается господство надъ людьми ихъ собственныхъ отношеній, какъ въ натуральномъ—господство внѣшней природы. Тамъ, гдѣ общественный человѣкъ сталкивается со стихійной силой, которую онъ не въ состояніи подчинить себѣ, къ которой онъ не можетъ приспособиться съ помощью своего сознанія, тамъ онъ неизбѣжно создаетъ себѣ фетишей.

Но что изъ этого слѣдуетъ? Фетишизмъ есть не только выраженіе безсилія познавательной способности, но это въ то же время ея отреченіе отъ дальнѣйшей борьбы. На фетишѣ познаніе останавливается. Поэтому развитіе человѣческихъ отношеній не можетъ совершаться сознательно тамъ, гдѣ эти отношенія познаются фетишистически; оно можетъ идти только стихійно, какъ развитіе техники совершается только стихійно при господствѣ натуральнаго фетишизма. А стихійное развитіе необходимо соединяется съ массой страданій и происходитъ съ большою постепенностью. Таково развитіе отношеній мѣнового общества.

Во всякомъ случаѣ, тотъ запасъ опыта и знаній, тотъ матеріалъ, которымъ располагаетъ мелко-буржуазное общество для своего развитія, гораздо богаче, шире, чѣмъ тотъ, которымъ располагали натуральныя общества. Поэтому прогрессъ техники, а съ нимъ и стихійный прогрессъ общественныхъ отношеній, идетъ въ мелко-буржуазномъ обществѣ уже гораздо быстрѣе.

Экономическія воззрѣнія мелко-буржуазнаго общества представляютъ постепенное развитіе мѣнового фетишизма. Въ то же время они отражаютъ интересы и привычки мелкой буржуазіи, вначалѣ еще съ примѣсью идейныхъ пережитковъ феодальнаго періода.

Экономическая литература изучаемой эпохи крайне бѣдна. Вѣка до XVI ея, собственно говоря, совсѣмъ нѣтъ; есть только отрывочныя, случайныя указанія различныхъ писателей относительно ихъ воззрѣній на тѣ или иные экономическіе факты. Сравнительная бѣдность этихъ указаній объясняется слабымъ интересомъ наиболѣе интеллигентной части общества къ явленіямъ экономической жизни—писателями являлись, главнымъ образомъ, духовныя лица,—а отчасти также и большою медленностью, постепенностью совершавшихся въ жизни общества измѣненій. Вначалѣ вниманіе изслѣдователей всегда привлекаютъ только быстро протекающіе процессы, рѣзкія измѣненія; вотъ почему натуральныя общества съ ихъ крайне медленнымъ движеніемъ общественныхъ формъ совсѣмъ неспособны создать экономической науки, въ мелко-буржуазномъ обществѣ возникаютъ ея зародыши, а въ быстро живущемъ капиталистическомъ она пріобрѣтаетъ большое значеніе въ жизни и достигаетъ сравнительно большой зрѣлости.

Въ начальной стадіи развитія мѣнового общества искать указаній на господствующія экономическія воззрѣнія приходится еще у писателей богослововъ: новое общество зарождалось вѣдь среди феодальнаго, въ

которомъ экономическое и политическое господство организаціи духовенства придало всей литературѣ духовно-богословскій оттѣнокъ. Однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ источниковъ этого рода являются сочиненія Ѳомы Аквинскаго (XIII вѣкъ).

Хотя Ѳома Аквинскій живетъ уже въ обществѣ наполовину мѣновомъ, но свои симпатіи онъ отдаетъ обществу феодально-натуральному. Его идеалъ—натуральное хозяйство, не нуждающееся въ обмѣнѣ. Однако, по необходимости, онъ придаетъ уже большое значеніе вопросамъ о мѣновыхъ отношеніяхъ, о цѣнѣ товаровъ, о прибыли торговца, о доходахъ ростовщика, и по этимъ вопросамъ выражаетъ уже взгляды мѣновыхъ феодаловъ и мелкихъ ремесленниковъ.

Единственнымъ законнымъ источникомъ богатства и дохода Ѳома считалъ трудъ. По его мнѣнію, одинъ трудъ самъ по себѣ имѣетъ цѣнность и передаетъ ее другимъ предметамъ. Тутъ еще мало замѣтенъ товарный фетишизмъ, для котораго цѣнность есть цѣнность сама по себѣ, необходимое внутреннее свойство товара.

По вопросу о цѣнѣ товаровъ Ѳома высказывается слѣдующимъ образомъ. При продажѣ нельзя руководствоваться стремленіемъ взять съ покупателя какъ можно больше, потому что для каждаго товара существуетъ своя „справедливая цѣна". Цѣна эта должна быть такая, чтобы она вознаграждала трудъ и давала продавцу товара возможность жить соотвѣтственно его общественному положенію. Эту точку зрѣнія онъ примѣняетъ и къ крестьянину, и къ ремесленнику, и къ феодалу. Точно также торговую прибыль онъ допускаетъ лишь настолько, насколько она вознаграждаетъ труды перевозки и даетъ купцу необходимыя средства къ жизни; слѣдовательно, купецъ для него ничѣмъ не отличается отъ ремесленника. Во всѣхъ разсужденіяхъ о справедливой цѣнѣ, соотвѣтствующей потребностямъ даннаго общественнаго положенія, сильно сказывается сословность—характерная черта всего средневѣкового міра.

Къ ростовщичеству Ѳома относился съ величайшей враждебностью: противоположность интересовъ ростовщика и его должника чувствуется всегда очень сильно. И крестьяне, и ремесленники, и даже феодалы, у которыхъ, несмотря на ихъ земельное богатство, часто не хватало денегъ, сильно страдали отъ ростовщичества. Обыкновенно займы у ростовщиковъ дѣлались тогда для непроизводительныхъ цѣлей, для цѣлей потребленія. Ростовщикъ, такимъ образомъ, выступалъ въ глазахъ общества эксплоататоромъ чужого несчастія. Къ этому надо прибавить, что самый классъ ростовщиковъ былъ далеко не такъ вліятеленъ, какъ въ древнемъ мірѣ, гдѣ въ его рядахъ стояла большая часть богатыхъ и знатныхъ людей; въ средніе вѣка только часть горожанъ (преимущественно евреи) и небольшая часть католическаго духовенства занимались этого рода дѣятельностью. Вотъ почему и общественное мнѣніе такъ враждебно-презрительно относилось къ ростовщикамъ, и гражданскіе законы долгое время преслѣдовали ихъ.

Взгляды Ѳомы на отношенія политической власти къ экономической жизни отражали дѣйствительное положеніе вещей въ его время. И въ жизни феодальнаго помѣстья, и въ городской жизни—всюду господствовала строгая регламентація отношеній. Естественно, что Ѳома Аквинскій отводитъ государственной власти самыя широкія полномочія въ ея вмѣшательствѣ въ экономическую дѣятельность людей.

Въ общемъ, взгляды Ѳомы соотвѣтствуютъ еще только самому зарожденію мелко-буржуазнаго міра. Это сказывается, между прочимъ, въ томъ, что онъ еще не придаетъ деньгамъ того большого значенія, какое онѣ пріобрѣтаютъ въ глазахъ представителей болѣе развитого мелко-буржуазнаго общества.

Въ системѣ мѣновыхъ отношеній деньги—привиллегированный товаръ, который не боится колебаній спроса, какъ другіе товары. Деньги для

товаро-производителя—мѣрило цѣнности, ея чистѣйшее воплощеніе. Стремиться къ богатству для него значитъ накоплять деньги. Взглядъ на деньги, какъ на единое истинное богатство, неразвитое познаніе, естественно, примѣняетъ и къ обществу въ его цѣломъ.

Такъ какъ мелкій буржуа тѣхъ временъ не могъ среди всеобщей регламентаціи произвольно расширять свое производство, то въ своемъ стремленіи накоплять деньги онъ принужденъ былъ пользоваться преимущественно тѣмъ пріемомъ, который состоитъ въ сокращеніи денежныхъ издержекъ хозяйства путемъ уменьшеннаго потребленія. Та же заповѣдь примѣнялась и къ общественному хозяйству.

Когда король Ричардъ II обратился (около 1400 года) къ ремесленно-торговымъ корпораціямъ Лондона съ вопросомъ, какими средствами предотвратить гибель народнаго благосостоянія, то отвѣтъ былъ такой: „Мы должны стараться покупать у иностранцевъ меньше, чѣмъ продаемъ". Въ политикѣ подобные взгляды проводились въ видѣ мелочного, придирчиваго контроля за торговлей—какъ бы не ушло случайно за границу лишнее количество денегъ. Такова „система денежнаго баланса", являющаяся примѣненіемъ въ государственно-экономической жизни мелко-буржуазной бережливости.

Образцомъ проведенія въ жизнь этой системы можетъ служить „статутъ истраченія", который требовалъ, чтобы иностранный купецъ въ Англіи всѣ деньги, привезенныя съ собой или вырученныя за свои товары, истратилъ на покупку англійскихъ товаровъ. Для выполненія закона устраивался строгій надзоръ за иностранными купцами.

Другой примѣръ—строгіе законы противъ роскоши, какъ „напрасной траты денегъ".

Вообще, система денежнаго баланса въ практикѣ и литературѣ насквозь пропитана духомъ регламентаціи и монополіи, столь характернымъ для мелко-буржуазнаго общества второй половины среднихъ вѣковъ. Упорное мелочное вмѣшательство государства въ экономическую жизнь вполнѣ аналогично контролю феодала надъ экономической жизнью его помѣстья, а также тѣмъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ промышленности, которыя создавались дѣятельностью цеховыхъ организацій; разница та, что цѣлью вмѣшательства являются уже не интересы помѣщичьяго хозяйства и не интересы городского сословія, а интересы королевской казны, бюрократическаго государства.

Между прочимъ, продажа монополій была для государства однимъ изъ любимыхъ средствъ пополненія собственныхъ финансовъ. Продавая отдѣльному лицу или, чаще, компаніи монополію на извѣстную отрасль торговли или производства, государство увеличиваетъ свои денежныя средства; въ то же время ему легче слѣдить за однимъ монополистомъ, чѣмъ за множествомъ самостоятельныхъ промышленниковъ или купцовъ.

Далѣе, для уменьшенія ввоза государство устанавливало высокія пошлины на привозимые товары, а иногда просто запрещало ввозъ тѣхъ или иныхъ товаровъ, чтобы окончательно избавить гражданъ отъ соблазна отдать за нихъ свои деньги иностранцамъ.

Сторонникомъ системы денежнаго баланса былъ и первый по времени экономистъ въ литературѣ—Вильямъ Стаффордъ, жившій во второй половинѣ XVI вѣка (слѣдовательно, уже въ эпоху значительнаго развитія торговаго капитала). Кромѣ обычныхъ пріемовъ этой системы, онъ рекомендуетъ государству иныя мѣры, болѣе положительнаго характера: облегченіе вывоза, привлеченіе изъ-за границы искусныхъ ремесленниковъ и рабочихъ, чтобы не приходилось покупать ихъ произведеній за границею. Онъ энергично возстаетъ противъ политики многихъ королей, которые для увеличенія государственныхъ доходовъ выпускали монету низкой пробы—такъ сказать, поддѣлывали деньги. Въ деньгахъ, по мнѣнію Стаффорда, цѣнится „не имя, а сущность и количество". Живя въ эпоху

довольно значительнаго развитія торговли, Стаффордъ могъ уже до извѣстной степени выяснить себѣ тотъ фактъ, что деньги представляютъ только одинъ изъ товаровъ, хотя играющій особенную роль.

По мѣрѣ развитія торговли, для нея становилась все болѣе стѣснительною система денежнаго баланса, стремящаяся препятствовать вывозу денегъ изъ государства. Купцамъ, ведущимъ международную торговлю, нерѣдко бываетъ необходимо сразу вывезти много денегъ, чтобы потомъ получить еще больше, напр., дешево накупить товаровъ въ одной странѣ, чтобы дорого продать въ другой.

Масса монополій тоже давала чувствовать свои неудобства: для потребителей монополіи были невыгодны высокими цѣнами на товары, а для торговаго класса тѣмъ, что стѣсняли его предпріимчивость, позволяя только немногимъ лицамъ заниматься извѣстнымъ дѣломъ. Отсюда—паденіе системы денежнаго баланса, относящееся по времени уже къ эпохѣ торговаго и мануфактурнаго капитализма.

4. Силы развитія и его направленіе въ мелко-буржуазномъ обществѣ.

Для обществъ натурально-хозяйственныхъ основной движущей силой развитія являлось абсолютное перенаселеніе, возникающее благодаря размноженію, несоотвѣтствію между числомъ членовъ общества и количествомъ средствъ къ жизни, которое общество въ состояніи добыть при данной техникѣ. Съ развитіемъ въ рамкахъ феодальнаго общества новыхъ отношеній, съ переходомъ натурально-феодальнаго строя въ мелко-буржуазный, постепенно выступаетъ на сцену новая движущая сила общественнаго прогресса—конкурренція.

Организація мѣнового общества такова, что оно складывается изъ массы мелкихъ трудовыхъ общинъ—хозяйствъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ своего организатора производства; но взаимныя отношенія этихъ хозяйствъ, раздѣленіе труда между ними не организовано сознательной волей, а потому и распредѣленіе общественнаго продукта совершается въ не организованной формѣ обмѣна. Въ силу своего неорганизованнаго характера, мѣновыя отношенія принимаютъ форму борьбы—борьбы между покупателемъ и продавцомъ, между продавцами, между покупателями. Эта борьба каждаго хозяйства противъ всѣхъ другихъ называется конкурренціей; она несетъ съ собой массу страданій, какъ одна изъ тяжелыхъ формъ борьбы за существованіе; но цѣной этихъ страданій покупается развитіе.

Надъ мѣновыми отношеніями господствуетъ законъ стоимости. Если данное хозяйство тратитъ на производство продукта больше трудовой энергіи, чѣмъ это въ данномъ обществѣ необходимо, больше общественной стоимости этого продукта, то оно оказывается неприспособленнымъ къ общественной борьбѣ, оно не можетъ конкуррировать съ другими и приходитъ въ упадокъ, разрушается. Если, наоборотъ, данное хозяйство обладаетъ особенно совершенными способами производства, тратитъ на него сравнительно меньше трудовой энергіи, чѣмъ другія хозяйства, то оно является приспособленнымъ къ борьбѣ, растетъ и расширяется. Такимъ образомъ, одни хозяйства живутъ благополучно, тогда какъ другія терпятъ недостатокъ средствъ къ жизни. Этотъ недостатокъ

средствъ возникаетъ не изъ чрезмѣрнаго размноженія, а изъ общественныхъ отношеній, изъ конкурренціи; въ немъ выражается не абсолютное перенаселеніе, а такъ называемое «относительное»: отдѣльное хозяйство оказывается излишнимъ въ производственной жизни общества и разрушается не потому, чтобы для него вообще не могло хватить средствъ къ продолженію его жизни, а потому, что оно не приспособлено къ даннымъ общественнымъ условіямъ,—къ обычной техникѣ и обычной стоимости продукта въ данномъ обществѣ.

Изъ тѣхъ страданій, которыя порождаетъ «относительное перенаселеніе», возникаетъ стремленіе каждаго хозяйства производить возможно болѣе совершенными способами, чтобы выдержать конкурренцію. Такимъ образомъ, конкурренція является постояннымъ побужденіемъ къ развитію техники; а развитіе техническихъ формъ, въ свою очередь, влечетъ за собою измѣненія въ экономикѣ и идеологіи, во взаимныхъ отношеніяхъ людей и въ ихъ понятіяхъ.

Въ мѣновомъ обществѣ потребности людей удовлетворяются не иначе, какъ при посредствѣ обмѣна; самый же актъ обмѣна имѣетъ форму борьбы покупателя съ продавцомъ—борьбы, въ которой пораженіе легко ведетъ къ страданіямъ и гибели; единственная сила, которая гарантируетъ покупателю благополучный исходъ этой борьбы, есть деньги. Отсюда—стремленіе къ безконечному накопленію денегъ; эта психологическая черта товарнаго міра вытекаетъ, слѣдовательно, тоже изъ отношеній конкурренціи, именно изъ отношеній покупателя и продавца. Жажда накопленія является, въ свою очередь, движущей силой развитія, побуждая людей все болѣе и болѣе расширять поле своей пріобрѣтательской дѣятельности.

Такъ конкурренція различными путями разрушаетъ консервативную силу привычки—это стихійно-психологическое препятствіе всякому прогрессу; и развитіе совершается быстрѣе, чѣмъ когда-либо въ натуральномъ обществѣ.

На первыхъ стадіяхъ жизни мелко-буржуазнаго общества мелкіе производители противодѣйствуютъ вліянію конкурренціи, «относительному перенаселенію», организуясь въ особые союзы и старательно регламентируя производство. Этимъ временно замедляется развитіе, хотя только отчасти, потому что конкурренція ослабляется, а не устраняется. А поскольку конкурренція устранена, постольку еще сохраняетъ силу и старый законъ развитія, вытекающій изъ абсолютнаго перенаселенія.

Въ наименьшей, сравнительно, степени регламентируется торговое дѣло, самая техника котораго не допускаетъ многихъ формъ регламентаціи. Конкурренція тамъ устраняется въ наименьшей степени, ея развивающее вліяніе дѣйствуетъ всего сильнѣе. Отсюда—наиболѣе быстрое развитіе именно торговаго дѣла и торговаго класса.

Въ исторіи Западной Европы эпохой развитія и господства по преимуществу мелко-буржуазныхъ отношеній слѣдуетъ считать XII и XIII

вѣка. Въ эту переходную эпоху упадокъ феодализма еще только начинался, и въ то же время уже зарождался торговый капиталъ.

V. ЭПОХА ТОРГОВАГО КАПИТАЛА.

1. Техническія отношенія производства.

Два основныхъ факта обусловили переходъ мелко-буржуазнаго общества въ торгово-капиталистическое: во-первыхъ, общее возрастаніе производства и, во-вторыхъ, наиболѣе быстрое развитіе той его отрасли, которая заключается въ перемѣщеніи продуктовъ.

Общее возрастаніе производства являлось необходимымъ результатомъ тѣхъ силъ развитія, которыя дѣйствуютъ въ мелко-буржуазномъ обществѣ.

Особенно сильный прогрессъ «перевозочно-торговаго производства» опредѣлялся тѣмъ фактомъ, что съ возрастаніемъ всего производства и расширяющимся раздѣленіемъ труда приходилось перемѣщать не только бóльшія массы продуктовъ, но, въ общемъ и на бóльшія разстоянія чѣмъ прежде.

Расширяющееся производство не ограничивается ближайшими рынками и шагъ за шагомъ вступаетъ въ связь съ рынками болѣе отдаленными. На отдаленные рынки приходится перевозить все бóльшую долю продуктовъ. Какъ отысканіе такихъ рынковъ, такъ и поддержаніе сношеній съ ними становится технически все болѣе труднымъ дѣломъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, перемѣщеніе продуктовъ изъ мастерской на рынокъ пріобрѣтаетъ все бóльшее значеніе въ общей системѣ производства.

Соотвѣтственно этому совершаются измѣненія въ общественной роли различныхъ группъ общества.

2. Общественныя отношенія торговаго капитализма.

а) Неорганизованныя отношенія между хозяйствами.

По мѣрѣ того, какъ рынокъ расширялся въ пространствѣ и вести съ нимъ прямыя сношенія становилось дѣломъ все болѣе труднымъ, зачастую невозможнымъ для мелкаго товаропроизводителя, возрастали экономическая сила и общественное значеніе того класса, для котораго это дѣло являлось спеціальностью.

Производя товары на обширный, неопредѣленный и отдаленный рынокъ, мелкій производитель теряетъ окончательно возможность лично доставлять свои продукты на рынокъ, какъ это по большей части дѣлалось при ограниченномъ, близкомъ и опредѣленномъ рынкѣ. Такимъ образомъ, послѣдняя операція производства—перемѣщеніе продукта—

окончательно отдѣляется отъ предыдущихъ, потребность производителя въ посредникѣ-купцѣ становится безусловно настоятельной,—а изъ этого возникаетъ матеріальная зависимость производителя отъ купца. Производитель долженъ продать свои товары купцу, чтобы имѣть возможность продолжать свое дѣло, но условія этой мѣновой сдѣлки перестаютъ быть равными для обѣихъ сторонъ. Во-первыхъ, производитель не знаетъ дѣйствительныхъ условій того рынка, на которомъ купецъ продаетъ его товаръ; во-вторыхъ, производитель не можетъ ждать, такъ какъ при его маленькихъ запасахъ ему необходимо немедленно продать свой товаръ, чтобы пріобрѣсти средства для дальнѣйшаго веденія своего хозяйства. Купецъ, напротивъ, обладаетъ всѣми нужными свѣдѣніями и, располагая сравнительно большими средствами, можетъ ждать съ покупкой, если ему не нравятся предлагаемыя условія. Слѣдовательно, производителю приходится, вообще, уступать, принимать ту цѣну, какую даетъ торговецъ. Это еще не значитъ, конечно, что торговецъ станетъ понижать цѣну до произвольно-низкаго уровня: во-первыхъ, существуетъ конкурренція и между торговцами, и въ случаѣ крайности производитель товара можетъ, хотя съ большими усиліями, найти для себя другого купца-посредника; во-вторыхъ, купцу и нѣтъ разсчета окончательно подрывать хозяйство мелкаго производителя чрезмѣрно тяжелыми условіями, потому что, если хозяйство это разрушится, купецъ уже не будетъ больше извлекать изъ него никакихъ выгодъ и подорветъ основу собственнаго благосостоянія. Дѣло сводится, слѣдовательно, къ такой эксплоатаціи, которая еще оставляетъ мелкому производителю только необходимыя средства для продолженія его предпріятія, а все, что сверхъ этого, получаетъ торговецъ, соотвѣтственно уменьшая ниже уровня стоимости ту цѣну, которую онъ даетъ за продуктъ.

Надо отмѣтить, что нерѣдко въ качествѣ посредника-скупщика выступаетъ не чистый купецъ, а производитель, выполняющій вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднюю передъ доставкой товара на рынокъ операцію производства. Напр., въ производствѣ часовъ, которое съ самаго начала являлось раздѣленнымъ между многими мелкими производителями, производящими отдѣльныя части продукта, скупщиками-торговцами оказывались обыкновенно тѣ мастера, которые занимались соединеніемъ и прилаживаніемъ отдѣльныхъ частей; въ прядильно-ткацкой промышленности такую роль играли аппретурщики. По существу, этотъ случай ничѣмъ не отличается отъ предыдущаго: господство захватываетъ тотъ изъ производителей, кто выполняетъ послѣднія операціи производства, все равно — одну или двѣ.

Захватъ экономическаго господства облегчается для скупщика сравнительно небольшой устойчивостью мелкихъ предпріятій: всякое случайное поврежденіе, всякое стихійное или экономическое бѣдствіе угрожаетъ мелкому производителю гибелью его хозяйства и заставляетъ прибѣгать къ помощи экономически болѣе сильнаго члена общества, обыкновенно того же торговца-скупщика. Тогда скупщикъ выступаетъ въ новой роли кредитора-ростовщика; давая производителю ссуду на поддержаніе хозяй-

ства, онъ, въ сущности, заранѣе выплачиваетъ цѣну тѣхъ продуктовъ, которые еще только будутъ произведены его должникомъ; но зато тѣмъ сильнѣе понижается цѣна этихъ продуктовъ и тѣмъ прочнѣе становится зависимость производителя отъ торговца-ростовщика; обыкновенно производитель при этомъ и формально обязывается не продавать своихъ продуктовъ никому, кромѣ кредитора.

Ростовщикъ и торговецъ-скупщикъ не всегда бываютъ соединены въ одномъ лицѣ; нерѣдко оба эти дѣла являются спеціализированными. Сущности фактовъ это нисколько не измѣняетъ—положеніе мелкаго производителя оказывается все тѣмъ же. Нерѣдко ростовщикъ въ своемъ развитіи превращается въ торговца-скупщика, расширяя, такимъ образомъ, свою общественно-производительную роль. Скупщикъ же почти всегда силою обстоятельствъ вынуждается играть роль ростовщика, оказывая поддержку приходящимъ въ упадокъ хозяйствамъ.

Однимъ изъ яркихъ примѣровъ описываемаго явленія можетъ служить такъ называемое кулачество въ русской деревнѣ. Хозяйство крестьянина неустойчиво въ силу многихъ причинъ: и вслѣдствіе первобытно-грубой техники, ставящей ходъ производства въ сильнѣйшую зависимость отъ всякихъ измѣненій въ атмосферѣ и вообще во внѣшней природѣ, и вслѣдствіе непропорціональной тяжести податей и налоговъ, и вслѣдствіе колебаній цѣнъ на хлѣбъ и т. д. При натуральномъ хозяйствѣ однѣ изъ этихъ причинъ не существовали (напр., колебанія цѣнъ), другія приводили только къ тому, что сокращалось потребленіе крестьянской семьи. При денежномъ хозяйствѣ всѣ эти причины ведутъ къ тому, что въ извѣстные моменты у крестьянина возникаетъ острая потребность въ деньгахъ—на покупку орудій, сѣмянъ для посѣва, на уплату податей и т. д. И такъ какъ, по большей части, продажа крестьянскихъ товаровъ (хлѣба, а потомъ, какъ увидимъ, рабочей силы), не даетъ необходимой суммы, то крестьянинъ обращается за помощью къ кулаку,—обыкновенно его же болѣе зажиточному односельчанину. Кулакъ даетъ деньги, но за громадные проценты (по большей части десятки процентовъ въ годъ), при чемъ ссуда выплачивается нерѣдко не одними деньгами, но также отработками (кулакъ обыкновенно тоже земледѣлецъ) и продуктами (кулакъ въ то же время является здѣсь и скупщикомъ). Но такъ какъ проценты велики, а хозяйство крестьянина слабо и, вдобавокъ, по своей темнотѣ и незнанію законовъ крестьянинъ очень часто оказывается обманутъ, то, несмотря на всѣ усилія должника, долгъ не уменьшается, а возрастаетъ. Наконецъ, когда фактически долгъ уплаченъ уже нѣсколько разъ, юридически его сумма достигаетъ такихъ размѣровъ, что хозяйство крестьянина не можетъ болѣе существовать, и его имущество переходитъ въ руки его кредитора.

Итакъ, хотя формально мелкій производитель остается свободенъ, его дѣйствительная самостоятельность исчезаетъ. Опираясь на свою матеріальную силу, скупщикъ вмѣшивается въ производственную дѣятельность мелкаго производителя: контролируетъ его, выступаетъ въ качествѣ высшаго организатора производства. Сообразно своимъ расчетамъ, торговецъ указываетъ, въ какомъ количествѣ, какого качества и въ какое время долженъ быть приготовленъ продуктъ, и назначаетъ цѣну за него. Производитель принужденъ на все соглашаться, потому что въ противномъ случаѣ ему нѣтъ возможности сбыть свой продуктъ. Сообразно своимъ расчетамъ, скупщикъ заставляетъ производителя сократить производство или помогаетъ ему расширить его. Косвенно при этомъ скуп-

щикъ вліяетъ и на самую технику производства, требуя продуктовъ такого, а не иного качества. Вообще, въ значительной степени скупщикъ уже является если не формальнымъ, то фактическимъ организаторомъ мелкихъ хозяйствъ.

Такъ создается фактическое объединеніе мелкихъ хозяйствъ подъ властью одного организатора; объединеніе это лишь частичное, далеко не полное, сохраняющее за мелкимъ производителемъ значительную долю самостоятельности во внутреннихъ отношеніяхъ его предпріятія. Такова торгово - капиталистическая организація производства.

Торгово-капиталистическое производство уже нельзя считать типичнымъ мелкимъ производствомъ. Это — крупное производство для рынка, хотя большую часть производственнаго процесса товаръ проходитъ въ мелкихъ, формально разъединенныхъ предпріятіяхъ.

Развиваясь, торговый капиталъ пріобрѣтаетъ все бо́льшую власть надъ производствомъ, и все болѣе расширяетъ сферу своего вмѣшательства во внутреннюю организацію хозяйствъ. При этомъ надо замѣтить, что остатки феодальныхъ отношеній нисколько не мѣшаютъ торговому капиталу захватить въ руки организаторскую, а съ нею и эксплоататорскую власть надъ крестьянскимъ хозяйствомъ; подрывая благосостояніе крѣпостного крестьянства, феодалъ только уменьшаетъ силу его сопротивленія торговому капиталу; переводя крестьянъ на денежный оброкъ, феодалъ вынуждаетъ ихъ продавать свои продукты и, слѣдовательно, прямо толкаетъ ихъ въ руки торговаго капитала; наконецъ, нерѣдко мѣновой феодалъ выступаетъ самъ въ роли торговаго капиталиста-скупщика или ростовщика.

Весьма часто скупщикъ беретъ на себя доставку производственныхъ матеріаловъ, которые и покупаются у него мелкими производителями. Такъ какъ производители все чаще должны брать эти матеріалы въ кредитъ, то съ теченіемъ времени дѣло упростилось: скупщикъ сталъ просто давать мелкому производителю матеріалы, изъ которыхъ тотъ долженъ былъ приготовить ему продуктъ по заранѣе условленной цѣнѣ. При этомъ мелкій производитель еще въ бо́льшей мѣрѣ теряетъ свою самостоятельность. Про него, строго говоря, нельзя даже сказать, чтобы онъ продавалъ скупщику свой продуктъ: онъ только получаетъ отъ торговаго капиталиста вознагражденіе за свою работу надъ его, капиталиста, матеріалами и за изнашиваніе своихъ орудій при этой работѣ. Если бы устранить эту вторую часть вознагражденія, то передъ нами было бы то, что принято называть заработной платой. Это — домашняя система крупнаго капиталистическаго производства, вторая стадія развитія торговаго капитализма.

Крупный характеръ домашняго капиталистическаго производства выступаетъ ясно уже не только въ томъ фактѣ, что перемѣщеніе готовыхъ продуктовъ на рынокъ совершается въ большихъ размѣрахъ, но также и въ массовой доставкѣ матеріаловъ, которые затѣмъ распредѣляются между отдѣльными мелкими производителями.

Понятно, что чѣмъ сильнѣе фактическая зависимость мелкаго производителя отъ торговца-скупщика, тѣмъ легче онъ утрачиваетъ остатки своей самостоятельности, тѣмъ меньше онъ въ силахъ сопротивляться дальнѣйшимъ захватамъ со стороны торговаго капитала.

Иногда, послѣ полнаго разоренія товаропроизводителя, торговый капиталистъ находитъ еще выгоднымъ доставлять ему не только матеріалы, но и орудія для дальнѣйшаго производства, такъ что почти исчезаетъ послѣдняя тѣнь самостоятельности мелкаго хозяйства. Это—крайній моментъ развитія собственно **торговаго** капитала, та граница, на которой онъ переходитъ въ **промышленный** капиталъ.

б) Внутреннія отношенія предпріятій въ эпоху торговаго капитала.

Съ внѣшней стороны торговый капиталъ очень мало измѣняетъ въ организаціи отдѣльнаго мелко-буржуазнаго хозяйства. За то происходять значительныя перемѣны по существу во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ такой группы.

Вначалѣ, вторженіе торговаго капитала въ жизнь мелкаго хозяйства является выгоднымъ для производителя: скупщикъ, принужденный конкуррировать съ мѣстными покупателями, даетъ ему довольно хорошія цѣны, а главное, дѣлаетъ большіе заказы, для отдаленныхъ рынковъ Но, по мѣрѣ того, какъ производитель впадаетъ въ матеріальную зависимость отъ скупщика, дѣло измѣняется. Иго торговаго капитала начинаетъ угнетать производителя все болѣе возрастающей, зачастую непосильной тягостью. Благосостояніе хозяйства постепенно падаетъ до того низшаго предѣла, дальше котораго торговому капиталу взять уже нечего. Мелкій производитель выбивается изъ силъ, чтобы возстановить свое прежнее положеніе или хотя бы удержаться на одномъ уровнѣ. Въ этихъ усиліяхъ онъ истощаетъ свою энергію, и не только свою, а также энергію остальныхъ членовъ хозяйства. Онъ заставляетъ усиленно работать свою жену и дѣтей. Въ тяжелый трудъ вовлекаются дѣти въ такомъ раннемъ возрастѣ, какой прежде былъ для нихъ временемъ безпрепятственнаго развитія. Женскіе элементы семьи уже не ограничиваются чисто домашнимъ хозяйствомъ, какъ по большей части было раньше, а принимаютъ дѣятельное участіе въ производствѣ для рынка, въ тѣхъ предѣлахъ, какіе только допускаетъ техника производства. Глава мелкаго хозяйства становится эксплоататоромъ своей семьи въ той же мѣрѣ, въ какой его самаго эксплоатируетъ торговый капиталъ.

Особенно ясно выступаютъ эти явленія въ хозяйствѣ такъ называемыхъ кустарей, сельскихъ ремесленниковъ, которые съ ремесломъ соединяютъ подсобное земледѣліе. Они не имѣютъ для своей защиты такихъ прочныхъ организацій, какъ цехи городскихъ ремесленниковъ, и потому легче подпадаютъ власти торговаго капитала. Скупщикъ въ опредѣленіи цѣнъ на кустарныя издѣлія принимаетъ во вниманіе то над

сорье, какое имѣетъ кустарь въ земледѣліи, и понижаетъ цѣны до того предѣла, при которомъ все двойное хозяйство кустаря едва даетъ ему необходимыя средства къ жизни. Эксплоатація рабочихъ силъ семьи кустаря доходитъ при этомъ нерѣдко до такой степени, которая обусловливаетъ настоящее вырожденіе трудящихся.

Такова же судьба земледѣльческихъ хозяйствъ съ подсобными домашними промыслами и вообще крестьянскихъ хозяйствъ.

> Нельзя не отмѣтить, что уже въ ранней стадіи своего развитія, въ формѣ торговаго капитала, капиталъ стремится разрушить патріархальный строй семьи съ безусловной властью отца. Принимая участіе въ производствѣ на рынокъ, выходя изъ рамокъ чисто домашняго хозяйства, женщина пріобрѣтаетъ большее экономическое значеніе въ жизни семьи; этимъ подрывается матеріальная основа подчиненія женщины. Но прочность отживающихъ обычаевъ такъ велика, что проходитъ много времени, прежде чѣмъ ясно сказывается это вліяніе торговаго капитала.

Хозяйство городскихъ ремесленниковъ, благодаря силѣ цеховыхъ организацій, упорнѣе и дольше сопротивлялось могуществу торговаго капитала, но все же, все въ бо́льшей и бо́льшей степени, подчинялось его вліянію. При этомъ измѣнялись, конечно, внутреннія отношенія семьи въ томъ же направленіи, какъ для болѣе слабыхъ сельскихъ хозяйствъ, только въ меньшей степени, но зато особенно сильно измѣнялись отношенія хозяина къ его наемнымъ работникамъ — подмастерьямъ и ученикамъ.

То противорѣчіе интересовъ хозяина и его работниковъ, которое раньше скрадывалось и затушевывалось общностью работы, семейно-дружественнымъ характеромъ отношеній, теперь выступаетъ все ярче и рѣзче. Мастеръ, угнетаемый властью капитала, чтобы сколько-нибудь поддержать свое колеблющееся положеніе, принужденъ угнетать подмастерьевъ и учениковъ, принужденъ требовать отъ нихъ болѣе продолжительной и болѣе интенсивной работы, меньше платить имъ, хуже содержать ихъ. Со своей стороны, подмастерья и ученики всѣми силами сопротивляются такимъ перемѣнамъ. Внутренняя цѣльность ремесленнаго хозяйства исчезаетъ, смѣняясь отношеніями борьбы.

Подводя итоги, можно сказать, что сила торговаго капитала преобразуетъ внутреннія отношенія мелко-буржуазныхъ хозяйствъ, внося въ нихъ духъ эксплоатаціи: глава семьи выступаетъ поневолѣ какъ эксплоататоръ остальныхъ ея членовъ, мастеръ—какъ эксплоататоръ своихъ наемныхъ рабочихъ.

c) Организованныя отношенія между хозяйствами.

Соотвѣтственно тому, какъ измѣнялось отношеніе цехового мастера къ его подчиненнымъ, измѣнялся и характеръ самыхъ цеховыхъ организацій: все въ бо́льшей степени онѣ превращались въ организаціи борьбы мастеровъ противъ торговаго капитала, съ одной стороны, противъ подмастерьевъ—съ другой.

Въ борьбѣ съ торговымъ капиталомъ дополняются и расширяются тѣ части цеховыхъ уставовъ, которыя направлены противъ конкурренціи и противъ пониженія цѣнъ; кромѣ того, цехамъ приходится усиленно отстаивать передъ правительствами свои монопольныя права на производство и торговлю въ городахъ, права, которыя торговый капиталъ всячески стремится обойти и нарушить.

Но торговый капиталъ проникалъ внутрь самихъ цеховыхъ организацій. Болѣе зажиточные изъ мастеровъ сами становились скупщиками и ростовщиками въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это допускали цеховые уставы. Жажда накопленія побуждала такихъ мастеровъ идти дальше: имъ представлялись непріятными и невыгодными цеховыя стѣсненія—и тѣ, которыя препятствовали имъ расширять собственное производство, и тѣ, которыя не давали имъ окончательно подчинить себѣ хозяйства болѣе бѣдныхъ мастеровъ. Возникало стремленіе обходить и нарушать стѣснительныя правила уставовъ. Такъ, при производствѣ на вывозъ, для мастеровъ, которые имѣли непосредственную связь съ рынкомъ, являлись неудобными тѣ постановленія цеховъ, которыя устанавливали цѣну продуктовъ и мѣшали дешево скупать ихъ.

Часто не выполнялись на практикѣ и тѣ статьи уставовъ, которыми ограничивалось число наемныхъ работниковъ у отдѣльнаго мастера, и, слѣдовательно, не допускалось расширеніе предпріятій.

Вообще, въ борьбѣ съ торговымъ капиталомъ цеховыя организаціи расшатываются въ своихъ основахъ, обнаруживаютъ недостатокъ внутренняго единства и сплоченности.

Зато въ борьбѣ противъ подмастерьевъ цеховая солидарность является ничуть непоколебленной. Принимаются самыя энергичныя мѣры, чтобы затруднить подмастерьямъ переходъ въ ряды мастеровъ, потому что возрастаніе числа мастеровъ угрожаетъ усиленіемъ конкурренціи. Устанавливаются долгіе сроки ученичества и службы по найму въ подмастерьяхъ, создаются особенно строгіе экзамены (требуютъ трудныхъ «образцовыхъ произведеній», въ которыхъ подмастерье долженъ обнаружить свое искусство), назначаются высокіе залоги при вступленіи въ цехъ, удлиняется рабочее время подмастерьевъ. Между прочимъ, отъ подмастерьевъ требуютъ обязательнаго странствованія въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ по чужимъ городамъ и странамъ для усовершенствованія въ искусствѣ—условіе, по тогдашнимъ временамъ особенно трудное и сослужившее, какъ увидимъ, плохую службу самимъ цехамъ. Подобныя измѣненія въ цеховомъ устройствѣ происходятъ со значительной быстротой, начиная съ XIV вѣка.

Новыя правила цеховъ проводятся въ жизнь обыкновенно съ крайнимъ пристрастіемъ: для сыновей мастеровъ дѣлаются всевозможныя облегченія, благодаря которымъ всѣ испытанія и труды превращаются нерѣдко въ пустую формальность, тогда какъ для людей [illegible] происхожденія вступленіе въ цехъ становится почти невозможнымъ дѣломъ. Цеховыя привиллегіи пріобрѣтаютъ узко-сословный характеръ — [illegible]

ваются уже не столько съ искусствомъ и званіемъ, сколько съ происхожденіемъ.

Всѣ эти нововведенія вызываютъ энергичный отпоръ со стороны подмастерьевъ. Чѣмъ меньшею становится для каждаго подмастерья вѣроятность выйти изъ своего положенія и чѣмъ тяжелѣе самое это положеніе, тѣмъ въ большей степени мѣсто прежней связи между подмастерьемъ и его хозяиномъ занимаетъ товарищеская связь между подмастерьями,—связь, проникнутая уже духомъ вражды къ хозяевамъ-мастерамъ. Создаются организаціи подмастерьевъ,—большей частью въ видѣ религіозныхъ братствъ,—вначалѣ просто союзы матеріальной взаимопомощи, переходящіе съ теченіемъ времени въ ассоціаціи для борьбы за общіе интересы противъ общихъ враговъ.

Каждый союзъ объединяетъ подмастерьевъ одного ремесла, вначалѣ только живущихъ въ одномъ городѣ; но уже очень рано общіе интересы, особенно взаимная поддержка во время странствованій, расширяютъ эту связь за предѣлы отдѣльныхъ городовъ; создаются междугородскіе, даже международные союзы подмастерьевъ одного ремесла. Дальше этого объединеніе никогда не шло; подмастерья различныхъ ремеслъ не только не объединялись между собою, но нерѣдко даже враждовали, подобно мастерамъ различныхъ цеховъ.

Благодаря значительной силѣ своихъ организацій, подмастерья нерѣдко принуждали мастеровъ къ различнымъ уступкамъ и создавали желательныя для себя условія. Мастера всячески старались уничтожить эти союзы и нерѣдко добивались соотвѣтственныхъ законовъ. Но тогда союзы подмастерьевъ только превращались въ тайные, а не переставали существовать. Съ перемѣннымъ счастьемъ борьба тѣхъ и другихъ организацій продолжается на Западѣ въ теченіе всей эпохи торговаго капитала. Главнымъ орудіемъ въ борьбѣ для обѣихъ сторонъ являлись стачки и бойкотъ. (Бойкотъ—это коллективный отказъ отъ сношеній съ опредѣленнымъ лицомъ или группой, когда, напр., не покупаютъ никакихъ товаровъ у такого-то продавца или не нанимаются ни за какую цѣну у такого-то предпринимателя и т. д.).

Такому перерожденію подвергались ремесленныя организаціи подъ дѣйствіемъ торговаго капитала.

Что касается до организацій собственно политическихъ, то эпоха торговаго капитала была временемъ расцвѣта абсолютной монархіи. Прочная экономическая связь между различными частями государства, которую создавало развитіе сношеній, являлась основой прочнаго объединенія страны. Въ то же время абсолютной монархіи пришлось выполнить весьма важныя и широкія историческія задачи, выполнить въ тяжелой борьбѣ, которая укрѣпила силу абсолютной монархіи и завоевала ей сочувствіе и довѣріе развивавшихся торгово-промышленныхъ классовъ общества.

Первой изъ этихъ задачъ было уничтоженіе тѣхъ остатковъ стараго феодализма, которые не могли приспособиться къ измѣнившимся историческимъ условіямъ и начали отчаянную борьбу за свое существованіе

противъ всего мѣнового общества. Только часть феодаловъ—экономически болѣе сильные и прогрессивные элементы этого класса—оказалась въ состояніи сохранить свое прежнее общественное положеніе среди водоворота мѣновыхъ отношеній, при возрастающей силѣ торговаго капитала. Болѣе слабые элементы оказались беззащитными въ сферѣ чисто экономической, рыночной борьбы интересовъ и стали быстро приходить въ упадокъ подъ ударами торговаго и ростовщическаго капитала; существованіе такихъ феодаловъ еще могло поддержаться нѣкоторое время лишь благодаря остаткамъ натуральнаго хозяйства въ ихъ помѣстьяхъ. Быстро совершавшееся вытѣсненіе этихъ остатковъ денежными отношеніями шагъ за шагомъ уничтожало возможность существованія старыхъ феодаловъ. Но они не въ состояніи были примириться съ такой перспективой. Пользуясь своимъ стариннымъ правомъ брать пошлины съ проѣзжающихъ купцовъ, они стали выходить съ дружинами на большія дороги и грабить торговые караваны, добывая себѣ такимъ образомъ средства къ жизни, но причиняя громадный ущербъ развитію общественнаго производства. Государство своей военной силой укротило этихъ феодаловъ, разрушило ихъ неприступные замки и создало безопасность сношеній, необходимую для торговли и промышленности.

Подавленіе крестьянскихъ возстаній было другой задачей абсолютнаго государства. Переходъ феодальныхъ отношеній въ крѣпостныя создалъ для крестьянъ такія невыносимыя условія жизни, что, по мѣрѣ развитія мѣнового феодализма, крестьянскія возмущенія и бунты становятся все болѣе частымъ явленіемъ. Вначалѣ, пока мѣновыя связи оставались сравнительно узкими и каждая область жила своей обособленной жизнью, крестьянскія возстанія имѣли мѣстный характеръ и подавлялись сравнительно легко. Торговый капиталъ, создавая широкія и прочныя связи между различными областями, создалъ почву для широкихъ національныхъ крестьянскихъ возстаній, охватывающихъ цѣлыя страны; а ухудшая еще сильнѣе прежняго положеніе крѣпостного крестьянства, онъ придалъ этимъ возстаніямъ особенно жестокій и упорный характеръ. Въ Италіи въ XIII, въ Англіи и Франціи въ концѣ XIV вѣка, въ Богеміи въ XV вѣкѣ, въ Германіи въ началѣ XVI происходили крестьянскія войны, для успѣшнаго окончанія которыхъ понадобилось со стороны государственныхъ организацій полное напряженіе ихъ силъ.

Наиболѣе замѣчательныя изъ этихъ войнъ—германскія. Онѣ оставили по себѣ, между прочимъ, любопытный историческій документъ, въ которомъ ясно и отчетливо въ литературной формѣ, изложены основныя требованія и стремленія тогдашняго крестьянства. Это—манифестъ 12 пунктовъ (1525 годъ). Въ немъ крестьяне ставили слѣдующія требованія: отмѣна крѣпостного права; уничтоженіе незаконныхъ поборовъ, духовныхъ и свѣтскихъ; безпристрастіе въ судахъ; свобода проповѣди; безпрепятственное пользованіе лѣсами, охотой и рыбной ловлей; отчетность въ платимыхъ народомъ податяхъ; вознагражденіе за нѣкоторыя явныя несправедливости господъ... Характерно для крестьянской психологіи и, вообще, для психологіи того времени, что всѣ эти чисто

классовыя, практическія требованія подкрѣплялись религіозными доказательствами—ссылками на тексты Священнаго Писанія.

Какъ показала исторія, лишь въ немногихъ своихъ частяхъ программа крестьянъ являлась реакціонной (напр., въ требованіи свободнаго пользованія лѣсами, охотой и рыбной ловлей); въ другихъ частяхъ она соотвѣтствовала общему направленію развитія. Но крестьянскія войны неминуемо должны были окончиться пораженіемъ крестьянъ. Только временно борьба могла объединить ихъ массы; чѣмъ дальше, тѣмъ больше крестьянство обнаруживало недостатокъ сплоченности. Въ этомъ ясно выражался истинный характеръ крестьянской психологіи въ мѣновомъ обществѣ—характеръ узко-индивидуалистическій. Въ самомъ дѣлѣ, крестьянское хозяйство есть мелкое хозяйство; въ немъ нѣтъ широкаго сотрудничества, оно не обладаетъ тѣсной и постоянной трудовой связью съ другими такими хозяйствами; нѣтъ, слѣдовательно, основныхъ условій солидарности въ общественной борьбѣ.

Третьей задачей абсолютнаго государства явилось въ изучаемую эпоху освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостныхъ отношеній.

Не одни крестьянскія возстанія расшатывали основы крѣпостного права, обнаруживая опасность прежнихъ отношеній для общества и для самихъ феодаловъ. Для торгово-капиталистическаго класса крѣпостное право было помѣхой на пути развитія, въ значительной мѣрѣ препятствуя торговому капиталу захватить окончательно въ свои руки организаторскую власть надъ крестьянскими хозяйствами. Далѣе, для государства, нерѣдко нуждавшагося въ деньгахъ, крестьянская масса, принужденная уступать феодаламъ неумѣренно-значительную долю своихъ продуктовъ и стѣсненная въ своихъ занятіяхъ прикрѣпленіемъ къ землѣ, становилась слишкомъ плохимъ источникомъ обложенія. Наконецъ, часть самихъ феодаловъ находила болѣе выгоднымъ эксплоатировать свои помѣстья при посредствѣ свободныхъ арендаторовъ, чѣмъ имѣть дѣло съ подневольнымъ и потому мало производительнымъ трудомъ крѣпостныхъ; эти феодалы освобождали своихъ крестьянъ сами, сгоняя ихъ съ земли.

Въ иныхъ случаяхъ освобожденіе крестьянъ произошло съ большой постепенностью, почти само собой (Англія); въ другихъ оно приняло форму особаго законодательнаго акта. Въ большей части странъ Европы оно завершилось уже въ началѣ эпохи промышленнаго капитализма, но силы, которыми оно было вызвано, сложились, главнымъ образомъ, на почвѣ торговаго капитала.

Фактическое отношеніе общественныхъ силъ сказалось при освобожденіи крестьянъ въ томъ обстоятельствѣ, что крестьяне лишались иногда всей земли, находившейся въ ихъ пользованіи, чаще—нѣкоторой ея части, причемъ за остальную часть они платили выкупъ (т.-е., въ сущности, покупали ее). Такъ было и въ Россіи въ 1861 году.

Одновременно съ расцвѣтомъ абсолютнаго государства стала окончательно приходить въ упадокъ прежняя организація феодальнаго господства—католическая церковь.

[illegible], какъ было раньше выяснено, наибольшую долю своего зна-

ченія въ общественномъ производствѣ, католическая церковь долгое время сохраняла и даже старалась увеличить свою долю въ общественномъ распредѣленіи, усиливая эксплоатацію народа. Это создало духовенству сильныхъ враговъ въ другихъ общественныхъ классахъ. Противъ него были настроены и крестьянскія массы, наиболѣе страдавшія отъ десятины и другихъ поборовъ, и ремесленно-торговыя группы, враждебныя всѣмъ вообще феодаламъ, въ томъ числѣ и духовнымъ; наконецъ, даже свѣтскіе феодалы и государи находили очень выгоднымъ прибрать къ рукамъ обширныя владѣнія церковной организаціи.

Всякія идеи, враждебныя власти духовенства, находили для себя все болѣе благопріятную почву въ настроеніи различныхъ общественныхъ слоевъ. Ереси развивались съ такой силой и быстротой, какъ никогда раньше. Духовенство боролось противъ нихъ съ ожесточеніемъ, всѣми силами стараясь подавить критическую мысль. Но тѣмъ сильнѣе возрастала ненависть къ католицизму. Побѣда еретиковъ стала неизбѣжною—наступило время религіозной реформаціи.

Явилась масса сектъ, которыя выставляли самыя разнообразныя религіозныя ученія, ссылаясь на самые различные тексты Священнаго Писанія. Но сущность дѣла сводилась къ одному: долой духовныхъ феодаловъ! Тексты толковались, можетъ быть, вкривь и вкось, но сущность чувствовалась сильно и не подлежала сомнѣнію.

Борьба за сохраненіе права эксплоатаціи ознаменована со стороны католическаго духовенства самыми неслыханными жестокостями. Въ этой борьбѣ духовенство выдѣлило изъ себя организацію поразительной силы и прочности, совершеннѣе которой для боевыхъ цѣлей трудно представить,—орденъ іезуитовъ. Терроръ достигъ крайнихъ предѣловъ въ дѣятельности инквизиціи.

Всѣ эти громадныя усилія могли только на время задержать ходъ побѣдоносной реформаціи. Первые реформаторы погибли въ неравной борьбѣ. Лютеръ и Кальвинъ были уже побѣдителями.

Католицизмъ сохранилъ прежнюю силу въ Италіи и на Пиринейскомъ полуостровѣ: для Италіи онъ былъ выгоденъ, потому что въ ея пользу папство эксплоатировало цѣлый міръ; въ Испаніи и Португаліи онъ удержался потому, что экономическое развитіе этихъ странъ въ XVI—XVIII вѣкахъ испытало, по особымъ причинамъ, сильную задержку, точнѣе даже—смѣнилось довольно глубокой деградаціей.

Государство конфисковало земли духовенства, что сопровождалось обезземеленіемъ значительной части крестьянъ; конфискацію оправдывали тѣмъ, что это необходимая мѣра борьбы съ суевѣріями, поддерживаемыми католической церковью. (Примѣръ того, до какой степени идеи людей находятся въ зависимости отъ ихъ интересовъ, хотя зависимость эта обыкновенно не сознается.)

Разложеніе и упадокъ цеховыхъ корпорацій подъ вліяніемъ торговаго капитализма точно также повели во многихъ случаяхъ къ конфискаціи государствомъ имуществъ этихъ корпорацій.

И освобожденіе крестьянъ, сопровождавшееся ихъ обезземеленіемъ, полнымъ или частичнымъ, и конфискація кня[illegible] имуществ[illegible]

духовенства и ремесленныхъ организацій, оставившая безъ призрѣнія множество бѣдныхъ, прежде кормившихся на счетъ этихъ учрежденій—все это создавало массы безхозяйнаго люда, лишеннаго всякой роли въ общественномъ производствѣ,—массы такъ называемаго „паразитическаго пролетаріата“, который являлся постоянной угрозою общественной безопасности. Историческая судьба этого пролетаріата будетъ выясняться въ связи съ исторіей промышленнаго капитала.

3. Общественная психологія и силы развитія въ эпоху торговаго капитала.

Торговый капитализмъ представляетъ изъ себя вторую стадію развитія мѣнового общества—стадію, тѣсно переплетающуюся съ первой и лишь для удобства изученія разсмотрѣнную здѣсь отдѣльно. Во всѣхъ наиболѣе существенныхъ чертахъ психологія общества продолжаетъ неуклонно развиваться въ томъ же направленіи, какое намѣтилось еще въ эпоху перехода отъ натуральнаго общества къ мелко-буржуазному; преобладающій психологическій типъ все еще мелко-буржуазный.

Въ прочныхъ промышленныхъ корпораціяхъ и въ феодально-крѣпостныхъ отношеніяхъ мелко-буржуазное общество сохранило еще нѣкоторыя условія прежняго патріархальнаго подчиненія личности—условія, препятствовавшія развитію личности. Подрывая эти условія, торговый капиталъ содѣйствуетъ дальнѣйшему высвобожденію личности. Патріархальныя отношенія остаются въ прежней силѣ на двухъ полюсахъ общественнаго единенія: въ политическихъ формахъ абсолютной монархіи и въ семейныхъ формахъ частнаго хозяйства. Здѣсь, впрочемъ, также наблюдаются нѣкоторыя измѣненія. Абсолютная монархія совершенно чужда той близости и непосредственности отношеній между господствующими и подчиняющимися, какая свойственна патріархальнымъ формамъ, даже въ ихъ феодальномъ развитіи (при чистыхъ, старо-феодальныхъ отношеніяхъ); на сцену выступаетъ сухой и холодный формализмъ бюрократіи. Въ семьѣ, напротивъ, отношенія смягчаются, власть главы семьи и рабство остальныхъ ея членовъ проявляются не такъ рѣзко.

Умственный запасъ людей расширяется по мѣрѣ того, какъ торговыя сношенія соединяютъ все болѣе и болѣе прочными связями различныя отдаленныя другъ отъ друга области и цѣлыя страны. Необходимость развитія знаній чувствуется все сильнѣе; и въ этомъ торговый классъ съ его наемными работниками (приказчики, бухгалтера, торговые агенты и т. под.) идетъ впереди остального общества: обмѣнъ вызываетъ въ этихъ классахъ потребность вести торговыя книги, отыскивать наиболѣе выгодные рынки для покупокъ и сбыта, изучать экономическія и юридическія условія своей страны, а также учрежденія и нравы чужихъ странъ, говорить на иностранныхъ языкахъ и т. д. Прежнія школы духовенства оказываются недостаточными и негодными; возникаютъ свѣтскія школы, вначалѣ только въ городахъ. Въ организаціи и поддержаніи этихъ школъ принимаютъ дѣятельное участіе свѣтскіе фео-

далы, которые, какъ и горожане, видятъ въ наукѣ средство борьбы противъ духовнаго феодализма. Но и въ низшихъ слояхъ народныхъ массъ распространяется стремленіе къ образованію; уже тотъ фактъ, что торгово-ростовщическій капиталъ безпощадно эксплоатируетъ въ свою пользу народное невѣжество, сильно содѣйствуетъ пробужденію въ массахъ этого стремленія. Да и сама по себѣ торгово-ростовщическая эксплоатація предполагаетъ грамотность, по крайней мѣрѣ, самихъ скупщиковъ и кулаковъ. А главное—въ грамотности, въ образованіи крестьянинъ начинаетъ видѣть единственное средство выбиться изъ своего тяжелаго положенія, подняться на болѣе высокую ступень общественной лѣстницы.

Въ то же время устраняются нѣкоторыя серьезныя препятствія, мѣшавшія развитію народнаго образованія; паденіе крѣпостного права особенно важно въ этомъ смыслѣ: при крѣпостныхъ отношеніяхъ, какъ раньше при феодальныхъ, не только образованіе, но простая грамотность была почти недоступна крестьянству; съ точки зрѣнія господъ все это совершенно безполезно для крестьянъ, даже вредно для ихъ «нравственности».

Остатки натуральнаго фетишизма продолжаютъ деградировать параллельно съ развитіемъ знаній. Особенно ясно выступаетъ этотъ процессъ при сравненіи католицизма съ тѣми реформаторскими ученіями, которыя пришли ему на смѣну.

Зато продолжалъ развиваться и укрѣпляться въ общественной психологіи фетишизмъ товарный. Тѣсно связанная съ нимъ страстная жажда денегъ, неутомимое ихъ исканіе—характерная черта второй половины среднихъ вѣковъ и начала новаго времени. Ради одной и той же цѣли предпринимались упорныя изслѣдованія алхимиковъ и дальнія путешествія авантюристовъ; философскій камень и Индія играли одинаковую роль въ психологіи того времени.

Развитіе мѣнового фетишизма ясно выражается въ экономическихъ воззрѣніяхъ изучаемой эпохи. Но разсматривать ихъ всего удобнѣе вмѣстѣ съ воззрѣніями мануфактурнаго періода, къ которымъ они тѣсно примыкаютъ. Пока надо отмѣтить, что торговый капиталъ разрушилъ тѣ взгляды, которые выражались въ политикѣ „денежнаго баланса". Для торговаго капитала извѣстная свобода обмѣна и передвиженія товаровъ въ высшей степени полезна, даже необходима. Всякія препятствія къ вывозу денегъ стѣсняютъ операціи торговаго капитала. Система же монополій симпатична для торговаго капиталиста лишь тамъ, гдѣ монополію захватываетъ онъ самъ. На сцену выступаетъ школа „меркантильная" или школа „торговаго баланса". Она попрежнему полагаетъ, что богатство общества—это его деньги, но находитъ, что надо болѣе заботиться объ увеличеніи ввоза денегъ, чѣмъ о сокращеніи ихъ вывоза. Для этого школа торговаго баланса требуетъ, чтобы государство покровительствовало различными способами собственной промышленности страны и сокращало съ помощью высокихъ пошлинъ ввозъ тѣхъ товаровъ, которые возможно производить въ предѣлахъ самой страны. Кромѣ того, меркантильная школа рекомендуетъ государству, вообще, извѣстную осторожность въ отношеніи къ регламентаціи производства и торговли и къ системѣ монополій. (Подробнѣе объ этой школѣ дальше.)

Основной силой развитія въ торгово-капиталистическомъ обществѣ, какъ и во всякомъ мѣновомъ, является попрежнему конкурренція. Дѣйствіе ея выступаетъ все яснѣе и рѣзче, развитіе общества совершается все быстрѣе, по мѣрѣ того, какъ ослабѣваютъ и уничтожаются старыя препятствія на ея пути—феодальныя и цеховыя формы, чрезмѣрная регламентація промышленности и торговли со стороны государства и т. д.

Торговый классъ идетъ во главѣ развитія и ведетъ за собой другія общественныя силы, и прежде всего—правительства. Его погоня за рынками, его стремленіе расширить область обмѣна приводятъ къ усовершенствованію техники мореплаванія: научаются строить болѣе крупные и прочные корабли, годные даже для океаническихъ плаваній; прогрессъ астрономіи и примѣненіе компаса даютъ возможность болѣе увѣренно управлять ходомъ корабля.

Въ тѣсной связи съ общимъ развитіемъ сношеній стоитъ возникновеніе цѣлыхъ новыхъ отраслей промышленности, которыя оказываютъ громадное вліяніе на дальнѣйшую экономическую жизнь: производство писчей бумаги и книгопечатаніе. Являясь могущественнымъ орудіемъ распространенія всякихъ знаній, эти отрасли производства чрезвычайно ускорили развитіе производительности труда.

Общій прогрессъ жизни сказывался и во всѣхъ другихъ областяхъ промышленности. Размѣры производства возрастали, техника измѣнялась. Вообще, именно съ эпохой торговаго капитала совпадаетъ тотъ періодъ, который историки часто обозначаютъ, какъ «періодъ великихъ изобрѣтеній и открытій».

Это же время совпадаетъ съ „возрожденіемъ наукъ и искусствъ", совершавшимся при сильномъ содѣйствіи оставшихся отъ классическаго міра юридическихъ, литературныхъ и художественныхъ образцовъ. Это наслѣдство оставалось безъ движенія до тѣхъ поръ, пока общество не достигло вновь той стадіи развитія мѣновыхъ отношеній, на которой стоялъ древній міръ въ эпоху своего расцвѣта, когда же оно ея достигло—наслѣдство древняго міра облегчило и ускорило образованіе новыхъ формъ мышленія и дѣятельности.

Историческое начало періода торговаго капитала относится для юга Западной Европы къ XIII вѣку, для сѣвера—приблизительно къ концу XIV. Въ сущности, развитіе торговаго капитала почти неотдѣлимо отъ развитія самихъ мѣновыхъ отношеній. Конецъ періода торговаго капитала условно можно отнести къ началу XVI вѣка, когда стали возникать мануфактуры; но и дальше развитіе торговаго капитала, возрастаніе его общественной роли продолжалось на ряду съ прогрессомъ промышленнаго капитала.

Первоначальное развитіе торговаго капитала въ республикахъ Италіи (Венеція, Генуя и др.) было результатомъ ихъ посреднической дѣятельности въ торговлѣ между Западной Европой и азіатскими странами. Это посредничество, къ которому итальянскія республики были призваны въ силу своего географическаго положенія, позволяло имъ обогащаться путемъ торговой эксплоатаціи обѣихъ областей производства, между которыми онѣ поддерживали мѣновыя связи.

Дальнѣйшее развитіе торговаго капитала съ его погоней за рынками вызвало открытіе новыхъ странъ: Америки, береговъ Африки; были найдены океаническіе пути въ Остъ-Индію и Китай. Торговый капиталъ сталъ быстро развиваться въ тѣхъ странахъ, которыя по своему приокеаническому положенію могли лучше другихъ воспользоваться новыми рынками,—прежде всего въ Португаліи и Испаніи. Старая, сухопутная торговля съ Восточной Азіей почти прекратилась; посредницы въ этой торговлѣ — итальянскія республики — начали быстро приходить въ упадокъ

Испанія, захватившая затѣмъ эксплоатацію новооткрытыхъ странъ въ свою монополію, быстро достигла высшей ступени богатства и могущества. Благородные металлы Америки играли очень важную роль въ этомъ обогащеніи. Да и вся европейская торговля стала ускоренно развиваться подъ вліяніемъ ихъ усиленнаго прилива.

Но и развитіе торговаго капитала Испаніи оказалось неустойчивымъ и непродолжительнымъ, потому что оно не опиралось на соотвѣтственное развитіе производства въ самой Испаніи. Экономическій расцвѣтъ, основанный на грабежѣ и монополіи, никогда не бываетъ прочнымъ. Онъ слишкомъ усиливаетъ въ данномъ обществѣ паразитическіе элементы, чѣмъ подрывается возможность прогресса. Торговля и экономическое господство перешли къ Голландіи, которая развивалась въ промышленномъ отношеніи гораздо быстрѣе (Голландію же затѣмъ смѣнила, какъ извѣстно, Англія).

Одновременно съ этимъ переходомъ торговли отъ однѣхъ странъ къ другимъ происходитъ также постепенное расширеніе организаторской роли торговаго капитала въ области производства: торговый капиталъ, увеличивая свое вліяніе на ходъ производства, все болѣе принималъ оттѣнокъ промышленнаго.

IV. ПРОМЫШЛЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМЪ.

ЭПОХА МАНУФАКТУРЪ.

1. Отношенія общества къ внѣшней природѣ.

Почти съ самаго начала развитія мелко-буржуазнаго общества изъ всѣхъ областей промышленности наиболѣе быстро развивалась торговля (отысканіе рынковъ, перевозка товаровъ, устройство складочныхъ мѣстъ, организація продажи и закупки и т. д.). Этимъ, какъ было указано, объясняется возникновеніе «торговаго капитала», т.-е. частичнаго перехода въ руки торговаго класса организаторской роли въ общественномъ производствѣ. Въ эпоху торговаго капитализма продолжалось то же самое, и въ результатѣ получилась, наконецъ, значительная отсталость всѣхъ отраслей производства сравнительно со средствами и потребностями торговыхъ сношеній.

Наибольшей отсталостью отличалось, конечно, земледѣліе. Но условія земледѣльческой техники и всей исторически-сложившейся экономики сельскаго хозяйства сами по себѣ не допускали тогда сколько-нибудь быстраго прогресса: феодальныя отношенія, какъ мы видѣли, отличаются, вообще, большимъ консерватизмомъ, а крѣпостныя, кромѣ того, страшнымъ угнетеніемъ трудящихся, подавляющимъ всякое развитіе. Поэтому о земледѣліи придется говорить особо: значительныя техническія реформы въ изучаемую эпоху произошли не въ его области.

Стремленіе найти рынки для городской промышленности повело, какъ извѣстно, ко множеству дальнихъ путешествій, которыя увѣнчались открытіемъ неизвѣстныхъ прежде европейцамъ странъ съ неизмѣримыми природными богатствами: цѣлой Америки, значительной доли Африки, юго-восточной Азіи, сотенъ большихъ и малыхъ острововъ. Вслѣдъ за грабежомъ новооткрытыхъ странъ или рядомъ съ нимъ шла ихъ колонизація избыточнымъ населеніемъ Европы и производительная эксплоатація ихъ природныхъ богатствъ частью свободнымъ, частью крѣпостнымъ и рабскимъ трудомъ...

Производство новооткрытыхъ странъ вошло въ сферу дѣятельности торговаго капитала. Ихъ рынки предъявили такой сильный и съ такой скоростью возраставшій спросъ на произведенія обрабатывающей промышленности, какого не могло удовлетворить домашне-капиталистическое и ремесленное производство, технически раздробленное на мелкія предпріятія и, благодаря этому, неспособное быстро расширяться. Между тѣмъ, обширныя средства, концентрированныя въ сферѣ торговли, допускали сами по себѣ громадное, соотвѣтственное потребностямъ рынковъ, расширеніе перевозочно-торговой промышленности.

Для торговой промышленности продукты другихъ отраслей производства являются «матеріаломъ», совершенно такъ же, какъ для ткацкой—продукты прядильной, для сапожной—продукты кожевенной и т. д. Если бы прядильное производство въ своемъ развитіи отстало отъ ткацкаго, тогда ткачи, не получая достаточнаго количества пряжи, должны были бы безплодно терять часть своей рабочей энергіи или же позаботиться объ увеличеніи размѣровъ прядильнаго производства. Точно также передъ торговымъ капиталомъ стояла такая дилемма: либо остановиться въ своемъ развитіи, либо постараться о надлежащемъ расширеніи обрабатывающей промышленности. И торговый капиталъ обладалъ достаточными силами, чтобы осуществить второе.

Въ какомъ же направленіи долженъ былъ дѣйствовать торговый капиталъ, чтобы повысить производительность труда въ обрабатывающей промышленности?

Состояніе промышленной техники было таково: развитіе мелкаго производства, можно сказать, закончилось; почти каждое сложное ремесло, производящее цѣлый рядъ продуктовъ, раздробилось на нѣсколько мелкихъ ремеслъ, производящихъ въ отдѣльности продукты только одного рода; были созданы технически наиболѣе совершенныя для такого производства орудія. Дальше этого производство почти не могло идти,

оставаясь раздѣленнымъ въ мелкихъ предпріятіяхъ. Необходимо было организовать крупныя предпріятія, въ которыхъ раздѣленіе труда должно было принять сравнительно широкіе размѣры, превратившись изъ общественнаго въ техническое, такъ какъ для общественнаго раздѣленія труда дальнѣйшій прогрессъ, при данныхъ условіяхъ, представлялъ слишкомъ большія трудности.

2. Развитіе общественныхъ отношеній производства въ эпоху мануфактурнаго капитализма.

а) Соціальныя условія возникновенія мануфактуръ.

Отмѣтивши основныя техническія условія совершавшихся въ обществѣ измѣненій, слѣдуетъ перейти къ наиболѣе существеннымъ экономическимъ условіямъ возникновенія новыхъ формъ производства.

Прежде всего, такъ какъ мануфактурное производство организуется въ крупныя предпріятія, то оно предполагаетъ объединеніе въ рукахъ отдѣльныхъ организаторовъ значительнаго количества средствъ производства (или денегъ, на которыя въ мѣновомъ обществѣ всегда могутъ быть пріобрѣтены средства производства). Торговые капиталисты обладали этими средствами. Напомнимъ въ общихъ чертахъ тотъ процессъ, путемъ котораго создавались богатства торговыхъ капиталистовъ — процессъ первоначальнаго накопленія капиталовъ.

Въ эпоху феодализма и крѣпостного права значительныя богатства возникали въ рукахъ феодаловъ изъ эксплоатаціи подневольнаго труда. При захватѣ и колонизаціи новыхъ странъ во времена торговаго капитала европейцы обыкновенно организовали тамъ крѣпостныя и рабовладѣльческія отношенія, которыя, путемъ такой же эксплоатаціи, вели къ накопленію громадныхъ богатствъ. Войны и грабежъ нерѣдко являлись средствомъ дальнѣйшаго объединенія создавшихся этими способами состояній.

Ремесленная промышленность городовъ была организована такъ, что долгое время не допускала значительнаго накопленія. Въ общемъ, при обмѣнѣ между крестьянско-феодальной деревней и ремесленно-торговымъ городомъ различіе въ степеняхъ культуры, и особенно значительная сплоченность промышленныхъ организацій города—должны были приводить къ тому, что городъ систематически обиралъ деревню—покупалъ ея продукты ниже ихъ стоимости. Торговый классъ, какъ посредникъ въ обмѣнѣ, выигрывалъ при этомъ больше всѣхъ, эксплоатируя въ свою пользу и забитость крестьянина, и расточительность феодала. Такимъ образомъ, крестьянскій трудъ превращался въ городской капиталъ. Вслѣдъ за крестьянствомъ и феодалами торгово-ростовщическій капиталъ подчинилъ себѣ также ремесленниковъ: домашняя капиталистическая форма производства оставляетъ всякому мелкому производителю лишь

необходимыя средства для поддержанія предпріятія, а прибавочный трудъ идетъ въ пользу торговаго капитала.

Итакъ, по различнымъ русламъ потокъ накопленія направлялся къ одной цѣли—къ возрастанію торговаго капитала.

Самую ничтожную роль въ процессѣ образованія тѣхъ богатствъ, которыя положили начало промышленному капитализму, могло играть прямое сбереженіе мелкихъ производителей, которому буржуазная политическая экономія приписывала преобладающее значеніе въ дѣлѣ первоначальнаго накопленія капиталовъ. Она утверждала, что всѣ или, по крайней мѣрѣ, большая часть капиталовъ произошли изъ личнаго труда самихъ капиталистовъ или ихъ предковъ; будучи бережливы, они потребляли не все, что зарабатывали, и то, что накопляли, передали потомкамъ; тѣ прибавили къ этому свои сбереженія и т. д. Нелѣпость такого представленія сразу выясняется, если сравнить громадные капиталы промышленныхъ предпріятій съ грошевыми размѣрами тѣхъ сбереженій, какія фактически возможны для мелкаго производителя даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ.

Далѣе, крупное производство мануфактуръ нуждалось въ опытныхъ организаторахъ, самой жизнью подготовленныхъ для такой роли. Классъ торговыхъ капиталистовъ удовлетворялъ этому требованію. Не говоря уже о томъ, что торговый капиталистъ былъ организаторомъ собственнаго торговаго хозяйства, которое являлось, въ среднемъ, скорѣе крупнымъ, чѣмъ мелкимъ предпріятіемъ,—будущій промышленный капиталистъ подготовлялся къ своей новой дѣятельности еще инымъ путемъ—онъ захватилъ въ свои руки значительную долю организаторскаго дѣла по веденію мелкихъ промышленныхъ предпріятій; какъ было выяснено, торговому капиталисту фактически принадлежалъ высшій надзоръ и контроль за производствомъ многихъ мелкихъ предпріятій, объединяемыхъ его капиталомъ по способу «домашней системы капиталистическаго производства».

Далѣе, исполнительскій трудъ въ чисто-капиталистическихъ предпріятіяхъ выполняется наемными работниками. Наемнымъ работникомъ не можетъ являться крѣпостной или рабъ: они не имѣютъ права располагать своей рабочей силой, такъ какъ она принадлежитъ не имъ самимъ, а ихъ владѣльцамъ; только лично свободный работникъ самостоятельно распоряжается своей рабочей силой и можетъ продавать ее.

Но свободный работникъ не станетъ продавать своей рабочей силы, если у него есть какія-нибудь иныя средства къ жизни. Обладая всѣми необходимыми средствами производства—орудіями, матеріалами, мастерской—онъ не пойдетъ наниматься на чужую работу, а будетъ вести собственное предпріятіе. Слѣдовательно, для промышленнаго капитала нуженъ работникъ, лишенный собственныхъ средствъ производства или, какъ принято говорить, «свободный» отъ нихъ.

Человѣкъ, свободный отъ личной зависимости и отъ средствъ производства, называется пролетаріемъ.

Освобожденіе крестьянъ отъ земли и отъ крѣпостныхъ отношеній,

происходившее въ большихъ размѣрахъ въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ началѣ новаго времени (въ позднѣйшую эпоху торговаго капитализма), было основнымъ источникомъ пролетаріата.

Еще раньше, чѣмъ такое освобожденіе совершилось формально, законодательнымъ путемъ, жизнь въ значительной мѣрѣ осуществляла его фактически, въ формѣ массовыхъ побѣговъ отъ земли. Энергичная эксплоатація крѣпостныхъ феодалами, какъ было указано, приводила очень нерѣдко къ полному разоренію крестьянскихъ хозяйствъ и повсюду сдѣлала положеніе прикрѣпленныхъ къ землѣ крестьянъ невыносимымъ. Въ деревнѣ тогда остаются лишь болѣе пассивныя натуры, которыя способны мириться съ возрастающимъ гнетомъ извнѣ и не уменьшающимся давленіемъ традицій внутри семьи. Личности же активныя, энергичнаго типа—такихъ, конечно, меньшинство—покидаютъ деревню. Значительная часть ихъ обращается въ бездомныхъ бродягъ, а другія, которыя хотятъ жить честнымъ заработкомъ, устремляются въ города.

Формальное освобожденіе крестьянъ лишь облегчало и ускоряло процессъ образованія пролетаріата. Въ Англіи, гдѣ даже не было общегосударственнаго акта освобожденія, крѣпостное право исчезло само собой очень рано, отчасти, вслѣдствіе энергичнаго сопротивленія крестьянъ, отчасти, вслѣдствіе большей выгодности наемнаго труда сравнительно съ крѣпостнымъ. Тамъ зависимаго крестьянина смѣнилъ частью арендаторъ земли—фермеръ, частью безхозяйный батракъ или полубатракъ. Если фермеръ платилъ плохо, то землевладѣлецъ (лэндлордъ) сгонялъ его и передавалъ аренду другому. Такимъ образомъ, аренда переходила въ руки болѣе состоятельныхъ фермеровъ, которые платили больше и исправнѣе. Множество крестьянъ при этомъ отрывалось отъ земли.

Большое значеніе въ дѣлѣ обезземеленія крестьянъ имѣло «огораживаніе» общинныхъ земель—явленіе, происходившее одинаково и въ Англіи, и на континентѣ. Стремясь къ увеличенію своихъ доходовъ и опираясь на формальныя права, а въ сущности—на грубую силу, землевладѣльцы отнимали у крестьянскихъ общинъ тѣ земли, которыя издавна находились въ общинномъ пользованіи. Не трудно представить себѣ, въ какой мѣрѣ такая экспропріація подрывала крестьянское хозяйство и содѣйствовала обращенію крестьянъ въ пролетаріевъ.

Если землевладѣльцу было выгодно замѣнить крестьянское земледѣліе скотоводствомъ, то онъ прямо сгонялъ со своей земли всѣхъ крестьянъ и поселялъ вмѣсто нихъ скотъ, при которомъ требовалось только ничтожное число наемныхъ рабочихъ. Такъ было особенно въ Англіи XVI—XVII вѣка, когда, благодаря сильному спросу со стороны голландской, а затѣмъ развивающейся англійской шерстяной промышленности, цѣна шерсти значительно поднялась. Разведеніе овецъ стало очень выгоднымъ дѣломъ, и дворянство энергично принялось обращать крестьянскія пашни въ пастбища—на мѣсто сотенъ тысячъ крестьянъ были поселены милліоны овецъ.

Именно въ Англіи—странѣ съ самымъ сильнымъ и быстрымъ развитіемъ промышленнаго капитализма—совершилось наиболѣе полное обез-

земеленіе крестьянъ. Тамъ этотъ процессъ продолжался болѣе 300 лѣтъ (главнымъ образомъ XVI—XVIII вѣка), и дѣло дошло до того, что крестьяне-собственники почти совершенно исчезли—вся земля находится въ рукахъ лэндлордовъ.

Далѣе, источникомъ пролетаріата явилась, какъ было выяснено, конфискація королями и князьями имуществъ духовенства и ремесленныхъ корпорацій, оставившая безъ призрѣнія массы бѣдныхъ, которые прежде кормились на счетъ этихъ учрежденій. Далѣе, подобное же значеніе имѣло распущеніе феодалами ихъ многочисленной дворни. Оно было неизбѣжнымъ результатомъ тѣхъ измѣненій въ психологіи феодаловъ, которыя повлекло за собой развитіе денежнаго хозяйства вообще, и особенно развитіе торговаго капитала. Прежде главной силою феодала была многочисленность подвластныхъ ему людей, и для него было какъ нельзя болѣе естественно стремленіе окружать себя громадною свитою, тѣмъ болѣе что при натуральномъ хозяйствѣ куда было и дѣвать излишки продуктовъ феодальнаго хозяйства, какъ не скормить дворнѣ и другимъ паразитамъ (напр., графъ Варвикъ, «дѣлатель королей», жившій въ Англіи конца XV вѣка, ежедневно кормилъ на свой счетъ 30.000 человѣкъ). Когда же главною силой феодала стали деньги, онъ распустилъ «людей».

Разорившіеся мелкіе ремесленники составляли одинъ изъ источниковъ пролетаріата, важный не столько съ количественной стороны, сколько съ качественной: въ лицѣ бывшихъ ремесленниковъ промышленный капиталъ имѣлъ передъ собою обученную, съ самаго начала пригодную къ систематическому труду рабочую силу, которая легко приспособлялась къ цѣлямъ капитала, тогда какъ пролетаріевъ-бѣглецовъ изъ деревни, пролетаріевъ-бродягъ, пролетаріевъ-нищихъ, пролетаріевъ, вышедшихъ изъ паразитическаго класса дворовыхъ, надо было еще пріучать, приспособлять съ большими усиліями. Количество разоряющихся мелкихъ ремесленниковъ, вначалѣ сравнительно небольшое, чрезвычайно возрастаетъ впослѣдствіи, когда ремеслу приходится конкуррировать съ развивающимся крупно-капиталистическимъ производствомъ.

Аналогичное значеніе имѣли, какъ одинъ изъ источниковъ рабочаго пролетаріата мануфактуръ, ремесленные подмастерья и ученики, наемные работники мелко-ремесленныхъ предпріятій.

Такъ совершалось различными путями необходимое для возникновенія и развитія промышленнаго капитализма «первоначальное накопленіе наемной рабочей силы».

Стихійный характеръ общественнаго развитія при мѣновыхъ отношеніяхъ сказался, между прочимъ, въ томъ фактѣ, что „первоначальное накопленіе наемной рабочей силы" совершалось въ количествѣ, не соотвѣтствовавшемъ потребностямъ промышленнаго капитала, обыкновенно далеко ихъ превосходившемъ. Такъ, въ Англіи XVI—XVII вѣковъ оказались цѣлыя сотни тысячъ людей, которыхъ не могла поглотить промышленность. Принужденные вести бродяжескую, паразитарную жизнь, они представляли серьезную угрозу для общественнаго спокойствія. Противъ нихъ принимались самыя энергичныя мѣры: ихъ клеймили, били кнутомъ, отрѣзывали

ши, наконецъ, за особенное „упорство“ ихъ вѣшали, но все это недостаточно помогало. По существу, мѣры эти имѣли то значеніе, что дисциплинировали бездомный пролетаріатъ для потребностей развивающагося капитала, воспитывали безхозяйственные элементы общества въ томъ направленіи, какое соотвѣтствовало стремленіямъ новыхъ организаторскихъ классовъ. Впрочемъ, дѣло не всегда сводилось къ подобнымъ пріемамъ воздѣйствія. Въ концѣ XVI вѣка англійское правительство установило налогъ на высшіе классы въ пользу бѣдныхъ; и это сдѣлано было для того, чтобы посредствомъ законнаго паразитизма сколько-нибудь обезпечить для землевладѣнія и капитала безопасность отъ паразитизма незаконнаго въ его грубыхъ формахъ—въ формѣ грабежа, воровства и т. под.,—а также для того, чтобы предупредить вымираніе работниковъ, которые всегда могутъ понадобиться капиталу.

Въ тѣхъ немногихъ странахъ, гдѣ крѣпостное право удерживалось очень долгое время, промышленный капиталъ при своемъ возникновеніи испытывалъ, наоборотъ, недостатокъ въ свободной рабочей силѣ. Приспособляясь къ условіямъ, промышленный капиталъ организовалъ тамъ мануфактуры съ крѣпостнымъ трудомъ; но недостатки крѣпостного труда въ этомъ случаѣ оказались такъ значительны, его производительность—такъ слаба, что сами капиталисты бывали принуждены обращаться къ государству съ петиціями объ освобожденіи ихъ крестьянъ.

Такъ бывало въ Россіи.

Наличность подготовленныхъ организаторовъ, первоначальное накопленіе капиталовъ и наемной рабочей силы—вотъ совокупность условій, при которыхъ возможенъ промышленный капитализмъ.

б) Происхожденіе промышленно-капиталистическихъ предпріятій и ихъ внутреннія отношенія.

Домашнее капиталистическое производство представляло изъ себя естественный переходъ отъ самостоятельнаго мелкаго производства къ промышленному капитализму. Ремесленникъ или крестьянинъ, уже утратившій значительную долю своей самостоятельности, уже фактически подчиненный организаторскому контролю торговаго капитала, уже эксплоатируемый этимъ послѣднимъ, тѣмъ легче утрачиваетъ остатки своей самостоятельности и превращается въ простого рабочаго-исполнителя въ промышленно-капиталистическомъ предпріятіи.

Торговый капиталистъ держитъ въ своихъ рукахъ судьбу многихъ мелкихъ хозяйствъ, которымъ онъ доставляетъ сырые матеріалы (иногда даже орудія) и продукты которыхъ онъ скупаетъ. Отъ него зависитъ окончательно уничтожить внѣшнюю самостоятельность этихъ хозяйствъ, когда того потребуютъ его выгоды. Когда спросъ на продукты расширяется, торговый капиталистъ желалъ бы соотвѣтственно расширить производство, но этого не допускаетъ мелкій характеръ подчиненныхъ ему предпріятій и особенно ихъ внѣшняя независимость, благодаря которой капиталистъ вліяетъ на ходъ ихъ производства, главнымъ образомъ косвенно, путемъ измѣненія цѣнъ на матеріалы и продукты. Тогда капиталистъ перестаетъ удовлетворяться прежней системой.

Подчиненные капиталисту производители объединяются въ одной принадлежащей ему мастерской; тамъ они работаютъ надъ средствами про-

изводства, составляющими его собственность, работаютъ въ качествѣ простыхъ исполнителей, всецѣло подчиняясь его организаторской власти. Таковы основныя черты промышленно-капиталистическихъ предпріятій, явившихся прежде всего въ формѣ мануфактуръ. Приглядываясь къ этимъ чертамъ, не трудно замѣтить, что онѣ намѣчались еще въ хозяйствѣ цехового ремесленника среднихъ вѣковъ, гдѣ подмастерья и ученики находились въ такомъ же отношеніи къ мастеру, какъ позднѣйшіе наемные рабочіе къ капиталисту; главная разница—въ размѣрахъ предпріятія и въ томъ, что ремесленный мастеръ, не ограничиваясь организаторской работой, принужденъ заниматься также работой исполнительской, тогда какъ капиталистъ всегда исключительно организаторъ.

Переходъ къ новой системѣ выгоденъ для капиталиста не только въ томъ смыслѣ, что дѣлаетъ его полновластнымъ, непосредственнымъ организаторомъ производства,—онъ выгоденъ еще въ томъ смыслѣ, что значительно уменьшаетъ затраты производства—расходы на мастерскую, ея освѣщеніе, отопленіе, расходы на орудія. Одна большая мастерская на 20 работниковъ стоитъ гораздо меньше, чѣмъ 20 маленькихъ, каждая на одного работника; и даже если въ ней не организовано еще техническое раздѣленіе труда, все-таки, не требуется полнаго комплекта орудій на каждаго, какъ при работѣ въ отдѣльныхъ мастерскихъ,—время работы легко распредѣляется такимъ образомъ, что когда одинъ работаетъ однимъ инструментомъ, то другой—другимъ, а потомъ наоборотъ, и орудія не лежатъ безъ дѣла. Есть выигрышъ и на матеріалахъ: меньше стоимость ихъ массовой доставки въ мастерскую, легче употребить съ пользой накопляющіеся въ большемъ количествѣ остатки и отбросы и т. д.

Важнымъ препятствіемъ къ возникновенію мануфактуръ являлись привилегіи ремесленныхъ цеховъ. Какъ было указано, цехамъ принадлежала въ городахъ монополія производства, а цеховые уставы обыкновенно строго ограничивали число наемныхъ рабочихъ—подмастерьевъ и учениковъ—въ отдѣльномъ предпріятіи, и крайнимъ предѣломъ устанавливали очень небольшое ихъ количество. Но промышленный капиталъ сумѣлъ частью справиться съ этимъ препятствіемъ, частью обойти его.

Во-первыхъ, мануфактуры устраивались чаще всего въ мѣстностяхъ, гдѣ привилегіи цеховъ не существовали, именно въ селахъ, а также въ незадолго основавшихся городахъ, въ которыхъ не было введено цеховое устройство, и въ предмѣстьяхъ старыхъ городовъ, на которыя обыкновенно не распространялось дѣйствіе цеховыхъ статутовъ.

Далѣе, привилегіи цеховъ понемногу приходили въ упадокъ и въ цеховыхъ городахъ. Вражда къ цехамъ со стороны торговаго и промышленнаго капитала отразилась на политикѣ государства. Короли покровительствовали мануфактурамъ, видя въ нихъ богатый источникъ государственныхъ доходовъ. Поэтому они нерѣдко разрѣшали устраивать мануфактуры и въ цеховыхъ городахъ, отнимая, такимъ образомъ, у цеховъ ихъ монополію производства

Наконецъ, съ развитіемъ мануфактуръ, среди самихъ цеховыхъ мастеровъ замѣчается стремленіе преобразовать ремесленную мастерскую

въ мануфактуру. Въ тяжелой конкурренціи съ промышленнымъ капиталомъ цеховые мастера были въ наибольшей степени скованы тѣми статьями своихъ уставовъ, которыя ограничивали число подмастерьевъ и учениковъ. Болѣе зажиточные ремесленники прилагали, чѣмъ дальше, тѣмъ больше усилій, чтобы обойти или даже отмѣнить эти установленія. Когда усилія увѣнчивались успѣхомъ, и число наемныхъ рабочихъ въ отдѣльныхъ мастерскихъ сильно возрастало, то переходъ ремесла въ мануфактуру оказывался какъ нельзя болѣе легкимъ и естественнымъ.

По существу такое же, какъ въ обрабатывающей промышленности, преобразованіе формы производства происходитъ въ сельскомъ хозяйствѣ, когда капиталистъ вмѣсто того, чтобы эксплоатировать крестьянство въ качествѣ скупщика или ростовщика, начинаетъ самъ вести крупное земледѣльческое предпріятіе при помощи наемныхъ работниковъ на своей или арендованной землѣ. Только преобразованіе это въ земледѣліи происходитъ обыкновенно, въ силу особыхъ причинъ, позже и медленнѣе, а характерная для мануфактуръ форма раздѣленія труда развивается лишь въ очень слабой степени; поэтому о капиталистическомъ земледѣліи придется говорить особо.

На первой ступени мануфактуры всѣ работники капиталиста являются попрежнему настоящими ремесленниками: каждый выполняетъ цѣликомъ ту же работу, какую раньше выполнялъ самостоятельный мелкій производитель. Но въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи мануфактура приводитъ къ иной, высшей и наиболѣе совершенной формѣ техники ручнаго труда—къ мануфактурному раздѣленію труда. Въ различныхъ случаяхъ оно складывалось двумя различными способами.

У одного изъ работниковъ капиталиста, выполняющихъ одинаковую работу, удается всего лучше одна ея часть, у другого—другая и т. д. Рано или поздно предприниматель приходитъ къ мысли, что выгоднѣе поручать каждому изъ работниковъ ту часть работы, въ которой онъ особенно искусенъ. Сначала отдѣльный работникъ выполняетъ всетаки довольно сложный рядъ трудовыхъ операцій, но потомъ, съ увеличеніемъ числа работниковъ, является возможность отводить на долю каждаго все болѣе и болѣе простую, мелкую работу. Такъ раздѣленіе труда доходитъ до той степени, какую можно было наблюдать, напр., на иголочной мануфактурѣ, гдѣ каждая иголка проходила черезъ руки 72 рабочихъ.

Здѣсь мануфактурное раздѣленіе труда выступаетъ, какъ продолженіе общественнаго раздѣленія труда, какъ дальнѣйшее раздробленіе тѣхъ работъ, которыя раньше были раздѣлены въ обществѣ между отдѣльными ремесленниками.

Въ другихъ случаяхъ мануфактурное раздѣленіе труда шло инымъ путемъ. Есть производства, которыя съ самаго начала требуютъ участія нѣсколькихъ различныхъ ремесленниковъ. Таково, напримѣръ, экипажное дѣло. Въ постройкѣ одной и той же кареты принимаютъ участіе: плотникъ, столяръ, кузнецъ, слесарь, шорникъ, обойщикъ, стекольщикъ и т. д. Экипажному мастеру приходилось занимать этимъ ремесленни-

камъ различныя части работы, а самому заниматься взаимнымъ прилаживаніемъ частей и окончательной отдѣлкой цѣлаго. Для веденія такого дѣла требовались сравнительно большія средства. Не удивительно поэтому, что подобные мастера-скупщики съ теченіемъ времени подчиняютъ себѣ остальныхъ мастеровъ, выступая въ роли торговыхъ капиталистовъ; а затѣмъ, превращаясь уже въ промышленныхъ капиталистовъ, собираютъ ихъ въ своей мануфактурѣ въ качествѣ наемныхъ рабочихъ.

Здѣсь слѣдовательно, капиталистъ переноситъ въ свою мануфактуру готовое общественное раздѣленіе труда, объединяя въ одной мастерской его разрозненные элементы; при этомъ сфера дѣятельности каждаго работника суживается: слесарь, кузнецъ, столяръ—принуждены ограничиваться тѣми операціями своего ремесла, которыя имѣютъ сношеніе къ каретному дѣлу, и отказаться отъ другихъ ремесленныхъ работъ, какими занимались прежде.

Такъ создается раздѣленіе труда исполнительскаго. Что же касается до того раздѣленія труда, которое существуетъ между организаторомъ и исполнителями—до раздѣленія труда «умственнаго» и труда «физическаго»—то оно въ мануфактурѣ также представляетъ свои особенности и имѣетъ свою исторію развитія.

Предприниматель нанимаетъ рабочихъ, т.-е. на опредѣленное время и на опредѣленныхъ условіяхъ покупаетъ ихъ рабочую силу. Онъ даетъ имъ средства производства, и они работаютъ, подчиняясь его распоряженіямъ и указаніямъ. Такимъ образомъ, подчиненіе работниковъ-исполнителей ограничено здѣсь предѣлами того договора, контракта, который былъ заключенъ при наймѣ.

Предприниматель организуетъ раздѣленіе труда и сотрудничество въ такомъ видѣ и въ такихъ размѣрахъ, какъ это ему представляется наиболѣе выгоднымъ. При этомъ онъ вполнѣ ограничивается ролью организатора, не работая въ мастерской, какъ ремесленникъ. Мало того, съ дальнѣйшимъ развитіемъ капиталистическихъ предпріятій и организаторская дѣятельность переносится шагъ за шагомъ на особыхъ наемныхъ работниковъ. Вначалѣ къ этому принуждаетъ капиталиста самый ростъ его предпріятія, которое достигаетъ такихъ размѣровъ, что для одного лица становится слишкомъ трудно, а потомъ даже невозможно выполнять всѣ обязанности организатора. Капиталистъ нанимаетъ, по мѣрѣ надобности, надзирателей за работами, конторщиковъ, бухгалтеровъ, директоровъ и т. д. Съ теченіемъ времени у капиталиста остается только высшій контроль за дѣятельностью наемныхъ организаторовъ; и даже на этомъ, какъ будетъ показано дальше, дѣло не останавливается.

Итакъ, организаторскій трудъ, подобно исполнительскому, оказывается, чѣмъ дальше, тѣмъ въ большей степени, технически раздѣленнымъ въ мануфактурѣ.

Техническое раздѣленіе труда, въ связи съ простымъ сотрудничествомъ между работниками, отливается въ развитой мануфактурѣ въ особую форму, которую можно назвать «мануфактурной группой».

Въ мануфактурномъ производствѣ ножей принимаютъ участіе разнородные работники: литейщики, кузнецы, шлифовальщики, точильщики и проч. Для капиталиста, очевидно, далеко не безразлично, сколько нанять тѣхъ, другихъ, третьихъ. Если онъ найметъ слишкомъ много рабочихъ одного рода, то они принуждены будутъ значительную часть времени оставаться безъ дѣла, иначе другіе не успѣютъ обработать доставленный имъ матеріалъ.

Путемъ опыта капиталистъ доходитъ до опредѣленнаго нормальнаго соотношенія между числомъ рабочихъ различнаго рода. Оказывается, напр., что на 2 литейщиковъ надо имѣть 1 кузнеца, 3-хъ шлифовальщиковъ, 1 точильщика, далѣе, можетъ быть, 1 надсмотрщика, и т. под. Если предприниматель намѣренъ нѣсколько расширить свое предпріятіе, то ему нѣтъ смысла нанимать 2—3 отдѣльныхъ рабочихъ—ихъ было бы некуда приставить. Онъ долженъ нанять сразу цѣлую группу, т.-е. въ нашемъ примѣрѣ—2 литейщиковъ, 1 кузнеца, 3 шлифовальщиковъ и т. д.

Между отдѣльными мануфактурными группами одного предпріятія существуетъ только простое сотрудничество.

Сущность капиталистическаго предпріятія (рабочая сила, какъ товаръ),

Основная особенность капиталистическаго хозяйства заключается въ томъ, что оно ведется наемнымъ трудомъ, что работникъ продаетъ свою рабочую силу, что рабочая сила является товаромъ.

Происходитъ это, какъ было указано, въ силу двухъ условій первое заключается въ томъ, что рабочій свободенъ—онъ не рабъ, не крѣпостной, и можетъ продать свою рабочую силу, кому угодно и за сколько угодно; второе—въ томъ, что онъ «свободенъ» и отъ средствъ производства, а потому не имѣетъ средствъ къ жизни, и принужденъ продавать свою рабочую силу.

Покупателемъ рабочей силы является капиталистъ, т.-е. лицо, обладающее капиталомъ. Капиталомъ же называется всякое имущество, посредствомъ котораго извлекаютъ прибыль изъ чужого труда: орудія, матеріалы производства, деньги. (Это опредѣленіе одинаково относится и къ торговому, и къ ростовщическому, и къ промышленному капиталу; разница только въ формѣ предпріятій;—и торговецъ является капиталистомъ лишь постольку, поскольку его имущество становится средствомъ эксплоатаціи труда мелкихъ производителей, какъ это наблюдается особенно въ домашней системѣ капиталистическаго производства).

Превратившаяся въ товаръ рабочая сила продается по опредѣленной цѣнѣ; цѣна же товара опредѣляется его стоимостью. Слѣдовательно, капиталистъ долженъ, вообще, покупать рабочую силу по ея стоимости. Что же такое эта стоимость? Согласно общему опредѣленію, которое было дано раньше, она есть то количество общественно-трудовой энергіи, которое необходимо для производства рабочей силы. Какое же количество

общественно-трудовой энергіи затрачивается для «производства рабочей силы»?

Рабочая сила есть возможность труда, способность человѣка трудиться. А человѣкъ бываетъ способенъ къ труду лишь въ томъ случаѣ, если удовлетворяются его насущныя потребности. Если человѣкъ не имѣетъ возможности пить, ѣсть, одѣваться и т. п., то онъ и не можетъ трудиться, т.-е. не имѣетъ рабочей силы. Если потребности удовлетворяются не вполнѣ, рабочая сила уменьшается.

Слѣдовательно, рабочая сила создается, производится при удовлетвореніи насущныхъ, необходимыхъ потребностей работника. Ея стоимость есть стоимость удовлетворенія этихъ потребностей, т.-е., очевидно, стоимость тѣхъ необходимыхъ жизненныхъ средствъ, которыми онѣ удовлетворяются.

Рабочій ѣстъ въ день столько-то хлѣба, столько-то мяса, изнашиваетъ столько-то одежды и т. д. То количество трудовой энергіи, которое общество затрачиваетъ, чтобы дать ему все это, и есть общественная стоимость его рабочей силы. Единицей трудовой энергіи принимается, какъ было указано, часть «простого» труда средней интенсивности. Если стоимость необходимыхъ для работника на сутки жизненныхъ средствъ равна 5 такимъ «часамъ», то стоимость рабочей силы есть 5 «часовъ». Этой стоимости должна, въ общемъ и среднемъ, соотвѣтствовать цѣна рабочей силы, т.-е. работникъ долженъ получать въ видѣ заработной платы такую сумму денегъ, производство которой стоитъ также 5 часовъ простого труда средней интенсивности. Пусть эта сумма равняется 50 копейкамъ; тогда цѣна рабочей силы въ своихъ измѣненіяхъ должна колебаться около этой нормы—полтинника.

Подъ «насущными потребностями», которыми опредѣляется стоимость рабочей силы, слѣдуетъ подразумѣвать не только «естественныя», основныя потребности, но и такія искусственныя потребности, которыя стали для рабочаго привычными, безъ удовлетворенія которыхъ онъ обойтись не можетъ. Если рабочіе привыкли курить, читать газеты, ходить въ театръ, то стоимость табаку, стоимость пользованія газетами и театромъ входятъ въ общую стоимость рабочей силы, — ибо если не удовлетворяются эти потребности, рабочая сила не достигаетъ своихъ нормальныхъ размѣровъ.

Потребность въ продолженіи своего рода принадлежитъ къ числу основныхъ, насущныхъ потребностей рабочаго. Поэтому, въ стоимость рабочей силы входитъ стоимость содержанія семьи работника.

Фактическая рыночная цѣна рабочей силы обыкновенно не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея стоимости, бываетъ то выше, то ниже ея. Но и здѣсь, какъ для всякаго другого товара, конкурренція постоянно стремится привести цѣну въ соотвѣтствіе съ общественной стоимостью. Если цѣна опускается ниже нормы, работники, потребности которыхъ не вполнѣ удовлетворяются, работаютъ хуже и меньше нормальнаго, иногда совсѣмъ отказываются работать, такъ что по той или другой причинѣ предложеніе рабочей силы понижается по сравненію со спросомъ, и цѣна ея по-

вышается. Вообще, для капиталиста при обычныхъ условіяхъ прямо выгоднѣе, ради хорошей работы и спокойнаго хода дѣлъ, платить за рабочую силу не ниже ея стоимости. Платить больше этого ему невыгодно, но обыкновенно онъ и имѣетъ полную возможность не платить больше, такъ какъ на рынкѣ онъ находится вообще въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ продавецъ рабочей силы. Этотъ послѣдній идетъ продавать свою рабочую силу тогда, когда ему нечѣмъ жить; предпринимателю же нѣтъ, по большей части, никакой крайности нанять данное лицо—вмѣсто одного работника легко находится другой, а при сколько-нибудь развитомъ капиталистическомъ строѣ — рабочей силы на рынкѣ почти всегда больше, чѣмъ непосредственно требуется для предпринимателей. (Забѣгая впередъ, здѣсь приходится замѣтить, что силою самихъ капиталистическихъ отношеній создается постоянный избытокъ наемной рабочей силы, такъ называемая «резервная армія промышленности». Впрочемъ, уже «первоначальное накопленіе» наемной рабочей силы успѣло въ Европѣ создать значительный ея избытокъ къ самому началу мануфактурнаго періода.)

Если заработная плата и даетъ работнику средства къ жизни, то капиталистъ заботится собственно не объ этомъ, а о томъ, чтобы получить прибыль отъ труда нанятаго работника. Чтобы понять происхожденіе этой прибыли, необходимо выяснить: какъ велика цѣнность произведеннаго рабочимъ товара, изъ какихъ частей она слагается; а такъ какъ цѣнность товара опредѣляется его трудовою стоимостью, то начать надо именно со стоимости.

Общественная стоимость продукта есть вся та сумма общественно-трудовой энергіи, которая затрачивается на его производство. Очевидно, въ стоимости законченнаго продукта заключается цѣлый рядъ затратъ трудовой энергіи, начиная съ добыванія непосредственно изъ внѣшней природы самыхъ первоначальныхъ сырыхъ матеріаловъ и кончая перемѣщеніемъ готоваго продукта съ мѣста производства въ мѣсто потребленія. Всего удобнѣе это разсмотрѣть на конкретномъ случаѣ, причемъ единицу трудовой энергіи для краткости будемъ обозначать словомъ «часъ», подразумѣвая часъ простого труда средней интенсивности.

Работникъ дѣлаетъ ружье. Очевидно, въ стоимости ружья заключается прежде всего стоимость тѣхъ матеріаловъ, которые на него пошли: желѣза, мѣди, дерева, лаку и пр., пусть это составляетъ въ общей сложности 100 часовъ. Далѣе, ружье дѣлается съ помощью орудій—станка съ разными приспособленіями, молотковъ, пилъ, подпилковъ и пр. Но ихъ стоимость не цѣликомъ входитъ въ стоимость ружья: каждаго орудія хватаетъ обыкновенно не на одно ружье, а на нѣсколько и, слѣдовательно, въ стоимость каждаго ружья входитъ только извѣстная часть стоимости орудія: если орудія хватаетъ на 100 ружей, то $^{1}/_{100}$, если на 10, то $^{1}/_{10}$, — вообще часть, соотвѣтствующая величинѣ **изнашиванія** орудій при выдѣлкѣ каждаго ружья. Если станокъ стоитъ 50.000 часовъ, а хватаетъ его на 5.000 ружей, то изъ его стоимости входитъ въ стоимость ружья 10 часовъ; если мастерская стоитъ 1.000.000 ча-

совъ, а хватаетъ ся на 200.000 ружей, то изъ ея стоимости на одно ружье приходится 5 часовъ и т. д. Пусть вся стоимость изношенной части орудій — 400 часовъ. Съ предыдущимъ это составляетъ 500 часовъ.

Далѣе, самъ мастеръ трудится надъ ружьемъ, и этотъ «живой» трудъ (называемый такъ въ отличіе отъ «мертваго», уже раньше воплощеннаго въ орудіяхъ и матеріалахъ), разумѣется, входитъ въ общественную стоимость продукта. Какъ извѣстно, производство ружья выполняется не однимъ мастеромъ, а множествомъ работниковъ при раздѣленіи труда между ними; это не мѣняетъ дѣла: требуется только подсчитать всю сумму живого труда. Пусть эта сумма—250 единицъ трудовой энергіи, 250 «часовъ». Итогъ стоимости ружья—750 часовъ.

Обычная цѣна такого ружья соотвѣтствуетъ, согласно закону обмѣна, такому количеству денегъ, которое само «стоитъ» 750 часовъ, положимъ — 75 рублей. Въ частыхъ случаяхъ капиталистъ продаетъ его дороже или дешевле, но рыночная цѣна все же стремится къ уровню стоимости, и въ среднемъ оказывается близка къ нему. Вообще для упрощенія расчетовъ, въ дальнѣйшемъ будетъ приниматься всюду, что трудъ работниковъ простой, средней интенсивности и что часъ этого труда соотвѣтствуетъ 10 копейкамъ—цифра произвольная.

Капиталистъ покупаетъ рабочую силу за 50 копеекъ въ день, соотвѣтственно ея стоимости, которая равна 5 «часамъ». Если бы ежедневная затрата трудовой энергіи работника составляла тоже всего 5 часовъ, какіе получились бы результаты для капиталиста?

Его издержки на ружье: за матеріалы и орудія 50 рублей (соотвѣтственно 500 часамъ), за рабочую силу, которую ему приходится покупать на 50 дней (считая 250 часовъ живого труда, по 5 часовъ на день)—25 рублей. Итого 75 рублей. Но и ружье продается за 75 рублей, потому что его стоимость—750 часовъ: для капиталиста ни прибыли, ни убытка; предпріятіе вести такъ невозможно.

Причина заключается въ томъ, что работникъ тратитъ въ день какъ разъ столько же трудовой энергіи, во сколько обходится производство рабочей силы — 5 часовъ; такимъ образомъ, онъ получаетъ отъ капиталиста 50 копеекъ и вноситъ въ цѣнность продукта 50 копеекъ. Живой трудъ работника при такихъ условіяхъ не даетъ прибыли, а отъ мертваго труда и ожидать этого не приходится: тѣ 500 часовъ, которые затрачены на орудія и матеріалы, такъ и остаются 500 часами; прежняя трудовая энергія ихъ производства только входитъ въ стоимость продукта, но сама остается неизмѣнной, и въ цѣнность продукта вноситъ тѣ же 50 рублей, которые капиталистъ затратилъ на покупку средствъ производства.

Но капиталистъ купилъ рабочую силу, и имѣетъ право распоряжаться ею. Ему надо извлечь изъ нея всю возможную сумму выгоды. Рабочей силы хватаетъ въ день не только на 5, но и на 10, на 12, иногда на 15 часовъ. И капиталистъ заставляетъ работника затратить въ день не 5, а, положимъ, 10 часовъ труда. Работникъ подчиняется, по-

тому что продалъ свою рабочую силу, и законно распоряжается ею тотъ, кто ее купилъ. Тогда на выдѣлку ружья требуется уже не 50, а 25 рабочихъ дней (250 : 10).

Издержки капиталиста: 50 рублей—средства производства, 50 коп. Х 25, т.-е. $12\frac{1}{2}$ рублей — рабочая сила: итого $62\frac{1}{2}$ рубля. Стоимость ружья — 750 часовъ, цѣнность — 75 рублей; въ результатѣ $12\frac{1}{2}$ рублей прибыли.

Источникъ прибыли такой: производство рабочей силы на день стоитъ 5 часовъ, ея стоимость — 5 часовъ, а дневная работа наемнаго работника — 10 часовъ; получаетъ онъ въ день 50 копеекъ, а въ цѣнность продукта его трудъ вноситъ цѣлый рубль. Тѣ $12\frac{1}{2}$ рублей, за которые капиталистъ купилъ рабочую силу на 25 дней, представляютъ 125 часовъ, а сумма живого труда, затраченная за 25 дней — 250 часовъ. Работникъ не только отработалъ все, во что обходится его содержаніе, но и создалъ новой стоимости 125 часовъ, по 5 часовъ на день. Эта новая стоимость называется «прибавочной стоимостью»; она-то и составляетъ причину прибыли капиталиста.

Первые 5 часовъ ежедневныхъ затратъ энергіи работника представляютъ изъ себя такъ называемое необходимое рабочее время—время, когда работникъ отрабатываетъ стоимость своей рабочей силы. Остальные часы представляютъ прибавочное рабочее время—время прибавочнаго труда.

Итакъ, хотя рабочая сила есть товаръ, но совсѣмъ особеннаго свойства: ея потребленіе создаетъ болѣе значительную стоимость, чѣмъ ея собственная. Вся цѣль и весь смыслъ производства для капиталиста заключается въ томъ, чтобы, прилагая затраты рабочей силы нанятыхъ работниковъ къ данной, принадлежащей ему стоимости, воплощенной въ средствахъ производства, производить въ свою пользу прибавочную стоимость, которая при продажѣ продуктовъ принимаетъ денежную форму прибыли. Для капиталиста его капиталъ — «самовозрастающая цѣнность».

Въ приведенномъ примѣрѣ капиталъ, вложенный капиталистомъ въ его предпріятіе — выдѣлку ружья — составляетъ въ денежной формѣ $62\frac{1}{2}$ рубля, соотвѣтствующихъ 625 часамъ «мертваго труда». Изъ нихъ тѣ 500 часовъ, которые воплощены въ матеріалахъ и орудіяхъ производства, только вошли безъ измѣненія въ общую стоимость продукта, только «сохранились» въ процессѣ производства, а въ созданіи прибавочной стоимости не принимаютъ никакого участія. Это такъ называемая «постоянная часть капитала» или, короче, постоянный капиталъ. Остальные 125 часовъ, представляющіе изъ себя стоимость пріобрѣтенной капиталистомъ рабочей силы, обладаютъ иными свойствами: они не только «сохраняются» въ процессѣ труда, въ процессѣ потребленія рабочей силы, но въ общей стоимости продукта замѣщаются цѣлыми 250 часами «живого» труда, слѣдовательно, испытываютъ количественное измѣненіе, увеличиваясь на 125 часовъ прибавочной стоимости. Это—«перемѣнная часть капитала» или перемѣнный капиталъ.

Итакъ, только перемѣнный капиталъ, на который пріобрѣтается рабочая сила, создаетъ въ дѣйствительности прибавочную стоимость; капиталъ постоянный—стоимость средствъ производства—лишенъ этой способности.

Отношеніе прибавочной стоимости къ перемѣнному капиталу или, что то же—отношеніе прибавочнаго рабочаго времени къ необходимому—называется нормой прибавочной стоимости. Въ приведенномъ примѣрѣ на ежедневную затрату перемѣннаго капитала въ 50 копѣекъ приходится 5 часовъ прибавочнаго труда, соотвѣтствующихъ также 50 копѣйкамъ, и норма прибавочной стоимости=100%. Очевидно, норма прибавочной стоимости можетъ служить мѣрою той выгоды, которую капиталисты извлекаютъ изъ купленной рабочей силы, мѣрою эксплоатаціи. Поэтому ее правильно было бы также называть «нормою эксплоатаціи».

Для каждаго капиталистическаго общества нормы прибавочной стоимости въ различныхъ отрасляхъ производства и въ различныхъ предпріятіяхъ стремятся къ одному среднему уровню. Причина заключается въ уравнивающемъ дѣйствіи конкурренціи. Если въ какой-нибудь группѣ предпріятій норма прибавочной стоимости оказывается выше, чѣмъ въ другихъ, тогда начинается усиленный отливъ рабочихъ рукъ изъ этой области въ другія предпріятія, гдѣ меньше эксплоатація. Но тогда отношеніе спроса и предложенія рабочей силы измѣняется для первой группы предпріятій въ благопріятномъ для рабочихъ смыслѣ, и предприниматели этой группы оказываются вынуждены повысить плату или уменьшить рабочее время, вообще—понизить норму прибавочной стоимости. Наоборотъ, въ остальныхъ предпріятіяхъ, благодаря усиленному приливу рабочихъ рукъ, отношеніе силъ измѣняется въ пользу предпринимателей, и норма прибавочной стоимости нѣсколько повышается. Въ результатѣ—различія въ высотѣ нормы сглаживаются.

Итакъ, сущность капиталистическаго производства заключается въ томъ, что рабочая сила, сдѣлавшись товаромъ, будучи пріобрѣтена капиталистомъ за его перемѣнный капиталъ, потребляется въ производствѣ, причемъ воспроизводитъ свою стоимость и создаетъ еще прибавочную стоимость, которая является источникомъ «прибыли» класса капиталистовъ.

Среди экономистовъ существовало мнѣніе, что прибыль класса капиталистовъ создается не въ производствѣ, а въ обмѣнѣ,—будто бы она обусловливается тѣмъ, что капиталистъ продаетъ товаръ выше его стоимости. Напр., товаръ стоимость котораго 100 часовъ и соотвѣтствующая стоимости цѣна 10 рублей, онъ мѣняетъ на товаръ, котораго стоимость 110 часовъ, цѣна 11 рублей: получается прибыль 1 рубль. Но въ дѣйствительности такимъ способомъ могутъ обогащаться только отдѣльные люди; прибыль класса капиталистовъ такъ объяснить нельзя. Если первый капиталистъ за товаръ, цѣной въ 10 рублей, получилъ товаръ, цѣной въ 11 рублей, то второй, наоборотъ, вмѣсто 11 рублей получилъ 10, т.-е. 1 рубль убытку. Оба вмѣстѣ они не получаютъ ни прибыли, ни убытка, до обмѣна у нихъ было товару въ общей суммѣ на 21 рубль,

и послѣ обмѣна осталось столько же, только у кого было больше—стало меньше, и наоборотъ. Если даже предположить, что каждый продавецъ непремѣнно обманываетъ покупателя въ свою пользу, то вѣдь продавцу въ свою очередь придется быть покупателемъ, и, стало быть, онъ будетъ обманутъ въ свою очередь.

Вообще, если бы не было другого источника прибыли, кромѣ обмѣна, то классъ капиталистовъ не могъ бы существовать.

г) Вліяніе развивающихся капиталистическихъ предпріятій на отсталыя формы производства.

Мануфактуры возникали и развивались среди сложнаго сочетанія разнообразныхъ экономическихъ формъ. Въ городской обрабатывающей промышленности господствовала домашняя форма капиталистическаго производства, но сохранялись также значительные остатки мелко-буржуазнаго ремесленнаго строя со свойственными ему корпоративными организаціями. Въ деревнѣ количественно преобладали обломки натуральнаго производства—мелкія земледѣльческія хозяйства съ различными подсобными промыслами; торговый капиталъ стремился распространить на нихъ свою организаторски-эксплоататорскую дѣятельность; это въ значительной мѣрѣ удавалось ему, но не вполнѣ, такъ какъ онъ встрѣчалъ на своемъ пути немалыя препятствія въ видѣ многочисленныхъ пережитковъ феодальныхъ отношеній. Процессъ разложенія и устраненія отсталыхъ формъ, начатый силою торговаго капитала, подъ вліяніемъ капитала промышленнаго пошелъ значительно быстрѣе, пролагая для себя, кромѣ прежнихъ, и новые пути.

Вступая въ конкурренцію съ мелкой ремесленной формой производства, крупная мануфактурная оказывается сильнѣе и вытѣсняетъ первую. Высокая производительность технически-раздѣленнаго труда въ мануфактурахъ вела къ такому сильному пониженію стоимости, а слѣдовательно, и цѣны продуктовъ, какого не въ состояніи было выдержать ремесло. Поэтому ремесло быстро приходило въ упадокъ въ тѣхъ отрасляхъ обрабатывающей промышленности, которыя захватывались мануфактурой; а число такихъ отраслей непрерывно возрастало.

Чтобы хотя временно удержаться въ неравной конкурренціи, цеховымъ мастерамъ приходилось, какимъ бы то ни было образомъ, увеличивать производительность труда или, по крайней мѣрѣ, усиливать его эксплоатацію. Благодаря этому, съ особенной силой выступаютъ въ эпоху мануфактуръ всѣ тѣ симптомы разложенія старыхъ ремесленныхъ организацій, которые въ меньшей степени обнаруживались еще въ предыдущую эпоху: развитіе духа исключительности въ средѣ мастеровъ, стремленіе ихъ всячески препятствовать переходу подмастерьевъ въ самостоятельные ремесленники, распаденіе прежней непосредственной связи мастеровъ съ подмастерьями, жестокая классовая борьба между организаціями первыхъ и организаціями вторыхъ, наконецъ, уменьшеніе

сплоченности, внутренней связи самихъ цеховъ, выражавшееся въ стремленіи отдѣльныхъ мастеровъ обходить стѣснительныя для нихъ лично установленія цеховъ и эксплоатировать своихъ товарищей—другихъ мастеровъ — по способамъ торговаго капитала. Жизнеспособность цеховъ быстро понижалась.

Подчиняясь закону, общему для всѣхъ отживающихъ формъ, цеховыя организаціи не только теряли при этомъ свою общественную полезность, но становились даже вредными, какъ задержка дальнѣйшаго развитія. Обладая монополіей производства и отчасти монополіей рынка въ большинствѣ городовъ, цехи сильно стѣсняли развитіе мануфактуръ. Между тѣмъ, масса «избыточнаго населенія» искала кому продать свою рабочую силу, и существующія предпріятія не могли всю ее поглотить. Интересы большей части общества требовали дальнѣйшаго развитія мануфактуръ; а для этого необходима была свобода капитала, отмѣна цеховыхъ стѣсненій и привилегій.

Защищая свои узкіе интересы, цехи съ непримиримой враждой относились къ техническому прогрессу, который угрожалъ гибелью мелкимъ производителямъ. Пользуясь своимъ общественнымъ значеніемъ, своимъ вліяніемъ на государство, цехи всѣми силами мѣшали введенію въ общественную технику новыхъ изобрѣтеній, причемъ нерѣдко достигали того, что изобрѣтенія эти погибали вмѣстѣ съ изобрѣтателями. Въ такихъ фактахъ реакціонная роль старыхъ организацій обнаруживалась съ особенной ясностью.

Такимъ образомъ, въ сознаніи растущихъ промышленныхъ классовъ, какъ буржуазіи, такъ и пролетаріевъ, постепенно распространялась и укоренялась мысль о необходимости уничтоженія цехового строя. Дѣятельность государства все въ большей степени направлялась противъ отживающихъ организацій.

Утрачивая свое общественное значеніе, цехи начинали понемногу разрушаться и формально. Прежде всего они лишались своей прежней независимости. Королевская власть присвоила себѣ право давать званіе мастера, и энергично пользовалась этимъ правомъ для увеличенія доходовъ казны. Въ выдачѣ патентовъ на званіе мастера открывался широкій просторъ произволу: патенты, выданные однимъ государемъ, слѣдующій объявлялъ недѣйствительными по той причинѣ, что и ему нужны были деньги. Нерѣдко вмѣсто такихъ патентовъ продавались, какъ было указано, привилегіи на обходъ цеховыхъ ограниченій; чаще всего дѣлалось то и другое одновременно.

Такое отношеніе государства къ цехамъ ускорило крушеніе ихъ въ Англіи, гдѣ они исчезли раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ Германіи они просуществовали до начала нынѣшняго вѣка. Во Франціи отмѣна цехового устройства произошла сразу, революціоннымъ путемъ, въ 1789 году. Но и тамъ они въ это время едва держались, совершенно стѣсненные конкурренціей мануфактуръ и домашняго капиталистическаго производства.

Во время крѣпостного права и въ началѣ періода капитализма среди

крестьянскаго населенія были еще повсюду распространены подсобные промыслы. Особенно важную роль между ними играло производство одежды—пряжа, ткачество, шитье; затѣмъ производство многихъ необходимыхъ въ хозяйствѣ орудій.

Продукты подсобныхъ промысловъ частью потреблялись въ собственныхъ хозяйствахъ производителей, частью шли на продажу. Съ развитіемъ денежныхъ отношеній, съ превращеніемъ крестьянскихъ повинностей, податей и налоговъ изъ натуральныхъ въ денежныя, и особенно съ выступленіемъ на сцену торговаго капитала, производство на продажу получаетъ въ подсобныхъ промыслахъ рѣшительное преобладаніе надъ производствомъ для потребленія. При этомъ, организація подсобныхъ промысловъ, становясь въ зависимость отъ рынка, принимаетъ формы домашней капиталистической промышленности.

Переходъ къ мануфактурѣ совершался въ данной области весьма постепенно. Сама мануфактура въ деревнѣ, по большей части, надолго сохраняетъ слѣды «подсобнаго» характера тѣхъ промысловъ, изъ которыхъ возникла: ея работники не являются исключительно ея работниками—въ лѣтнее время они возвращаются къ своимъ сельскохозяйственнымъ работамъ; мануфактура же, вполнѣ или отчасти, бездѣйствуетъ. Нерѣдко общая экономическая отсталость деревни приводитъ даже къ тому, что мануфактура разлагается: предприниматель находитъ болѣе выгоднымъ, чтобы крестьяне выполняли работу въ своихъ домахъ, занимаясь ею какъ подсобнымъ промысломъ. Дѣло въ томъ, что при низкомъ уровнѣ потребностей крестьянина и при второстепенномъ для него, какъ земледѣльца, значеніи подсобнаго заработка, продукты домашняго производства могутъ продаваться очень дешево, несмотря на отсталую технику.

Однако, такое разложеніе мануфактуры, ея разсѣяніе въ пространствѣ, обратный переходъ промышленнаго капитала въ торговый есть, во всякомъ случаѣ, преходящее явленіе, устраняемое дальнѣйшимъ прогрессомъ техники. Развитіе крупныхъ предпріятій съ высокой производительностью труда понижаетъ цѣны до такой степени, что онѣ перестаютъ вознаграждать трудъ крестьянина и его семейства. Затѣмъ сокращается и производство для непосредственнаго потребленія. Мануфактура создаетъ сильный спросъ на сырые матеріалы, и крестьянинъ находитъ, что выгоднѣе ихъ продать, чѣмъ обрабатывать. Къ тому же, большее изящество произведеній крупно-капиталистическихъ предпріятій при значительной дешевизнѣ часто заставляетъ крестьянъ предпочитать ихъ произведеніямъ собственнаго труда.

Такъ съ прогрессомъ техники въ крупномъ производствѣ совершается развитіе общественнаго раздѣленія труда: земледѣліе отдѣляется отъ обрабатывающей промышленности, крестьянинъ либо идетъ на мануфактуру, либо ограничивается земледѣльческимъ трудомъ.

При этомъ мелкое земледѣльческое производство теряетъ часть своей устойчивости, лишаясь той опоры, которую оно имѣло въ подсобныхъ

промыслахъ, и сила его сопротивленія вновь развивающимся экономическимъ формамъ понижается.

Такова основная тенденція развитія промышленнаго капитала. Въ эпоху мануфактуръ, первой стадіи промышленнаго капитализма, она проявляется въ сравнительно слабой степени, отчасти даже вполнѣ маскируется возникновеніемъ въ связи съ мануфактурами нѣкоторыхъ новыхъ и развитіемъ нѣкоторыхъ прежнихъ подсобныхъ промысловъ: поставка матеріаловъ для мануфактуръ становится выгоднымъ дѣломъ, и крестьяне, частью самостоятельно, частью при помощи предпринимателей-капиталистовъ, берутъ на себя производство этихъ матеріаловъ, если только позволяетъ техника дѣла.

Въ земледѣліи капитализмъ развивается, вообще, не такъ быстро и успѣшно, какъ въ обрабатывающей промышленности.

Техника сельскаго хозяйства не допускаетъ того широкаго разложенія труда, какое наблюдается въ мануфактурахъ. Возможно ли, напр., раздѣлить на составныя части такую операцію, какъ паханье? Къ тому же различныя земледѣльческія работы выполняются въ различное время, что еще болѣе уменьшаетъ значеніе техническаго раздѣленія труда въ данной области.

Поэтому, даже въ эпоху мануфактуръ, крупное и мелкое земледѣльческое производство мало различаются по производительности труда, такъ что послѣднее довольно успѣшно выдерживаетъ конкурренцію.

Впрочемъ, крупныя земледѣльческія предпріятія уже съ самаго начала обладаютъ извѣстными техническими преимуществами, особенно въ сферѣ доставки средствъ производства съ рынка и готовыхъ продуктовъ на рынокъ. Естественно, что и техника крупныхъ предпріятій развивается быстрѣе. И все-таки мелкое хозяйство еще долго продолжаетъ удерживаться въ конкурренціи съ крупнымъ. Недостатки техники вознаграждаются весьма высокой напряженностью труда мелкаго земледѣльца. Въ этомъ существенный недостатокъ такого хозяйства. Только громадная затрата трудовой энергіи даетъ мелкому земледѣльцу возможность устоять въ конкурренціи, такъ что въ общемъ трудъ вознаграждается плохо.

Граница «живучести» мелкаго крестьянскаго хозяйства лежитъ за предѣлами эпохи мануфактуръ, но его «жизнеспособность» уже тогда непрерывно понижается.

(Въ главѣ о земельной рентѣ придется нѣсколько подробнѣе разсмотрѣть исторію капиталистическаго земледѣлія).

д) Капиталъ торговый и промышленный.

По мѣрѣ того, какъ изъ торговаго капитала выдѣляется промышленный, суживается сфера общественной роли самого торговаго капитала. Онъ теряетъ свое непосредственно-организаторское значеніе въ производствѣ, такъ какъ эта его функція переходитъ къ промышленному капиталу.

И для промышленнаго капитала торговый является посредникомъ въ дѣлѣ покупки средствъ производства и продажи товаровъ, но изъ этого не возникаетъ, вообще говоря, того подчиненія промышленныхъ предпріятій торговымъ, какое наблюдается для мелкихъ предпріятій въ домашне - капиталистической системѣ. Отношеніе силъ не то: если торговый капиталистъ пытается выйти изъ служебной роли посредника и занять привилегированное положеніе, т.-е. не въ мѣру понижая цѣны товаровъ, эксплоатировать промышленнаго капиталиста, этотъ послѣдній предпочитаетъ обойтись безъ его услугъ и завязываетъ непосредственныя сношенія съ рынкомъ.

Однако, такое сокращеніе функцій торговаго капитала происходитъ лишь въ той степени, въ какой развивается мануфактура; а она еще долгое время — въ Англіи до начала XVIII вѣка, въ Германіи еще позже—занимаетъ по своей распространенности довольно скромное мѣсто рядомъ съ домашне-капиталистическимъ производствомъ.

Мало того, развитіе мануфактуры во многихъ случаяхъ пролагаетъ путь для домашней капиталистической системы: конкурренція мануфактуръ, обезсиливая самостоятельнаго мелкаго производителя, прямо предаетъ его въ руки торговаго и ростовщическаго капитала.

Далѣе, предприниматель мануфактуры нерѣдко самъ является скупщикомъ по отношенію къ мелкимъ производителямъ, которые доставляютъ ему матеріалы производства. Иногда на самой мануфактурѣ выполняются не всѣ операціи производства, а нѣкоторыя изъ нихъ передаются мелкимъ производителямъ, которые работаютъ на дому—опять-таки домашняя система капиталистическаго производства.

Вообще, слѣдомъ за высшими формами капитализма и подъ ихъ вліяніемъ обыкновенно развиваются низшія, которыя въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи должны, въ свою очередь, перейти въ высшія.

Что касается постепенной спеціализаціи формъ капитала—отдѣленіе промышленнаго капитала отъ торговаго, а также выдѣленіе капитала кредитнаго—то это представляетъ частный случай развивающагося раздѣленія труда между предпріятіями въ капиталистическомъ обществѣ.

8. Способы общественнаго распредѣленія въ эпоху мануфактуръ.

Основной, почти всеобщій способъ распредѣленія для капиталистическаго общества есть о б м ѣ н ъ, неорганизованное, рыночное распредѣленіе. Въ процессѣ обмѣна каждый общественный классъ и каждый отдѣльный членъ класса получаетъ свою долю общественнаго продукта. Непосредственное распредѣленіе сохраняется обыкновенно лишь внутри семейнаго хозяйства.

Значительному развитію обмѣна соотвѣтствуетъ прогрессъ денежнаго обращенія. Въ капиталистическомъ производствѣ деньги—необходимый двигатель; безъ нихъ оно немыслимо. На деньги капиталистъ пріобрѣтаетъ средства производства и рабочую силу. Когда, путемъ взаимодѣйствія этихъ элементовъ производства, получается продуктъ, онъ

опять-таки долженъ быть проданъ за деньги. На вырученныя деньги или на часть ихъ вновь покупается рабочая сила, орудія и матеріалы, товаръ вновь продается и т. д. Затѣмъ товаръ переходитъ изъ рукъ въ руки до потребителя опять съ помощью денегъ.

Такимъ образомъ, для нормальнаго хода капиталистической жизни является въ высшей степени важнымъ, чтобы денежное обращеніе совершалось правильно и безпрепятственно, чтобы предложеніе денегъ всегда соотвѣтствовало спросу. Какимъ образомъ это достигается?

Какъ было указано, деньги представляютъ изъ себя такую форму стоимости, которая допускаетъ сбереженіе на неопредѣленное время и накопленіе въ неограниченномъ количествѣ. Какъ было указано, онѣ порождаютъ и стремленіе къ безграничному накопленію и сбереженію. Въ результатѣ—общая сумма денегъ въ странѣ съ мѣновымъ хозяйствомъ почти всегда значительно превосходитъ то количество, которое непосредственно необходимо для обращенія. Весь излишекъ находится внѣ сферы обращенія—въ карманахъ, сундукахъ и подвалахъ владѣльцевъ—и играетъ роль денежнаго сокровища.

Именно, благодаря существованію сокровища, предложеніе на денежномъ рынкѣ можетъ при обыкновенныхъ условіяхъ легко и быстро приноравливаться къ спросу.

Спросъ на деньги опредѣляется совокупностью условій обмѣна и кредита. Величина этого спроса для извѣстнаго періода времени, какъ было выяснено, узнается слѣдующимъ образомъ: къ суммѣ цѣнъ товаровъ, продающихся за наличныя, прибавляется сумма приходящихся въ данный періодъ срочныхъ платежей — минусъ тѣ изъ нихъ, которые взаимно уничтожаются, и результатъ дѣлится на среднее число оборотовъ монеты. Слѣдовательно, колебанія спроса на деньги зависятъ: либо отъ измѣненій количества и цѣнъ товаровъ, либо отъ измѣненій въ размѣрахъ и техникѣ кредитнаго дѣла, либо отъ измѣненій въ скорости обращенія денегъ.

Допустимъ, что для періода въ 1 недѣлю общая сумма цѣнъ продаваемыхъ на рынкѣ за наличныя товаровъ составляетъ 1 милліонъ рублей, сумма срочныхъ платежей минусъ тѣ, которые взаимно уничтожаются—$^1/_2$ милліона, среднее число оборотовъ монеты—1. Тогда цифра спроса на деньги равняется 1.500.000 рублей. На слѣдующую недѣлю, благодаря возрастанію количества или повышенію цѣны товаровъ, общая сумма ихъ цѣнъ—$1^1/_2$ милліона рублей, при неизмѣнныхъ остальныхъ условіяхъ. Лишніе $^1/_2$ милліона покупатели товаровъ принуждены вынуть изъ своихъ сундуковъ и заплатить продавцамъ—инымъ способомъ нельзя пріобрѣсти товаровъ. Предложеніе денегъ, т. е. количество ихъ въ обращеніи, оказывается увеличеннымъ на $^1/_2$ милліона, а сокровище—на такую же сумму уменьшеннымъ. Наоборотъ, если бы сумма цѣнъ товаровъ не увеличилась, а уменьшилась, тогда часть денегъ, вмѣсто того чтобы пойти въ уплату за товары, осталась бы въ карманахъ владѣльцевъ увеличивая собою денежное сокровище.

Точно такъ же обстоитъ дѣло при возрастаніи или пониженіи суммы

срочныхъ платежей. При этомъ техника кредита имѣетъ большое значеніе: если нѣтъ кредитныхъ учрежденій, въ которыхъ сопоставляются и переводятся долги различныхъ предпріятій, то для кредитнаго рынка требуется больше денегъ; приходится деньгами расплачиваться отчасти и по такимъ долгамъ, которые взаимно уничтожились бы, если бы были одновременно приведены въ извѣстность и взаимно сопоставлены; сумма такихъ долговъ увеличиваетъ собой количество денегъ въ обращеніи вмѣсто того, чтобы перейти въ сокровище.

Допустимъ теперь, что при неизмѣнной суммѣ цѣнъ товаровъ—1 милліонъ, и при неизмѣнной суммѣ срочныхъ платежей—$^1/_2$ милліона, среднее число оборотовъ монеты повысилось съ 1 до 2: товары и деньги обращаются быстрѣе. Тогда рынокъ успѣваетъ вмѣсто одного—два раза воспользоваться одной и той же суммой денегъ; капиталистъ, напримѣръ, успѣваетъ за свою 1.000 рублей купить средства производства, затѣмъ вернуть ее изъ продажи своихъ товаровъ и вновь купить на нее средства производства, т. е. вмѣсто 2.000 обойтись одной тысячей рублей. Весь денежный рынокъ требуетъ, слѣдовательно, только 750.000 рублей, вмѣсто прежнихъ 1.500.000; лишнія 750.000 остаются невынутыми изъ кармана ихъ владѣльцевъ и увеличиваютъ собою сокровище. При уменьшеніи скорости товаро-денежнаго обращенія происходятъ противоположныя явленія, и часть сокровища переходитъ въ сферу обращенія.

Такимъ образомъ, при нормальномъ, обычномъ теченіи дѣлъ устанавливается соотвѣтствіе между спросомъ и предложеніемъ денегъ Сокровище играетъ роль резерва, откуда деньги приливаютъ, въ случаѣ надобности, въ область обращенія, и куда отливаетъ, въ противоположномъ случаѣ, ихъ излишекъ.

Съ развитіемъ капиталистическаго общества сумма денегъ, обращающихся на рынкѣ, возрастала гораздо быстрѣе, чѣмъ сокровище; но и сокровище должно было увеличиваться, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно, съ теченіемъ вркмени, оказалось бы недостаточнымъ для регулированія громаднаго денежнаго рынка въ его колебаніяхъ. Производство денегъ необходимо должно было возрастать. И дѣйствительно еще самые первые шаги капитализма въ Европѣ ознаменованы были небывалымъ привозомъ благородныхъ металловъ изъ новооткрытыхъ странъ, особенно Америки. Значеніе этого прилива денегъ, впрочемъ, ослаблялось до извѣстной степени тѣмъ фактомъ, что стоимость денегъ, а стало быть и ихъ покупательная сила, понизилась по сравненію съ средневѣковымъ міромъ; а это зависѣло отъ большей, чѣмъ прежде, легкости добыванія денежныхъ металловъ, благодаря которой количество общественно-трудовой энергіи, воплощенное въ данной суммѣ денегъ, оказывалось значительно уменьшеннымъ.

Дѣло не ограничилось тѣмъ, что въ обращеніе была брошена масса благородныхъ металловъ. Спросъ на деньги возрасталъ съ громадной быстротой, и съ теченіемъ времени вызвалъ примѣненіе, кромѣ металлическихъ, еще б у м а ж н ы х ъ денегъ.

Исторія возникновенія бумажныхъ денегъ въ основныхъ чертахъ та-

кова. Постоянное взвѣшиваніе денегъ при мѣновыхъ сдѣлкахъ перестало быть необходимымъ съ тѣхъ поръ, какъ государство взяло на себя контроль надъ денежнымъ обращеніемъ. Государство приготовляло изъ денежныхъ металловъ слитки опредѣленнаго вѣса, формы и стоимости—монеты. Монеты принимались безъ всякаго взвѣшиванія, потому что государство ручалось за ихъ вѣсъ и всегда готово было принимать ихъ по обозначенной на нихъ цѣнности.

Монеты стираются отъ обращенія, теряютъ свой вѣсъ, переходя черезъ массу рукъ, и тѣмъ не менѣе сохраняютъ все ту же покупательную силу, которая на нихъ обозначена, потому что государство не отказывается замѣнить истершуюся монету полновѣсною. Когда человѣкъ увѣренъ, что правительство всегда обмѣняетъ ему на полновѣсную ту стершуюся монету, которую ему предлагаютъ, онъ возьметъ ее, хотя бы въ ней почти не было вѣсу. Отсюда одинъ шагъ до бумажныхъ денегъ.

Государство выпускаетъ бумажные знаки, за которые оно ручается и которые, въ силу довѣрія къ нему, принимаются всѣми, какъ монеты. Бумажный знакъ—это, такъ сказать, монета, истершаяся до того, что отъ нея осталось одно названіе.

Первоначально государство выпускаетъ только размѣнныя бумажныя деньги, т.-е. такія, которыя оно обязуется по первому требованію размѣнять, согласно обозначенной на нихъ цѣнности, на благородные металлы. Размѣнныя деньги ходятъ всегда наравнѣ съ металлическими. Не имѣя, сами по себѣ, почти никакой стоимости, онѣ обладаютъ цѣнностью въ обмѣнѣ, представляя изъ себя какъ бы свидѣтельство на присвоеніе опредѣленнаго количества общественно-трудовой энергіи, воплощенной въ денежныхъ металлахъ.

Но, выпуская размѣнныя бумажныя деньги, государство обыкновенно имѣетъ въ виду не потребности обращенія, а свои собственныя потребности. Бумажныя деньги являются для государства весьма удобной формой безпроцентнаго займа: деньги печатаются и затѣмъ ими оплачиваются казенныя покупки, государственная служба и т. п. А такъ какъ потребности государства съ ходомъ экономическаго развитія возрастаютъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что постепенно выпускается такое количество бумажекъ, которое значительно превосходитъ спросъ на денежномъ рынкѣ. Тогда лишнія бумажки начинаютъ массами предъявляться къ размѣну на золото; въ роли «сокровища» золотыя деньги являются болѣе надежнымъ богатствомъ, чѣмъ бумажныя, которыя могутъ потерять свою цѣнность въ случаѣ несостоятельности государства. Сначала государственныя кассы размѣниваютъ бумажки, но затѣмъ, когда для правительства, такимъ образомъ, выясняется, что безпроцентный заемъ его не удается, оно прекращаетъ свободный размѣнъ—размѣнныя бумажныя деньги превращаются въ неразмѣнныя.

Силою закона государство заставляетъ гражданъ принимать неразмѣнныя бумажныя деньги, и само тоже принимаетъ ихъ въ уплату податей, налоговъ и т. п.

Рядомъ съ неразмѣнными бумажками золото въ обращеніи не удер-

живается: оно или превращается въ сокровище, или уходитъ за границу для уплаты за привозные товары. Въ сферѣ внутренняго обращенія остаются однѣ бумажныя деньги, но ихъ обыкновенно бываетъ слишкомъ много—больше, чѣмъ требуется. Уйти изъ обращенія имъ очень трудно: за границей ихъ не принимаютъ, а сокровище оно довольно сомнительное, ненадежное. Что же оказывается?

Положимъ, въ какомъ-нибудь государствѣ дѣйствительный спросъ на денежномъ рынкѣ составляетъ 800 милліоновъ рублей, а кредитокъ ходитъ на 1.200 милліоновъ. Тогда очевидно 1.200 милліоновъ бумажекъ замѣнитъ собою 800 милліоновъ золотомъ, представятъ изъ себя въ обращеніи ту же цѣнность, что 800 милліоновъ рублей золотомъ. Слѣдовательно, цѣнность одного кредитнаго рубля окажется равной $\frac{800 \text{ милл.}}{1.200 \text{ милл.}}$ или $^2/_3$ золотого рубля, или $66^2/_3$ к. золотомъ. Это выражаютъ такъ: «курсъ кредитныхъ билетовъ $66^2/_3$ копейки золотомъ за рубль».

Паденіе курса бумажныхъ денегъ доходило въ Россіи до 23 копеекъ за рубль. Вообще же, оно можетъ идти безъ конца. Во Франціи временъ первой республики чрезмѣрные выпуски ассигнацій понизили ихъ цѣнность до $2^1/_2$ % номинальной, т.-е. 40 франковъ ассигнаціями равнялись 1 фр. золотомъ.

Колебанія цѣнности неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ могутъ происходить отъ разнообразныхъ причинъ, чисто экономическихъ и такъ-называемыхъ политическихъ. Напр., политически ненадежное состояніе государства—во время войны, революціи и т. п.—сразу понижаетъ курсъ: теряется довѣріе къ государству и рѣзко уменьшается спросъ на его кредитки.

Паденіе курса, естественно, вызываетъ повышеніе всѣхъ цѣнъ внутри страны, а повышеніе курса, наоборотъ, паденіе цѣнъ. Но колебанія цѣнъ не сразу слѣдуютъ за измѣненіями курса. Всего быстрѣе приспособляются къ курсу цѣны тѣхъ товаровъ, которые производятся главнымъ образомъ для вывоза, и тѣхъ, которые ввозятся изъ-за границы: это именно потому, что курсъ бумажекъ опредѣляется прежде всего на заграничномъ рынкѣ; на внутреннемъ денежномъ рынкѣ онъ не можетъ прямо опредѣляться съ точностью, такъ какъ тамъ почти не обращаются металлическія деньги, по которымъ устанавливается курсъ бумажныхъ. Болѣе медленно измѣняются цѣны тѣхъ товаровъ, которые ввозятся или вывозятся только отчасти, а преимущественно производятся и потребляются внутри страны. Всего позже приходятъ въ соотвѣтствіе съ высотой курса цѣны тѣхъ товаровъ, которые и производятся и потребляются внутри страны. Къ числу такихъ товаровъ принадлежитъ и рабочая сила. Поэтому, паденіе курса, вообще, невыгодно для рабочаго класса: цѣны необходимыхъ средствъ къ жизни повышаются быстрѣе, чѣмъ заработная плата; капиталисты никогда не спѣшатъ повысить ее сообразно съ повышеніемъ цѣнъ на средства къ жизни.

Въ общей массѣ совершающихся мѣновыхъ сдѣлокъ покупка и продажа въ кредитъ становятся все болѣе обычнымъ явленіемъ. Тогда

также и ростовщичество расширяется въ изучаемую эпоху до громадныхъ размѣровъ.

Государство съ самыхъ раннихъ временъ мѣнового хозяйства беретъ на себя контроль за кредитными сдѣлками. Въ случаѣ надобности оно помогаетъ кредитору получить долгъ, но только при томъ условіи, что имѣются письменныя доказательства долга, такъ называемые кредитные документы.

Простѣйшая форма кредитнаго документа—это запись долга въ торговыя книги. Коммерческіе люди ведутъ въ установленномъ порядкѣ такія книги, въ которыхъ записываютъ, кому они сколько должны, и сколько кто имъ. Когда наступаетъ срокъ уплаты, они свѣряютъ между собою торговыя книги, и уплачиваютъ деньгами только разницу во взаимномъ долгѣ.

Наиболѣе важная форма кредитнаго документа есть вексель—долговая расписка, составленная съ соблюденіемъ извѣстныхъ законныхъ правилъ. Въ международной торговлѣ это единственный кредитный документъ. Онъ отчасти замѣняетъ деньги, а именно вотъ какимъ образомъ.

Положимъ, русскій торговецъ А отправилъ партію пшеницы англійскому купцу С. Англійскій фабрикантъ Д продалъ на такую же сумму машины русскому В. Тогда В покупаетъ у А вексель на англичанина С и посылаетъ англичанину Д, который и получаетъ съ С по этому векселю. Пересылать денегъ вовсе не пришлось, а каждый получилъ свое; избѣгнуты издержки и рискъ двойной пересылки.

Съ развитіемъ кредита явились такія учрежденія, которыя занимаются исключительно кредитными сдѣлками: съ одной стороны, получаютъ кредитъ отъ тѣхъ, кто располагаетъ свободными капиталами, съ другой стороны—оказываютъ кредитъ нуждающимся въ немъ капиталистамъ, т.-е. пускаютъ въ обращеніе свои и занятыя чужія деньги. Эти учрежденія называются **банками**.

Подробнѣе изучать формы кредита и его значеніе въ общей системѣ народнаго хозяйства придется тогда, когда рѣчь будетъ идти не о зарождающемся (мануфактурномъ), а о развитомъ промышленномъ капиталѣ. Во всякомъ случаѣ, уже въ изучаемую эпоху кредитъ имѣетъ сильное вліяніе на обмѣнъ, а черезъ него и на производство. Въ общемъ, вліяніе это таково, что кредитъ содѣйствуетъ развитію крупнаго производства, такъ какъ временно сосредоточиваетъ въ однѣхъ рукахъ средства многихъ лицъ.

4. Распредѣленіе общественнаго продукта между различными капиталистическими классами.

а) Прибыль.

Съ тѣхъ поръ, какъ возникъ общественный классъ торговцевъ, установилось особое выраженіе—«прибыль»—для обозначенія его доли въ

общественномъ продуктѣ, тогда какъ долю ремесленника, напр., обозначали словомъ «заработокъ». Различіе этихъ терминовъ ясно указываетъ на то, что по воззрѣніямъ, господствующимъ среди общества, доходъ ремесленника является прямымъ результатомъ его труда, такъ какъ доходъ торговца не находится въ такой зависимости отъ его труда Принято думать, что торговецъ ничего не производитъ, такъ какъ продуктъ выходитъ изъ его рукъ въ такомъ же видѣ, въ какомъ былъ имъ пріобрѣтенъ; трудъ ремесленника, наоборотъ, производитъ очевидныя измѣненія въ матеріалѣ, создаетъ новый продуктъ.

Взглядъ этотъ основывается на одной видимости явленій и вытекаетъ изъ ошибочнаго сужденія. Продуктъ нельзя считать законченнымъ, если онъ не можетъ быть потребленъ тамъ, гдѣ онъ произведенъ; перемѣщеніе его изъ одной мѣстности въ другую или изъ одного хозяйства въ другое есть необходимая заключительная операція «производства». Въ этомъ смыслѣ трудъ торговца ничѣмъ не отличается отъ ремесленнаго труда; и поскольку прибыль опредѣляется общественно-полезной затратою трудовой энергіи со стороны торговца, постольку она есть настоящій заработокъ.

Но въ томъ-то и дѣло, что доходъ купца отнюдь не сводится, вообще говоря, къ одному торговому заработку. Купецъ съ самаго начала выступаетъ въ роли торговаго капиталиста. Онъ подчиняетъ себѣ мелкія предпріятія; и та прибыль, которую онъ изъ нихъ извлекаетъ, находится въ зависимости не отъ количества выполняемаго имъ общественно полезнаго труда, а отъ размѣровъ его капитала и его власти надъ производителями. Такимъ образомъ, въ наибольшей своей части прибыль не есть заработокъ; и чѣмъ дальше, тѣмъ въ большей степени дѣйствительный торговый заработокъ тонетъ въ торговой «прибыли», оказывается ничтожнымъ по сравненію съ ней.

То же относится и къ промышленному капиталисту: получаемая имъ прибыль не стоитъ ни въ какомъ соотвѣтствіи съ величиною тѣхъ затратъ трудовой энергіи, которыхъ стоитъ ему его организаторская дѣятельность. Наоборотъ, параллельно съ расширеніемъ предпріятія, капиталистъ, обыкновенно, передаетъ все бо́льшую часть своей работы наемнымъ работникамъ и сокращаетъ размѣры своего организаторскаго труда; а прибыль въ то же время возрастаетъ.

Въ этомъ смыслѣ обыденное противоположное капиталистической прибыли заработку вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Происхожденіе промышленной прибыли было выяснено въ предыдущемъ: она возникаетъ изъ прибавочной стоимости, т.-е. изъ прибавочнаго труда наемныхъ работниковъ. Прибыль торговаго капитала въ домашне-капиталистической системѣ также является результатомъ прибавочнаго труда мелкихъ производителей, независимыхъ только формально; разница между обоими случаями несущественная, и все болѣе сглаживается по мѣрѣ того, какъ торговый капитализмъ переходитъ въ промышленный.

Изслѣдуя вопросъ о прибыли капиталиста, надо прежде всего при-

нять во вниманіе, что норма прибавочной стоимости далеко не достаточная мѣра прибыли; норма эта выясняетъ только одну сторону дѣла —насколько невыгодно для работника быть исполнителемъ въ чужомъ предпріятіи, но она не показываетъ другой стороны дѣла—насколько для капиталиста выгодно вести свое предпріятіе.

Въ предыдущемъ разбирался одинъ примѣръ капиталистическаго предпріятія—производство ружья. Норма прибавочной стоимости была тамъ 100%, потому что тѣ $12^1/_2$ рублей, которые капиталистъ затратилъ на покупку рабочей силы, принесли ему 125 часовъ прибавочнаго труда, соотвѣтствующихъ $12^1/_2$ рублямъ. Но капиталистъ вложилъ въ дѣло не одинъ *перемѣнный* капиталъ, а еще 50 рублей постояннаго капитала—затрата на матеріалы и орудія. Онъ, по его расчету, получилъ $12^1/_2$ рублей прибыли на цѣлыхъ $62^1/_2$ рубля затраченнаго капитала или 20% на капиталъ. Число процентовъ прибыли *на весь капиталъ* называется нормою прибыли.

Очевидно, что норма прибыли меньше нормы прибавочной стоимости, потому что норма прибавочной стоимости считается съ одного перемѣннаго капитала, а норма прибыли—со всего капитала—и постояннаго, и перемѣннаго. Въ приведенномъ примѣрѣ весь капиталъ въ 5 разъ больше перемѣннаго, и норма прибыли въ 5 разъ меньше нормы прибавочной стоимости.

У другого предпринимателя въ дѣло затрачено, положимъ, сравнительно еще большее количество постояннаго капитала, напр., цѣлыхъ $112^1/_2$ рублей на тѣ же $12^1/_2$ рублей перемѣннаго. Тогда, при той же нормѣ прибавочной стоимости, норма прибыли всего $\frac{12,5}{125}$, т.-е. 10%. Слѣдовательно, второе предпріятіе представляется менѣе выгоднымъ, чѣмъ первое; и зависитъ это отъ того, что постояннаго капитала вложено во второмъ предпріятіи значительно больше.

Вообще, при одинаковой нормѣ прибавочной стоимости, норма прибыли тѣмъ ниже, чѣмъ меньше перемѣнный капиталъ по сравненію съ постояннымъ.

Иначе это выражаютъ такъ: норма прибыли при данной нормѣ прибавочной стоимости тѣмъ ниже, чѣмъ выше органическій составъ капитала. „Органическимъ составомъ" капитала называютъ отношеніе по стоимости между его постоянной и перемѣнной частями: „выше" считается органическій составъ тогда, когда постоянная часть относительно больше, —и это потому, что процессъ развитія, какъ будетъ дальше выяснено, ведетъ къ возрастанію относительной величины постояннаго капитала.

Весь предыдущій расчетъ представляетъ дѣло въ очень упрощенномъ видѣ: рѣчь идетъ въ немъ о нормѣ прибыли только *для одного оборота* капитала. Капиталистъ купилъ однажды матеріалы и орудія, нанялъ рабочихъ, продалъ товаръ, и затраченный капиталъ вернулся съ прибылью. Въ дѣйствительности все происходитъ не такъ просто. Предприниматель не ограничивается однимъ оборотомъ своего капитала, а ведетъ дѣло въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени. Выгодность своего предпріятія онъ измѣряетъ процентомъ прибыли за

годъ. По мѣрѣ надобности онъ покупаетъ рабочую силу, орудія, матеріалы; по мѣрѣ возможности—онъ продаетъ товаръ.

Его капиталъ дѣлаетъ цѣлый рядъ оборотовъ: притомъ обороты эти невозможно съ точностью отдѣлить одинъ отъ другого. Предприниматель одновременно и продаетъ изготовленный товаръ, и производитъ посредствомъ купленной рабочей силы новый, и покупаетъ все необходимое для дальнѣйшаго производства. Денежный капиталъ затрачивается по частямъ, и по частямъ возвращается, и далеко неравномѣрно.

Затрата на покупку рабочей силы возвращается капиталисту цѣликомъ при каждой продажѣ товара, который созданъ потребленіемъ этой рабочей силы. Точно также возвращается цѣликомъ при каждой продажѣ стоимость матеріаловъ, которые пошли на производство товара. Если, напр., капиталистъ продаетъ 1.000 аршинъ ситцу, то онъ долженъ при этомъ выручить все, во что ему обошлись матеріалы и рабочая сила, потребленная при производствѣ данныхъ 1.000 аршинъ (онъ долженъ, конечно, получить, сверхъ того, прибыль, но ее пока можно оставить въ сторонѣ).

Не то происходитъ съ капиталомъ, затраченнымъ на орудія: на мастерскую, станки, иструменты. Эта часть капитала не возвращается сразу при каждой продажѣ товара. Продавая 1.000 аршинъ ситцу, капиталистъ еще не получаетъ въ числѣ прочихъ денегъ ту сумму, которую онъ затратилъ на мастерскую,—напр., 100 000 рублей. И это вполнѣ естественно: мастерская не уничтожилась, она стоитъ на своемъ мѣстѣ и послужитъ еще, можетъ быть, на много лѣтъ производства. Ея хватитъ, положимъ, на производство милліона аршинъ ситцу: тогда въ стоимость каждаго аршина входитъ одна милліонная стоимость мастерской, и при продажѣ 1.000 аршинъ должна вернуться только $^1/_{1000}$ затраченнаго на мастерскую капитала.

То же относится къ инструментамъ: при продажѣ ситцу къ капиталисту возвращается каждый разъ только нѣкоторая часть его затратъ на станки, веретена, при помощи которыхъ товаръ произведенъ. Если станка хватаетъ на 100.000 аршинъ, то при продажѣ 1.000 аршинъ капиталистъ возвращаетъ себѣ въ денежной формѣ $^1/_{100}$ стоимости станка, и т. д. Одно орудіе служитъ дольше, чѣмъ другое: мастерская, напр., 50 лѣтъ, станокъ—5 лѣкъ. Та доля капитала, которая затрачена на мастерскую, возращается мелкими частями и вернется вся только черезъ 50 лѣтъ; другими словами, продолжительность ея оборота—50 лѣтъ. Для капитала, употребленнаго на покупку станка, полный оборотъ совершается всего въ 5 лѣтъ. Капиталъ, потраченный на матеріалы и рабочую силу, оборачивается еще быстрѣе, напр., въ 1 мѣсяцъ.

Для капиталиста большое значеніе имѣетъ отмѣченное различіе между двумя долями его капитала: одна—затраты на матеріалъ и рабочую силу—сразу возвращается къ предпринимателю при каждой продажѣ товара; это—такъ называемый **оборотный капиталъ**; другая—затрата на орудія—по частямъ возвращается къ капиталисту; это—**основной капиталъ**. Основной капиталъ затрачивается при началѣ предпріятія въ сравнительно большомъ количествѣ сразу; оборотнаго же для веденія дѣ-

ла надо лишь столько, чтобы его хватало отъ одной продажи товара до другой; для расчетовъ предпринимателя такая разница очень важна.

Между основнымъ и оборотнымъ капиталомъ есть еще другія черты различія. Основной капиталъ за все время своего примѣненія, пока не станетъ негоднымъ, не измѣняетъ формы: мастерская остается мастерской, топоръ—топоромъ. Оборотный капиталъ при производствѣ мѣняетъ свою форму: пряжа переходитъ въ ткань, уголь сгораетъ,—и то, и другое перестаетъ существовать въ прежнемъ видѣ; и рабочая сила, разъ она потреблена, перестаетъ быть капиталомъ, она не принадлежитъ болѣе капиталисту, и онъ принужденъ снова покупать ее для дальнѣйшаго производства.

Слѣдуетъ избѣгать смѣшенія оборотнаго капитала съ перемѣннымъ и основного—съ постояннымъ. Одно раздѣленіе капитала на части дѣлается съ точки зрѣнія предпринимателя, другое—сь точки зрѣнія работника. Перемѣнный капиталъ—стоимость рабочей силы—есть только часть оборотнаго, потому что въ оборотномъ содержится еще стоимость матеріаловъ; постоянный же капиталъ больше основного, такъ какъ заключаетъ въ себѣ эту самую стоимость матеріаловъ.

Въ производствѣ:

Постоянный капиталъ. Перемѣнный капиталъ.

Орудія. Матеріалы произв. Рабочая сила.

Въ обращен.:

Основной капиталъ. Оборотный капиталъ.

Зная время оборота отдѣльныхъ частей капитала, можно вывести среднюю продолжительность оборота всего капитала, т.-е. выяснить, во сколько времени вся сумма вложеннаго капитала по частямъ, при отдѣльныхъ продажахъ, въ денежной формѣ перебываетъ въ рукахъ капиталиста.

Не трудно понять, какую роль въ разсчетахъ капиталиста играетъ это среднее время оборота; если при каждомъ оборотѣ получается 2% прибыли, то при трехъ оборотахъ процентъ прибыли будетъ 6%, а при пяти—цѣлыхъ 10%.

Для вопроса о годовомъ процентѣ прибыли имѣетъ особенное значеніе время оборота перемѣннаго капитала. Пусть это время равно 1 мѣсяцу, такъ что перемѣнный капиталъ 12 разъ въ годъ возвращается къ предпринимателю. Если норма прибавочной стоимости 100%, т.-е. 1 рубль перемѣннаго капитала приноситъ каждый разъ 1 рубль прибавочной стоимости, то за цѣлый годъ одинъ и тотъ же рубль перемѣннаго капитала принесетъ въ 12 пріемовъ 12 рублей, т.-е. 120% прибавочной стоимости. Итакъ, годовая норма прибавочной стоимости въ данномъ случаѣ не 100%, а 1,200%. Чѣмъ быстрѣе совершается обращеніе перемѣннаго капитала, тѣмъ выше годовая норма прибавочной стоимости.

Для рабочаго класса имѣетъ значеніе только простая норма прибавочной стоимости, т.-е. норма каждаго отдѣльнаго оборота, потому что она показываетъ отношеніе прибавочнаго труда къ необходимому, показываетъ, насколько невыгодно рабочему продавать свою рабочую силу (норма эксплоатаціи). Для капиталиста же важна годовая норма прибавочной стоимости, потому что его цѣль—получить возможно большій годовой процентъ на свой капиталъ, и годовая норма приба-

вочной стоимости показываетъ, насколько для него выгодна покупка рабочей силы.

Какъ было выяснено, норма прибавочной стоимости для отдѣльнаго оборота стремится къ равенству во всѣхъ отрасляхъ общественнаго производства. Между тѣмъ, среднее обращеніе капитала въ различныхъ производствахъ весма различно, и потому годовая норма прибавочной стоимости неодинакова. Такъ, если въ прядильномъ дѣлѣ средняя продолжительность оборота перемѣннаго капитала 1 мѣсяцъ, а въ кожевенномъ 2 мѣсяца, то при нормѣ прибавочной стоимости въ 100% это составитъ годовую норму для прядильнаго дѣла въ 1.200%, для кожевеннаго въ 600%.

Въ предыдущемъ показано, что даже при одинаковой нормѣ прибавочной стоимости норма прибыли не одинакова, если различенъ составъ капитала, отношеніе между постоянной и перемѣнной его частью. Теперь къ этому слѣдуетъ прибавить, что и годоваянорма прибавочной стоимости неодинакова, если различно время обращенія перемѣннаго капитала. Отсюда выводъ, казалось бы, такой: годовая норма прибыли въ различныхъ предпріятіяхъ должда оказаться различной.

На частныхъ примѣрахъ это можно иллюстрировать слѣдующимъ образомъ. Даны два капиталистическихъ предпріятія—сахарное и хлопчатобумажное.

№№ предпріятій.	Постояннаго капитала.	Перемѣннаго капитала.	Норма прибавочной стоимости.	Годовое число оборотовъ перемѣннаго капитала.	Годовая норма прибав. стоимости.	Годовое количест. прибавочной стоимости.	Годовая норма прибыли.
1	900 р.	100 р.	100%	3 оборота	300%	300 р.	30%
2	950 „	50 „	100%	2 оборота	200%	100 „	10%

Допустимо ли такое положеніе дѣлъ въ дѣйствительности? Нѣтъ, потому что оно противорѣчитъ законамъ конкурренціи, которые господствуютъ въ капиталистическомъ обществѣ. Когда въ дѣйствительности предпріятія одной отрасли производства оказываются болѣе выгодными, чѣмъ предпріятія другой, тогда совершается переходъ капиталовъ изъ второй въ первую: въ первой совершается расширеніе производства, и предложеніе ея продуктовъ на рынкѣ возрастаетъ; во второй происходитъ сокращеніе производства, и предложеніе ея продуктовъ понижается; тогда понижаются цѣны въ первой отрасли производства и повышаются во второй, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется выгодность тѣхъ и другихъ предпріятій, ихъ норма прибыли. Слѣдовательно, въ силу конкурренціи, происходитъ перемѣщеніе цѣнъ въ такомъ направленіи, чтобы доходность понизилась для болѣе выгодныхъ предпріятій. Годовой процентъ прибыли, такимъ образомъ, стремится уравняться. Такъ вліяетъ на него конкурренція капиталовъ. Вообще, рынокъ не терпитъ неравенства;

въ капиталистическомъ обществѣ онъ играетъ роль всеобщаго, стихійнаго уравнителя.

Итакъ, по законамъ конкурренціи, годовой процентъ прибыли на капиталъ въ данномъ обществѣ стремится къ равенству и колеблется около одной средней величины.

Не трудно убѣдиться, что, въ силу такого закона, одни товары продаются постоянно нѣсколько выше своей стоимости, другіе—нѣсколько ниже ея. Это удобно будетъ разобрать на прежнемъ примѣрѣ, предполагая для упрощенія, что во всемъ обществѣ только двое капиталистовъ (сколько бы ихъ ни взять для примѣра, дѣло не можетъ измѣниться).

№№ предпріятій.	Постоянный капиталъ.	Перемѣнный капиталъ.	Годовая норма прибавочн. стоим.	Годовая сумма прибавочн. стоим.	Соотвѣтствующая стоимости цѣна всего произведеннаго за годъ товара.	Рыночная цѣна всего товара.	Годовой % прибыли.	
1	900 р.	100 р.	300%	300 р.	1300 р.	1200 р.	20%	Цѣна товара ниже стоимости на 100 руб.
2	950 „	50 „	200%	100 „	1100 „	1200 „	20%	Цѣна товара выше стоимости на 100 руб.

Итакъ, отдѣльный товаръ продается въ среднемъ не по трудовой стоимости, а выше или ниже ея. То, что выигрывается на цѣнѣ однихъ товаровъ, проигрывается на цѣнѣ другихъ. Только въ общемъ и среднемъ, не для отдѣльнаго товара, а для всего общественнаго продукта, рыночныя цѣны вполнѣ соотвѣтствуютъ стоимости.

Продажа отдѣльныхъ товаровъ не вполнѣ по ихъ стоимости есть особенность капиталистическаго производства. При хозяйствѣ мѣновомъ, но не капиталистическомъ, а мелко-буржуазномъ (которое, впрочемъ, никогда въ чистомъ видѣ не существовало) продавцомъ выступалъ непосредственный производитель; такъ или иначе, онъ долженъ былъ сообразоваться при обмѣнѣ со стоимостью продуктовъ, въ противномъ случаѣ отдѣльныя хозяйства, какъ было показано, приходятъ въ упадокъ и сокращаютъ производство, и происходящіе, въ силу этого, измѣненія въ спросѣ и предложеніи стремятся возстановить соотвѣтствіе цѣнъ со стоимостями. Средняя рыночная цѣна товара тогда могла подходить къ его стоимости.

Не то въ капиталистическомъ обществѣ: товаръ продается не тѣмъ лицомъ, которое его произвело, а другимъ—капиталистомъ. Для капиталистовъ не является необходимостью обмѣнъ равныхъ количествъ общественно-трудовой энергіи, для нихъ важна прибыль. Процентъ при-

были долженъ быть одинаковъ, холя бы рыночная цѣна и уклонялась отъ стоимости.

Все изложенное относительно годового процента прибыли относится не только къ чисто промышленнымъ, но также къ торговымъ и кредитнымъ предпріятіямъ. Какъ бы ни былъ незначителенъ перемѣнный капиталъ такихъ предпріятій, какъ бы ни была незначительна сумма дѣйствительно производимой въ нихъ прибавочной стоимости, они должны давать обычный годовой процентъ прибыли, или будутъ оставлены, какъ невыгодныя, а капиталы перейдутъ въ другія отрасли общественнаго производства.

Впрочемъ, въ различныхъ отрасляхъ производства могутъ удерживаться извѣстныя различія въ высотѣ годового процента прибыли. Различія эти прежде всего зависятъ отъ того обстоятельства, что организаторская дѣятельность капиталиста въ однихъ предпріятіяхъ представляется болѣе сложной и трудной, въ другихъ—менѣе. Перелагая свою организаторскую дѣятельность на наемныхъ рабочихъ, капиталистъ долженъ довольствоваться нѣсколько уменьшеннымъ процентомъ прибыли. По аналогичной причинѣ и кредитный процентъ на капиталъ обыкновенно ниже обычной промышленной прибыли. Если въ промышленномъ предпріятіи я получилъ бы въ годъ на свои 100 рублей 7 рублей прибыли, то, отдавая эти 100 рублей взаймы промышленному капиталисту, я удовольствуюсь и 5-ю рублями, и за то избавлюсь отъ массы хлопотъ, съ которыми связано промышленное дѣло.

Другое условіе, создающее различія въ высотѣ прибыли, есть степень риска, соединеннаго съ веденіемъ дѣла. Чтобы было изъ-за чего капиталисту идти на необычно большой рискъ, прибыль должна быть выше обычной. Особенно это легко видѣть на примѣрѣ кредитныхъ предпріятій. При обычныхъ 7% промышленной прибыли кредитный капиталистъ согласится взять, напр., 5 на 100 лишь въ томъ случаѣ, если должникъ представитъ достаточный залогъ; если такого залога не найдется, для кредитора 5% уже недостаточное вознагражденіе, такъ какъ онъ рискуетъ совсѣмъ не получить обратно своихъ денегъ. Поэтому кредиторъ можетъ взять въ подобномъ случаѣ 6, 8, 10% и даже болѣе.

Обычная норма годовой прибыли для даннаго общества опредѣляется всей суммой его капиталовъ и всей суммой производимой за годъ прибавочной стоимости. Если сумма капиталовъ—1.000 милліоновъ, а прибавочная стоимость—100 милліоновъ, средняя норма прибыли—10%. Впрочемъ, здѣсь надо сдѣлать поправку вотъ въ какомъ смыслѣ: часть прибавочной стоимости беретъ въ видѣ податей и налоговъ государство, другую часть, какъ будетъ показано дальше, въ видѣ ренты—землевладѣлецъ. Пусть обѣ эти части составляютъ 30 милліоновъ. Тогда вся прибыль капиталистовъ 70 милліоновъ, средняя годовая норма 7%.

Возвращаясь къ изучаемому въ частности періоду капитализма—эпохѣ мануфактуръ—приходится отмѣтить, что тогда норма прибыли была очень высока, измѣрялась вообще десятками процентовъ (при особенно благо-

пріятныхъ условіяхъ доходила до 300—400%). Объяснять себѣ это приходится такимъ образомъ: пока трудъ остается ручнымъ, затраты на рабочую силу, т. е. перемѣнный капиталъ, представляютъ очень значительную часть всего капитала, а такъ какъ прибыль создается перемѣннымъ капиталомъ, то чѣмъ онъ больше, тѣмъ процентъ прибыли выше. Поэтому, хотя въ мануфактурныхъ предпріятіяхъ норма прибавочной стоимости и не очень высока, процентъ прибыли значителенъ.

Однако, общая масса прибыли далеко не достигаетъ такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ въ эпоху развитого машиннаго капитализма: самые капиталы еще сравнительно малы, а большой процентъ на малый капиталъ еще не представляетъ изъ себя значительной суммы.

б) Земельная рента.

Въ феодальную эпоху жизни человѣчества, когда земледѣліе представляло изъ себя основную и господствующую форму производства, землевладѣніе было неразрывно связано съ организаторской ролью въ общественной борьбѣ съ природой. Доходъ землевладѣльца-феодала (барщина и оброкъ) былъ необходимъ слѣдствіемъ этой организаторской дѣятельности, и въ то же время необходимымъ условіемъ для того, чтобы землевладѣлецъ выполнялъ свою общественно-полезную роль.

Развитіе мѣнового хозяйства измѣняетъ характеръ и значеніе землевладѣльческаго дохода. По формѣ, измѣненіе заключается въ томъ, что доходъ начинаетъ получаться не въ натуральномъ видѣ, т.-е. не прямо въ продуктахъ, а предварительно обращается въ деньги. По существу, измѣненіе заключается въ томъ, что доходъ этотъ все менѣе связывается съ организаторской производственной дѣятельностью землевладѣльца, такъ какъ, вовлеченный въ систему мѣновыхъ отношеній, феодалъ все въ большей степени избавляетъ себя отъ такой дѣятельности.

Это не значитъ, что доходъ землевладѣльца сталъ уменьшаться. Напротивъ, какъ было выяснено, именно подъ вліяніемъ развивающагося обмѣна феодальная эксплоатація значительно усиливается, и порождаетъ сначала прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, а затѣмъ ихъ обезземеленіе, полное или частичное.

Когда исчезаютъ барщина и оброкъ, а зависимый крестьянинъ смѣняется частью свободнымъ мелкимъ собственникомъ-земледѣльцемъ, частью арендаторомъ, тогда отъ феодально-организаторской роли почти ничего не остается. Впрочемъ, помѣщикъ не всегда отдаетъ свою землю въ аренду, а нерѣдко при помощи наемныхъ работниковъ ведетъ на ней собственное хозяйство; но типъ хозяйства и тогда вполнѣ капиталистическій, непохожій на феодальную организацію производства. Доходъ землевладѣльца становится аналогиченъ «прибыли» капиталиста: земля превращается въ капиталъ, и изъ общей суммы прибавочной стоимости, производимой въ данномъ обществѣ, владѣлецъ земли долженъ получить свою долю, какъ всякій другой капиталистъ. Только размѣры этой

доли опредѣляются нѣсколько иными условіями, чѣмъ для другихъ капиталистовъ.

Развитіе капиталистическихъ формъ землевладѣнія совершалось съ извѣстной постепенностью. Обломки феодальныхъ отношеній только въ Англіи исчезли въ срединѣ XVIII вѣка, въ прочихъ же европейскихъ странахъ сохранялись дольше: до конца XVIII вѣка во Франціи, до послѣдняго времени—въ Германіи, Австріи и др. Въ Россіи до настоящаго момента ихъ имѣется цѣлая масса повсюду, а на Кавказѣ существуютъ почти настоящія крѣпостныя отношенія.

Пережитки феодализма по дорогѣ весьма разнообразны для различныхъ странъ и эпохъ. Иногда они сводятся къ натурально-хозяйственной арендѣ; сюда относится, во-первыхъ, аренда за отработки, происшедшая изъ прежней барщины, во-вторыхъ, половничество, сходное съ феодальными оброчными отношеніями (арендаторъ-половникъ отдаетъ владѣльцу земли опредѣленную часть своего продукта, всего чаще половину, нерѣдко больше). Иногда, какъ напр., въ Россіи, въ силу особенныхъ историческихъ условій, среди развивающихся капиталистическихъ отношеній сохраняются долгое время остатки крѣпостной общины (обыкновенно государство поддерживаетъ общину въ силу тѣхъ же причинъ, по которымъ раньше ее поддерживалъ феодалъ: въ видахъ взысканія различныхъ повинностей удобнѣе имѣть дѣло съ общиной, члены которой связаны круговой порукой, чѣмъ съ отдѣльными хозяйствами).

Остатки прежнихъ отношеній экономическое развитіе устраняетъ различными путями. Какъ было уже раньше указано, ради собственной выгоды помѣщикъ, съ развитіемъ денежнаго хозяйства, начинаетъ переводить крестьянскія повинности изъ натуральныхъ въ денежныя, ради собственной выгоды замѣняетъ потомъ въ массѣ случаевъ зависимыхъ наслѣдственныхъ арендаторовъ — вольными, и т. д. Тамъ, гдѣ остатки прошлаго сохраняются слишкомъ долго, такъ что чувствительно стѣсняютъ развитіе, они уничтожаются обыкновенно съ помощью законодательныхъ актовъ. Здѣсь не приходится разсматривать подробнѣе исторію подобныхъ измѣненій. Во всякомъ случаѣ, они совершались всюду, гдѣ совершалось развитіе мѣнового общества.

Сущность ренты и законы ея измѣненій выступаютъ всего яснѣе, если изучать ихъ на развитыхъ формахъ поземельныхъ отношеній капиталистическаго общества. Отношенія менѣе законченныя легче изслѣдовать, уже основываясь на нѣкоторомъ знакомствѣ съ болѣе законченными.

Предприниматель, обладающій капиталомъ, желаетъ организовать предпріятіе—промышленное, торговое, земледѣльческое—это безразлично. Никакое предпріятіе не можетъ быть устроено внѣ пространства; слѣдовательно, предпринимателю надо занять подходящій участокъ земли. Но въ культурной, капиталистической странѣ нѣтъ земли безъ владѣльца,— землю надо купить или арендовать, потому что даромъ ее не уступятъ.

Итакъ, предприниматель покупаетъ или арендуетъ участокъ земли, положимъ, совершенно необработанной, не заключающей въ себѣ ни атома человѣческаго труда, — земли, которая не имѣетъ стоимости. За

что же, въ такомъ случаѣ платитъ предприниматель? **За возможность приложенія общественнаго труда на данномъ пространствѣ земли.** Тутъ обмѣнъ подчиняется не закону трудовой стоимости, а закону монополіи. Если бы земля не была монополизирована, капиталисту не пришлось бы платить за участокъ земли, за возможность приложенія на немъ общественнаго труда. Въ уплатѣ за простую возможность производственной дѣятельности нѣтъ ничего необычнаго для капиталистическихъ отношеній: вѣдь и самъ предприниматель получаетъ прибавочную стоимость на томъ основаніи, что даетъ работнику возможность участвовать въ общественномъ производствѣ.

Форма уплаты — покупка или аренда—не имѣетъ большого значенія для даннаго вопроса. Пусть арендная плата за землю—1.000 рублей; если землевладѣлецъ продаетъ данный участокъ, то онъ беретъ за него такую сумму, которая безъ хлопотъ и риска давала бы ему годовой доходъ, равный 1.000 рублей. Если обычный кредитный процентъ составляетъ 4% въ годъ, то покупная цѣна участка составитъ 25.000 рублей, потому что эта сумма приноситъ владѣльцу 1.000 рублей дохода съ тѣмъ же удобствомъ, какъ въ формѣ ренты за землю. Вообще, покупная цѣна земли представляетъ изъ себя, какъ принято говорить, капитализированную ренту, т.-е. ренту, замѣненную капиталомъ, дающимъ равную ей кредитную прибыль. Затративши капиталъ на покупку земли, предприниматель относитъ эту затрату къ необходимымъ издержкамъ предпріятія, и долженъ получать обычную прибыль на эту затрату; другими словами, ставши землевладѣльцемъ, онъ долженъ впредь получать и ренту за землю.

Но съ кого получаетъ ренту предприниматель, который отдаетъ ее землевладѣльцу или беретъ себѣ, если земля принадлежитъ ему же? Очевидно, со своихъ покупателей, въ цѣнѣ продуктовъ. Такимъ образомъ, цѣна продукта, кромѣ обычныхъ издержекъ производства и обычной прибыли, должна окупать еще ренту; иначе предпріятіе не выгодно для капиталиста. Положимъ, горнопромышленникъ затратилъ на орудія, матеріалы и рабочую силу 750.000 рублей, при чемъ произведено милліонъ пудовъ чугуна; обычная норма прибыли 10% въ годъ, а рента за землю подъ рудникомъ и заводскими строеніями—25.000 рублей; въ такомъ случаѣ продуктъ долженъ быть проданъ за 750.000 + 75.000 + 25.000 — за 850.000 рублей, по 85 копеекъ за пудъ, чтобы предпріятіе могло считаться доходнымъ.

Такъ обстоитъ дѣло съ точки зрѣнія отдѣльнаго капиталиста, отдѣльнаго землевладѣльца. Въ какомъ видѣ представится оно съ точки зрѣнія всего общественнаго хозяйства?

Землевладѣлецъ желаетъ, чтобы рента была возможно выше; капиталистъ же стремится платить за землю возможно меньше, — въ этомъ состоитъ противоположность ихъ интересовъ. Отсюда—борьба за ренту. Исходъ борьбы опредѣлятся, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, взаимнымъ отношеніемъ силъ, степенью власти землевладѣльца надъ капиталистомъ, и обратно. Если въ странѣ есть много свободной земли,

которую ея владѣльцы желаютъ уступить подъ какія-нибудь предпріятія, земледѣльческія или промышленныя, то капиталисты находятся въ благопріятныхъ условіяхъ борьбы: землевладѣльцы сильно въ нихъ нуждаются, конкуррируютъ между собою на земельномъ рынкѣ и не могутъ требовать большой ренты. Наоборотъ, если незанятой земли, пригодной для предпринимательскихъ цѣлей, осталось уже сравнительно немного, тогда капиталисты больше нуждаются въ землевладѣльцахъ, сильнѣе конкуррируютъ между собою и принуждены платить болѣе высокую ренту.

При такихъ условіяхъ, очевидно, по мѣрѣ расширенія производства, по мѣрѣ уменьшенія площади земли, незанятой капиталистическими предпріятіями, но пригодной для этого, должна возрастать власть земельныхъ монополистовъ надъ предпринимателями, должна повышаться рента. Предѣлъ этого повышенія во всякій данный моментъ зависитъ отъ соотношенія силъ и интересовъ въ борьбѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если землевладѣльцы извѣстной страны начинаютъ требовать чрезмѣрно высокой платы за землю, т.-е. слишкомъ сильно урѣзываютъ прибыль капиталистовъ, то капиталисты изыскиваютъ средства перенести свои капиталы въ другія страны, что и наблюдается нерѣдко въ дѣйствительности. Если же это средство неосуществимо, то должно произойти замедленіе въ развитіи производства, такъ какъ для капиталистовъ уменьшена возможность накопленія; условія конкурренціи станутъ особенно тягостны, такъ что крушеніе болѣе мелкихъ предпринимателей ускорится; ихъ капиталы, объединившись въ рукахъ меньшаго числа крупныхъ капиталистовъ, представятъ изъ себя болѣе значительную силу, чѣмъ прежде, потому что эта сила менѣе раздроблена; и землевладѣльцы, которые легче справлялись съ болѣе слабыми предпринимателями, принуждены будутъ идти на уступки передъ болѣе сильными.

Итакъ, общая сумма ренты, получаемой въ данномъ обществѣ землевладѣльцами, зависитъ отъ слѣдующихъ двухъ условій: во-первыхъ, отъ общей суммы прибавочной стоимости, производимой въ странѣ и подлежащей дѣлежу между землевладѣльцами и предпринимателями; во-вторыхъ, отъ исторически сложившагося соотношенія силъ обоихъ классовъ въ борьбѣ за ренту и прибыль. Первое условіе опредѣляется, очевидно, общимъ уровнемъ развитія производства; но имъ же опредѣляется и второе условіе, какъ видно изъ того факта, что возрастаніе спроса на землю со стороны расширяющагося производства увеличиваетъ власть землевладѣльцевъ надъ предпринимателями, а замѣна мелкихъ предпріятій крупными имѣетъ обратное вліяніе.

Положимъ, общая сумма капитала страны—1.200 милліоновъ часовъ, что соотвѣтствуетъ 120 милліонамъ рублей; ежегодная сумма прибавочной стоимости—120 милліоновъ часовъ, въ денежной формѣ 12 милліоновъ рублей. Изъ нихъ: землевладѣльцы берутъ себѣ 3 милліона рублей, предпринимателямъ остается 9 милліоновъ. Норма прибыли за годъ оказывается тогда $7\frac{1}{2}\%$ (9 милл. на 120 милл.); и «норма ренты» для всей страны $2\frac{1}{2}\%$ (3 милл. на 120 милл.). Съ развитіемъ производства

капиталъ возрастаетъ, напр., до 300 милл. рублей; прибавочная стоимость, положимъ, 25 милліоновъ; изъ нихъ землевладѣльцы, пользуясь возрастаніемъ своей власти надъ капиталистами, которымъ труднѣе, чѣмъ прежде, находить для себя землю подъ предпріятія, берутъ цѣлыхъ 10 милл., оставляя предпринимателямъ 15 милл.; норма прибыли 5%, величина ренты для всей страны $3^1/_3$%. Далѣе, производство еще возрастаетъ: сумма капитала—800 милл. рублей, прибав. стоимость 60 милл.; но капиталистамъ удалось найти новое поле для приложенія капиталовъ, напр., страна завела колоніи, гдѣ много свободной дешевой земли, подходящей для земледѣльческихъ и промышленныхъ предпріятій. Тогда землевладѣльцы принуждены стать уступчивѣе; они берутъ уже не $^2/_5$, а только треть общей суммы прибав. стоим., именно 20 милл. рублей; прибыль—40 милл., норма прибыли—5%, на долю ренты—$2^1/_2$%.

Перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, какимъ образомъ распредѣляется общая сумма ренты между отдѣльными землевладѣльцами.

При этомъ надо принять во вниманіе неоднородность различныхъ участковъ земли: на однихъ приложеніе труда болѣе производительно, на другихъ—менѣе производительно. Такое различіе особенно ясно выступаетъ въ добывающей промышленности: въ земледѣліи—благодаря неодинаковому плодородію земли—оказывается, что на одномъ участкѣ урожай самъ 5, а на другомъ, при равныхъ затратахъ капитала и труда, самъ 10; въ горномъ дѣлѣ—на одномъ участкѣ руда болѣе богатая металломъ, на другомъ—менѣе, и т. д. Но и въ обрабатывающей промышленности немалое значеніе имѣетъ близость, напр., воды, необходимой для производства, или возможность примѣнить движущую силу теченія рѣки, ручья. Далѣе, во всѣхъ рѣшительно капиталистическихъ предпріятіяхъ весьма важнымъ, по отношенію къ производительности труда, является разстояніе отъ рынковъ, гдѣ покупаются матеріалы и продаются произведенные товары, а также наличность удобныхъ или неудобныхъ путей къ этимъ рынкамъ. Ибо стоимость перевозки входитъ въ стоимость продукта, и если перевозка стоитъ меньше труда, чѣмъ обыкновенно, то производительность труда въ данномъ предпріятіи оказывается выше средней.

Итакъ, передъ нами рядъ однородныхъ предпріятій, положимъ, земледѣльческихъ, которыя ведутся въ неодинаковыхъ природныхъ условіяхъ. На одномъ участкѣ земли, при издержкахъ на средства производства и рабочую силу, равныхъ 10.000 рублей, получается 10.000 пудовъ хлѣба, это—участокъ наихудшаго качества; на другомъ, при тѣхъ же издержкахъ, получается хлѣба 15.000 пудовъ; на третьемъ, наилучшемъ по качеству—20.000 пудовъ. Обычный годовой процентъ прибыли, положимъ—5%. Предприниматель, который ведетъ хозяйство на худшемъ участкѣ земли, долженъ получать свои 5%, т.-е. 500 рублей прибыли въ годъ, иначе онъ счелъ бы предпріятіе невыгоднымъ и постарался бы перенести свой капиталъ въ другую область производства. Но такъ какъ земля не принадлежитъ ему и даромъ онъ ее получить не можетъ, то онъ принужденъ еще, сверхъ того, платить землевладѣльцу извѣстную

ренту, конечно, не очень большую, потому что участокъ хуже другихъ: иначе предприниматель перенесетъ свой капиталъ въ другую страну, находя, что издержки по перевозкѣ товаровъ меньше излишка ренты. Пусть рента—300 руб. Итакъ, въ цѣнѣ продукта предпринимателю слѣдуетъ получить всего 10.800 руб. (10.000 р. издержекъ производства, 500 р. прибыли и 300 р. ренты). Слѣдовательно, пудъ хлѣба онъ долженъ продавать по 1 р. 8 к.; дешевле онъ продавать не можетъ— тогда ему пришлось бы бросать дѣло; продать дороже ему, вообще говоря, не удастся—тогда его прибыль была бы выше обычной. Очевидно, въ данномъ обществѣ рыночная цѣна хлѣба и равняется приблизительно 1 р. 8 к. Если она ниже этой нормы, земледѣліе сокращается, и цѣна хлѣба повышается вслѣдстіе пониженнаго предложенія; если она выше,—прибыль въ земледѣліи больше обычной, капиталы стремятся въ эту область, и землевладѣлецъ, пользуясь ихъ конкурренціей, повышаетъ ренту такъ, чтобы прибыль свелась къ обычной, напр., беретъ себѣ 500—1.000 рублей.

Рента съ наихудшаго участка земли называется абсолютной рентой. Итакъ, обычная рыночная цѣна хлѣба соотвѣтствуетъ издержкамъ производства при наихудшихъ природныхъ условіяхъ, въ которыхъ капиталисты еще ведутъ дѣло, плюсъ обычная прибыль, плюсъ абсолютная рента. Это, очевидно, относится не къ одному хлѣбу, но и ко всѣмъ другимъ продуктамъ; при чемъ въ обрабатывающей промышленности значеніе природныхъ условій въ наше время сравнительно менѣе велико, чѣмъ въ земледѣліи съ его отсталой техникой, съ его сильной зависимостью отъ почвы, климата, съ его потребностью въ большихъ пространствахъ земли.

Рынокъ не дѣлаетъ никакого различія между продуктомъ, произведеннымъ при худшихъ и при лучшихъ условіяхъ: цѣна одна и та же, въ нашемъ примѣрѣ 1 р. 8 к.; 15,000 пудовъ хлѣба, произведенныхъ на второмъ участкѣ, будутъ, стало-быть, проданы за 16.200 руб., т.-е. сверхъ обычныхъ издержекъ и прибыли, останется 5.700 руб., которые землевладѣлецъ и присвоитъвъ видѣ ренты. Капиталисту изъ этихъ 5.700 рублей ничего не достанется—онъ получитъ только свою обычную прибыль, по закону годовыхъ нормъ прибыли: если бы рента оказалась ниже 5.700 рублей, а прибыль больше 500 р., то немедленно явились бы конкурренты—другіе капиталисты, которые согласилисьбы на повышеніе ренты.

Итакъ, владѣлецъ второго участка, сверхъ 300 руб. абсолютной ренты, получаетъ еще 5.400 руб., которые и составляютъ такъ называемую дифференціальную ренту. Для владѣльца третьяго, самаго лучшаго участка, дифференціальная рента еще больше—10.800 руб., какъ можно видѣть изъ простого вычисленія, подобнаго предыдущему.

Тутъ можетъ явиться вопросъ, не противорѣчитъ ли теоріи трудовой стоимости указанная связь между рыночной цѣной и худшими природными условіями, въ какихъ только ведется еще производство. Въ конеч-

номъ счетѣ цѣны опредѣляются стоимостями, а стоимость есть среднее количество трудовой энергіи, необходимое для производства продукта, слѣдовательно, величина стоимости соотвѣтствуетъ затратамъ труда при среднихъ природныхъ условіяхъ, а не при худшихъ: казалось бы, и къ средней рыночной цѣнѣ должно относиться то же самое, т.-е. она должна соотвѣтствовать издержкамъ производства при среднихъ природныхъ условіяхъ плюсъ прибыль, плюсъ абсолютная рента. Но противорѣчіе здѣсь лишь кажущееся, и легко устраняется анализомъ.

Стоимость товара распадается, какъ извѣстно, на стоимость постояннаго и перемѣннаго капитала и прибавочную стоимость. Цѣна, соотвѣтственно этому, должна разлагаться на среднія издержки производства, среднюю прибыль и среднюю ренту (ибо общая сумма ренты и прибыль равна общей суммѣ прибавочной стоимости). По формулѣ же этой главы цѣна разлагается иначе: вмѣсто среднихъ издержекъ производства взяты издержки производства на худшемъ, наименѣе удобномъ для даннаго рода предпріятій участкѣ земли, а вмѣсто средней ренты взята абсолютная. Но не трудно видѣть, что насколько издержки на худшей землѣ больше издержекъ на средней, насколько абсолютная рента меньше средней, въ которую, кромѣ абсолютной, входитъ еще средняя дифференціальная рента. Такимъ образомъ, двѣ формулы цѣны между собою совершенно тождественны. Провѣримъ это на нашемъ числовомъ примѣрѣ, считая второй участокъ за средній:

Производство 10.000 п. хлѣба на худшемъ участкѣ требуетъ издержекъ
постоян. и перемѣн. капит. 10.000 р.
5% прибыли 500 „
абсолютной ренты 300 „
Итого 10.800 р., по 1 р. 8 к. за п.

Средній участокъ равныхъ размѣровъ съ худшимъ, при затратѣ 10.000 рублей постояннаго и перемѣннаго капитала, даетъ 15.000 пуд., значитъ для сравненія съ худшимъ, надо брать участокъ въ $1^1/_2$ раза меньше, съ котораго получается также 10.000 пудовъ; тогда оказывается:

издержки постояннаго и перемѣннаго капитала	$6.666^2/_3$ р.	(въ $1^1/_2$ раза мен. 10.000 р.)
прибыль 5%	$333^1/_3$ „	
средняя рента	3.800 „	(въ $1^1/_2$ раза мен. 5.700 р.)
Итого	10.800 р. по 1 р. 8 коп. за пудъ.	

Дѣло въ томъ, что при разсчетѣ для средняго участка издержекъ берется на $3.333^1/_3$ р. меньше, прибыли на $166^2/_3$ р. меньше, даже абсолютной ренты на 100 р. меньше (200 р. вмѣсто 300 р., потому что участокъ берется въ $1^1/_2$ раза меньше), но зато въ цѣну входитъ отсутствующая для худшихъ участковъ средняя дифференціальная рента—3.600 р.: и результатъ получается одинъ и тотъ же.

Всѣ эти разсчеты примѣнимы и ко всѣмъ другимъ товарамъ, съ той только разницей, что въ обрабатывающей промышленности дифференціальная рента, а тѣмъ болѣе абсолютная, имѣетъ меньше значенія, чѣмъ въ земледѣліи.

Изъ этого разсчета, между прочимъ, видно, въ какомъ смыслѣ цѣна опредѣляется трудовой стоимостью въ эпоху капитализма. Цѣна продукта опредѣляется средними издержками постояннаго и перемѣннаго капитала, плюсъ средній капиталистическій доходъ (сумма средней прибыли и средрей ренты). А средняя норма капиталистическаго дохода опредѣляется отношеніемъ всей суммы прибавочной стоимости къ трудовой стоимости всего капитала страны. Такимъ образомъ, законъ трудовой стоимости опредѣляетъ цѣны косвенно, опредѣляя норму капиталистическаго дохода, которая, въ свою очередь, опредѣляетъ цѣну при данныхъ затратахъ постояннаго и перемѣннаго капитала.

Особенно громадныхъ размѣровъ достигаетъ дифференціальная рента въ промышленныхъ мѣстностяхъ и въ городахъ, гдѣ приложеніе общественнаго труда совершается наиболѣе интенсивно, гдѣ близость рынка создаетъ большое сбереженіе труда на перевозкѣ и храненіи товаровъ. Въ самомъ дѣлѣ, пусть одна фабрика, производящая милліонъ пудовъ товару, находится въ 1 верстѣ отъ рынка, а другая, такая же—въ 11 верстахъ; перевозка милліона пудовъ на 10 верстъ представляетъ громадную затрату, и если первая фабрика избѣгаетъ этой затраты, то при обычной величинѣ прибыли перваго фабриканта все сбереженіе уйдетъ въ дифференціальную ренту для землевладѣльца—въ уплату за возможность прилагать общественный трудъ при особенно благопріятныхъ условіяхъ. Впрочемъ, экономическая сила крупнаго капиталиста такова, что нерѣдко онъ оттягиваетъ себѣ часть этой дифференціальной ренты—и тѣмъ легче побиваетъ конкуррентовъ.

Общій прогрессъ производства приводитъ, какъ было указано, къ тому, что рента возрастаетъ, помимо всякаго участія со стороны ея получателей: возрастаетъ, вмѣстѣ со спросомъ на землю для всякаго рода предпріятій—власть монополистовъ земли надъ предпринимателями.

При этомъ возрастаетъ главнымъ образомъ дифференціальная рента, особенно, когда вблизи какихъ-нибудь участковъ проводятся хорошіе пути сообщенія, сближающіе эти участки съ рынкомъ, или когда на этихъ участкахъ открываются новыя природныя богатства и т. п.

Благодаря постоянному возрастанію ренты, земля продается обыкновенно дороже, чѣмъ слѣдуетъ по расчету капитализаціи ренты: будущее возрастаніе ренты отчасти оплачивается въ цѣнѣ земли. При этомъ не мѣшаетъ отмѣтить, что продажа земли упрочиваетъ ренту. Въ самомъ дѣлѣ, капиталистъ, купившій землю, смотритъ на тѣ деньги, которыя за нее заплатилъ, какъ на вложенный въ землю капиталъ, который непремѣнно долженъ приносить соотвѣтственную прибыль. Ренту охраняетъ съ этого времени не только сила монополіи, но и сила конкурренціи капиталовъ, требующая равной для всѣхъ капиталовъ нормы прибыли.

Такъ называемую арендную плату не слѣдуетъ прямо смѣшивать съ рентой. Арендуется, по большей части, не голая, необработанная земля, а вмѣстѣ съ находящимися на ней строеніями, вмѣстѣ съ улучшеніями, произведенными въ ней предыдущимъ трудомъ, нерѣдко вмѣстѣ съ орудіями, скотомъ и т. п. Все это представляетъ изъ себя нѣкоторый реальный капиталъ, который ссужается арендатору и который долженъ приносить кредитору, т.-е. землевладѣльцу, обычный кредитный процентъ. Часть арендной платы представляетъ, слѣдовательно, обычную прибыль на кредитный капиталъ землевладѣльца; эту часть надо вычесть изъ арендной платы, чтобы получить чистую ренту.

Рядомъ съ развитыми формами капиталистическаго землевладѣнія въ эпоху мануфактуръ повсюду, и еще позже—въ большей части странъ, сохраняются формы менѣе законченныя, особенно въ земледѣліи. Къ числу такихъ формъ можно, пожалуй, отнести и тѣ хозяйства, въ которыхъ землевладѣлецъ и капиталистическій предприниматель совмѣщаются

въ одномъ лицѣ, которое получаетъ и ренту, и прибыль. Но на этомъ здѣсь нѣтъ надобности останавливаться: такое совмѣщеніе почти ничего не измѣняетъ въ общемъ ходѣ дѣла.

Очень часто роль арендатора играетъ не капиталистъ, а мелкій производитель, обходящійся вполнѣ или почти безъ наемнаго труда, обыкновенно крестьянинъ-земледѣлецъ. Въ этомъ случаѣ «прибыль» фермера очень легко сводится къ нулю: мелкій арендаторъ не обладаетъ силой капиталиста, онъ не можетъ успѣшно бороться съ землевладѣльцемъ изъ-за арендной платы, и рента доводится до того уровня, при которомъ арендатору остаются только необходимыя средства къ жизни. Въ сущности, онъ тогда—наемный работникъ землевладѣльца, подъ маской самостоятельнаго арендатора. Подъ вліяніемъ торговаго капитала, который, съ своей стороны, эксплоатируетъ мелкаго арендатора, доля этого послѣдняго падаетъ иногда еще ниже, до такой степени, которая обусловливаетъ вырожденіе производителя (примѣръ—Ирландія).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда землевладѣлецъ и земледѣлецъ совмѣщаются въ лицѣ одного и того же крестьянина, дѣло сводится, на первый взглядъ, къ тому, что одно и то же лицо получаетъ и заработную плату, и прибыль, и ренту. Въ дѣйствительности при этомъ прибыль обыкновенно весьма скоро переходитъ къ торговому капиталисту, какъ и въ предыдущемъ случаѣ; а рента имѣетъ, вообще, сравнительно небольшіе размѣры, потому что классъ мелкихъ земледѣльцевъ-собственниковъ не имѣетъ за собой такой значительной исторически сложившейся общественной силы, какъ классъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Итакъ, что такое земельная рента? Это та доля прибавочной стоимости, которую капиталистъ уступаетъ землевладѣльцу за возможность приложенія общественнаго труда на данномъ пространствѣ земли.

Возможность эксплоатаціи силъ природы общественнымъ трудомъ неограниченна: даже наиболѣе плодородная почва, и притомъ въ наиболѣе густо населенныхъ странахъ, далеко не вся обработана. Но общество не можетъ безпрепятственно всѣмъ этимъ пользоваться: оно встрѣчаетъ сопротивленіе со стороны класса землевладѣльцевъ, и сопротивленіе это преодолѣвается съ помощью ренты.

в) Заработная плата.

Стоимость рабочей силы рабочій получаетъ въ видѣ заработной платы.

Въ періоды натурально-хозяйственные наемный трудъ представляетъ рѣдкое исключеніе. Работа странствующаго ремесленника феодальныхъ временъ на дому у заказчика изъ принадлежащаго заказчику матеріала имѣетъ лишь внѣшнее сходство съ наемнымъ трудомъ; плата, которую получаетъ такой ремесленникъ, соотвѣтствуетъ не стоимости его рабочей силы, а стоимости, вновь произведенной его трудомъ, — тутъ еще нѣтъ никакой эксплоатаціи, потому что ремесленникъ самъ обладаетъ орудіями

производства и, по меньшей мѣрѣ, такъ же легко можетъ обойтись безъ всякаго даннаго заказчика, какъ тотъ безъ него.

Впервые наемный трудъ начинаетъ играть замѣтную роль въ жизни тогда, когда въ городахъ развивается мелко-буржуазная организація ремесла. Подмастерья и ученики уже представляютъ изъ себя наемныхъ работниковъ мастера. Однако, до тѣхъ поръ, пока сохраняются патріархальныя отношенія въ предѣлахъ ремесленнаго хозяйства, пока роль подмастерья является только переходной ступенью къ званію мастера, заработная плата подмастерья не строго опредѣляется стоимостью рабочей силы, а бываетъ нѣсколько выше ея; иначе подмастерье за время своей службы не могъ бы скопить необходимыхъ средствъ, чтобы устроить затѣмъ собственную мастерскую и собственное хозяйство. Но когда торговый капиталъ разстраиваетъ прежнюю гармонію патріархально-ремесленныхъ отношеній и, эксплоатируя мастера, заставляетъ его эксплоатировать подмастерьевъ, тогда уровень заработной платы въ ремеслѣ падаетъ до уровня стоимости необходимыхъ жизненныхъ средствъ, до уровня стоимости рабочей силы.

Какъ было выяснено, торговый капиталъ только формально не превращаетъ мелкаго ремесленника и крестьянина въ наемныхъ работниковъ; въ дѣйствительности же, за ихъ трудъ онъ оставляетъ имъ только стоимость рабочей силы, такъ что по существу ихъ матеріальное положеніе не отличается отъ положенія наемныхъ работниковъ.

Развитіе промышленнаго капитала означаетъ развитіе наемнаго труда, который только съ этого времени начинаетъ играть крупную роль въ производственной жизни общества. «Заработокъ» самостоятельнаго мелкаго производителя все болѣе вытѣсняется заработной платой производителя-пролетарія.

Первичной формой заработной платы является натуральная, т.-е. плата продуктами, предметами потребленія. Эта форма заработной платы интересна, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что стоимость рабочей силы выступаетъ здѣсь съ очевидностью, какъ стоимость производства необходимыхъ средствъ къ жизни.

Натуральная плата удерживается особенно долго въ земледѣліи, что и понятно, такъ какъ его продукты какъ разъ представляютъ значительную часть необходимыхъ жизненныхъ средствъ работника. Въ этой области производства она отчасти сохраняется даже при довольно развитомъ капитализмѣ, но уже непремѣнно въ соединеніи съ денежной платой. Въ такой же смѣшанной, но по преимуществу натуральной формѣ получалъ свою плату подмастерье среднихъ вѣковъ. И до сихъ поръ еще въ мелкихъ предпріятіяхъ хозяева часто находятъ болѣе выгоднымъ, чтобы работникъ жилъ «на хозяйскихъ харчахъ» и только часть платы получалъ деньгами.

Съ широкимъ развитіемъ обмѣна и денежнаго обращенія, натуральная плата всюду исчезаетъ. Денежная форма удобнѣе и для рабочаго, которому она даетъ возможность по личному выбору покупать средства по-

требленія, и для капиталиста, котораго она избавляетъ отъ труда покупать средства потребленія для рабочихъ.

При крупномъ капиталистическомъ производствѣ можно встрѣтить нѣчто въ родѣ смѣшанной платы, но въ совершенно особенной формѣ: такъ называемая «система прижимки». Предприниматель устраиваетъ при своемъ промышленномъ предпріятіи лавку и заставляетъ рабочихъ покупать въ ней продукты; цѣны назначаются, конечно, такія, которыя даютъ хорошую прибыль. «Система прижимки» позволяетъ капиталисту до крайности уменьшать дѣйствительную заработную плату, не прибѣгая къ явному ея пониженію (Во многихъ странахъ, въ томъ числѣ въ Россіи, законодательство дѣлаетъ попытки уничтожить эту систему или хотя бы ограничить ея примѣненіе. Но предприниматели зачастую находятъ средства обходить запрещенія).

Заработная плата разсчитывается по двумъ различнымъ способамъ: или поденно, понедѣльно, помѣсячно, вообще — повременно, или сдѣльно—поштучно. По первому типу производилась обыкновенно расплата мастера съ его подмастерьями. Второй въ наибольшей степени исторически связанъ съ домашне-капиталистической формой промышленности, гдѣ производитель и не могъ получать своей платы иначе, какъ поштучно.

Въ эпоху промышленнаго капитализма оба способа встрѣчаются рядомъ: капиталистъ выбираетъ тотъ изъ нихъ, который въ данномъ случаѣ для него выгоднѣе; оба имѣютъ свои удобства и свои неудобства для предпринимателя.

При повременной платѣ рабочій менѣе напрягаетъ свои силы, бережетъ ихъ; его трудъ менѣе интенсивенъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы усиленно онъ ни тратилъ своей энергіи, а за день онъ получитъ столько же.

Поштучная плата принуждаетъ работника трудиться гораздо напряженнѣе, онъ старается сдѣлать какъ можно больше, потому что это увеличиваетъ его заработокъ. Но, благодаря поспѣшности работы, понижается качество продукта. Слѣдовательно, повременная плата выгоднѣе для предпринимателя тамъ, гдѣ особенное значеніе имѣетъ качество товара.

Впрочемъ, и при сдѣльной платѣ предприниматель можетъ, путемъ строгой браковки и штрафовъ, добиться постепенно большей тщательности въ работѣ, высокаго качества продуктовъ. Далѣе, сдѣльная плата имѣетъ то преимущество для предпринимателя, что даетъ возможность мало-по-малу увеличивать прибыль, получаемую отъ каждаго рабочаго. Это происходитъ такъ. Въ расчетѣ на лишній заработокъ, рабочіе трудятся энергичнѣе, и нѣкоторое время дѣйствительно получаютъ плату больше обычной. Но когда повышенная напряженность труда уже вошла у нихъ въ привычку, предприниматель понижаетъ расцѣнку, такъ что заработная плата спускается приблизительно до прежняго уровня. Чтобы увеличить заработокъ, работники должны опять повышать интенсивность труда; а затѣмъ вновь повторяется пониженіе расцѣнки, и т. д.

При такихъ условіяхъ естественно, что съ развитіемъ капитализма, сдѣльная плата все болѣе вытѣсняетъ повременную.

Чтобы заключить обзоръ формъ заработной платы, приходится еще упомянуть о платѣ съ участіемъ въ прибыли. Сверхъ повременной или сдѣльной платы, между работниками распредѣляется еще извѣстная часть прибыли, напр., 5—10%. Серьезнаго, общаго значенія эта форма платы не имѣетъ. Она слишкомъ рѣдко является выгодной для предпринимателя. Примѣняется она почти исключительно тамъ, гдѣ особенно важно заинтересовать рабочихъ въ качествѣ ихъ работы, — напр., на мануфактурахъ музыкальныхъ инструментовъ, или гдѣ желательно, въ виду малочисленности въ странѣ искусныхъ и опытныхъ работниковъ данной спеціальности, привязать какъ можно тѣснѣе рабочихъ къ **данному** предпріятію.

Предприниматель отдаетъ заработную плату **послѣ** выполненія работы. Исключенія изъ этого правила очень рѣдки. Слѣдовательно, рабочій, вообще говоря, ссужаетъ капиталисту свою рабочую силу, отдаетъ ее въ кредитъ: она потребляется раньше, чѣмъ оплачивается.

Благодаря этому, пріобрѣтаетъ для рабочаго особенное значеніе срокъ расплаты — недѣльный, двухнедѣльный, мѣсячный, и т. д. Отъ одной получки до другой работникъ принужденъ обыкновенно жить въ долгъ. Но лавочникъ, у котораго онъ покупаетъ предметы потребленія, оказываетъ кредитъ не даромъ. Чѣмъ рѣже выдается плата, тѣмъ затруднительнѣе при такихъ условіяхъ положеніе работника.

Вопросъ о высотѣ заработной платы представляетъ нѣкоторыя спеціальныя трудности для изслѣдованія. Прежде всего слѣдуетъ разсмотрѣть, какимъ способомъ возможно производить сравненіе величины заработной платы для различныхъ мѣстностей и періодовъ времени.

При натуральной формѣ платы такое сравненіе является еще довольно легкимъ: гдѣ работнику даютъ больше продуктовъ, тамъ и плата выше (разумѣется, если продукты одинаковые: въ противномъ случаѣ возможны только весьма приблизительныя сужденія).

При денежной формѣ платы затрудненія возрастаютъ. Если въ одномъ мѣстѣ работникъ получаетъ вдвое больше денегъ, чѣмъ въ другомъ, это еще не значитъ, что его дѣйствительная плата выше. Деньги не сами по себѣ важны для рабочаго, а потому, что онъ покупаетъ на нихъ предметы потребленія. Если въ одной странѣ заработная плата 2 рубля, а въ другой 1 рубль, но въ первой странѣ всѣ предметы потребленія рабочихъ вдвое дороже, то дѣйствительная плата въ обоихъ случаяхъ должна считаться равной.

Такимъ образомъ, приходится различать номинальную, кажущуюся величину платы: столько-то рублей, копеекъ,—и реальную, дѣйствительную величину; чтобы составить себѣ понятіе о реальной платѣ, надо выяснить, какое количество предметовъ потребленія покупается на данную денежную плату: столько-то фунтовъ хлѣба, мяса, столько-то аршинъ полотна и т. д.

Сравнивать прямо денежную плату можно только въ одной и той же мѣстности, въ одно и то же время; иначе легко получаются грубыя ошибки.

Это еще не всѣ трудности. Въ сужденіи о высотѣ заработной платы необходимо принимать во вниманіе также длину рабочаго дня и интенсивность труда, — вообще, количество затратъ трудовой энергіи. Если рабочіе одной страны получаютъ столько же за 10-часовой день, сколько рабочіе другой страны за 12-часовой, то плату вторыхъ слѣдуетъ, очевидно, признать ниже. Если рабочій день въ обоихъ случаяхъ равной длины, напр., 10 часовъ, но работа во второмъ случаѣ интенсивнѣе, то уровень заработной платы для второй страны ниже.

Въ экономической литературѣ, благодаря всѣмъ указаннымъ трудностямъ, нерѣдки нескончаемые споры о томъ: повысилась или понизилась заработная плата тамъ-то и за такой-то періодъ времени.

Во всякомъ случаѣ, заработная плата есть не что иное, какъ рыночная цѣна рабочей силы. Поэтому, въ среднемъ она приблизительно соотвѣтствуетъ стоимости рабочей силы.

Какъ было изложено, стоимость рабочей силы есть стоимость удовлетворенія привычныхъ потребностей работника и его семьи. По этому поводу надо сдѣлать еще нѣкоторыя поясненія.

1) Въ ряду привычныхъ потребностей работника искусственно развитыя имѣютъ почти такое же вліяніе на стоимость рабочей силы и высоту платы, какъ естественныя.

Наблюденія показали, что если гдѣ-нибудь заработная плата, въ силу благопріятныхъ условій, долго продержалась на повышенномъ уровнѣ, тамъ она уже рѣдко возвращается къ прежней величинѣ или падаетъ ниже ея. Рабочіе упорно отстаиваютъ повышенную плату, чтобы имѣть возможность жить сообразно вновь пріобрѣтеннымъ привычкамъ. Если же все-таки плата понижается, то нерѣдко оказывается, что рабочій уменьшаетъ потребленіе мяса, хлѣба, лишь бы имѣть возможность купить табаку, вина, чаю, книгъ и т. д.

2) Когда говорится, что въ стоимость рабочей силы входитъ стоимость удовлетворенія потребностей семьи работника, то при этомъ подразумѣвается именно семья средняго размѣра.

Далѣе при этомъ предполагается, что въ данномъ обществѣ изъ цѣлой семьи продаетъ свою рабочую силу, среднимъ числомъ, одинъ только человѣкъ, который и зарабатываетъ на всѣхъ членовъ семьи. Если же изъ семьи работаетъ не одинъ человѣкъ, а больше, то плата всѣхъ вмѣстѣ работниковъ должна, въ среднемъ, быть достаточна для удовлетворенія потребностей семьи.

Послѣ этихъ замѣчаній о заработной платѣ вообще, можно перейти къ вопросу о заработной платѣ въ эпоху мануфактуръ.

Трудъ остается даже въ развитой мануфактурѣ все еще ручнымъ, какъ и въ ремеслѣ. Поэтому, личное искусство работника попрежнему имѣетъ большое значеніе.

Различные виды труда при техническомъ его раздѣленіи оказываются

проще или сложнѣе, требуютъ большаго или меньшаго искусства и обученія. По сложности работы, по степени искусства и обученія рабочіе мануфактуръ раздѣляются на разряды, для которыхъ заработная плата неодинакова.

Низшій разрядъ составляютъ такъ называемые чернорабочіе или неискусные работники—представители «простого» труда для эпохи мануфактуръ. Отъ нихъ не требовалось никакого спеціальнаго обученія, имъ поручались такія операціи, которыя можетъ исполнить всякій. Они получали наименьшую плату, соотвѣтственно своимъ весьма низко развитымъ потребностямъ. Обезземеленные крестьяне, бродяги большихъ дорогъ, нищіе—доставляли мануфактурамъ наибольшую часть контингента чернорабочихъ.

Искусные рабочіе составляли своего рода аристократію и получали гораздо больше чернорабочихъ. Между ними существовало также раздѣленіе на болѣе мелкіе разряды по степени искусства и по размѣрамъ платы. Источникомъ искусныхъ рабочихъ являлся первоначально классъ разорившихся ремесленниковъ, а также бывшіе подмастерья.

Принимая во вниманіе, что заработная плата опредѣляется стоимостью рабочей силы, т.-е. стоимостью удовлетворенія жизненныхъ потребностей работника, нетрудно понять, что въ эпоху мануфактуръ могли существовать крупныя и постоянныя различія въ заработной платѣ: выполняя неодинаковую роль въ производствѣ, затрачивая въ процессѣ работы неодинаковое количество общественно-полезной трудовой энергіи, различные разряды работниковъ должны были имѣть и различный уровень потребностей: не даромъ они различались даже по происхожденію изъ болѣе зажиточныхъ и менѣе зажиточныхъ общественныхъ группъ. Но почему капиталистъ считается съ различнымъ уровнемъ потребностей своихъ работниковъ, почему онъ не сбавляетъ плату обученныхъ до размѣровъ платы чернорабочихъ? Вѣдь онъ не заботится о томъ, что обученіе работника чего-нибудь стоило.

Во-первыхъ, само собой понятно, что обученные рабочіе энергично отстаиваютъ свой высокій уровень потребностей. Во-вторыхъ, въ борьбѣ за плату они находятся въ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ, гораздо болѣе благопріятныхъ, чѣмъ необученные. Первыхъ—меньше, конкурренція между ними слабѣе, замѣнить ихъ труднѣе, словомъ—отношеніе спроса и предложенія для нихъ болѣе выгодно, и капиталисту особенно трудно сбавлять ихъ плату.

Насколько выгоднымъ являлось въ общемъ положеніе обученныхъ рабочихъ по отношенію къ предпринимателямъ мануфактуръ, можно видѣть изъ слѣдующаго соображенія. Если нѣсколько работниковъ, выполняющихъ отдѣльную, необходимую въ ряду другихъ и требующую искусства операцію, отказываются работать, то, при невозможности немедленно замѣнить ихъ новыми, хозяинъ зачастую оказывается вынужденъ на время прекратить все производство или уступить. Спросъ на искусныхъ рабочихъ со стороны развивающагося мануфактурнаго производства былъ такъ значителенъ, что нерѣдко они имѣли возможность

предписывать условія хозяевамъ. Конечно, такъ было не всегда и не вездѣ.

Вообще, если бы даже, въ силу какихъ-нибудь исключительныхъ обстоятельствъ, плата искусныхъ рабочихъ стала не выше платы чернорабочихъ, то не стало бы и самихъ искусныхъ рабочихъ,—они постепенно забросили бы свое прежнее дѣло, требующее большого нервнаго напряженія, большихъ затратъ энергіи, и перешли бы въ чернорабочіе; а вновь обучаться сложному труду никто бы не захотѣлъ, такъ какъ это не приносило бы никакой выгоды.

Во всякомъ случаѣ, наиболѣе многочисленную часть пролетаріата составляли чернорабочіе и мало обученные работники. Выйдя изъ среды тѣхъ общественныхъ классовъ, которые были угнетены и экономически обезсилены до послѣдней крайности, они лишь съ чрезвычайной медленностью развивали свои потребности. Поэтому, въ вѣкѣ XVI, XVII заработная плата стояла вообще низко. Еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ къ обрабатывающей промышленности, это относится къ возникающему капиталистическому земледѣлію, гдѣ «искуснаго» труда вообще почти нѣтъ, а потребности трудящихся особенно неразвиты.

Въ предпріятіяхъ болѣе отсталаго типа, организованныхъ по домашне-капиталистическому способу, уровень заработка производителей приблизительно такой же, какъ въ мануфактурахъ, или еще ниже. Торговый капиталъ еще меньше заботится о производителѣ, чѣмъ промышленный, для котораго изнуренный, вырождающійся рабочій слишкомъ очевидно невыгоденъ.

Благопріятнымъ условіемъ для высоты заработной платы является въ эпоху мануфактуръ тотъ фактъ, что женскій и дѣтскій трудъ еще очень мало распространенъ: изъ всей семьи продаетъ свою рабочую силу обыкновенно только одинъ человѣкъ. Такимъ образомъ, продажа одной рабочей силы доставляетъ средства существованія для цѣлой семьи. Благодаря этому, женщина продолжаетъ играть въ семьѣ ту же «натурально-хозяйственную» роль, что и въ мелко-буржуазномъ періодѣ: она ограничивается веденіемъ домашняго хозяйства.

Низкая заработная плата эпохи мануфактуръ соединяется обыкновенно съ не особенно продолжительнымъ рабочимъ днемъ и невысокой интенсивностью труда.

Въ началѣ періода мануфактуръ длина рабочаго дня мало отличается отъ той, какая существовала для ремесленныхъ подмастерьевъ въ эпоху процвѣтанія ремесла—9, 10 часовъ въ сутки; иногда она оказывается даже меньше этого. Одинъ писатель XVII вѣка горько жалуется на эгоизмъ и лѣность англійскихъ рабочихъ, которые, работая 4—5 дней въ недѣлю по 8 часовъ, получаютъ необходимыя средства къ жизни и совершенно не заботятся о томъ, чтобы трудиться побольше.

Для представителей сложнаго труда такая незначительная продолжительность рабочаго времени объясняется главнымъ образомъ ихъ благопріятнымъ положеніемъ на рынкѣ труда. Для представителей простого труда дѣло зависѣло преимущественно отъ крайней неразвитости ихъ

потребностей: были слишкомъ слабы побужденія добиваться большей платы путемъ болѣе продолжительной работы. Тѣми же самыми причинами обусловливалась также сравнительно невысокая интенсивность труда.

Такое положеніе вещей заставляло законодательство того времени принимать мѣры противъ излишней «лѣности» и «эгоизма» рабочихъ. Сюда, прежде всего, надо отнести строгіе законы относительно «бродягъ», т.-е. безработныхъ, которые непремѣнно должны были куда-нибудь наниматься, если желали избѣгнуть жестокихъ наказаній отъ плетей до висѣлицы включительно. Этимъ способомъ массы бездомнаго люда дисциплинировались для того, чтобы стать пригодными для цѣлей промышленнаго капитала и, увеличивая собою предложеніе труда, сдѣлать менѣе строптивыми остальныхъ. Но цѣль достигалась лишь въ незначительной степени.

Далѣе, закономъ регламентировался рабочій день: устанавливалась его **наименьшая** длина. Напр., англійскіе законы XVII вѣка опредѣляютъ ее въ 11—12 часовъ и, въ случаѣ заключенія договора на менѣе продолжительный рабочій день, подвергаютъ штрафу и хозяина, и рабочаго. На практикѣ подобные законы выполнялись нестрого: нерѣдко ихъ обходили различными уловками, а то и прямо нарушали.

Въ болѣе позднихъ стадіяхъ періода мануфактуръ дѣло измѣнилось, и не въ пользу рабочихъ. Продолжающееся обезземеленіе крестьянъ и упадокъ мелкаго производства все болѣе увеличивали численность пролетаріата. Ни мануфактурное производство, ни остатки ремесла не въ состояніи были дать достаточно заработка этой массѣ голоднаго люда. Конкурренція на рабочемъ рынкѣ все болѣе обострялась.

Тѣмъ не менѣе, длина рабочаго дня возрастала лишь очень постепенно. Точныя данныя привести трудно; однако, слѣдующій фактъ съ убѣдительностью доказываетъ, что даже въ самомъ концѣ мануфактурнаго періода рабочій день не отличался особенно большой продолжительностью. Въ 1770 году авторъ одного экономическаго изслѣдованія предлагаетъ такой проектъ. Чтобы избавить Англію отъ всѣхъ безработныхъ и праздношатающихся, слѣдуетъ устроить для нихъ громадный рабочій домъ, который былъ бы, по выраженію автора проекта, настоящимъ «домомъ ужаса». Заключенные должны тамъ получать необходимыя средства существованія и за это работать «цѣлыхъ 12 часовъ въ сутки». Судя по тому, что для «дома ужаса» предлагался 12-тичасовой день, можно думать, что обычная длина рабочаго дня была значительно меньше.

5. Основныя черты общественной психологіи мануфактурнаго періода.

Въ первую, мануфактурную эпоху промышленнаго капитализма продолжается высвобожденіе личности изъ-подъ опеки различныхъ авторитетовъ, уцѣлѣвшихъ отъ феодальной системы отношеній. Уничтожается крѣпостное право тамъ, гдѣ оно еще сохранилось; быстро уменьшается

общественная сила и вліяніе католической организаціи; окончательно теряютъ свое значеніе цехи; измѣняются, соотвѣтственно общему ходу вещей, и политическія формы: формы абсолютной монархіи частью смягчаются, принимая болѣе культурный оттѣнокъ («просвѣщенный деспотизмъ»), частью даже переходятъ въ конституціонныя и парламентарныя формы (обыкновенно, путемъ народныхъ революцій). Все это ведетъ къ одному: устраняются препятствія къ развитію индивидуальнаго хозяйства и отдѣльной личности. Быстрѣе, чѣмъ прежде, могутъ вырабатываться новыя общественныя формы жизни.

Но если человѣческая личность въ своемъ развитіи все меньше встрѣчаетъ препятствій со стороны внѣшнихъ авторитетовъ, если рушатся формальныя границы для расширенія ея дѣятельности, то сохраняются еще границы матеріальныя: въ массѣ случаевъ возможность развитія сильно ослабляется недостаткомъ матеріальныхъ его условій. Въ этомъ отношеніи для различныхъ группъ общества препятствія далеко неодинаковы.

Возрастающее накопленіе богатствъ въ рукахъ тѣхъ классовъ, которымъ принадлежитъ организаторская дѣятельность (производственная и особенно распредѣлительная), само по себѣ даетъ очень многимъ представителямъ этихъ классовъ полную возможность посвящать свои силы умственному труду. Въ то же время, общее развитіе техники производства и техники сношеній и возрастающая сложность организаторской дѣятельности въ производствѣ порождаютъ усиленный спросъ на умственный трудъ: капиталу нужны инженеры, ученые техники, научно-образованные моряки, бухгалтеры, экономисты и т. д.; государству нужны образованные чиновники, офицеры и т. п. Въ силу такихъ обстоятельствъ возникаетъ многочисленная буржуазная интеллигенція. Ея трудъ оплачивается хорошо, соотвѣтственно ея высокимъ потребностямъ и привиллегированному положенію. Отдаваясь исключительно умственному труду, она имѣетъ возможность высоко развить производительность труда въ своей области. Такимъ образомъ, верхніе слои общества, отъ землевладѣльцевъ до буржуазной интеллигенціи включительно, почти не встрѣчаютъ матеріальныхъ препятствій для своего развитія.

Въ иномъ положеніи находятся тѣ классы, которые играютъ въ общей системѣ производства по преимуществу исполнительскую роль. Какъ было выяснено въ отдѣлѣ о заработной платѣ, рабочій жилъ въ изучаемую эпоху далеко не въ благопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ; низкая заработная плата, вполнѣ соотвѣтствующая неразвитымъ потребностямъ, почти не оставляла возможности развитія. На одномъ уровнѣ съ рабочими—иногда еще ниже—стоятъ въ этомъ отношеніи мелкіе производители, организованные торговымъ капиталомъ по типу домашне-капиталистической промышленности.

Только представители сложнаго труда, получая сравнительно большую заработную плату, имѣли нѣкоторую возможность жить умственной жизнью. Но они представляли лишь часть рабочаго класса, и часть обособленную, ихъ благопріятное положеніе почти нисколько не вліяло

на прогрессъ духовной жизни остальныхъ рабочихъ. (Вообще, благодаря крайнему разнообразію матеріальныхъ условій жизни, рабочіе эпохи мануфактуръ не составляли еще фактически единаго класса; сознаніе солидарности было очень слабо развито въ ихъ средѣ.)

Не мѣшаетъ отмѣтить, что мануфактурное раздѣленіе труда, стремящееся разложить каждую работу на простѣйшія операціи, изъ которыхъ каждая должна выполняться особымъ работникомъ, само по себѣ представляетъ неблагопріятное условіе для развитія. Работнику отводится страшно узкая сфера дѣятельности; однообразная, чисто механическая работа при помощи одного и того же орудія надъ однимъ и тѣмъ же матеріаломъ способна умственно притуплять человѣка, превращать его въ машину. Однако не надо преувеличивать этого вліянія: если трудъ умственно-безсодержателенъ, но въ то же время существуетъ избытокъ энергіи для развитія, то душевная жизнь получаетъ возможность развернуться тѣмъ шире, поневолѣ не ограничиваясь рамками спеціальности. Но у работниковъ мануфактуръ такой избытокъ энергіи представлялъ рѣдкое исключеніе.

Въ общемъ, приходится сказать, что характерное для эпохи мануфактуръ рѣзкое отдѣленіе умственнаго труда отъ физическаго хотя и повышаетъ производительность того и другого, но въ то же время создаетъ условія для очень неравномѣрнаго психическаго развитія отдѣльныхъ группъ общества.

Количество познавательнаго матеріала, который возникаетъ изъ производственной жизни общества, чрезвычайно возрастаетъ. Расширяется въ пространствѣ сфера производственной дѣятельности культурныхъ народовъ, захватывая все новыя и новыя области земного шара; энергичнѣе эксплоатируются естественныя богатства каждой данной области; то и другое непосредственно влечетъ за собою прогрессъ наукъ техническихъ. За нимъ въ своемъ развитіи слѣдуютъ неразрывно связанныя съ ними, представляющія изъ себя ихъ обобщеніе, науки естественныя. XVI, XVII и XVIII вѣка ознаменованы быстрымъ прогрессомъ математики, теоретической механики, физики, химіи, а потомъ и болѣе сложныхъ наукъ—біологическихъ. Развивающееся мореплаваніе оказало значительное вліяніе на прогрессъ всѣхъ вообще естественныхъ наукъ, облегчая для европейцевъ дѣло изученія природы различныхъ странъ; но особенно сильный толчокъ получила астрономія—наука, имѣющая громадное примѣненіе въ морскомъ дѣлѣ. Прогрессъ астрономіи былъ тѣсно связанъ съ изобрѣтеніемъ и улучшеніемъ оптическихъ инструментовъ, которое, въ свою очередь, значительно ускорило развитіе всѣхъ наукъ о живой природѣ, и т. д.

Различными путями прогрессъ техническій порождалъ необходимость и создавалъ возможность прогресса познавательнаго, который реально неотдѣлимъ отъ перваго, представляетъ его непосредственное продолженіе.

Прогрессъ познанія въ эпоху мануфактурнаго капитализма имѣетъ громадное значеніе для дальнѣйшаго развитія самого капитализма. Только на извѣстной стадіи развитія науки возможенъ переходъ отъ мануфактурнаго капитализма къ машинному.

Развитіе знаній шло не только въ глубь, но и въ ширь. Тѣ же самыя общественныя потребности, которыя въ эпоху торговаго капитала обусловливали возрастающее распространеніе знаній въ народныхъ массахъ, продолжаютъ еще съ большей силою дѣйствовать въ эпоху мануфактуръ. Однако нельзя сказать, чтобы образованіе въ изучаемую эпоху распространилось очень широко: какъ мануфактуры, такъ и капиталистическое земледѣліе предъявляютъ еще сравнительно слабый спросъ на грамотныхъ, до извѣстной степени образованныхъ работниковъ.

Развитіе производства и познанія, возрастаніе власти человѣка надъ природой необходимо влечетъ за собой все большій упадокъ остатковъ натуральнаго фетишизма. Но до окончательнаго ихъ исчезновенія еще далеко: окончательную побѣду надъ природой человѣчество одерживаетъ не въ изучаемую эпоху, а позже.

Власть общественныхъ отношеній надъ людьми остается нисколько не поколебленной, скорѣе даже возрастаетъ благодаря общему развитію обмѣна и конкурренціи. Непоколебленнымъ остается и вытекающій изъ этой власти мѣновой фетишизмъ, извращенное пониманіе общественныхъ процессовъ.

На экономическихъ воззрѣніяхъ изучаемаго періода всего удобнѣе прослѣдить, съ одной стороны, фетишистическое пониманіе людьми общественной дѣйствительности, съ другой—возникновеніе, на ряду съ нимъ, правильнаго познанія этой дѣйствительности, развивающагося всегда лишь постольку, поскольку позволяли фактическія общественныя отношенія и неизбѣжно связанный съ ними фетишизмъ.

Интересы и воззрѣнія капитала торгово-промышленнаго, какимъ онъ является въ домашне-капиталистической системѣ производства, а также только что нарождающагося капитала чисто промышленнаго, нашли себѣ выраженіе въ работахъ экономистовъ меркантильной школы или школы „торговаго баланса“.

Въ изучаемую эпоху мѣновыя сношенія создали уже достаточно прочную, тѣсную связь въ экономической жизни отдѣльныхъ мѣстностей почти каждой изъ тѣхъ обширныхъ странъ, на которыя раздѣляется Европа. Связь эта, какъ было выяснено, нашла свое выраженіе въ національномъ государствѣ. Но и между отдѣльными странами завязываются все болѣе обширныя мѣновыя сношенія, и капиталы различныхъ странъ начинаютъ конкуррировать на международномъ рынкѣ, при чемъ ихъ интересы нерѣдко сталкиваются. Напримѣръ, капиталисты Англіи начала XVII вѣка естественно должны были всего больше стараться о томъ, чтобы для нихъ была обезпечена эксплоатація внутренняго рынка ихъ страны противъ посягательства со стороны болѣе развитого голландскаго капитала, но затѣмъ также и о томъ, чтобы имѣть свободный доступъ къ внутреннему рынку Франціи. Аналогичныя стремленія проявляетъ, въ свою очередь, капиталъ французскій. Вообще, капиталъ каждой стороны желаетъ не только вполнѣ спокойно владычествовать надъ производствомъ собственной страны, онъ мечтаетъ уже о томъ, чтобы подчинить себѣ производство другихъ странъ.

Таковы практическіе интересы, составляющіе основу школы торговаго баланса. Что касается до основы теоретической, то она сводится къ прежнему взгляду на деньги, какъ на единое богатство. Для меркантилиста деньги сами по себѣ имѣютъ цѣнность, и только деньги; другіе товары имѣютъ цѣнность лишь постольку, поскольку ихъ удается обмѣни-

вать на деньги: количествомъ денегъ въ странѣ измѣряется ея дѣйствительная экономическая сила, и возрастаніе количества денегъ есть возрастаніе этой силы. Чтобы понять, какимъ образомъ могъ сохраниться подобный грубо-фетишистическій взглядъ въ изучаемую эпоху, надо помнить, что количественно преобладалъ все еще капиталъ торговый, а онъ имѣетъ по преимуществу денежную форму; капиталъ же промышленный, выступающій главнымъ образомъ въ видѣ средствъ производства, только зарождался.

Но если изъ воззрѣнія на деньги, какъ на единое богатство, мелкій буржуа и съ нимъ школа денежнаго баланса дѣлали тотъ выводъ, что денегъ надо тратить какъ можно меньше, то капиталистъ и школа торговаго баланса дѣлаютъ уже иной выводъ: надо затрачивать деньги такимъ образомъ, чтобы получать какъ можно больше прибыли. Крупный буржуа стоитъ выше мелочной бережливости, — сама жизнь учитъ его этому. Онъ возстаетъ противъ старыхъ законовъ, запрещающихъ излишнюю роскошь: онъ находитъ, что роскошь полезна, ибо создаетъ рынокъ для извѣстныхъ продуктовъ. Еще больше — онъ возстаетъ противъ прежнихъ стѣснительныхъ законовъ, препятствовавшихъ вывозу денегъ за границу: онъ понимаетъ, что иногда выгодно сразу вывести много денегъ, чтобы потомъ привезти еще больше, какъ это бываетъ, напримѣръ, при перепродажѣ чужихъ товаровъ.

Къ монополіямъ частныхъ лицъ и компаній представители новой школы относятся, по большей части, враждебно, что вполнѣ понятно: будучи выгодна для ничтожнаго числа лицъ, монополія непріятна остальнымъ капиталистамъ страны, заставляя ихъ дорого платить за продукты монопольнаго производства и, наконецъ, просто возбуждая ихъ зависть высокой прибылью.

Желаніе оградить національные капиталы отъ иностранной конкурренціи побуждаетъ меркантилистовъ требовать отъ государства установленія высокихъ пошлинъ на ввозимые предметы потребленія. Но въ отличіе отъ школы денежнаго баланса, новая школа стоитъ за пониженіе пошлинъ на привозимые сырые матеріалы и орудія: для промышленнаго капитала желательно какъ можно дешевле получать необходимыя средства производства. Далѣе, стараясь уже не только объ огражденіи внутренняго рынка, но и о завоеваніи внѣшнихъ, новая школа высказывается за уменьшеніе вывозныхъ пошлинъ, за облегченіе вывоза.

Въ общемъ меркантильная школа стоитъ за широкое, разностороннее государственное вмѣшательство въ экономическую жизнь, но только такое вмѣшательство, которое было бы полезно для развитія капитала. По своей молодости капитализмъ отдѣльной страны нуждается въ государственномъ покровительствѣ и поддержкѣ, иначе ему еще слишкомъ трудно справляться съ конкурренціей иностранныхъ капиталистовъ и даже самостоятельныхъ мелкихъ производителей. Поэтому онъ постоянно взываетъ къ государству, требуя, чтобы оно обезпечило ему національную монополію и избавило отъ внѣшней конкурренціи.

И государство дѣятельно проводило въ жизнь требованія меркантилизма. Оно не только создавало соотвѣтственную систему пошлинъ, но также иными путями покровительствовало капиталу.

Такъ, французское правительство во времена Кольбера (при Людовикѣ XIV), не ограничиваясь запретительнымъ обложеніемъ продуктовъ иностранныхъ мануфактуръ, прилагало массу усилій къ развитію національной техники. Оно выписывало и переманивало во Францію изъ-за границы опытныхъ работниковъ, путемъ подкупа разузнавало для своихъ капиталистовъ промышленные секреты чужихъ мануфактуръ. Оно сдѣлало обязательными для мануфактуръ извѣстные способы производства, считавшіеся тогда лучшими. Были созданы самые подробные регламенты, опредѣлявшіе въ точности, подобно цеховымъ статутамъ, качество товара и всѣ

частности производства. И такое мелочное вмѣшательство въ технику промышленныхъ предпріятій оказывалось тогда въ большинствѣ случаевъ полезнымъ для развитія производства, потому что правительство зорко слѣдило за промышленнымъ прогрессомъ. Въ иныхъ случаяхъ государство даже капиталами помогало мануфактуристамъ. Въ заботѣ объ отысканіи рынковъ оно не останавливалось передъ войнами.

Пріемы, къ которымъ правительства прибѣгали въ своей „протекціонной" политикѣ, были, вообще, въ высшей степени разнообразны, иногда очень оригинальны. Въ 1563 году Елизавета англійская для поддержанія рыболовства установила обязательный постъ — два дня въ недѣлю. Въ 1666 году тамъ же былъ изданъ законъ, который, подъ угрозой высокаго штрафа, требовалъ, чтобы мертвыхъ хоронили непремѣнно въ шерстяныхъ платьяхъ.

Въ ряду различныхъ способовъ государственнаго покровительства обрабатывающей промышленности очень важное историческое значеніе имѣла „колоніальная политика". Сущность ея заключалась въ томъ, что колоніи не имѣли права заводить своихъ мануфактуръ, а вывозить сырые матеріалы имъ позволялось только въ метрополію. Такая эксплоатація колоніальныхъ рынковъ не мало ускорила развитіе англійскаго, напр., капитализма.

По „Навигаціонному акту" Кромвеля, всякіе товары могли доставляться въ колоніи и вывозиться изъ нихъ только на англійскихъ корабляхъ, а въ самую Англію иностранцы имѣли право ввозить на своихъ корабляхъ только произведенія собственной страны. Такимъ образомъ, и сама Англія, и ея колоніи являлись вполнѣ обезпеченными рынками для англійскихъ капиталистовъ.

Въ колоніальной политикѣ немаловажную роль продолжала играть система монополіи: съ одной стороны, этого требовали интересы казны, съ другой—частная предпріимчивость не достигла еще, можетъ быть, такой высокой ступени развитія, чтобы обходиться безъ особеннаго поощренія въ сложныхъ и рискованныхъ колоніальныхъ предпріятіяхъ. Крупнымъ компаніямъ капиталистовъ отдавалось на откупъ веденіе торговыхъ дѣлъ въ нѣкоторыхъ колоніяхъ, вмѣстѣ съ различными другими экономическими привилегіями. Самой замѣчательной изъ такихъ компаній была англійская Остъ-Индская: она своей ловкой и коварной политикой, а также войнами сумѣла пріобрѣсти громадныя владѣнія съ десятками милліоновъ жителей.

Такъ въ „протекціонной" политикѣ монархій осуществлялись практически тѣ самыя потребности развивающагося капиталистическаго производства, которыя теоретически отражались въ воззрѣніяхъ школы торговаго баланса.

Въ школѣ торговаго баланса впервые возникла идея **законосообразности** экономическихъ явленій. Это въ высшей степени важная идея, безъ которой невозможно было самое возникновеніе экономической науки, ибо науки не можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ по крайней мѣрѣ стремленія выяснить законы явленія. Впервые Томасъ Мёнъ (начало XVII вѣка) высказался въ томъ смыслѣ, что экономическая жизнь подчиняется собственнымъ законамъ. Произвольныя мѣры со стороны государства могутъ, по его мнѣнію, лишь на короткое время измѣнить ходъ событій, а затѣмъ восторжествуютъ собственные законы экономики, и все снова пойдетъ своимъ путемъ. Матеріалъ для такого воззрѣнія дала, очевидно, неудача различныхъ государственныхъ мѣропріятій, шедшихъ вразрѣзъ съ потребностями времени, мѣропріятій, напр., въ духѣ системы денежнаго баланса.

Если для капитализма нарождающагося, для капитализма, еще не окрѣпшаго, покровительственная система въ высшей степени полезна, а при извѣстныхъ условіяхъ даже необходима, то это еще не значитъ, чтобы таково же было ея значеніе и на послѣдующихъ стадіяхъ капиталистическаго развитія. Рано или поздно наступаетъ моментъ, когда промышлен-

ный капиталъ начинаетъ чувствовать въ себѣ достаточно силы, чтобы обходиться безъ посторонней помощи. Тогда заботливая государственная опека становится неудобной для него.

Во-первыхъ, по мѣрѣ того, какъ внутри страны возрастаетъ потребленіе мануфактурныхъ товаровъ, все болѣе начинаетъ возставать противъ протекціонизма средній и мелкій буржуа, какъ потребители. Въ самомъ дѣлѣ, что такое протекціонизмъ съ точки зрѣнія потребителя?

Положимъ, въ Англіи производство шерстяныхъ тканей весьма развито, производительность труда въ данной области очень высока, и англійскіе капиталисты могутъ вознаградить съ достаточною прибылью всѣ издержки производства и перевозки тканей во Францію при цѣнѣ, напр., 2 франка за метръ. Во Франціи шерстяное дѣло только начинается, техника плоха и дешевле 3 франковъ за метръ французскіе капиталисты продавать свои ткани не могутъ. Очевидно, англійскіе капиталисты должны побить французскихъ на французскомъ рынкѣ,—и шерстяное дѣло во Франціи должно придти въ упадокъ. Государство устраняетъ эту опасность ввозной пошлиной въ $1^1/_2$ франка на метръ. Англійскій товаръ приходится продавать не дешевле $3^1/_2$ франковъ,—и французскіе капиталисты спасены отъ гибельной конкурренціи. Но французскіе потребители, вмѣсто того, чтобы получать хорошія англійскія ткани по 1 фр., принуждены покупать плохія французскія по 3 фр. Съ теченіемъ времени они начинаютъ протестовать противъ этой дани въ пользу отечественныхъ капиталистовъ, и протестъ ихъ пріобрѣтаетъ большое общественное значеніе, когда является возможность довести французскую технику до уровня англійской; тогда покровительственная пошлина теряетъ уже всякій смыслъ, и приноситъ только вредъ развитію производства, позволяя капиталистамъ получать большую прибыль безъ всякихъ заботъ объ улучшеніи техники.

Во-вторыхъ, покровительство однѣмъ отраслямъ капитала невыгодно для другихъ. Высокія ввозныя пошлины на земледѣльческія орудія невыгодны для фермера, которому нужны эти орудія. Ввозная пошлина на желѣзо нежелательна для производящаго орудія. Пошлины на предметы потребленія рабочихъ непріятны всѣмъ вообще предпринимателямъ, такъ какъ повышаютъ цѣну рабочей силы и т. д. Вообще, монополія раздражаетъ всѣхъ, кромѣ самого монополиста.

Промышленный предприниматель недоволенъ тѣмъ, что законъ мѣшается въ дѣла техники, устанавливаетъ, напр., образцы, которымъ обязательно слѣдовать въ производствѣ,—при чемъ все болѣе отстаетъ отъ быстраго техническаго прогресса, такъ что образцы оказываются устарѣлыми.

Развившійся промышленный капиталъ начинаетъ искать для себя внѣшнихъ рынковъ, но они оказываются недоступными, благодаря все тому же протекціонизму. На высокіе ввозные тарифы одного государства другіе отвѣчаютъ такими же тарифами. Происходитъ своеобразная война на тарифахъ, которая нерѣдко приводитъ къ настоящей войнѣ.

Итакъ, покровительственная политика оказывается не въ интересахъ капитала. Тогда измѣняются экономическія воззрѣнія. Новые взгляды были выражены въ научной формѣ раньше всего англійскими экономистами.

Въ Англіи для промышленнаго капитала изъ всѣхъ видовъ правительственнаго вмѣшательства наиболѣе стѣснительнымъ было покровительство земледѣлію,—„хлѣбные законы". Ввозъ хлѣба въ Англію изъ-за границы допускался только въ томъ случаѣ, когда цѣны на хлѣбъ достигали извѣстной, очень высокой нормы. Высокія цѣны хлѣба имѣютъ послѣдствіемъ высокую заработную плату, т.-е. сравнительно низкую прибыль капиталистовъ. Именно по поводу хлѣбныхъ законовъ и раздался первый рѣшительный протестъ противъ государственнаго покровительства земледѣлію (въ большей части случаевъ, собственно, *землевладѣнію*). Съ такимъ протестомъ выступилъ около середины XVII вѣка Ралей.

Значительное развитіе промышленнаго капитала по сравненію съ капиталомъ торговымъ, возрастающее преобладаніе капитала, имѣющаго форму средствъ производства надъ капиталомъ въ денежной формѣ, порождаетъ измѣненіе во взглядахъ на деньги. Чайльдъ находитъ, что деньги— одинъ изъ товаровъ, хотя и лучшій. Этимъ подрывается, пока еще не вполнѣ, теоретическая основа старой школы.

Такъ какъ торговый капиталъ сосредоточиваетъ свою непосредственную дѣятельность на обмѣнѣ, а отъ производства стоитъ сравнительно далеко, и такъ какъ разсчеты торговца въ массѣ случаевъ основываются именно на измѣненіяхъ и уклоненіяхъ цѣнъ отъ нормы, то очень понятно, что отъ идеологовъ торговаго капитала ускользаетъ основная законность обмѣна—зависимость мѣновыхъ отношеній отъ трудовой стоимости товаровъ. Промышленный капиталистъ находится въ иномъ положеніи: онъ непосредственно организуетъ трудъ, непосредственно слѣдитъ за производствомъ и ведетъ свои дѣла больше въ расчетѣ на устойчивость цѣнъ, чѣмъ на ихъ колебанія. Благодаря этому, идеологъ промышленнаго капитала находится въ сравнительно удобныхъ условіяхъ для выясненія связи между трудовой стоимостью производства товаровъ и ихъ цѣнами. И дѣйствительно, въ концѣ XVII вѣка Вильямъ Петти уже устанавливаетъ въ общихъ чертахъ теорію трудовой стоимости, лежащую въ основѣ современной экономической науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ наносится окончательный ударъ ученію о деньгахъ, какъ исключительномъ, единомъ истинномъ богатствѣ; выясняется, что и деньги обладаютъ цѣнностью лишь потому, что стоятъ труда.

Далѣе, съ особенной рѣшительностью, полнотой и ясностью выражаетъ идеи свободной конкурренціи, противоположныя идеямъ старой школы, Дэдлей Нортъ, котораго принято считать первымъ послѣдовательнымъ фритредеромъ—сторонникомъ свободной торговли.

Ученіе Норта въ общихъ чертахъ таково. Нація богатѣетъ только благодаря промышленности и торговлѣ. Ихъ основою является **трудъ**, который и слѣдуетъ признать источникомъ богатствъ. Деньги же—не болѣе, какъ одинъ изъ товаровъ. „Въ странѣ не мало и не много денегъ, а всего столько, сколько требуется для оборота", но это только въ томъ, по мнѣнію Норта, случаѣ, когда торговля деньгами не стѣснена.

Торговля и промышленность должны быть свободны; если источникъ богатства—трудъ, то никакая регламентація не можетъ содѣйствовать обогащенію націи, а можетъ только препятствовать ему, стѣсняя развитіе труда. „Ни одинъ городъ не разбогатѣлъ чрезъ государственныя мѣропріятія; но только миръ, трудолюбіе и свобода создали промышленность и богатство". Нортъ возстаетъ противъ внѣшняго вмѣшательства въ экономическую жизнь. Вредъ законовъ, ограничивающихъ роскошь, онъ доказываетъ тѣмъ соображеніемъ, что развитіе потребностей является могущественнымъ двигателемъ прогресса, побуждая людей энергичнѣе трудиться.

Торговля внутренняя и внѣшняя, по Норту, одинаково необходимы и находятся во взаимной зависимости. Та и другая одинаково должны быть свободны. Всѣ націи міра такъ же связаны между собою, такъ же нужны другъ другу, какъ отдѣльные города одной страны. Ставить между націями перегородки въ видѣ таможенныхъ пошлинъ, запрещеній и т. д. такъ же неразумно, какъ препятствовать торговымъ сношеніямъ между сосѣдними городами, наконецъ, между отдѣльными хозяйствами. Всѣ націи идутъ къ одной цѣли въ своемъ развитіи, ихъ услуги взаимны. Человѣчество должно быть вполнѣ солидарно въ промышленной жизни. Всякій узкій національзмъ приноситъ только вредъ, уменьшая взаимныя услуги націй и тѣмъ задерживая ихъ экономическое развитіе.

Полезная дѣятельность государства въ экономической области сводится къ охранѣ собственности; всякое иное вмѣшательство можетъ, по Нор-

ту, только вредитъ интересамъ промышленности.—Взгляды Норта не получили широкаго распространенія въ его время (конецъ XVII вѣка). Даже въ Англіи только нѣкоторыя отрасли капиталистическаго производства были развиты въ достаточной мѣрѣ для того, чтобы жить вполнѣ самостоятельной жизнью, не нуждаясь въ опекѣ государства.

Полувѣкомъ позже школа свободной конкурренціи возникла и на французской почвѣ. Нѣсколько своеобразныя условія придали тамъ новому ученію особый отпечатокъ, но сущность была та же.

Когда протекціонизмъ далъ развивающейся французской промышленности почти все, что онъ могъ дать, то, какъ и въ другихъ странахъ, онъ сталъ все въ большей степени превращаться въ задержку на пути развитія. Это вызвало реакцію противъ него въ настроеніи промышленно-торговой буржуазіи. Въ результатѣ явились теоріи физіократовъ.

Но не одинъ протекціонизмъ стѣснялъ развитіе капитала. Еще болѣе значительный вредъ въ этомъ смыслѣ приносили остатки феодальныхъ цеховыхъ формъ, несовмѣстимые ни съ свободой капитала, ни съ свободой труда.

Физіократамъ приходилось, слѣдовательно, бороться одновременно и съ этими пережитками, и съ протекціонизмомъ. Наиболѣе удобнымъ орудіемъ борьбы оказались для новой школы интересы земледѣлія, что зависѣло отъ двухъ причинъ. Во-первыхъ, Франція была тогда страной земледѣльческой по преимуществу, и, во-вторыхъ, земледѣліе въ сильной степени страдало отъ тѣхъ же условій, которыя препятствовали прогрессу капитала.

О томъ громадномъ вредѣ, который приносили развитію земледѣльческаго производства остатки средневѣковья, здѣсь нѣтъ надобности говорить особо: это было выяснено въ предыдущемъ. Что касается протекціонизма, то онъ содѣйствовалъ разоренію земледѣльческаго хозяйства болѣе косвенными путями. Прежде всего, онъ чрезвычайно повышалъ цѣны на многіе, необходимые для крестьянина, продукты; затѣмъ онъ вовлекъ Францію въ цѣлый рядъ войнъ, крайне разорительныхъ для страны и главной своей тяжестью падавшихъ на земледѣльческій классъ. Крестьянству приходилось платить наибольшую часть налоговъ на покрытіе военныхъ издержекъ и отдавать лучшій цвѣтъ своихъ рабочихъ силъ на такое непроизводительное занятіе, какъ война, да еще слишкомъ часто неуспѣшная.

Интересы земледѣльческаго класса были тѣмъ болѣе близки сердцу идеологовъ капитала, что разореніе крестьянства чрезвычайно суживало внутренній рынокъ для капиталистической промышленности. Старое теченіе экономической политики не замѣчало, что развитіе обрабатывающей промышленности находится въ сильной зависимости отъ экономики земледѣлія. Новая школа создала теорію, которая ставитъ земледѣліе краеугольнымъ камнемъ экономической жизни.

По ученію физіократовъ, природа есть источникъ всякаго богатства. Только такой трудъ создаетъ богатство, только такой трудъ производителенъ, который имѣетъ дѣло непосредственно съ природою—трудъ земледѣльческій и вообще добывающій. Одно земледѣліе даетъ чистый доходъ, доставляетъ человѣку больше продукта, чѣмъ затрачено на производство.

Трудъ ремесленный, мануфактурный, вообще обрабатывающій, по мнѣнію физіократовъ, только измѣняетъ форму добытаго изъ земли богатства, а новаго богатства не создаетъ. Торговля тѣмъ болѣе не создаетъ новыхъ цѣнностей, она лишь перемѣщаетъ ихъ изъ рукъ въ руки. Вся нація живетъ на счетъ чистаго дохода, создаваемаго трудомъ земледѣльческаго класса. Остальные промышленные и непромышленные классы находятся, такъ сказать, на жалованьи у земледѣльцевъ.

Отсюда дѣлается такой выводъ: совершенно естественно и разумно,

чтобы всѣ налоги падали на землю, какъ на единственный источникъ богатствъ: всѣ подати должны быть замѣнены единымъ поземельнымъ налогомъ. Промышленность обрабатывающая и торговая, какъ не создающія никакихъ богатствъ, должны быть свободны отъ всякаго обложенія. Выводъ этотъ представляетъ протестъ противъ налоговыхъ изъятій дворянства и духовенства; но въ то же время онъ показываетъ, какъ нельзя яснѣе, что физіократы, несмотря на всю свою любовь къ земледѣлію и постоянное его прославленіе, были представителями интересовъ именно промышленнаго и торговаго капитала (сознательными или безсознательными—другой вопросъ).

Природа, по воззрѣніямъ физіократовъ, не только единственный источникъ богатствъ,—она въ то же время и единственная истинная руководительница въ жизни народовъ. Общественный порядокъ долженъ опредѣляться вѣчными, неизмѣнными законами природы, какъ опредѣляются ими всякія другія явленія. Общественный строй разуменъ и нормаленъ только въ томъ случаѣ, если онъ соотвѣтствуетъ законамъ природы, только тогда онъ приводитъ къ благосостоянію всѣхъ членовъ общества. Поскольку же въ дѣйствительности общественный порядокъ уклоняется отъ природы, постольку онъ неразуменъ и вреденъ.

Наиболѣе естественный, а стало быть и наиболѣе разумный порядокъ—это, по мнѣнію физіократовъ, такой, который наименѣе стѣсняетъ проявленія человѣческой природы. Предоставленная самой себѣ, она наиболѣе способна стать въ дѣятельности на истинный путь. Руководимый голосомъ своей природы, каждый будетъ сознательно и разумно стремиться къ своему личному счастью,—такимъ путемъ будетъ достигнуто счастье всѣхъ. Надо освободить человѣческую жизнь отъ тяготѣющихъ надъ нею стѣсненій (очевидно—феодальныхъ, цеховыхъ, протекціонныхъ и пр.). Свобода необходима во всемъ, а особенно въ экономической жизни. Здѣсь можно смѣло положиться на дѣятельность личныхъ интересовъ, потому что каждый, заботясь объ увеличеніи своего собственнаго богатства, тѣмъ самымъ помогаетъ увеличенію національнаго богатства. Итакъ, государство не должно вмѣшиваться въ экономическую жизнь. Его дѣло—охранять личность, охранять собственность, ничего больше отъ него не требуется.

Стремленія новой школы въ самой яркой, энергичной формѣ выражены знаменитой фразой физіократа Гурнэ, обращенной къ государству: „Laissez faire, laissez aller“ („не мѣшайтесь, предоставьте жизни идти своимъ путемъ“). Эта фраза стала главной заповѣдью всего либеральнаго экономическаго ученія.

Физіократы представляли сплоченный кружокъ, во главѣ котораго стоялъ Кенэ, врачъ Людовика XV. Къ ихъ школѣ принадлежалъ знаменитый политическій дѣятель Тюрго. Онъ впервые ясно выразилъ основной законъ заработной платы: величина платы опредѣляется цѣнностью необходимыхъ для работника средствъ къ жизни. Такая значительная ясность въ пониманіи фактическихъ отношеній промышленнаго капитала есть опять-таки указаніе на то, что физіократы были дѣйствительно идеологами промышленнаго капитала.

Практическая программа физіократовъ была въ значительной степени проведена въ жизнь французской революціей. Она была, слѣдовательно, вѣрнымъ выраженіемъ потребностей времени.

Дальнѣйшее развитіе школы свободной конкурренціи вновь переноситъ насъ въ Англію, къ эпохѣ дѣятельности Адама Смита.

Англія второй половины XVIII вѣка была довольно развитой мануфактурно-капиталистической страной. Общественныя отношенія крупно-буржуазнаго строя выступали уже достаточно опредѣленно и ярко и играли въ жизни господствующую роль.

Такимъ образомъ, стало возможно довольно полное и точное, вообще—

научное изображенiе самыхъ основъ капиталистической системы. Оно было выполнено Адамомъ Смитомъ, котораго обыкновенно и называютъ отцомъ экономической науки. Это, въ сущности, неправильно, и законнѣе было бы считать основателемъ экомической науки хотя бы Вильяма Петти, который далъ ей прочную теоретическую основу, ясно высказавши, въ общихъ чертахъ, ученiе о трудовой стоимости. Но обычное мнѣнiе вполнѣ объясняется тѣмъ громаднымъ влiянiемъ, которое имѣли труды А. Смита на развитiе экономической науки.

Адамъ Смитъ является въ значительной степени ученикомъ физiократовъ: онъ былъ знакомъ съ этимъ кружкомъ, усвоилъ его идеи и направленiе. Но благопрiятныя общественныя условiя помогли Смиту отдѣлаться отъ многихъ односторонностей ученiя физiократовъ. Теоретическiе промахи этой школы были навѣяны экономической жизнью Францiи; Смитъ же изучалъ англiйское общественное хозяйство, которое въ своемъ развитiи сильно опередило французское, и вообще значительно отъ него отличалось.

Прiемы экономическаго изслѣдованiя у Адама Смита по преимуществу дедуктивные. Онъ понимаетъ, что въ своей хозяйственной дѣятельности человѣкъ подчиняется только чувству личнаго интереса, а личный интересъ для данной области жизни состоитъ въ стремленiи къ возможно большему богатству. Исходя изъ этой мысли, онъ старается объяснить всю экономическую дѣятельность человѣка и общества.

Но для дедукцiи мало одного положенiя, что въ хозяйственной сферѣ человѣкъ повинуется побужденiямъ экономическаго эгоизма. Надо еще знать условiя, при которыхъ приходится человѣку осуществлять свои эгоистическiя стремленiя. Для изслѣдованiя А. Смитъ беретъ въ общихъ чертахъ тѣ социально-экономическiя условiя, которыя въ это время существовали въ Англiи, и разсматриваетъ, какъ идетъ именно въ такихъ условiяхъ экономическая дѣятельность человѣка.

Однако, А. Смитъ имѣетъ въ виду выяснить не частные законы жизни капиталистическаго общества на той ступени его развитiя, какую пережила Англiя; онъ считаетъ свои выводы выраженiемъ общихъ законовъ экономики; пишетъ общую политическую экономiю („Богатство народа" 1776 годъ). Дѣло въ томъ, что капиталистическiя отношенiя онъ считаетъ единственно нормальными; объ иныхъ отношенiяхъ онъ либо вовсе не разсуждаетъ, либо видитъ въ нихъ уклоненiя отъ нормы, результатъ незаконченнаго, несовершеннаго развитiя.

Богатство страны, по Смиту, это вся масса товаровъ страны. Такое понятiе о богатствѣ примѣнимо, очевидно, только къ странѣ съ товарнымъ, мѣновымъ хозяйствомъ: для натурально-хозяйственнаго общества, гдѣ продукты не бываютъ товарами, оно совершенно не подходитъ.

Единственный источникъ цѣнности и богатства, по ученiю Смита, есть трудъ, вообще всякiй производительный трудъ. Впрочемъ, для Смита производительнымъ является только трудъ, создающiй матерiальныя блага. Во всякомъ случаѣ Смитъ не впадаетъ въ узость физiократовъ, признававшихъ производительнымъ только земледѣльческiй трудъ: во времена Смита въ Англiи промышленность обрабатывающая играла не менѣе важную роль въ созданiи нацiональнаго богатства, чѣмъ добывающая.

Капиталъ, по опредѣленiю Смита, та часть накопленнаго труда, которая назначается для полученiя доходовъ. Людямъ и въ будущемъ, очевидно, всегда придется для полученiя доходовъ примѣнять въ производствѣ сбереженный трудъ; слѣдовательно, капиталъ, съ точки зрѣнiя Смита, всегда долженъ существовать. При такомъ представленiи о вѣчности капитала уму легко навязывается идея о неизмѣнности капиталистическихъ отношенiй.

Первоначальное накопленiе капиталовъ Смитъ объясняетъ сбереженiемъ: мелкiе производители потребляли не все, что производили, и на-

копленіе излишковъ составило капиталы. Такое изображеніе фактовъ, какъ мы видимъ, настолько же невѣрно, насколько оно соотвѣтствуетъ интересамъ капиталистовъ.

Ученіе Смита о цѣнности въ общихъ чертахъ таково. Ея первоначальнымъ источникомъ онъ признаетъ трудъ. Прямымъ выводомъ изъ этого должна явиться теорія трудовой стоимости: мѣновая цѣнность товаровъ опредѣляется количествомъ воплощенной въ нихъ общественно-трудовой энергіи. Но отъ этого вывода Смитъ уклоняется. По его мнѣнію, цѣна товара съ возникновеніемъ общества слагается изъ цѣнности труда, прибыли на капиталъ и земельной ренты. Совпаденіе средней цѣны съ трудовой стоимостью онъ признаетъ только для того періода, когда орудія труда принадлежали производителю. Когда же, съ развитіемъ культуры, трудъ и капиталъ оказались раздѣленными, тогда въ составъ цѣны должна была войти еще прибыль на капиталъ, какъ вознагражденіе за возможность имъ пользоваться для производства. Съ захватомъ земли въ частную собственность въ составъ цѣны вошла и рента.

Въ дѣйствительности, цѣны товаровъ, какъ было выяснено, опредѣляются въ конечномъ счетѣ ихъ стоимостью; стоимость же товара разлагается на стоимость постояннаго капитала (который Смитъ совсѣмъ оставляетъ въ сторонѣ), стоимость перемѣннаго капитала и прибавочную стоимость. Во взглядахъ Смита скрадывается то особенно важное обстоятельство, что съ увеличеніемъ заработной платы уменьшается прибыль, такъ какъ онѣ представляютъ двѣ части одной неизмѣнной суммы—вновь произведенной цѣнности. Съ точки зрѣнія Смита, если увеличивается заработная плата, то возрастаютъ только цѣны продуктовъ, тогда какъ по теоріи трудовой стоимости возрастаніе доли рабочаго класса означаетъ не возрастаніе цѣнъ, а уменьшеніе доли другихъ классовъ.

Научную заслугу Смита составляетъ, между прочимъ, его ученіе о конкурренціи, о томъ, какимъ образомъ она уравниваетъ прибыль, а также заработную плату въ различныхъ предпріятіяхъ и въ различныхъ отрасляхъ производства.

Въ ученія о заработной платѣ Смитъ выясняетъ, что ея измѣненія происходятъ отъ измѣненій цѣнъ на предметы потребленія рабочихъ.

Въ ученіи о прибыли Смитъ высказываетъ мнѣніе, что процентъ прибыли уменьшается съ возрастаніемъ національнаго богатства. Причина, по его ученію, та, что при этомъ усиливается конкурренція между капиталистами: капиталовъ такъ много, что они съ трудомъ находятъ себѣ приложеніе. Явленіе было подмѣчено правильно, но его объясненіе, какъ будетъ показано въ дальнѣйшемъ, совершенно невѣрно.

Еще менѣе удачно Смитъ изслѣдовалъ земельную ренту. Онъ объясняетъ ее, какъ плату за пользованіе землею, когда спросъ на землю превышаетъ предложеніе.

Деньги для Смита—такой же товаръ, какъ другіе. Онѣ „только малая часть народнаго капитала, и при томъ самая невыгодная...—непроизводительный и мертвый капиталъ“. Если такъ, то, очевидно, торговый балансъ не имѣетъ существеннаго значенія. На мѣсто его Смитъ ставитъ балансъ ежегоднаго производства и потребленія. Страна богатѣетъ, если производитъ больше цѣнностей, чѣмъ потребляетъ.

Такимъ образомъ, возрастаніе производства является цѣлью разумной экономической политики государства. Но какая именно политика способна облегчать развитіе производства?

Покровительственная система не содѣйствуетъ общему росту производства, она только заставляетъ капиталистовъ переносить капиталы изъ однѣхъ отраслей промышленности въ другія, изъ непокровительствуемыхъ въ тѣ, которыя находятся подъ покровительствомъ государства. Измѣняется только распредѣленіе національнаго капитала между областями производства: величина капитала отъ этого не возрастаетъ. Напротивъ,

примѣненіе капитала становится для страны менѣе выгоднымъ, и вотъ почему: когда нѣтъ государственнаго вмѣшательства, то капиталы стремятся къ тѣмъ отраслямъ промышленности, гдѣ трудъ наиболѣе производителенъ, а протекціонизмъ отвлекаетъ капиталы къ такимъ отраслямъ, которыя сами по себѣ менѣе свойственны данной странѣ, въ которыхъ трудъ менѣе производителенъ.

Въ обмѣнѣ наиболѣе разумное правило: „покупай на самомъ дешевомъ рынкѣ, продавай на самомъ дорогомъ“. Протекціонизмъ ограничиваетъ примѣненіе этого правила: странѣ приходится покупать тѣ товары, которымъ оказывается покровительство, не на дешевомъ заграничномъ рынкѣ, а на болѣе дорогомъ—у отечественныхъ производителей.

Сверхъ того, протекціонизмъ порождаетъ между націями только вражду и борьбу, а торговля должна быть связью дружбы и союза (мануфактуры Англіи въ концѣ XVIII вѣка были достаточно развиты, чтобы не бояться свободной конкурренціи; а покровительственная политика другихъ государствъ сильно вредила англійской промышленности, отнимая отъ нея внѣшніе рынки).

Совершенно свободная отъ покровительства и стѣсненій промышленность—вотъ разумный, естественный порядокъ. Государство должно ограничиваться защитой отъ непріятелей, выполненіемъ правосудія и, кромѣ того, содержать такія учрежденія, которыя лежатъ внѣ рамокъ частнаго предпріятія (больницы, школы, богадѣльни и т. п.). При такихъ условіяхъ личный интересъ отдѣльныхъ людей въ ихъ свободной дѣятельности поведетъ къ наибольшей общественной пользѣ. По мнѣнію Смита, служа своему эгоизму, люди часто лучше служатъ общему благу, чѣмъ если бы они слѣдовали самымъ альтруистическимъ, безкорыстнымъ стремленіямъ.

Вражда Смита къ протекціонизму не доводила его до односторонности. Переходя отъ наиболѣе отвлеченныхъ выводовъ дедукціи къ конкретной дѣйствительности, онъ нѣсколько ограничиваетъ свои положенія. Такъ, напр., онъ признаетъ пошлины на предметы вооруженія и вообще на все, что необходимо для войскъ: эти продукты страна должна производить сама, а не выписывать у иностранцевъ, хотя бы и за дешевую цѣну, иначе она рискуетъ оказаться беззащитной во время войны. Свободную торговлю слѣдуетъ, по мнѣнію Смита, вводить постепенно, иначе она разорила бы многихъ капиталистовъ.

Идеалъ Смита—безпредѣльное возрастаніе производства, и такъ какъ Смитъ не можетъ представить его себѣ внѣ капиталистическихъ отношеній, то онъ признаетъ разумными и естественными всѣ тѣ условія, которыя содѣйствуютъ развитію этихъ отношеній. Въ его времена и въ его странѣ наиболѣе важнымъ изъ такихъ условій являлась экономическая свобода, свобода капитала, и потому-то онъ превращаетъ ее въ „естественный порядокъ“, нормальный строй жизни общества.

По представленіямъ Смита „естественный порядокъ“ свободной конкурренціи вмѣстѣ съ развитіемъ производства приноситъ и „справедливое“ распредѣленіе. Это черта общая для Смита со всѣми его предшественниками въ экономической наукѣ—считать накопленіе національнаго богатства однозначащимъ съ народнымъ благосостояніемъ. Возможность противорѣчія между этими двумя понятіями выступала въ тѣ времена не такъ ярко, какъ въ вѣкъ машиннаго капитализма. Но все же и старымъ экономистамъ извѣстны были случаи подобнаго противорѣчія. Естественно, что въ такихъ случаяхъ экономисты—идеологи буржуазіи—обнаруживали готовность „справедливое распредѣленіе“, т. е. интересы массъ, приносить въ жертву увеличенію производства, т. е. интересамъ предпринимателей. Напр., происшедшую во многихъ мѣстахъ Англіи въ началѣ новаго времени замѣну пашенъ пастбищами и людей овцами А. Смитъ признаетъ выгодной *для страны*, такъ какъ *для производства* замѣна эта была безспорно выгодна.

Какъ экономистъ мануфактурной стадіи капитализма, Смитъ придаетъ громадное значеніе мануфактурному раздѣленію труда. Эту форму раздѣленія труда онъ считаетъ главнымъ орудіемъ техническаго прогресса; машины въ его глазахъ играютъ только второстепенную, подчиненную роль. Въ то же время онъ отмѣчаетъ и общественно-невыгодныя стороны такого раздѣленія труда: физическій, нравственный и умственный упадокъ организма рабочаго. Онъ полагаетъ, что въ своемъ крайнемъ развитіи мануфактурное раздѣленіе труда могло бы повести къ совершенному отупѣнію народныхъ массъ. и признаетъ это нежелательнымъ. Чтобы ослабить этотъ вредъ, Смитъ предлагаетъ ввести обученіе народа на счетъ государства, но производить обученіе онъ совѣтуетъ съ осторожностью, въ умѣренномъ количествѣ, считая опаснымъ слишкомъ высокое умственное развитіе народа.

Адамомъ Смитомъ завершается развитіе экономической науки мануфактурно-буржуазнаго періода.

6. Силы развитія и его направленіе въ первомъ періодѣ промышленнаго капитализма.

Экономически наиболѣе прогрессивнымъ классомъ въ мануфактурномъ періодѣ капитала является промышленная буржуазія. Основную движущую силу развитія представляетъ попрежнему конкурренція и ея психологическій результатъ — стремленіе къ безграничному накопленію, къ безграничному расширенію предпріятій.

Разсмотримъ, какъ дѣйствуютъ эти силы развитія въ предѣлахъ отдѣльнаго предпріятія и какъ онѣ проявляются во взаимныхъ отношеніяхъ предпріятій. Такъ какъ доля капиталиста въ общественномъ распредѣленіи есть прибавочная стоимость, то, организуя производство, капиталистъ необходимо стремится къ увеличенію прибавочной стоимости отъ предпріятія.

Величина прибавочной стоимости въ отдѣльномъ предпріятіи зависитъ отъ двухъ условій: во-первыхъ, отъ размѣровъ прибавочной стоимости, создаваемой каждымъ работникомъ, и, во-вторыхъ, отъ числа работниковъ. Увеличивая то или другое, предприниматель увеличиваетъ сумму прибавочной стоимости даннаго предпріятія.

Пусть необходимое рабочее время — 5 часовъ, прибавочное—тоже 5 часовъ. Самый простой способъ увеличить прибавочную стоимость, создаваемую каждымъ работникомъ, заключается, очевидно, въ томъ, чтобы увеличить прибавочное время, при чемъ рабочій день становится длиннѣе. Если рабочій день вмѣсто 10 часовъ сдѣлать 12 часовъ, то прибавочная стоимость будетъ создаваться не въ теченіе 5, а въ теченіе 7 часовъ ежедневно; величина ея возрастетъ въ 1,4 раза (норма прибавочной стоимости вмѣсто прежнихъ 100%—140%). Такое увеличеніе рабочаго дня имѣетъ свои предѣлы. Больше 24 часовъ въ сутки рабочій день физически невозможно устроить. Кромѣ того, организмъ работника не выноситъ слишкомъ продолжительнаго труда: работа идетъ плохо, она мало интенсивна. Слишкомъ длинный рабочій день можетъ оказаться менѣе выгоднымъ для предпринимателя, чѣмъ болѣе короткій, напр., 15-часовой день менѣе выгоденъ, чѣмъ 12-часовой, если работа

въ первомъ случаѣ въ $1\frac{1}{2}$ раза менѣе интенсивна. Наконецъ, сами рабочіе не соглашаются на чрезмѣрное удлинненіе рабочаго дня, и вступаютъ въ энергичную борьбу съ предпринимателями.

Кромѣ прямого увеличенія рабочаго дня, на извѣстной ступени развитія производства существуетъ еще возможность замаскированнаго увеличенія. Этотъ способъ примѣнялся раньше всего въ земледѣліи. Когда феодалъ, расширяя собственное хозяйство, присваивалъ себѣ земли зависимыхъ крестьянъ, то вполнѣ обезземелить этихъ послѣднихъ оказывалось дѣломъ для него самого рискованнымъ: обезземеленные уходили въ городъ, такъ какъ ничто ихъ не привязывало уже къ деревнѣ, и помѣщикъ могъ остаться совсѣмъ безъ рабочей силы. Во избѣжаніе этого, владѣлецъ земли оставлялъ въ пользованіи многихъ крестьянъ небольшіе участки земли съ находящимися на нихъ постройками. Размѣры участковъ были такъ ничтожны, что ихъ владѣльцы (англійскіе «коттэджеры», германскіе «коссеты») могли добывать съ собственнаго хозяйства лишь небольшую часть необходимыхъ средствъ къ жизни и, слѣдовательно, вынуждены были предлагать свою рабочую силу сосѣднимъ помѣщикамъ. При этомъ наниматель даетъ крестьянину, въ формѣ заработной платы, не всю стоимость рабочей силы, а меньше, такъ, чтобы для крестьянина общая сумма заработной платы и дохода съ его собственнаго хозяйства составляла цѣну необходимыхъ средствъ къ жизни.

На раннихъ ступеняхъ развитія крупнаго производства аналогичный пріемъ примѣняется и въ обрабатывающей промышленности: рабочимъ даются въ распоряженіе участки земли, достаточные для разведенія небольшихъ огородовъ. И здѣсь заработная плата уменьшается соотвѣтственно доходности участка; для этого частью понижаютъ расцѣнки, частью дѣлаютъ прямые вычеты за пользованіе огородомъ.

Въ обоихъ случаяхъ результатъ оказывается одинъ и тотъ же: общая продолжительность рабочаго времени для работника-земледѣльца или рабочаго мануфактуры увеличивается всѣми часами, котыеор онъ посвящаетъ на воздѣлываніе своего земельнаго участка. Въ то же время становится неизбѣжнымъ чрезвычайное истощеніе и упадокъ жизненныхъ силъ трудящагося. Однако, работникъ остается какъ бы прикрѣпленнымъ къ мѣсту благодаря той привлекательности, которую представляетъ для него веденіе хотя бы призрачнаго собственнаго хозяйства.

Къ тѣмъ же, въ сущности экономическимъ результатамъ приводитъ послѣ уничтоженія крѣпостного права дробленіе крестьянскихъ надѣловъ: они достигаютъ такой малой величины, что не могутъ ни прокормить своихъ владѣльцевъ, ни занять всей ихъ рабочей силы: крестьянамъ приходится или прямо продавать остатокъ своей рабочей силы въ ближнихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ, или арендовать добавочную землю. Условія аренды при этомъ бываютъ таковы, что самая аренда оказывается, по внимательномъ разсмотрѣніи, просто замаскированной продажей рабочей силы: доходъ отъ аренды лишь дополняетъ собою заработокъ крестьянина до уровня стоимости необходимыхъ средствъ къ

жизни. Крупные землевладѣльцы отдаютъ свою землю въ аренду мелкими участками, а не основываютъ собственнаго крупнаго хозяйства просто потому, что при данныхъ затратахъ они такимъ способомъ получаютъ въ свое распоряженіе большее количество работы. Нетрудно представить себѣ, насколько тяжелой должна оказаться эта промежуточная стадія перехода крестьянина въ наемнаго работника.

Такая система представляетъ извѣстныя выгоды для предпринимателей лишь до тѣхъ поръ, пока нѣтъ настоятельной потребности въ повышеніи интенсивности труда, и пока его качество не имѣетъ большого значенія. Поэтому она съ теченіемъ времени исчезаетъ, раньше въ обрабатывающей промышленности, которая развивается быстрѣе, а затѣмъ понемногу и въ земледѣліи (гдѣ даже до нашихъ дней она обнаруживаетъ извѣстную живучесть).

Почти совершенно одинаковое значеніе съ удлиненіемъ рабочаго дня имѣетъ для капиталиста повышеніе напряженности труда; здѣсь только увеличенная затрата трудовой энергіи укладывается въ рамки меньшаго числа часовъ. Увеличитъ ли предприниматель 10-тичасовой день до 11 часовъ, или достигнетъ повышенія интенсивности работы на $^1/_{10}$, это для него безразлично, если оставить въ сторонѣ нѣкоторые мелкіе расчеты (въ родѣ того, что при болѣе короткомъ днѣ меньше затраты на отопленіе, освѣщеніе мастерской и т. д.). Обычнымъ средствомъ повышенія интенсивности труда является, какъ было указано, поштучная плата. Въ раннихъ стадіяхъ капитализма такой способъ увеличенія прибавочной стоимости играетъ сравнительно небольшую роль, потому что онъ почти несовмѣстимъ съ удлиненіемъ рабочаго дня, которое тогда широко примѣнялось, и потому, что при низкомъ уровнѣ развитія рабочаго класса, плохомъ питаніи и вообще низкихъ потребностяхъ высокая интенсивность труда просто невозможна.

Если рабочій день остается прежній, а необходимое рабочее время уменьшается, тогда опять-таки возрастаютъ прибавочное время и прибавочная стоимость. Напр., если при 12-тичасовомъ днѣ необходимое время уменьшается съ 6 до 5 часовъ, то прибавочное возрастаетъ съ 6 до 7 часовъ.

Но какимъ способомъ уменьшается необходимое время? Очевидно, путемъ пониженія стоимости рабочей силы: чѣмъ она меньше, тѣмъ меньше надо времени, чтобы ее отработать.

Стоимость рабочей силы есть стоимость необходимыхъ для рабочаго жизненныхъ средствъ, то количество общественно-трудовой энергіи, которое требуется для ихъ производства. Если эти средства—хлѣбъ, мясо, бумажныя ткани и пр.—начинаютъ добываться съ меньшей затратой трудовой энергіи, чѣмъ прежде, если, стало быть, повышается производительность труда въ земледѣліи, хлопчатобумажномъ дѣлѣ и т. д., то стоимость рабочей силы тѣмъ самымъ понижается.

Такъ, если стоимость обычныхъ предметовъ потребленія рабочаго на одинъ день составляла раньше 5 часовъ, а вслѣдствіе развитія способовъ производства дошла до 4 часовъ, то при 10-тичасовомъ днѣ при-

бавочное время возрастаетъ съ 5 до 6 часовъ, а норма прибавочной стоимости съ 100% до 150%. При этомъ денежная плата рабочаго соответственно понижается, напр., съ 50 коп. до 40 коп., но на эти деньги онъ можетъ покупать прежнее количество предметовъ потребленія.

Если стать на менѣе отвлеченную точку зрѣнія, то въ этомъ пониженіи денежной платы есть нѣкоторая невыгода для рабочихъ. Когда у отдѣльнаго рабочаго возникаютъ какія-нибудь высшія потребности, еще не развившіяся среди массы, напримѣръ, потребность въ приличной одеждѣ, въ чтеніи газетъ и т. под., то для ихъ удовлетворенія рабочему приходится дѣлать экономію на предметахъ необходимости, а при высокой цѣнѣ этихъ продуктовъ съэкономить на нихъ, очевидно, легче, чѣмъ при низкой.

При возрастаніи производительности труда, создающаго предметы потребленія рабочихъ, возрастаніе прибавочной стоимости происходитъ сразу для всѣхъ капиталистовъ даннаго общества. Но при извѣстныхъ условіяхъ и отдѣльный предприниматель, независимо отъ всѣхъ другихъ, можетъ уменьшить въ своемъ предпріятіи необходимое время и увеличить такимъ образомъ прибавочное. Это бываетъ тогда, когда ему удается сдѣлать производительность труда въ своемъ предпріятіи выше, чѣмъ обычная производительность труда въ данной отрасли производства. Напр., онъ вводитъ у себя гораздо большее раздѣленіе труда, чѣмъ то, которое существуетъ въ другихъ подобныхъ предпріятіяхъ. Пусть это—фабрикантъ ножей и пусть его усовершенствованіе ровно вдвое повышаетъ производительность труда: стоимость ножа вмѣсто 4 часовъ измѣряется у него 2 часами. Такъ какъ всѣ прочіе фабриканты частью еще не успѣли, частью, по недостатку капитала, не могли ввести данное усовершенствованіе, то общественная стоимость ножа попрежнему 4 часа. Положимъ, рабочій день продолжается 12 часовъ и стоимость рабочей силы измѣряется 6-ю часами, при чемъ каждый часъ соотвѣтствуетъ, положимъ, 10 коп. Итакъ, прежде на каждаго рабочаго въ день приходилось 3 сдѣланныхъ ножа: цѣна ножа (предполагаемъ, что онъ продается по стоимости) 40 коп., и на 60 коп. перемѣннаго капитала въ пользу капиталиста получалось 60 коп. прибавочной стоимости. Теперь каждый рабочій дѣлаетъ въ день 6 ножей, которые продаются попрежнему за 40 коп. штука, такъ какъ общественная ихъ стоимость не измѣнилась; за 6 штукъ получается 2 р. 40 к., перемѣнный капиталъ 60 к., въ пользу предпринимателя остается 1 р. 80 к. Необходимое время въ данномъ предпріятіи оказывается всего 3 часа вмѣсто 6 часовъ; норма прибавочной стоимости 300% вмѣсто 100%.

Надо замѣтить, что въ дѣйствительности капиталистъ будетъ продавать свои ножи не по рыночной средней цѣнѣ, а нѣсколько ниже ея, для того, чтобы скорѣе и вѣрнѣе распродать свой товаръ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что, дѣлая ножи съ меньшими, чѣмъ прежде, затратами, онъ увеличитъ, конечно, ихъ производство, а стало быть—и предложеніе ихъ на рынкѣ.

Такимъ образомъ, когда отдѣльный капиталистъ увеличиваетъ въ своемъ предпріятіи производительность труда, то возрастаетъ величина

прибавочной стоимости отъ его предпріятія. Но явленіе это только временное. Мало-по-малу и другіе предприниматели вводятъ у себя тѣ же техническія улучшенія, въ данномъ случаѣ—такое же раздѣленіе труда; а кто не обладаетъ достаточнымъ для этого капиталомъ, тотъ разоряется въ непосильной конкурренціи. Обычный способъ производства ножей оказывается измѣнившимся — общественно-необходимое на производство ножа время меньше прежняго, именно 2 часа. Цѣна ножей уменьшается, прибыль каждаго отдѣльнаго капиталиста, въ томъ числѣ и того, который раньше всѣхъ ввелъ усовершенствованіе, понижается до обычнаго размѣра или даже еще сильнѣе (въ дѣйствительности, какъ будетъ выяснено, происходитъ именно послѣднее).

Слѣдовательно, каждому отдѣльному капиталисту выгодно вводить у себя техническія усовершенствованія, но для всего класса капиталистовъ въ цѣломъ эти усовершенствованія такой выгоды не представляютъ, потому что въ концѣ-концовъ приводятъ къ пониженію стоимости и цѣны товаровъ.

Увеличивая различными путями прибавочную стоимость отъ своихъ рабочихъ, капиталистъ тѣмъ самымъ увеличиваетъ и свою прибыль, которая, собственно, для него и важна. Но существуетъ также цѣлый рядъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ предприниматель можетъ увеличить свою прибыль сверхъ обычной и независимо отъ количества прибавочной стоимости. Сюда относятся способы необычнаго сбереженія постояннаго и перемѣннаго капитала.

Если при устройствѣ мастерской предприниматель устраиваетъ необычную экономію на самыхъ размѣрахъ зданія, такъ что рабочіе постоянно находятся въ тѣснотѣ; если онъ сводитъ къ наименьшей возможной величинѣ расходы на отопленіе и освѣщеніе, на вентиляцію и гигіеническія приспособленія; если онъ заставляетъ работать одними и тѣми же орудіями до такого крайняго ихъ изнашиванія, какого не допускаютъ у себя другіе предприниматели въ виду опасности для рабочихъ или другихъ неудобствъ,—все это есть сверхъ-обычное сбереженіе постояннаго капитала. Уменьшается общая величина затратъ капитала, на которую приходится данная сумма прибыли,—повышается, слѣдовательно для даннаго капиталиста процентъ прибыли, хотя сумма прибавочнаго труда въ предпріятіи не измѣняется.

Сюда не слѣдуетъ относить тѣхъ случаевъ, когда въ отдѣльномъ предпріятіи больше, чѣмъ въ другихъ, утилизируются различные отбросы производства—это просто повышеніе производительности труда, такъ какъ утилизируемые отбросы являются только лишними продуктами производства, что становится особенно очевиднымъ, если предприниматель продаетъ ихъ.

Если предприниматель покупаетъ рабочую силу ниже ея общественной стоимости, это—сверхъ-обычное сбереженіе перемѣннаго капитала.

И здѣсь индивидуальная прибыль возрастаетъ, хотя не измѣняется сумма прибавочной стоимости (ибо прибавочная стоимость есть излишек-

затратъ трудовой энергіи работниковъ надъ общественной стоимостью ихъ рабочихъ силъ, а эта стоимость остается прежнею).

Таковы въ общихъ чертахъ тѣ способы, примѣненіе которыхъ увеличиваетъ прибыль отъ предпріятія при данномъ числѣ рабочихъ силъ. Если возрастаетъ число рабочихъ, то очевидно, что соотвѣтственно возрастаетъ прибавочная стоимость, а за ней и прибыль: отъ 200 рабочихъ прибавочнаго труда вдвое болѣе, чѣмъ отъ 100, и т. д.

Большое число рабочихъ имѣетъ еще то значеніе, что позволяетъ развивать раздѣленіе труда, а слѣдовательно—и его производительность; послѣднее же, какъ было показано, ведетъ къ временному или постоянному увеличенію прибавочной стоимости.

Прямое увеличеніе суммы прибавочнаго труда путемъ удлиненія рабочаго дня или повышенія интенсивности работы находитъ свои крайніе предѣлы въ свойствахъ человѣческаго организма, а при извѣстныхъ условіяхъ—въ сопротивленіи рабочаго.

Повышеніе производительности труда въ предпріятіи ограничивается общимъ состояніемъ техники и знаній въ данное время. Невозможно ввести усовершенствованія, пока оно еще не изобрѣтено.

Сверхъ-обычное сбереженіе капитала — «сверхъ-эксплоатація» — возможно, разумѣется, лишь постольку, поскольку оказывается недостаточнымъ сопротивленіе рабочихъ.

Почти неограниченно примѣнимъ тотъ способъ увеличенія прибыли, который заключается въ увеличеніи числа рабочихъ, при соотвѣтственномъ расширеніи всего предпріятія. Препятствіемъ ему является только недостатокъ спроса на товары или недостатокъ капитала на расширеніе дѣла.

Всякое расширеніе предпріятія совершается путемъ капиталистическаго накопленія. Оно заключается въ томъ, что часть своей прибыли капиталистъ не разстрачиваетъ на свои потребности, а присоединяетъ къ капиталу: покупаетъ на нее орудія, матеріалы, рабочую силу. Такое накопленіе бываетъ необходимо и въ другихъ случаяхъ, помимо простого расширенія дѣла; напр., чтобы увеличить производительность труда въ предпріятіи, надо сдѣлать дополнительныя затраты на техническія улучшенія. Даже удлиненіе рабочаго дня ведетъ къ увеличенію затратъ на матеріалы и орудія, слѣдовательно, къ накопленію.

Въ этихъ случаяхъ накопленія можетъ иногда и не быть: капиталъ сберегается на стоимости рабочей силы, и такое сбереженіе, при извѣстныхъ условіяхъ, уравновѣшиваетъ лишнія затраты постояннаго капитала. Точно также при „сверхъ-обычномъ сбереженіи“ постояннаго и перемѣннаго капитала увеличеніе прибыли можетъ совершиться безъ капиталистическаго накопленія. Но все это исключительные случаи.

Капиталистическое накопленіе слѣдуетъ строго отличать отъ простого, первоначальнаго накопленія, которое заключается не въ расширеніи предпріятій, а только въ присоединеніи денегъ къ деньгамъ.

Въ эпоху капитализма въ жизни имѣетъ значеніе одно капиталисти-

ческое накопленіе; первоначальное не только становится незначительно по размѣрамъ, но и фактически сводится къ накопленію капиталистическому. Въ самомъ дѣлѣ, пусть вся сумма первоначально накопленныхъ капиталовъ даннаго общества измѣряется милліардомъ рублей; на эти деньги основаны капиталистическія предпріятія, приносящія прибавочную стоимость, размѣромъ 100 милліоновъ въ годъ. Для упрощенія, допускаемъ, что капиталисты не производятъ возрастающаго накопленія, а потребляютъ весь прибавочный продуктъ. Въ такомъ случаѣ, на слѣдующій годъ капиталъ попрежнему милліардъ, но изъ первоначально накопленныхъ осталось только 900 милліоновъ, прочіе 100 милліоновъ потреблены капиталистами въ формѣ средствъ существованія и предметовъ роскоши: возобновлены же эти 100 милліоновъ насчетъ прибавочной стоимости. На слѣдующій годъ изъ первоначально накопленныхъ останется 800 милліоновъ, а 200 милліоновъ представляютъ капиталистически-накопленную прибавочную стоимость, и т. д. Черезъ 10 лѣтъ исчезнутъ остатки первоначальнаго накопленія, и весь капиталъ сведется къ прибавочной стоимости этихъ 10 лѣтъ.

Слѣдовательно, всякій данный капиталъ, какимъ бы способомъ ни было произведено первоначальное накопленіе, можно съ безконечно-малой ошибкой разсматривать, какъ накопленную прибавочную стоимость. Какъ было выяснено, и само первоначальное накопленіе въ наибольшей мѣрѣ сводилось къ различнымъ формамъ присвоенія прибавочнаго труда (крѣпостное право, рабство и т. д.); сбереженіе, производимое самими трудящимися въ свою пользу, играло при этомъ самую ничтожную роль. Изъ этого видно, какую цѣну имѣетъ ученье старыхъ экономистовъ о происхожденіи капиталовъ изъ личнаго сбереженія.

Итакъ, стремясь къ накопленію вообще, къ увеличенію своей денежной силы, капиталистъ естественнымъ путемъ приходитъ къ необходимости накопленія капиталистическаго, къ необходимости расширять свое предпріятіе, вкладывая въ него новыя и новыя затраты капитала изъ полученной прибыли.

Но если бы жажда накопленія денегъ имѣла свои границы, дальше которыхъ она неспособна была бы побуждать капиталиста къ расширенію и техническому развитію предпріятія, то непосредственная конкуренція предпріятій все равно заставила бы продолжать то и другое дальше этой границы.

Конкурренція между предпріятіями заключается въ томъ, что каждое изъ нихъ стремится отбить рынокъ у прочихъ. Борьба ведется путемъ пониженія цѣнъ и повышенія качества товаровъ.

Въ борьбѣ этой крупныя предпріятія съ большими капиталами имѣютъ рѣшительное преимущество передъ болѣе мелкими. Въ крупныхъ предпріятіяхъ производительность труда вообще выше, такъ какъ тамъ болѣе развито сотрудничество и раздѣленіе труда (не говоря уже о болѣе мелкихъ техническихъ преимуществахъ, какъ напр., сравнительно меньшихъ затратахъ на мастерскую, орудія, на перевозку грузовъ и т. под.). Тамъ быстрѣе происходитъ накопленіе капитала,

слѣдовательно, легче могутъ вводиться и примѣняться разныя техническія усовершенствованія. Крупнымъ мануфактурамъ расширять производство легче и потому, что при мануфактурномъ раздѣленіи труда предприниматель принужденъ нанимать новыхъ рабочихъ сразу цѣлыми группами (мануфактурныя группы), и, конечно, предпріятію, состоящему изъ 20—30 такихъ группъ, гораздо легче присоединить къ себѣ еще одну новую, чѣмъ состоящему изъ 2—3.

Крупныя предпріятія имѣютъ тѣмъ больше шансовъ завоевать рынокъ, что они легко выдерживаютъ нѣкорое пониженіе цѣнъ. Мелкій капиталистъ, который, можетъ быть, самъ едва существуетъ на свою прибыль, зачастую разоряется даже при кратковременномъ паденіи цѣнъ, а продолжительное губитъ его почти навѣрное. Предприниматель же крупный обыкновенно тратитъ на свои потребности лишь незначительную часть своей прибыли, остальное идетъ на расширеніе дѣла; при уменьшеніи цѣнъ такой капиталистъ перестаетъ только расширять предпріятіе, и если даже терпитъ убытки, то сравнительно нескоро разоряется окончательно.

Не выдерживая конкурренціи, мелкіе предприниматели оказываются вынуждены продавать свои мастерскія и орудія, при чемъ теряютъ организаторскую роль въ общественномъ производствѣ. Крупные же капиталисты пріобрѣтаютъ себѣ прежде принадлежавшія мелкимъ средства производства, и такимъ образомъ постепенно сосредоточиваютъ, концентрируютъ капиталы въ своихъ рукахъ.

Этотъ процессъ централизаціи капиталовъ есть необходимый результатъ капиталистической конкурренціи; самъ по себѣ онъ стремится уменьшить число предпріятій. Но въ раннія эпохи промышленнаго капитализма это явленіе не выступаетъ съ полной ясностью, будучи замаскировано противоположнымъ процессомъ: непрерывно основываются (на счетъ первоначальнаго накопленія) новыя и новыя предпріятія.

То, что здѣсь изложено относительно болѣе крупныхъ и болѣе мелкихъ капиталистовъ, относится также, до извѣстной степени, къ предпринимателямъ болѣе ловкимъ, искуснымъ, опытнымъ въ веденіи дѣлъ, и къ предпринимателямъ менѣе практичнымъ. Первые изъ своихъ капиталовъ извлекаютъ больше выгодъ, какъ будто бы ихъ капиталы были крупнѣе. По мѣрѣ того, какъ организаторская дѣятельность въ предпріятіяхъ передается наемнымъ спеціалистамъ, эта сторона дѣла начинаетъ терять свое значеніе.

Стремленіе капитала увеличивать разными способами размѣры прибавочной стоимости, получаемой отъ каждой данной рабочей силы, путемъ удлиненія рабочаго дня, повышенія напряженности труда, сверхъобычной экономіи на перемѣнномъ капиталѣ и т. д., вызываетъ со стороны рабочихъ противоположное стремленіе—улучшить или, по крайней мѣрѣ, не допускать ухудшенія матеріальныхъ условій своей жизни. Это—другая движущая сила развитія въ промышленно-капиталистическомъ обществѣ—сила, первоначально возникающая въ формѣ простой конкурренціи каждаго даннаго покупателя рабочей силы съ каждымъ даннымъ ея продавцомъ. На первыхъ стадіяхъ капитализма этотъ факторъ раз-

витія практически не имѣетъ большого значенія, благодаря низкому уровню развитія и крайней разрозненности въ дѣйствіяхъ рабочихъ. Жизненное значеніе этого фактора въ эпоху мануфактуръ гораздо ниже, чѣмъ въ эпоху борьбы подмастерьевъ съ цеховыми мастерами, когда первые достигали большого единства дѣйствій при помощи своихъ организацій.

Подводя итоги, о силахъ развитія въ эпоху мануфактуръ можно сказать слѣдующее. Основная изъ нихъ—конкурренція въ различныхъ формахъ вмѣстѣ съ ея психологическимъ результатомъ—жаждой накопленія. Направленіе же, въ которомъ дѣйствуютъ эти двигатели, характеризуется съ экономической стороны централизацiей капиталовъ, возрастающимъ раздѣленіемъ труда и сотрудничествомъ, съ технической—возрастающей интенсивностью, продолжительностью и производительностью труда при возможно большемъ упрощеніи дѣятельности каждаго работника-исполнителя (мануфактурное раздѣленіе труда).

Историческое начало періода мануфактуръ относится къ вѣку XV—XVI для Англіи и Голландіи; въ другихъ странахъ позже. Историческимъ концомъ этого періода слѣдуетъ считать эпоху великихъ изобрѣтеній—конецъ XVIII вѣка въ Англіи; въ другихъ странахъ мануфактурный капитализмъ сталъ уступать мѣсто машинному позже—въ 1-й во 2-й четверти XIX вѣка.

VII. ПРОМЫШЛЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМЪ.

ЭПОХА МАШИННАГО ПРОИЗВОДСТВА.

1. Отношенія общества къ природѣ.

а) Происхожденіе машины.

Изъ внутреннихъ отношеній капиталистическаго общества вытекаетъ стремленіе капитала къ непрерывному развитію производительности труда. Но въ эпоху мануфактуръ стремленіе это наталкивается на препятствіе, заключающееся въ самомъ характерѣ производительныхъ силъ мануфактурнаго періода. Трудъ оставался ручнымъ, физическая сила человѣка играла главную роль въ производствѣ. А такъ какъ, она имѣетъ свои границы, то производительность труда и не могла идти дальше извѣстной высоты, пока двигателемъ орудія являлась непосредственно человѣческая рука.

Мануфактура развивала производительность труда путемъ все большаго раздѣленія труда, путемъ дробленія сложной работы на все болѣе несложныя частныя операціи. При этомъ дѣятельность отдѣльнаго работника, до крайности упрощаясь, становилась все болѣе механической, машинообразной. Именно благодаря этому, когда мануфактура довела

развитіе ручного труда до крайнихъ предѣловъ, и каждый слѣдующій шагъ въ прежнемъ направленіи сталъ представлять громадныя трудности, именно благодаря механичности, несложности трудовыхъ операцій отдѣльнаго работника, оказалось сравнительно легкимъ дѣломъ передавать выполненіе этихъ операцій машинѣ. Превращая работника-исполнителя въ машину, мануфактура подготовила замѣну его машиной. И когда расширеніе рынковъ требовало дальнѣйшаго развитія способовъ производства, а мануфактура уже не могла дать ничего больше, тогда совершился переходъ отъ ручного труда къ машинному.

Главная особенность машиннаго производства заключается въ томъ, что непосредственно исполнительскія операціи производства выполняются **не силами человѣка, а силами природы**; роль же работника все болѣе ограничивается управленіемъ и надзоромъ за машиной, **становясь по своему типу во многомъ аналогичной прежнему организаторскому труду.**

Такъ какъ силы природы безграничны, то съ прогрессомъ научныхъ знаній производительность труда въ машинномъ производствѣ можетъ непрерывно возрастать до неизвѣстныхъ еще предѣловъ.

Исторія машины начинается гораздо раньше эпохи машиннаго капитализма. Еще во времена классическаго рабства была изобрѣтена водяная мельница, а также водяные насосы, черпальныя машины; въ средніе вѣка явилась вѣтряная мельница, а въ періодѣ мануфактуръ машины нерѣдко употреблялись для выполненія нѣкоторыхъ грубыхъ операцій, которыя требовали затратъ большой механической силы, напр., для измельченія руды, для выкачиванія воды изъ шахтъ и т. п. Но общее значеніе машинъ въ производствѣ было ничтожно.

Примѣненіе машинъ въ до-капиталистическія эпохи было ограничено не только вслѣдствіе недостатка техническихъ знаній, благодаря которому машинъ изобрѣталось очень мало, и притомъ весьма несовершенныхъ. Нерѣдко изобрѣтенныя машины не могли войти въ общую технику производства въ силу чисто общественныхъ неблагопріятныхъ условій. Такъ, еще въ XVII вѣкѣ изобрѣтались механическіе ткацкіе и прядильные станки, которые по сравненію съ ручными представляли большой шагъ впередъ. Но въ тѣ времена средневѣковыя ремесленныя организаціи хотя и склонялись уже къ упадку, однако обладали еще очень значительной экономической силой и, соотвѣтственно этому, политическимъ значеніемъ. А онѣ, вслѣдствіе легко понятныхъ побужденій, съ отчаянной враждебностью относились ко всякой попыткѣ замѣнить трудъ человѣка работой машинъ. Подъ вліяніемъ церковныхъ корпорацій городскіе совѣты одинъ за другимъ издаютъ постановленія, которыми запрещается введеніе механическихъ станковъ; народъ разбиваетъ машины, изобрѣтателей подвергаютъ ожесточеннымъ преслѣдованіямъ, какъ людей, которые ремесленниковъ и рабочихъ хотятъ лишить куска хлѣба.

Но, подъ вліяніемъ торговаго и промышленнаго капитала, старыя организаціи разлагались, теряя свою экономическую силу, а съ ней и политическое значеніе, и нравственный авторитетъ. Господствующее

значеніе въ экономической жизни пріобрѣтали торговцы и мануфактуристы. А ихъ отношеніе къ машинамъ было совсѣмъ иное. Имъ уже машины не угрожали, какъ цеховымъ ремесленникамъ, разрушить привычный, дорогой для нихъ строй общественной жизни, подорвать матеріальныя основы ихъ существованія. Машины обѣщали прибыль, и это былъ неотразимый аргументъ въ ихъ пользу.

Такъ экономическое развитіе, расшатавъ, ослабивъ и уничтоживъ силы, враждебныя машинѣ, укрѣпило и увеличило силы, стоявшія за нее, и такимъ образомъ расчистило почву для широкаго примѣненія машины.

Въ міровомъ капиталистическомъ развитіи періодъ мануфактуръ есть безусловно необходимая стадія: нельзя даже представить себѣ непосредственнаго возникновенія крупнаго машиннаго производства изъ ремесленной, напр., техники. Но въ исторіи отдѣльныхъ обществъ, позже, чѣмъ другія, вступившихъ на путь капитализма, вліяніе ихъ исторической среды—культуры болѣе старыхъ обществъ—позволяетъ почти миновать мануфактурную стадію техники: отъ мелкаго ремесленнаго и земледѣльческаго производства, организованнаго торговымъ капиталомъ, совершается прямой переходъ къ машинному крупному производству со всѣми его общественно-экономическими результатами.

б) Что такое машина?

Машина есть такое орудіе труда, которое исполнительскую работу человѣка замѣняетъ дѣйствіемъ силъ внѣшней природы. Это—высшій, наиболѣе совершенный типъ орудія.

Разсматривая въ общихъ чертахъ устройство различныхъ машинъ, нетрудно видѣть, что въ основѣ его лежитъ одна схема. Въ машинѣ приходится различать три части: двигатель, передаточный механизмъ и рабочую часть или механическій инструментъ. Каждая изъ этихъ частей машины имѣютъ свою исторію развитія.

Когда машина примѣняется въ небольшомъ дѣлѣ, не требующемъ значительныхъ затратъ механической силы, то двигателемъ машины является нерѣдко механическая рабочая сила человѣка. Такъ, напр., швейная машина приводится въ дѣйствіе однообразными движеніями руки или ноги. Это—незаконченный, не вполнѣ развитой типъ машины.

Замѣна человѣческой движущей силы силою животныхъ (преимущественно лошадьми) есть первый шагъ въ развитіи двигательной части машины. Но здѣсь нѣтъ еще крупнаго прогресса: сила животныхъ обходится сравнительно дорого; работать постоянно они не могутъ (напр., лошадь опытный хозяинъ не заставитъ работать больше 8 часовъ въ сутки); наконецъ, сила животныхъ не слишкомъ значительно превосходитъ силу человѣка.

Слѣдующимъ шагомъ впередъ была замѣна животныхъ силою вѣтра и падающей воды. Эти двигатели имѣютъ уже то преимущество, что они неодушевленные; но есть у нихъ и нѣкоторые недостатки.

Сила вѣтра, которая съ незапамятныхъ временъ примѣнялась въ больщихъ размѣрахъ для перевозки грузовъ по водѣ (парусныя суда), но очень мало въ другихъ областяхъ промышленности, обладаетъ тѣмъ неудобствомъ, что очень непостоянна и дѣйствуетъ неравномѣрно. Сила воды не имѣетъ этихъ невыгодныхъ сторонъ, и потому въ эпоху мануфактуръ она пріобрѣла наибольшее значеніе. Но и она не лишена серьезныхъ недостатковъ. Во-первыхъ, водяной двигатель можно примѣнять только тамъ, гдѣ есть подъ рукой падающая или текущая вода, и гдѣ ея прегражденіе плотиною не противорѣчитъ интересамъ и правамъ мѣстныхъ жителей или землевладѣльцевъ. Во-вторыхъ, зимою сила воды въ нашихъ холодныхъ странахъ дѣйствуетъ не всегда. Наконецъ, увеличивать ее по произволу невозможно. Благодаря такимъ особенностямъ водяныхъ двигателей, употребленіе ихъ не могло быть обширнымъ. Это—одна изъ причинъ того, что во время мануфактурнаго періода, пока не было найдено лучшаго двигателя, машины примѣнялись очень мало.

Кое-гдѣ употреблялись уже въ эпоху мануфактуръ и паровые двигатели, но чрезвычайно несовершеннаго и неудобнаго устройства. Когда въ 1774 году Уаттъ значительно усовершенствовалъ ихъ механизмъ и создалъ извѣстную паровую машину двойного дѣйствія, тогда оказалось, что паръ и есть тотъ лучшій двигатель, въ которомъ нуждалась развивающаяся капиталистическая промышленность.

Въ паровомъ двигателѣ механическая сила порождается потребленіемъ угля и воды. Силу дѣйствія можно увеличивать и уменьшать по желанію. Самый двигатель устроенъ такъ, что его нетрудно перевозить съ мѣста на мѣсто и приспособлять къ какимъ понадобится рабочимъ машинамъ.

На этомъ не остановилось развитіе двигательной части машины. Въ послѣднее время все больше значенія пріобрѣтаютъ новые двигатели — электрическіе. Пока ихъ примѣненіе еще очень ограничено, но уже теперь замѣтны нѣкоторыя преимущества электрической движущей силы передъ силой пара: главное преимущество заключается въ томъ, что электрическую энергію возможно дробить на какія угодно малыя части, и что ее возможно передавать на какія угодно разстоянія съ незначительной (при извѣстныхъ условіяхъ) потерей.

По всей вѣроятности, электричество явится главнымъ двигателемъ слѣдующаго періода организаціи производства. Уже современной техникѣ извѣстны способы превращать всякую силу природы въ электричество и передавать затѣмъ куда угодно. Благодаря этому, электричество дастъ, вѣроятно, возможность съ пользою примѣнять такіе громадные источники энергіи въ природѣ, какъ величайшіе водопады, морскіе приливы и проч.; многіе изъ подобныхъ источниковъ до сихъ поръ не эксплоатировались главнымъ образомъ потому, что ихъ энергію не умѣли передавать на разстояніе.

Вторая часть машины—это передаточный механизмъ, который передаетъ энергію двигателя рабочей машинѣ. Онъ долженъ измѣнять ха-

рактеръ и направленіе тѣхъ движеній, которыя даются первой частью машины, измѣнять цѣлесообразно, соотвѣтственно назначенію машины, и въ этомъ видѣ передавать движеніе рабочему инструменту. По мѣрѣ того, какъ машина примѣняется къ болѣе сложнымъ процессамъ производства, передаточный механизмъ осложняется. Еще болѣе возрастаетъ его сложность, когда пользуются однимъ и тѣмъ же двигателемъ, чтобы приводить въ движеніе нѣсколько рабочихъ машинъ одновременно, особенно если онѣ разнородны. Если для одной рабочей машины нужно круговое движеніе, для другой — прямолинейное, для третьей — прямолинейно-ломанное и т. д., то не трудно себѣ представить, какое множество частныхъ приспособленій долженъ заключать въ себѣ передаточный механизмъ, чтобы удовлетворять своей цѣли. Онъ превращается въ цѣлую обширную систему зубчатыхъ колесъ, валовъ, эксцентриковъ, шатуновъ и т. под., въ систему тѣмъ болѣе сложную, чѣмъ сложнѣе, разнороднѣе и многочисленнѣе рабочія машины, приводимыя въ дѣйствіе однимъ двигателемъ.

Третья, самая важная часть машины — это рабочая машина или механическій инструментъ. Она непосредственно происходитъ изъ того инструмента, которымъ работаетъ ручной работникъ ремесла или мануфактуры. Нерѣдко, впрочемъ, этотъ инструментъ является въ рабочей машинѣ настолько измѣненнымъ, что его трудно даже узнать.

Но главное отличіе рабочей машины отъ инструментовъ ручного труда заключается въ томъ, что она выступаетъ непосредственно, какъ инструментъ машины, а не человѣка; теперь машина производитъ то движеніе, въ которое прежде орудіе приводилось руками человѣка. Даже если двигателемъ машины служитъ сила человѣка, рабочій инструментъ все-таки непосредственно приводится не руками человѣка, а передаточнымъ механизмомъ.

Итакъ, машина замѣняетъ собою работника, поскольку онъ является въ производствѣ простымъ исполнителемъ, простымъ орудіемъ организующей воли. Благодаря этому, на машины переносятся многія изъ отношеній, которыя прежде существовали между работниками исполнителями мануфактуры.

Такъ, сотрудничеству и раздѣленію труда между работниками мануфактуры соотвѣтствуетъ «сотрудничество» и «раздѣленіе труда» между машинами (выраженія условныя, потому что «трудиться» можетъ только человѣкъ).

Примѣръ простого сотрудничества представляетъ ткацкая фабрика, которая состоитъ изъ множества механическихъ станковъ, помѣщенныхъ въ одномъ зданіи и выполняющихъ одинаковую работу. Одинъ и тотъ же двигатель въ этомъ случаѣ приводитъ въ дѣйствіе множество одинаковыхъ машинъ.

«Раздѣленіе труда» между машинами состоитъ въ томъ, что цѣлый рядъ различныхъ, но находящихся во взаимной связи машинъ одна за другой обрабатываютъ одинъ и тотъ же матеріалъ, пока онъ не получитъ свою окончательную форму. Тамъ, гдѣ впервые вводится раздѣ-

леніе работъ между машинами, оно бываетъ приблизительно такое, какъ въ мануфактурѣ, занимавшейся тѣмъ же производствомъ. Напр., на шерстяной мануфактурѣ трудъ былъ раздѣленъ между шерстобитами, чесальщиками, прядильщиками и т. д. Теперь вмѣсто этихъ рабочихъ является рядъ машинъ—шерстобитная, чесальная и т. д. Въ переходной стадіи однѣ изъ операцій переданы уже машинѣ, тогда какъ другія еще выполняются ручнымъ трудомъ.

Впослѣдствіи способъ раздѣленія работъ между машинами можетъ, конечно, измѣниться.

Въ раздѣленіи работъ между машинами одна доставляетъ другой матеріалъ для обработки, какъ въ мануфактурѣ одинъ работникъ другому. И здѣсь въ разныхъ машинахъ, какъ тамъ въ рукахъ различныхъ работниковъ, матеріалъ находится одновременно на всѣхъ ступеняхъ своей обработки. Мануфактурной группѣ, т.-е. опредѣленному отношенію между числомъ рабочихъ различныхъ спеціальностей, соотвѣтствуетъ «система машинъ», т.-е. опредѣленная связь между числомъ, размѣрами, скоростью движенія однѣхъ, другихъ, третьихъ машинъ; какъ на опредѣленное число прядильщиковъ нужно опредѣленное число ткачей, чтобы они успѣвали обрабатывать матеріалъ, доставляемый первыми, такъ на опредѣленное число прядильныхъ машинъ даннаго устройства должно приходиться опредѣленное число механическихъ ткацкихъ станковъ даннаго устройства.

Изъ всего этого видно, что роль мануфактурнаго работника дѣйствительно была замѣщена въ гораздо большей мѣрѣ самой машиною, чѣмъ работникомъ при машинѣ. Послѣдній по самому типу своей производственной дѣятельности значительно отличается отъ перваго: онъ преимущественно управляетъ и контролируетъ, тогда какъ тотъ—исполнялъ. Это въ высшей степени важное различіе.

Впрочемъ, въ переходныхъ стадіяхъ, въ недостигшихъ полнаго развитія машинныхъ производствахъ работники нужны не только для надзора и контроля за дѣйствіемъ машинъ, но отчасти также и для того, чтобы непосредственно придавать механическимъ инструментамъ извѣстное движеніе, къ которому машина еще не приспособлена. Но развитіе машиннаго производства стремится замѣнить всѣ такія незаконченныя машины автоматическими, самодѣйствующими механизмами, въ которыхъ рабочія машины безъ прямого содѣйствія человѣка выполняютъ всѣ движенія, необходимыя для обработки матеріала. И чѣмъ въ большей мѣрѣ совершается такая замѣна, тѣмъ въ большей мѣрѣ трудъ работника при машинѣ пріобрѣтаетъ сходство съ прежнимъ организаторскимъ трудомъ.

Въ ремесленномъ производствѣ организаторская сторона работы лишь въ ничтожной мѣрѣ отдѣлена отъ исполнительской; работникъ, мастеръ или подмастерье преимущественно самъ себя контролируетъ, самъ собою управляетъ. Мануфактура завершаетъ раздѣленіе двухъ сторонъ работы, доводя его до крайности, до такого абсурда, какъ превращеніе человѣка въ машину. Машина примиряетъ эти противоположности, придавая исполнительному труду характеръ организаторскаго, требуя отъ работника не только грубой силы и механической привычки, но также разума и воли.

По отношенію къ производительности труда главное преимущество машинной работы передъ ручной заключается въ слѣдующемъ: какъ бы искусенъ ни былъ работникъ, онъ не можетъ сразу работать нѣсколькими инструментами, такъ какъ у него только двѣ руки, двѣ ноги, а не больше. Въ Германіи когда-то пробовали заставить одного работника работать на двухъ прядильныхъ колесахъ и на двухъ веретенахъ, сразу обѣими руками и обѣими ногами: но это требовало такого громаднаго напряженія, которое вообще не по силамъ работнику. Машина же работаетъ сразу множествомъ инструментовъ. Напримѣръ, на современныхъ прядильныхъ фабрикахъ одинъ работникъ съ помощью мюль-машины управляетъ цѣлыми сотнями веретенъ (въ Англіи еще въ 1887 г. на 1 рабочаго приходилось въ среднемъ 333 веретена, а въ лучшихъ прядильняхъ болѣе 400). Если къ этому прибавить, что скорость движеній машины значительно превосходитъ скорость движеній человѣка, то станетъ очевидно, какое громадное возрастаніе производительности труда можетъ достигаться при помощи машинъ. Напр., при машинномъ тканьѣ одинъ средній работникъ успѣваетъ сдѣлать столько, сколько прежде 40 хорошихъ ручныхъ ткачей.

Здѣсь умѣстно привести сравненіе производительности труда въ булавочномъ производствѣ при ремесленной, мануфактурной и машинной работѣ.

Отдѣльный работникъ, выполняющій всѣ операціи производства булавокъ, врядъ ли успѣлъ бы сдѣлать десятокъ булавокъ въ день. Въ мануфактурѣ, при раздѣленіи труда между 10-ю только работниками, ежедневный размѣръ производства=48.000 булавокъ—по 4.800 на каждаго работника. Булавочная машина приготовляетъ 180.000 булавокъ въ день, при чемъ одинъ работникъ можетъ управлять одновременно нѣсколькими такими машинами. На одной американской фабрикѣ съ 70 булавочными машинами, приготовляющими $7^1/_2$ милліоновъ булавокъ въ день, требовалось всего 5 человѣкъ рабочихъ; слѣдовательно, на каждаго приходилось въ среднемъ $1^1/_2$ милліона булавокъ въ день.

Уже въ настоящее время въ распоряженіи человѣчества находится такое количество паровой силы, которое замѣняетъ болѣе $1^1/_2$ милліарда работниковъ; между тѣмъ, число взрослыхъ людей-работниковъ на земномъ шарѣ не больше 500—600 милліоновъ.

При этомъ прогрессъ машиннаго производства идетъ съ постоянно возрастающей быстротой. Замѣняя въ производствѣ силу работника силами природы, примѣненіе машинъ открываетъ безграничный просторъ развитію производительныхъ силъ, возрастанію власти общественнаго человѣка надъ природой.

в) Распространеніе машиннаго производства.

Всегда ли машина полезна въ производствѣ, всегда ли она увеличиваетъ производительность труда? Разумѣется, только тогда, когда она дѣйствительно сберегаетъ трудъ.

Положимъ, изобрѣтена новая машина, съ помощью которой одинъ работникъ выполняетъ то, что прежде выполнялось трудомъ 11 человѣкъ; слѣдовательно, машина замѣняетъ собою 10 работниковъ-исполнителей. Изнашивается она, положимъ, въ теченіе 300 дней; за все время своей службы она сберегаетъ такимъ образомъ 3.000 дней труда.

Если сама машина (т.-е. вся ея постройка) стоитъ 3.500 дней труда, то ее, конечно, нелѣпо было бы вводить, такъ какъ при этомъ получается вмѣсто сбереженія чистая потеря 500 рабочихъ дней. Если даже производство самой машины стоитъ ровно 3.000 дней, и тогда она безполезна—нисколько не сберегаетъ труда.

Но если стоимость машины, напр., 2.500 рабочихъ дней, то машина повышаетъ производительность труда, она полезна для производства, потому что сберегаетъ цѣлыхъ 500 рабочихъ дней.

Однако предприниматель-капиталистъ, отъ котораго зависитъ ввести или не ввести машину, стоитъ не на такой точкѣ зрѣнія. Для него, вообще говоря, совершенно безразлично, сберегаетъ ли машина человѣческій трудъ; для него важенъ вопросъ: увеличитъ ли она его прибыль? Капиталистъ разсчитываетъ, сколько рублей ему надо затратить на покупку машины, и сколько рублей она должна сберечь ему на заработной платѣ.

Положимъ, машина сберегаетъ 3.000 рабочихъ дней, а сама стоитъ 2.500; при этомъ стоимость рабочей силы на одинъ день—5 часовъ простого труда, что соотвѣтствуетъ цѣнѣ въ 50 коп., и норма прибавочной стоимости 100%, т.-е. вся новая стоимость, создаваемая въ день работникомъ, равняется 10 часамъ, что соотвѣтствуетъ 1 рублю.

Если предприниматель покупаетъ машину, онъ платитъ за нее другому капиталисту такое количество денегъ, которое произведено въ 2.500 дней, ибо такова стоимость машины; эта сумма денегъ составляетъ 2.500 рублей. Если же капиталистъ не вводитъ машины, то ему приходится взамѣнъ того купить лишнюю рабочую силу на 3.000 рабочихъ дней, которые ему сберегла бы машина. Такъ какъ рабочая сила на 1 день стоитъ полтинникъ, то за 3.000 дней капиталистъ переплатитъ лишнимъ рабочимъ 1.500 рублей заработной платы, т.-е. на 1.000 рублей меньше, чѣмъ за машину. Ясно, что вводить машину невыгодно, хотя она и повышаетъ производительность труда. Дѣло сводится къ тому, что, покупая машину, капиталистъ платитъ соотвѣтственно всей суммѣ труда, потраченной на ея производство, тогда какъ при покупкѣ рабочей силы онъ оплачиваетъ только часть того труда, который рабочая сила ему доставитъ.

Если бы машина стоила 1.500 дней труда, чему соотвѣтствуетъ цѣна 1.500 рублей, то для предпринимателя безполезно вводить машину: отъ нея ему нѣтъ ни прибыли, ни убытка, такъ какъ и рабочая сила на 3.000 дней стоитъ 1.500 рублей.

Но если машина стоитъ только 1.000 дней, и цѣна ея—1.000 руб., то капиталисту выгодно примѣнять машину: за 1.000 рублей онъ избав-

ляется отъ затраты 1.500 рублей на заработную плату, что представляетъ для него выигрышъ въ 500 руб.

Въ этомъ анализѣ остается сдѣлать ту поправку, что рыночныя цѣны какъ машины, такъ и рабочей силы до извѣстной степени уклоняются отъ ихъ стоимостей; а только рыночныя цѣны и имѣютъ значенiе для предпринимателя.

Итакъ, машина не всегда выгодна для капиталиста, если она и повышаетъ производительность труда. Капиталистическое примѣненiе машины возможно только въ томъ случаѣ, когда ея цѣна меньше цѣны той рабочей силы, которую машина замѣняетъ.

Отсюда понятно, почему однѣ и тѣ же машины въ однѣхъ странахъ съ выгодой примѣняются капиталистами, а въ другихъ вовсе непримѣнимы. Напр., нѣкоторыя машины, изобрѣтенныя въ Англiи, капиталистически выгодны только въ Америкѣ, гдѣ заработная плата выше, чѣмъ въ Англiи. Чѣмъ ниже заработная плата, тѣмъ менѣе выгодъ доставляютъ машины предпринимателямъ, тѣмъ менѣе онѣ находятъ себѣ примѣненiя. (Это одна изъ главныхъ причинъ, замедляющихъ прогрессъ машиннаго производства въ Россiи, особенно въ земледѣльческой промышленности).

Несмотря на такiя ограничительныя условiя, въ общемъ—распространенiе машинъ совершалось очень быстро. Оно происходило въ опредѣленной послѣдовательности, являясь даже почти въ каждомъ частномъ случаѣ не результатомъ какой-нибудь случайности, такъ, а не иначе направившей фантазiю изобрѣтателя, но удовлетворенiемъ назрѣвшей потребности самого производства. Чтобы показать это конкретнѣе, разсмотримъ, какимъ образомъ въ частной области производства возникаетъ потребность въ машинѣ и какимъ образомъ введенiе машинъ въ однѣхъ отрасляхъ промышленности вызываетъ переходъ къ машинѣ и въ другихъ, связанныхъ съ первыми. Примѣромъ послужитъ исторiя англiйскаго хлопчатобумажнаго дѣла.

Еще въ срединѣ прошлаго вѣка эта область производства была организована главнымъ образомъ по домашне-капиталистическому типу: ткачъ—обыкновенно глава семьи—работалъ на ручномъ станкѣ въ своемъ собственномъ домѣ; пряденьемъ занимались члены его семьи—жена и дѣти. При такихъ условiяхъ тканье вообще шло быстрѣе, чѣмъ пряденье: прядильщики не поспѣвали за ткачомъ, не могли постоянно приготовлять для него вполнѣ достаточнаго количества пряжи. Это несоотвѣтствiе усилилось еще болѣе, когда былъ изобрѣтенъ самолетный челнокъ, который вдвое увеличилъ производительность ткацкой работы. Съ другой стороны, прядильное дѣло отставало и отъ производства хлопка—сырого матерiала для пряденья. Насколько сильной оказывалась потребность въ улучшенiи прядильной техники, можно судить по такому, напр., факту, что въ 1782 году въ Англiи, за недостаткомъ работниковъ, лежалъ невыпряденнымъ весь хлопокъ, вывезенный изъ колонiй за три предыдущихъ года, и остался бы лежать еще нѣсколько лѣтъ, если бы не явилась на помощь машина.

Тогда одно за другимъ идутъ изобрѣтенія въ данной области. Сначала изобрѣтается такой станокъ, который прядетъ одновременно 8 нитей, выполняетъ работу 8 прядильщиковъ. Затѣмъ новое изобрѣтеніе даетъ возможность приводить эту машину въ движеніе силой воды. Далѣе является цѣлый рядъ другихъ усовершенствованій, которыя приводятъ не только къ увеличенію количества пряжи, но и къ улучшенію ея качества.

Въ хлопчатобумажной промышленности вновь возникаетъ несоотвѣтствіе между отдѣльными стадіями производства, но уже обратное прежнему: теперь ткачъ не поспѣваетъ за прядильщиками. И это несоотвѣтствіе устраняется въ 1787 году съ изобрѣтеніемъ механическаго ткацкаго станка.

Насколько мануфактурное раздѣленіе труда облегчило переходъ къ машинѣ, видно, между прочимъ, изъ того обстоятельства, что первыми изобрѣтателями являлись обыкновенно простые рабочіе, не получившіе ни общаго, ни техническаго образованія, обладавшіе однимъ практическимъ знакомствомъ съ данной отраслью производства. Болѣе того, механическій ткацкій станокъ изобрѣтенъ священникомъ изъ Кента.

Послѣ ряда усовершенствованій въ пряденьи и ткачествѣ оказался совершенно неудовлетворительнымъ прежній способъ бѣленія бумажныхъ матерій. Чрезвычайная продолжительность этого процесса — нѣсколько мѣсяцевъ—не представляла большихъ неудобствъ, пока пряденье и ткачество оставалось ручнымъ, и количество производимыхъ тканей было сравнительно невелико. Теперь же, съ громаднымъ повышеніемъ производительности труда прядильщиковъ и ткачей, возникла потребность ускорить процессъ бѣленія. На помощь явилась химія: съ примѣненіемъ для бѣленія кислотъ продолжительность процесса уменьшилась до нѣсколькихъ дней, даже часовъ.

Вслѣдствіе такихъ же причинъ въ концѣ прошлаго вѣка возникли улучшенія въ красильномъ и ситцепечатномъ дѣлѣ. Далѣе, чтобы приготовлять достаточно матеріала для машиннаго прядильнаго производства, необходимо было сильно расширить производство хлопчатой бумаги; а для этого пришлось ввести особую машину, которая отдѣляетъ хлопчатобумажныя волокна отъ сѣмянъ.

Такія перемѣны совершались не въ одной хлопчатобумажной промышленности. Онѣ влекли за собой необходимость другихъ перемѣнъ. Такъ, многія изъ изобрѣтенныхъ машинъ оказывались бы въ массѣ случаевъ безполезными, если бы не нашлось новой двигательной силы, способной производить большое количество работы. Источникомъ такой силы явилась паровая машина двойного дѣйствія, и т. д.

Въ результатѣ цѣлаго ряда подобныхъ измѣненій получилось чрезвычайное расширеніе производства. Оно вызвало потребность въ новыхъ, лучшихъ путяхъ сообщенія. Для каждаго экономическаго періода развитіе путей сообщенія опредѣляется общимъ развитіемъ производства. Средневѣковые, напр., пути сообщенія, достаточные при мелкомъ производствѣ, оказались неудовлетворительными для мануфактурнаго періода,—

тогда усовершенствовалось мореплаваніе, явились шоссейныя дороги. Точно также и этого оказалось слишкомъ мало для машиннаго капитализма съ его громадной производительностью труда, тогда настало время пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и т. д.

Такъ, благодаря тѣсной связи между различными областями промышленности, машины быстро изобрѣтались и вводились одна за другой. Масса машинъ явилась въ короткій періодъ конца XVIII и самаго начала XIX вѣка.

Въ земледѣліи переходъ къ машинамъ совершается всего позже, что объясняется многими причинами. Во-первыхъ, земледѣлію не пришлось развить мануфактураго раздѣленія труда, такъ хорошо подготовляющаго почву для машины. Во-вторыхъ, введеніе машинъ въ земледѣліи сопровождается не такимъ рѣзкимъ измѣненіемъ производительности труда, какъ въ обрабатывающей промышленности, такъ что самое побужденіе къ введенію машинъ для земледѣльческаго капиталиста слабѣе. Наконецъ, гнетъ остатковъ феодализма, которые долго сохраняются въ сферѣ земледѣлія, былъ не малымъ препятствіемъ къ техническому прогрессу этой области производства. Закабаленіе и нищета сельскаго населенія позволяютъ помѣщикамъ имѣть рабочія руки по такой дешевой цѣнѣ, при которой нѣтъ расчета замѣнять рабочихъ машинами.

Въ началѣ машиннаго періода машины приготовлялись на инструментальныхъ мануфактурахъ. Пока само машиностроительное дѣло основывалось на ручномъ трудѣ, развитіе машиннаго производства шло, по необходимости, очень медленно. Машины обходились дорого, были недостаточно сильны и недостаточно совершенны. Для того, чтобы машина хорошо работала, необходима строжайшая правильность формы ея отдѣльныхъ частей, полное соотвѣтствіе ихъ размѣровъ,—словомъ, величайшая точность во многихъ операціяхъ производства машины. Такой точности ручной трудъ не достигаетъ даже при наибольшемъ искусствѣ работника; она вполнѣ возможна только при машинномъ выполненіи. Кромѣ того, самая производительность труда въ инструментальныхъ мануфактурахъ была недостаточно велика, чтобы онѣ могли приготовить такую, напр., массу машинъ, какая примѣняется въ настоящее время.

Когда производство машинъ само стало машиннымъ, тогда было устранено послѣднее препятствіе развитію крупной промышленности, и она стала прогрессировать съ небывалой быстротой.

При этомъ, наука постоянно оказывалась вѣрнымъ слугой капиталистическаго производства и самымъ добросовѣстнымъ образомъ выполняла его новыя требованія. Спросъ на изобрѣтенія со стороны капитала вызывалъ усиленное ихъ предложеніе со стороны умственнаго труда.

2. Общественныя отношенія производства въ період машиннаго капитализма.

а) *Развитіе простого сотрудничества и раздѣленія труда внутри отдѣльныхъ предпріятій.*

Казалось бы, что введеніе машинъ, уменьшая потребность въ исполнительскомъ ручномъ трудѣ, должно уменьшать число рабочихъ въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, такъ что развитіе сотрудничества, вообще, должно пойти на убыль. Но такое вліяніе машинъ болѣе чѣмъ уравновѣшивается другими условіями.

Во-первыхъ, расширеніе машиннаго производства идетъ съ такой громадной скоростью, масса производимыхъ товаровъ возрастаетъ такъ сильно, что, несмотря на повышенную производительность труда, промышленность по большей части требуетъ не меньше, а больше рабочихъ рукъ, чѣмъ прежде. (Само собою разумѣется, что такое возрастаніе производства предполагаетъ расширеніе рынка: повышеніе производительности труда приводитъ, по законамъ трудовой стоимости, къ удешевленію товаровъ, и спросъ на нихъ сильно увеличивается).

Во-вторыхъ, дѣйствіе конкурренціи на отдѣльныхъ капиталистовъ въ эпоху машинъ становится особенно энергичнымъ. Необходимость вводить все новыя машины, прилагать къ предпріятію все болѣе капитала гораздо быстрѣе, чѣмъ прежде, приводитъ слабыхъ капиталистовъ къ крушенію. Остатки ремесла, остатки мануфактуры гибнутъ съ поразительной скоростью. Мелкія машинныя предпріятія слѣдуютъ за ними. **Общее число предпріятій уменьшается.** Капиталы побѣжденныхъ сосредоточиваются въ рукахъ побѣдителей. Такимъ образомъ, отдѣльныя предпріятія становятся все крупнѣе.

Благодаря этимъ двумъ условіямъ—расширенію производства и усиленной конкурренціи—размѣры сотрудничества, вообще, не только не уменьшаются, но съ громадной скоростью возрастаютъ. Если прежняя мануфактура объединяла сотни работниковъ, то позднѣйшая машинная фабрика или заводъ организуетъ обыкновенно тысячи, иногда—десятки тысячъ.

Такое развитіе сотрудничества, объединяя массы людей въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, ведетъ къ тому, что производство становится все болѣе **общественнымъ**.

Это можно сказать о **сотрудничествѣ вообще**, включая сюда простую кооперацію и техническое раздѣленіе труда внутри предпріятія. Но особаго вниманія заслуживаютъ измѣненія въ самомъ характерѣ техническаго раздѣленія труда.

Въ мануфактурѣ техническое раздѣленіе труда принимаетъ такую форму, что различные работники выполняютъ различныя, **несходныя между собою** работы: рабочій спеціализируется, и каждая спеціальность рѣзко отграничивается отъ другихъ

Машина постепенно устраняетъ такую специализацію, такое отграниченіе. Во-первыхъ, производственная дѣятельность становится болѣе сходной для различныхъ работниковъ, болѣе однородной: приходится ли работнику управлять той или другой машиной, его работа, сводящаяся, по преимуществу, къ внимательному надзору и контролю за неодушевленнымъ дѣятелемъ, представляетъ мало различія по общему своему характеру; и она становится тѣмъ болѣе сходной, чѣмъ совершеннѣе машины, чѣмъ меньше приходится работнику непосредственно вмѣшиваться въ процессъ движенія машины. Во-вторыхъ, по мѣрѣ специализаціи машинъ уменьшается, понемногу становясь излишней, специализація людей: работникъ легко выучивается управлять одной, другой, третьей машиной, для него нѣтъ необходимости всю жизнь посвящать одной детальной работѣ.

Такимъ образомъ, роль различныхъ работниковъ въ раздѣленіи труда между ними стремится стать одинаковой; само техническое раздѣленіе труда все болѣе пріобрѣтаетъ черты простого сотрудничества. Это важно для пониманія психологіи изучаемаго періода: несходная роль въ производствѣ порождаетъ несходные психическіе типы съ несходными стремленіями, сходная роль—сходные типы, сходныя стремленія. Создаются условія для объединенія работниковъ въ жизненной борьбѣ.

Таково общее направленіе, въ которомъ развиваются производственныя отношенія. Но старыя формы уступаютъ мѣсто новымъ лишь постепенно, а нѣкоторыя черты чисто мануфактурнаго раздѣленія труда еще долго удерживаются въ организаціи предпріятій. Отчасти это зависитъ отъ того, что и сама машинная техника складывается лишь постепенно, и существуетъ цѣлый рядъ переходныхъ формъ отъ мануфактурной техники къ машинной, при чемъ, конечно, и отношенія между работниками являются по характеру смѣшанными. Съ другой стороны, современное машинное производство есть капиталистическое. Организаторомъ предпріятій является капиталъ, который и устраиваетъ производство такъ, какъ выгодно съ точки зрѣнія его, капитала, интересовъ. А съ этой точки зрѣнія дисциплина и порядокъ въ фабричномъ дѣлѣ требуютъ, чтобы работникъ былъ, по возможности, прикрѣпленъ къ какой-нибудь специальности, и не мѣнялъ ее по собственному усмотрѣнію. Работника приставляютъ къ опредѣленной машинѣ, нерѣдко къ одной ея части, безъ всякаго права на перемѣну занятій: никакого выбора съ его стороны не полагается.

Исключеніе представляетъ, конечно, тотъ случай, когда работникъ уходитъ отъ одного нанимателя къ другому. Но на это работникъ рѣшается не легко, благодаря необезпеченности положенія, и не можетъ часто мѣнять мѣсто единственно для того, чтобы избѣжать однообразія работы.

Въ результатѣ—работа при машинѣ оказывается строго раздѣленной въ предпріятіи. Каждый работникъ разъ навсегда присоединенъ къ одному мертвому механизму, какъ его живой придатокъ.

Однако, чѣмъ дальше, тѣмъ въ большей мѣрѣ такая тенденція къ превращенію человѣка въ постояннаго раба одной машины ослабляется другими вліяніями, а именно слѣдующими: во-первыхъ, измѣнчивость техники производства порождаетъ очень частыя перемѣны въ распредѣленіи рабочей силы внутри предпріятія; во-вторыхъ, измѣнчивость самыхъ размѣровъ производства въ предпріятіи, сообразно условіямъ рынка, также вызываетъ перетасовки въ размѣщеніи работниковъ; въ-третьихъ, вообще возрастаетъ подвижность рабочаго класса, съ одной стороны—вслѣдствіе крайняго непостоянства условій рабочаго рынка, съ другой стороны—вслѣдствіе громаднаго расширенія этого рынка въ пространствѣ при усовершенствованныхъ путяхъ сообщенія: работникъ, теряя работу въ одномъ мѣстѣ, ѣдетъ нерѣдко за тысячи верстъ искать заработка въ другомъ, третьемъ; капиталистъ одной страны выписываетъ тысячи рабочихъ изъ другой, и т. п.

Сравнительно обособленное положеніе въ производствѣ продолжаетъ занимать высшая группа наемныхъ рабочихъ, такъ называемый интеллигентный персоналъ—директора фабрикъ, начальники мастерскихъ, бухгалтеры, ученые механики, технологи и т. д. Это—представители сложнаго труда въ машинной организаціи производства. Работа ихъ, по преимуществу, организаторская—общее управленіе и общій контроль за дѣятельностью рабочихъ и дѣйствіемъ машинъ. Интеллигентный персоналъ—группа сравнительно немногочисленная.

И эту группу машинное производство въ своемъ развитіи стремится сблизить, уравнять съ прочими наемными работниками. Съ одной стороны, по мѣрѣ того, какъ машины совершенствуются, возрастаетъ сложность и тонкость ихъ устройства, такъ что и для простого работника становится необходимой все большая интеллигентность, все большее общее и даже техническое образованіе, иначе онъ оказывается неспособнымъ цѣлесообразно управлять машиною: съ другой стороны, измѣнчивость и непостоянство экономическихъ отношеній, свойственныя машинному капитализму, очень нерѣдко, и чѣмъ дальше, тѣмъ чаще, приводятъ къ переходу элементовъ интеллигентнаго персонала въ простые работники, и даже обратно, такъ что теряется всякая устойчивая граница между этими двумя классами.

б) Развитіе общественнаго раздѣленія труда.

Рядомъ съ прогрессомъ сотрудничества внутри предпріятій ускореннымъ ходомъ развивается въ эпоху машинъ также общественное раздѣленіе труда. При этомъ усиливается взаимная связь и зависимость какъ отдѣльныхъ предпріятій, такъ и цѣлыхъ отраслей промышленности, и весь общественный прогрессъ производства все въ большей степени пріобрѣтаетъ характеръ единства и нераздѣльности.

Конкурренція создаетъ между отдѣльными однородными предпріятіями взаимную зависимость, которая выражается главнымъ образомъ въ томъ, что улучшеніе техники въ одномъ предпріятіи вызываетъ необходимость такого же улученія и въ другомъ. При машинномъ производствѣ эта форма взаимной связи предпріятій развивается въ наибольшей

степени именно потому, что конкуренція достигаетъ тогда наибольшей силы.

Далѣе, усиливается взаимная связь различныхъ областей промышленности. Происходитъ это двумя путями.

Во-первыхъ, громадное расширеніе производства приводитъ къ особенно быстрому развитію тѣхъ отраслей промышленности, которыя доставляютъ матеріалы и орудія для другихъ отраслей; является цѣлая масса новыхъ производствъ подобнаго рода, а прежде существовавшія распадаются на болѣе узкія спеціальности. Возникаетъ, напр., машиностроительное дѣло и распадается на массу различныхъ отраслей; производство чугуна отдѣляется отъ производства желѣза, стали и т. д. Здѣсь особенно очевидна взаимная связь между производствами: существованіе однихъ всецѣло зависитъ отъ существованія другихъ.

Кромѣ того, чрезвычайно быстро развиваются тѣ предпріятія и сильно возрастаютъ тѣ классы, общественная роль которыхъ связана съ мѣновымъ распредѣленіемъ продуктовъ въ обществѣ. Въ Англіи, напр., торговымъ дѣломъ занимается $^1/_9$ населенія (больше 4 милліоновъ человѣкъ), во Франціи $^1/_8$ (около 5 милліоновъ), въ сравнительно отсталой Россіи—около $^1/_{30}$ (болѣе 3 милліоновъ человѣкъ), если считать торговцевъ, ихъ приказчиковъ и другихъ служащихъ вмѣстѣ съ семействами.

Во-вторыхъ, отдѣльныя отрасли промышленности болѣе строго отграничиваются однѣ отъ другихъ. Исчезаютъ прежнія хозяйства смѣшаннаго типа, соединяющія въ себѣ разнородныя производства. Земледѣліе окончательно отдѣляется отъ обрабатывающей промышленности; исчезаетъ мелкое ремесленное и кустарное производство, соединенное съ подсобнымъ земледѣліемъ; вытѣсняются подсобные промыслы земледѣльческаго крестьянства. Какъ было выяснено, уже мануфактуры своей конкуренціей подрывали такія двойственныя хозяйства, но машина въ силахъ и окончательно уничтожить ихъ. Съ какой энергіей и жестокостью разрушаетъ конкуренція машинъ эти остатки прежнихъ экономическихъ формацій, можно судить по слѣдующему факту: въ Россіи, благодаря развитію фабричнаго пряденья и тканья, домашнее производство такъ плохо вознаграждаетъ трудъ, что, за вычетомъ всѣхъ издержекъ, каждый часъ работы даетъ крестьянкѣ меньше 1 копейки (въ иныхъ случаяхъ такая норма оплаты доходитъ даже до $^2/_3$ копейки).

А между тѣмъ, вначалѣ развитіе машиннаго, какъ и мануфактурнаго, производства очень часто даже создаетъ новые подсобные промыслы, создавая спросъ на матеріалы, производство которыхъ еще не вполнѣ захвачено крупными предпріятіями, или даже предоставляя мелкимъ производителямъ, работающимъ на дому, выполнять нѣкоторыя частныя операціи производства, къ которымъ сама фабрика еще недостаточно приспособилась.

Съ полнымъ отдѣленіемъ обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія возрастаетъ экономическая зависимость города отъ деревни и наоборотъ.

Общественный характеръ производства доходитъ до того, что цѣлыя страны оказываются въ тѣснѣйшей производственной связи между собою. Обмѣнъ въ такой степени объединяетъ производство различныхъ

государствъ, что ихъ самостоятельное экономическое существованіе становится немыслимымъ. Исключительно сильное развитіе въ странѣ одного производства является на ряду съ исключительно слабымъ развитіемъ или даже отсутствіемъ другого, не менѣе важнаго производства, такъ что безъ обмѣна вся нація не могла бы удовлетворять своихъ потребностей. Примѣръ—Англія, въ которую большая часть потребляемаго хлѣба ввозится изъ другихъ странъ.

Въ эпоху машинъ постепенно объединяется, такимъ образомъ, производство всего міра.

3. Развитіе способовъ распредѣленія въ машинномъ періодѣ капитализма.

а) *Денежное обращеніе.*

Деньги—необходимый двигатель капиталистическаго производства. Поэтому, громадное развитіе производства въ машинномъ періодѣ капитализма увеличило до небывалыхъ размѣровъ и денежное обращеніе.

Количество золотыхъ и серебряныхъ денегъ возросло въ десятки разъ. Въ теченіе 45 лѣтъ—съ 1851 по 1895—было добыто золота съ лишнимъ вдвое больше, чѣмъ за предыдущія 358 лѣтъ (съ открытія Америки), именно 655.000 пудовъ противъ 295.000 пудовъ, и почти столько же серебра, сколько за эти 358 лѣтъ, именно 8.900.000 пудовъ противъ 9.300.000 пудовъ.

Впрочемъ, за послѣднія 20—30 лѣтъ серебро стало быстро терять свою роль денежнаго металла, особенно въ международномъ обращеніи. Золото все болѣе становится единственными истинными деньгами, вытѣсняя серебро, какъ серебро когда-то вытѣснило мѣдь въ Италіи, желѣзо въ Греціи. Такое явленіе зависитъ, повидимому, въ наибольшей степени отъ того обстоятельства, что мѣновая цѣнность серебра сравнительно менѣе устойчива,—именно, за послѣднее время она быстро падала, благодаря, конечно, возрастанію производительности труда, добывающаго серебро (въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ цѣнность серебра упала на 50%). А для денежнаго металла неустойчивая цѣнность—большой недостатокъ, такъ какъ она порождаетъ измѣненія всѣхъ цѣнъ и разстраиваетъ расчеты капиталистовъ.

Только въ немногихъ отсталыхъ странахъ до сихъ поръ преобладаютъ серебряныя деньги (особенно на азіатскомъ Востокѣ).

Бумажно-денежное обращеніе въ періодѣ машинъ достигаетъ громадныхъ размѣровъ. При этомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ изъ размѣнныхъ бумажныхъ денегъ возникли, на почвѣ государственныхъ потребностей, неразмѣнныя, наблюдается стремленіе вновь перейти къ размѣннымъ деньгамъ, какъ это было сдѣлано, напр., въ Россіи въ 90-хъ годахъ. И это очень понятно: при громадномъ развитіи обмѣна особенно настоятельной становится необходимость въ устойчивыхъ по цѣнности орудіяхъ обращенія; если изъ-за недостатка такой устойчивости серебро, какъ

деньги, вытѣсняется золотомъ, то и бумажки неразмѣнныя, страдающія этимъ недостаткомъ еще сильнѣе, должны быть замѣнены размѣнными.

б) Кредитъ.

Кредитъ, который раньше игралъ второстепенную роль, какъ дополненіе къ денежному обращенію, при машинномъ капитализмѣ развивается въ поразительно обширную, сложную и стройную систему, являющуюся могучимъ дѣятелемъ общаго экономическаго развитія.

Капиталистическая система отношеній требуетъ отъ каждаго предпринимателя очень частыхъ, болѣе или менѣе значительныхъ денежныхъ уплатъ. Между тѣмъ, какъ бы много денегъ ни находилось въ обращеніи, онѣ не могутъ всегда оказываться подъ рукой. Даже у самаго богатаго капиталиста бываютъ минуты, когда его наличныхъ денегъ недостаточно для расплаты, между тѣмъ какъ въ другое время въ его рукахъ безъ надобности находятся большія суммы. Капиталистическое производство встрѣтило бы величайшія препятствія для своего развитія, если бы всѣ уплаты производились только на наличныя: первое денежное затрудненіе разстраивало бы всѣ дѣла предпринимателя.

Изъ этого понятно, что съ развитіемъ капитализма, съ возрастаніемъ капиталовъ и увеличеніемъ скорости ихъ оборотовъ, кредитное дѣло непрерывно расширяется и пріобрѣтаетъ все больше значенія въ общественномъ хозяйствѣ.

Совершенствуется и самая форма кредитно-капиталистическихъ предпріятій, которыя въ изучаемую эпоху являются главнымъ образомъ въ видѣ такъ называемыхъ банковъ. Банки служатъ посредниками между спросомъ на кредитъ и его предложеніемъ, получаютъ кредитъ отъ тѣхъ, кто можетъ его оказывать, и оказываютъ его тѣмъ, кто въ немъ нуждается.

Банки возникли еще раньше машиннаго производства, но только при немъ они получили полное развитіе и широкое распространеніе.

Исторически, современный банкиръ является потомкомъ двухъ средневѣковыхъ дѣятелей: ростовщика и мѣнялы. Первый достаточно характеризованъ въ предыдущемъ, на второмъ надо остановиться.

При чрезвычайной политической раздробленности феодальнаго міра, благодаря праву каждаго государя самостоятельно чеканить монету, на рынкѣ обращалась такая масса различныхъ монетъ, что являлась необходимость въ мѣняльныхъ учрежденіяхъ.

Характерный для феодальнаго міра недостатокъ общественной безопасности приводилъ къ тому, что мѣнялы, у которыхъ находились постоянно большіе запасы денегъ, должны были принимать особенныя мѣры къ ихъ сохраненію отъ кражъ и грабежей. Поэтому у мѣнялъ деньги сберегались сравнительно надежно, и многіе торговцы находили удобнымъ отдавать свои деньги на сохраненіе мѣняламъ, за что и платили извѣстное вознагражденіе. Деньги вкладчиковъ хранились до пер-

ваго требованія, и употреблять ихъ для оборотовъ мѣнялы не имѣли права.

Такъ какъ въ одномъ мѣняльномъ предпріятіи находились деньги различныхъ лицъ, то взаимныя расплаты между этими лицами стали совершаться посредствомъ простой переписки счета у мѣнялъ.

Въ организаціи этихъ мѣняльныхъ предпріятій, которыя съ теченіемъ времени получили названіе банковъ, развитіе капитализма съ его послѣдствіемъ—сильнымъ спросомъ на кредитъ—вызвало существенныя измѣненія.

Продолжительный опытъ указалъ банкирамъ, что часть находящихся на храненіи денегъ съ удобствомъ можно было бы пускать въ ростъ, такъ какъ никогда вкладчики не требуютъ всѣ одновременно всѣхъ своихъ денегъ и, къ тому же, ихъ требованія покрываются новыми вкладами.

Изъ наблюденій выяснилось, что вклады и обратныя требованія происходятъ съ извѣстной правильностью, вслѣдствіе опредѣленныхъ экономическихъ причинъ, такъ что явилась возможность предвидѣть періодическіе приливы и отливы денегъ.

Въ различныхъ странахъ существуютъ различные о б щ і е сроки платежей, къ которымъ пріурочивается наибольшая часть долговыхъ обязательствъ. Такіе сроки опредѣляются для каждой данной страны иногда прямо естественными условіями ея производства, иногда—обычаями, экономическое происхожденіе которыхъ прослѣдить трудно, хотя не можетъ подлежать сомнѣнію, что и эти обычаи имѣютъ свои корни въ матеріальныхъ условіяхъ жизни общества. Въ земледѣльческихъ, напр., странахъ время расплаты чаще всего совпадаетъ съ временемъ продажи хлѣба. На обычаяхъ, повидимому, основаны предпраздничные сроки платежей: къ Рождеству—въ Англіи, къ Святой—въ Россіи. Въ такіе сроки денежный рынокъ сразу предъявляетъ очень большой спросъ на деньги для расплаты. Масса денегъ изъ области „сокровища" временно переходитъ въ сферу обращенія; кассы кредитныхъ учрежденій быстро пустѣютъ. Получается даже нѣкоторое разстройство денежнаго рынка, но всегда непродолжительное и не имѣющее серьезнаго значенія: скоро излишекъ денегъ вновь возвращается въ область сокровища, и опустѣвшія кассы кредитныхъ учрежденій вновь наполняются, иногда въ тотъ же день.

Основываясь на такихъ законностяхъ въ денежномъ обращеніи, банкиры начали отдавать разнымъ лицамъ въ кредитъ часть хранившихся у нихъ вкладовъ,—вначалѣ только на короткое время и подъ вѣрное обезпеченіе. Тогда вкладчики оказались настоящими «кредиторами» банка, и ужъ банкъ сталъ платить имъ извѣстный процентъ за пользованіе ихъ вкладами, тогда какъ прежде было наоборотъ—вкладчики платили за храненіе.

Такъ возникли двѣ первичныя операціи банковъ: пріемъ вкладовъ или депозитная операція—основная изъ «пассивныхъ», т. е. тѣхъ, въ которыхъ банкъ является должникомъ, получаетъ кредитъ,—и ссудная операція—основная изъ «активныхъ», т. е. тѣхъ, въ которыхъ банкъ является кредиторомъ, оказываетъ кредитъ.

Депозитная операція и въ количественномъ отношеніи является главной пассивной операціей во всѣхъ странахъ съ развитымъ кредитомъ.

Она практикуется въ двухъ главныхъ формахъ: вклады срочные и безсрочные. Срочные вклады, а въ особенности долгосрочные (бываютъ и «вѣчные» вклады), представляютъ для банка то преимущество, что не могутъ быть неожиданно потребованы обратно. Безсрочные же или вклады на «текущій счетъ» во всякое время могутъ быть взяты обратно; ихъ банкъ принужденъ пускать въ оборотъ съ большой осторожностью, и потому процентъ по нимъ платится менѣе значительный, чѣмъ по срочнымъ вкладамъ.

Имѣя за собой множество вкладовъ, банкъ никогда не находится въ полной безопасности отъ крушенія; оно легко можетъ произойти, если вкладчики, въ силу какихъ-либо непредвидѣнныхъ экономическихъ измѣненій, сразу въ необычно большомъ количествѣ потребуютъ свои вклады. Это происходитъ тѣмъ легче и бываетъ тѣмъ болѣе опасно, что безсрочные вклады составляютъ обыкновенно большую часть средствъ банка, и что принадлежатъ они по большей части промышленнымъ и торговымъ предпринимателямъ. Всякое потрясеніе, экономическое или политическое, заставляетъ такихъ вкладчиковъ немедленно требовать отъ банка свои деньги, чтобы быть обезпеченными отъ случайностей.

Повышеніе и пониженіе процента по вкладамъ служитъ для банка однимъ изъ средствъ, по мѣрѣ надобности, привлекать деньги въ кассу банка или вызывать отливъ ихъ. Напримѣръ, положимъ, что въ банкѣ есть много свободныхъ денегъ, а спроса на нихъ со стороны капиталистовъ не замѣчается, и банкъ, слѣдовательно, принужденъ платить проценты по вкладамъ, которыхъ онъ не пустилъ въ оборотъ, тогда банкъ понижаетъ процентъ по вкладамъ, и приливъ новыхъ вкладовъ сильно сокращается, а часть прежнихъ вкладчиковъ беретъ свои деньги обратно, чтобы выгоднѣе помѣстить ихъ.

Какъ видоизмѣненіе депозитной операціи, можно разсматривать выпускъ «закладныхъ листовъ», долговыхъ обязательствъ банка съ постепенной, продолжительной уплатой какъ процентныхъ денегъ, такъ и основной суммы долга. Закладные листы соотвѣтствуютъ долгосрочнымъ вкладамъ, которые банкъ возвращаетъ не сразу въ концѣ срока, а по частямъ.

Изъ расплаты между вкладчиками путемъ переписки счета у мѣнялы—банкира развилась «чековая» система расплатъ. Современный капиталистъ рѣдко имѣетъ при себѣ большія деньги—онъ ихъ хранитъ въ банкѣ. А когда капиталисту надо произвести уплату, онъ прибѣгаетъ къ «чеку», т.-е. пишетъ въ тотъ банкъ, гдѣ лежатъ его вклады, записку съ распоряженіемъ выдать такому-то столько-то. Чаще всего и получатель не беретъ денегъ прямо на руки; ихъ записываютъ въ счетъ его собственныхъ вкладовъ, если они находятся въ томъ же банкѣ; въ противномъ случаѣ, деньги переводятъ на имя его постояннаго банкира. Такъ избѣгается прямая передача денегъ, и потребность въ наличныхъ деньгахъ сильно уменьшается. Наиболѣе широко практикуется чековая система въ странахъ экономически передовыхъ, какъ Англія, гдѣ сумма

цѣнностей, ежедневно переходящихъ этимъ путемъ отъ однихъ владѣльцевъ къ другимъ, измѣряется многими милліонами рублей.

Громадная экономическая сила большихъ банковъ, отовсюду стягивающихъ капиталы и объединяющихъ въ своемъ распоряженіи средства многихъ тысячъ капиталистовъ и некапиталистовъ, создаетъ этимъ банкамъ такое общественное значеніе, что на формальное обязательство такого банка уплатить извѣстную сумму въ обществѣ смотрятъ, какъ на нѣчто равносильное самой уплатѣ. Отсюда возникаетъ эмиссіонная операція или выпускъ банковыхъ билетовъ. Банковые билеты, слѣдовательно, вполнѣ аналогичны бумажнымъ деньгамъ; разница та, что бумажныя деньги принимаются всѣми по довѣрію къ состоятельности государства, а банковые билеты—по довѣрію къ состоятельности банка. Само собой разумѣется, что такая операція можетъ возникнуть лишь на довольно высокой ступени развитія банковаго дѣла.

Банкъ платитъ своимъ вкладчикамъ и заемщикамъ вмѣсто денегъ особыми билетами, которые онъ и обязывается по первому требованію обмѣнять на настоящія деньги. Если банкъ вполнѣ надеженъ, то билеты его обращаются наравнѣ съ деньгами. Тамъ, гдѣ государственныхъ бумажныхъ денегъ много, банковыхъ билетовъ обращается сравнительно мало, такъ какъ общественная роль тѣхъ и другихъ одинакова. Въ промышленно-развитыхъ странахъ Запада банковыхъ билетовъ находится въ обращеніи на многія сотни милліоновъ рублей.

Значеніе эмиссіонной операціи для самихъ банковъ очень понятно—это безпроцентный заемъ. Количество выпускаемыхъ билетовъ можетъ довольно значительно превосходить наличныя средства банка,—это не ведетъ къ его крушенію, потому что при обычныхъ условіяхъ билеты не предъявляются всѣ одновременно къ размѣну. Въ моменты сильныхъ экономическихъ потрясеній возможно и крушеніе банка вслѣдствіе чрезмѣрныхъ требованій о размѣнѣ его билетовъ.

И чековая система, и эмиссіонная операція значительно уменьшаютъ потребность въ деньгахъ, какъ орудіяхъ обмѣна и платежа.

Изъ активныхъ операцій первичной и основной является, какъ было выяснено, ссуда подъ залогъ. Между различными ея видами раньше другихъ развилась ломбардная операція, заемъ подъ залогъ движимыхъ предметовъ. Первоначально, когда эта операція имѣла форму простого мелкаго ростовщичества, въ залогъ принимались только предметы большой цѣнности и малаго объема—золотые слитки, драгоцѣнные камни и пр., а съ развитіемъ товарнаго обращенія и кредита — преимущественно товары и цѣнныя бумаги.

Сами банки заложенныхъ товаровъ не хранятъ. Это дѣло становится спеціальностью особой группы предпріятій—товарныхъ складовъ, которые за извѣстное вознагражденіе принимаютъ товары и хранятъ ихъ, а владѣльцамъ выдаютъ варранты—свидѣтельства о пріемѣ товаровъ съ обозначеніемъ ихъ цѣнности. Такія свидѣтельства банкъ принимаетъ въ залогъ и даетъ по нимъ ссуду; если должникъ несостоятеленъ, банкъ

получаетъ товаръ по варранту и продаетъ. (Ссуда, конечно, всегда меньше цѣны товара, обыкновенно около 60%).

Подобнымъ же образомъ принимаются въ залогъ свидѣтельства желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ, транспортныхъ обществъ о томъ, что товаръ принятъ и нагруженъ.

Съ развитіемъ кредита въ товарномъ обращеніи является масса разнообразныхъ «цѣнныхъ брмагъ»: государственныхъ долговыхъ обязательствъ, акцій различныхъ обществъ и т. под. Въ послѣдующемъ объ этихъ бумагахъ придется говорить особо; по существу онѣ представляютъ одно и то же—законныя свидѣтельства на полученіе извѣстной части производимой въ данномъ обществѣ прибавочной стоимости. Такія «цѣнныя бумаги» банки принимаютъ также въ залогъ. Отсюда возникаетъ еще одна изъ многочисленныхъ опасностей, угрожающихъ банкамъ: такъ какъ рыночныя цѣны цѣнныхъ бумагъ могутъ сильно колебаться въ зависимости отъ спроса и предложенія, то банкъ, выдавая подъ залогъ ихъ ссуды, всегда рискуетъ потерпѣть убытки вслѣдствіе паденія ихъ цѣны.

Ипотечной операціей называется выдача ссудъ подъ залогъ недвижимости (земли, дома и т. под.). Подобныя ссуды бываютъ, въ большинствѣ случаевъ, долгосрочными; землевладѣльцы нуждаются обыкновенно въ деньгахъ для улучшеній въ хозяйствѣ или для пріобрѣтенія новыхъ земель, или, наконецъ, на личное потребленіе; во всѣхъ этихъ случаяхъ они могутъ только постепенно выплачивать изъ своихъ доходовъ занятыя деньги, тѣмъ болѣе, что въ земледѣліи капиталъ обращается, вообще, медленно. Поэтому банки, занимающіеся ипотечной операціей, сами принимаютъ только долгосрочныя ссуды, такъ какъ невозможно давать взаймы на долгое время, получая кредитъ на короткое. Главную и характерную пассивную операцію для подобныхъ банковъ представляетъ выпускъ закладныхъ листовъ.

Особый видъ ссудныхъ операцій представляетъ «личный кредитъ», т.-е. выдача ссуды безъ всякаго залога, единственно на основаніи довѣрія къ занимающему лицу. Это—сравнительно рискованная операція (въ Россіи, напр., она вызвала крушеніе многихъ банковъ).

Значительно видоизмѣненную форму ссудной операціи представляетъ учетъ или дисконтъ векселей. Тутъ банкъ, вмѣсто того, чтобы давать ссуду подъ залогъ цѣнной бумаги—векселя, прямо покупаетъ эту бумагу, т.-е. связанное съ ней право на полученіе денегъ по векселю.

Крупное производство порождаетъ громадное распространеніе продажъ въ кредитъ. Но всякому кредитору деньги могутъ понадобиться раньше, чѣмъ истечетъ срокъ векселя. Тогда кредиторъ предъявляетъ вексель въ банкъ. Если банкъ находитъ, что вексель надеженъ, то уплачиваетъ по немъ, пріобрѣтая его для себя; при этомъ, уплачивается, естественно, не вся вексельная сумма, а извѣстный процентъ съ нея идетъ въ пользу банка. Такая операція называется дисконтированіемъ

векселя, а процентъ въ пользу банка—дисконтнымъ или учетнымъ процентомъ.

Величина учетнаго процента опредѣляется двумя условіями: во-первыхъ, обычной величиной кредитнаго процента въ данномъ обществѣ, во-вторыхъ, степенью риска для кредитора—банка. Положимъ, учитывается вексель за 2 мѣсяца до срока; обычный % по ссудамъ 6% въ годъ или 1% за 2 мѣсяца. Банку было бы невыгодно взять въ свою пользу менѣе 1%, потому что ту сумму, которую онъ отдаетъ за вексель, онъ могъ бы вмѣсто того пустить въ оборотъ, отдать взаймы на 2 мѣсяца и получить 1% прибыли. А если сюда присоединяется рискъ не получить по векселю, или если банкъ находитъ рискованнымъ вообще выпускать въ данный моментъ деньги изъ своей кассы, то учетный процентъ повышается, напр., до 2—3% за 2 мѣсяца.

Измѣненіе дисконтнаго процента и процента по ссудамъ, подобно измѣненію процента по вкладамъ, служитъ для банка средствомъ влiять на величину кассовой наличности сообразно со своими расчетами. Если учетный процентъ и процентъ по ссудамъ повышается, деньги удерживаются въ кассѣ банка, потому что дисконтировать векселя и занимать въ банкѣ становится менѣе выгоднымъ; при пониженіи—деньги, наоборотъ, отливаютъ.

Весьма своеобразный характеръ имѣетъ операція покупки и продажи банкамъ за свой счетъ цѣнныхъ бумагъ—акцій, процентныхъ бумагъ и т. п.,—операція, впрочемъ, до извѣстной степени аналогичная и учету векселей. Въ случаѣ повышенія цѣны купленныхъ бумагъ банкъ получаетъ прибыль, въ противномъ случаѣ—убытокъ. Это одна изъ формъ такъ называемой биржевой игры, дающей возможность какъ быстраго обогащенія, такъ и быстраго разоренія. Подобная игра часто приводитъ къ банкротству банка, а если онъ велъ игру не на собственныя деньги—къ разоренію вкладчиковъ.

Таковы самыя главныя черты дѣятельности банковъ. Въ дѣйствительности, она отличается чрезвычайной сложностью, даже запутанностью: изслѣдованіе банковаго дѣла въ деталяхъ представляетъ громадную массу трудностей, порождающихъ большія разногласія даже между лучшими его знатоками.

Банки представляютъ изъ себя значительную группу капиталистическихъ предпріятій съ массою наемныхъ работниковъ и съ громадными капиталами. Наемные работники кредитныхъ предпріятій принадлежатъ главнымъ образомъ къ «интеллигентному персоналу»: конторщики, бухгалтеры, кассиры, директора и т. д. Чтобы успѣшно вести операціи и миновать всѣ связанныя съ кредитнымъ дѣломъ опасности, банку необходимо быть хорошо освѣдомленнымъ какъ относительно общаго положенія дѣлъ на рынкѣ, такъ и относительно положенія дѣлъ тѣхъ лицъ и учрежденій, съ которыми онъ ведетъ операціи; отсюда—потребность во множествѣ наемныхъ агентовъ, доставляющихъ свѣдѣнія, и въ «свѣдущихъ людяхъ», умѣющихъ цѣлесообразно обрабатывать эти свѣдѣнія: нерѣдко банки содержатъ при себѣ цѣлые комитеты подобныхъ специа-

листовъ. Такъ въ кредитномъ дѣлѣ возникаетъ сложная система раздѣленія труда; въ этой системѣ организаторская дѣятельность людей, направляющихъ предпріятіе, простирается далеко за предѣлы самого предпріятія: она въ одно и то же время оказываетъ прямое вліяніе на жизнь массы промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, и непосредственно отражаетъ на себѣ ихъ общее состояніе.

Какъ было уже сказано, основное общественное значеніе кредитныхъ предпріятій заключается въ томъ, что они своей дѣятельностью облегчаютъ и ускоряютъ развитіе капиталистическаго производства со свойственными ему экономическими отношеніями и со всѣми ихъ общественными результатами.

Кредитъ даетъ промышленнымъ и торговымъ капиталистамъ такія средства для веденія и расширенія ихъ дѣлъ, какихъ они не могли бы извлечь непосредственно изъ своихъ предпріятій.

Во всякомъ предпріятіи не весь необходимый для его веденія капиталъ затрачивается сразу: значительная часть должна лежать въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени, какъ запасъ на текущіе расходы и непредвидѣнные случаи. По мѣрѣ расширенія своего предпріятія капиталистъ принужденъ изъ года въ годъ увеличивать размѣры своего денежнаго запаса. Въ прежнія времена всѣ такія деньги оставались въ рукахъ капиталиста мертвымъ «сокровищемъ». Теперь предприниматель отдаетъ ихъ въ банкъ, и онѣ становятся настоящимъ капиталомъ, во-первыхъ, съ общественной точки зрѣнія, такъ какъ черезъ банкъ онѣ попадаютъ къ другому капиталисту, который непосредственно примѣняетъ ихъ для полученія прибавочной стоимости, во-вторыхъ, и съ точки зрѣнія перваго капиталиста, которому онѣ приносятъ при этомъ нѣкоторую прибыль.

Съ другой стороны, благодаря тѣмъ же банкамъ, капиталистъ легко расширяетъ свое предпріятіе, не обладая необходимымъ денежнымъ запасомъ,—на счетъ будущей прибыли. Это дѣлается тѣмъ легче, что процентъ по вкладамъ, платимый банками, служитъ приманкой, извлекающей на свѣтъ и такія деньги, которыя при иныхъ условіяхъ ни за что не сдѣлались бы капиталомъ, а были бы положены въ сундукъ, зарыты [illegible] въ воскъ, вообще—лежали бы въ качествѣ мертваго «сокровища». Теперь кредитъ собираетъ въ руки капиталистовъ и эти средства некапиталистовъ: сбереженія какой-нибудь прислуги, крестьянина, ремесленника, рабочаго, пройдя черезъ ссудо-сберегательныя кассы, попадаютъ въ руки крупнаго предпринимателя, который употребитъ ихъ для расширенія своего предпріятія.

Таково значеніе кредитной системы для всего общества: объединяя капиталы, она содѣйствуетъ объединенію вообще производительныхъ силъ общества, слѣдовательно, ускоряетъ побѣду общества надъ природой.

Разсматривая непосредственное значеніе кредитнаго дѣла для различныхъ общественныхъ классовъ, приходится отмѣтить слѣдующее: въ классѣ капиталистовъ кредитъ чрезвычайно ускоряетъ развитіе двухъ различныхъ процессовъ. Во-первыхъ, быстрѣе совершается процессъ от-

дѣленія крупныхъ капиталистовъ отъ мелкихъ: одни, имѣя возможность широко пользоваться кредитомъ, быстро расширяютъ свои предпріятія и увеличиваютъ капиталы; другимъ кредитъ доступенъ лишь въ ничтожной степени, въ общемъ, онъ скорѣе оказывается противъ нихъ, и конкурренція становится для нихъ тѣмъ тяжелѣе. Во-вторыхъ, быстрѣе совершается процессъ отдѣленія распредѣлительной и потребительной роли капиталистовъ отъ ихъ организаторской роли въ производствѣ. Все болѣе значительной части капиталистовъ банки даютъ возможность жить процентами съ капиталовъ, не утруждая себя личнымъ веденіемъ предпріятій; все большее число капиталистовъ обращается въ чистыхъ «рентьеровъ». (Слово «рента» обозначаетъ вообще доходъ, возникающій не изъ личной дѣятельности въ производствѣ, организаторской или исполнительской, а изъ одного обладанія какой-нибудь собственностью, т.-е. съ точки зрѣнія производства—паразитическій доходъ. Такова земельная рента, которую землевладѣлецъ получаетъ единственно на основаніи владѣнія землей, такова и рента съ капитала, отданнаго въ кредитъ банку или частнымъ лицамъ).

Для рабочихъ, занятыхъ производительнымъ трудомъ, непосредственнаго значенія развитіе кредита не имѣетъ: кредитъ существуетъ, вообще говоря, не для нихъ.

Размѣры кредитнаго дѣла въ настоящее время громадны и увеличиваются со страшной быстротой. Даже въ такой промышленно-отсталой странѣ, какъ Россія, обороты банковъ измѣряются милліардами рублей. Въ Японіи за 10 лѣтъ, съ 1894 по 1904 г., собственный капиталъ банковъ увеличился въ 5 разъ—отъ 112 милл. іенъ до 540 милл., сумма вкладовъ на сбереженіи возрасла въ 10 разъ, отъ 292 до 2.988 милл. іенъ (іена—около рубля)...

Въ Соединенныхъ Штатахъ за 1892 г. итогъ банковыхъ операцій былъ 65.265 милл. долларовъ (около 130 милліардовъ руб.). Въ слѣдующемъ году обороты банковъ уменьшились почти на 8.000 милл. долларовъ, т.-е. на 1/8, а банкротства возросли втрое и достигли 347 милл.,—цифры, характерныя для неустойчивости капиталистическаго хозяйства.

в) Акціонерная форма предпріятій.

На почвѣ развитого кредита возникъ особый, своеобразный типъ капиталистическихъ предпріятій—акціонерныя компаніи.

Послѣдовательность развитія этой формы предпріятій была приблизительно такая. Нерѣдко капиталистъ, у котораго не хватало для предпріятія собственныхъ средствъ и не оказывалось достаточнаго кредита со стороны другихъ капиталистовъ, приглашалъ къ себѣ компаньоновъ съ капиталами, чтобы сообща вести дѣло. Въ сущности, это заемъ на особенныхъ условіяхъ, заемъ, при которомъ кредиторы получаютъ право личнаго участія и контроля за предпріятіемъ, при чемъ процентныя деньги замѣняются для нихъ соотвѣтственной долей прибыли. Переходъ

отъ такихъ предпринимательскихъ компаній къ акціонернымъ обществамъ заключается въ томъ, что первоначальные организаторы дѣла приглашаютъ не опредѣленныхъ отдѣльныхъ лицъ, а всѣхъ желающихъ, кто только можетъ внести хотя незначительную долю капитала. При этомъ, прибѣгаютъ къ пріему, выработанному кредитнымъ дѣломъ—къ выпуску цѣнныхъ бумагъ, которыя въ данномъ случаѣ называются акціями.

Учреждается крупное капиталистическое предпріятіе,—наприм., организуется желѣзнодорожное, пароходное общество и т. п. Выпускаютъ въ свѣтъ, положимъ, 10.000 акцій по 100 рублей; каждая акція представляетъ изъ себя свидѣтельство на полученіе $^1/_{10000}$ прибыли предпріятія. Капиталисты ихъ раскупаютъ—по одной, по десяти, по сто и т. д. Составляется такимъ путемъ капиталъ въ милліонъ рублей, съ которымъ организаторы и начинаютъ дѣло (сами они даютъ нерѣдко лишь ничтожную часть этого капитала). За покрытіемъ всѣхъ издержекъ и за уплатой жалованья служащимъ, которые ведутъ дѣло, остается чистой прибыли въ годъ 60.000 р. Эти деньги распредѣляются между акціонерами въ видѣ такъ называемаго дивиденда—по 6 рублей на акцію.

Владѣлецъ акціи можетъ совсѣмъ не принимать участія въ веденіи дѣлъ общества; а если онъ и принимаетъ участіе, то обыкновенно только такое, что бываетъ на общихъ собраніяхъ акціонеровъ, гдѣ выбираютъ правленіе, утверждаютъ отчеты, дѣлятъ доходы.

Таковы акціонерныя товарищества—капиталистическія предпріятія, въ которыхъ одинъ предприниматель замѣненъ множествомъ акціонеровъ, и въ которыхъ трудъ веденія дѣла окончательно отдѣленъ отъ «труда» обладанія капиталомъ, и переданъ наемнымъ организаторамъ—директорамъ и правленію.

Вступая въ акціонерныя общества, мелкіе капиталисты оказываются гораздо болѣе обезпеченными отъ гибельной для нихъ конкурренціи, какъ члены крупнаго, могущественнаго цѣлаго. Сохраняя мелкихъ капиталистовъ, замедляя ихъ переходъ въ ряды неимущихъ, создавая концентрацію капиталовъ безъ гибели капиталистовъ, акціонерныя товарищества обнаруживаютъ тенденцію сберегать силу предпринимательскаго класса. Но гораздо сильнѣе дѣйствуютъ они въ противоположномъ смыслѣ, превращая капиталистовъ въ простыхъ рентьеровъ, лишая ихъ фактической роли въ производствѣ, сводя ихъ значеніе для общества къ голому паразитизму.

Впрочемъ, и въ смыслѣ поддержанія численности предпринимательскаго класса значеніе акціонерныхъ обществъ не слишкомъ велико. Конкурренція, особенно въ ея острые моменты—въ эпохи кризисовъ—все же довольно успѣшно коситъ акціонерныя предпріятія, хотя меньше, чѣмъ предпріятія единичныхъ капиталистовъ. Зато при паденіи акціонернаго общества изъ собственниковъ въ неимущіе переходитъ сразу множество лицъ.

Въ дѣлѣ объединенія капиталовъ значеніе акціонерной формы предпріятій очень велико. На одномъ дѣлѣ объединяются десятки, сотни милліоновъ. Только акціонерная система создаетъ возможность возникновенія такихъ громадныхъ предпріятій, какъ желѣзная дорога между двумя океа-

нами черезъ всю Сѣверную Америку, дорога, стоившая нѣсколько сотъ милліоновъ, или какъ «прорытіе» Панамскаго канала, стоившее еще больше.

Ростъ акціонерныхъ обществъ за послѣднее время шелъ съ поразительной быстротой. Такъ, въ Россіи ихъ къ началу 1895 г. считалось 784 со складочнымъ капиталомъ въ 890 милліоновъ рублей, а къ 15 апрѣля 1898 года—уже 990 съ капиталомъ около 1.690 милліоновъ. Средняя величина складочнаго капитала на предпріятіе была въ первомъ случаѣ около 1.133 тысячъ, во второмъ—1.703 тысячи,—такъ быстро возрасталъ средній размѣръ акціонерныхъ предпріятій. Уже одно это быстрое развитіе доказываетъ ихъ преимущество передъ единоличными предпріятіями.

Акціонерному капиталу въ наибольшей степени свойственъ характеръ капитала международнаго. Акціонерами одного и того же предпріятія оказываются нерѣдко жители самыхъ различныхъ странъ земного шара. Очень часто въ одной странѣ организуется акціонерное общество съ цѣлью эксплоатаціи естественныхъ богатствъ другой страны: англійская, бельгійская компаніи строятъ свои заводы въ Россіи, и т. п.

г) Биржа.

Съ возрастаніемъ числа, размѣровъ и сложности мѣновыхъ и кредитныхъ операцій возникаетъ потребность въ центральныхъ рыночныхъ учрежденіяхъ, гдѣ объединялись бы свѣдѣнія о спросѣ и предложеніи и устанавливались бы общія цѣны на товары и бумаги. Такой потребности удовлетворяютъ б и р ж и, существующія во всѣхъ болѣе крупныхъ торговыхъ центрахъ. Это организованныя, по большей части правительствами, собранія крупныхъ капиталистовъ, гдѣ совершаются самыя значительныя сдѣлки, гдѣ концентрируется рыночная жизнь, гдѣ при помощи усовершенствованныхъ способовъ сношеній устанавливается связь съ иногородними и иностранными рынками, сходятся торговыя извѣстія изъ различныхъ частей капиталистическаго міра.

Объединяя какъ спросъ, такъ и предложеніе, биржа устраняетъ частныя, зависящія отъ мѣстныхъ, случайныхъ обстоятельствъ колебанія рыночной конкурренціи и товарныхъ цѣнъ. Но колебаній болѣе общаго и широкаго характера она не устраняетъ, а только облегчаетъ ихъ распространеніе на всю область капиталистическаго обмѣна и кредита.

Благодаря неорганизованному характеру мѣновыхъ отношеній постоянно возможны частныя, болѣе или менѣе крупныя разстройства въ механизмѣ обмѣна, которыя выражаются иногда въ чрезмѣрномъ наплывѣ какихъ-либо товаровъ въ отдѣльныя области товарнаго міра, иногда во временномъ недостаткѣ необходимыхъ для даннаго рынка товаровъ. Положимъ, въ Америкѣ былъ временно хорошій спросъ на шелковыя ткани, и, побуждаемые этимъ, очень многіе французскіе купцы, ничего не зная другъ о другѣ, привозятъ въ Америку массу шелковыхъ тканей: такимъ образомъ, рынокъ переполняется, цѣны товара падаютъ до крайности, купцы терпятъ большіе убытки,—получается цѣлый кризисъ въ данной отрасли обмѣна; между тѣмъ, всего этого не было бы при болѣе равно-

мѣрномъ распредѣленіи даннаго товара на міровомъ рынкѣ. Такого рода потрясенія биржевая организація въ значительной степени предупреждаетъ прежде всего тѣмъ, что объединяетъ свѣдѣнія о спросѣ и предложеніи, давая капиталистамъ хотя приблизительно вѣрное представленіе о состояніи различныхъ рынковъ. Кромѣ того, въ рыночныя отношенія биржа еще въ большей степени вноситъ правильность и цѣлесообразность при помощи особаго типа сдѣлокъ—срочныхъ покупокъ.

Одинъ капиталистъ заключаетъ съ другимъ условіе, по которому тотъ, подъ страхомъ неустойки, обязуется доставить для перваго къ назначенному сроку въ указанное мѣсто извѣстное количество своего товара. Подводя биржевые итоги такимъ срочнымъ сдѣлкамъ, каждый капиталистъ получаетъ возможность выяснить себѣ, какъ велико будетъ предложеніе даннаго товара на рынкѣ даннаго района за ближайшій періодъ времени. Обычная же величина спроса для частнаго рынка выясняется на основаніи подсчета предыдущихъ операцій съ этимъ рынкомъ. Такимъ образомъ, становится возможно съ приблизительной вѣрностью судить о томъ, гдѣ будетъ въ извѣстное время достаточный спросъ на товаръ и гдѣ, наоборотъ, условія для сбыта окажутся неблагопріятны. Такъ путемъ срочныхъ покупокъ обмѣнъ до извѣстной степени регулируется, товары распредѣляются между рынками сравнительно равномѣрнѣе, избѣгается случайное переполненіе однихъ рынковъ и недостатокъ предложенія на другихъ.

Чтобы не преувеличивать экономическаго значенія биржевой организаціи, надо помнить, что ея регулирующее вліяніе простирается только на сферу обмѣна, затрогивая лишь косвенно основную экономическую область—производство; да и въ сферѣ обмѣна вліяніе это довольно ограничено: биржа не вполнѣ объединяетъ жизнь рынка, очень многое предпринимается капиталистами, помимо биржи; и даже тѣ свѣдѣнія о ходѣ экономическаго процесса, которыя на нее стекаются, въ большей части являются приблизительными, не вполнѣ точными, подсчеты гипотетичными; наконецъ, что еще важнѣе, взаимныя отношенія капиталистовъ и на биржѣ остаются все тѣ же, что внѣ ея—отношенія борьбы, конкурренціи.

д) Спекуляція.

На почвѣ высоко развитого обмѣна и кредита достигаетъ громадныхъ размѣровъ и пріобрѣтаетъ большое значеніе въ жизни общества особый способъ «распредѣленія», называемый спекуляціей.

Основу спекуляціи составляютъ рыночныя колебанія цѣнъ на товары, зависящія отъ спроса и предложенія. Если человѣкъ покупаетъ товары только за тѣмъ, чтобы перепродать, когда цѣна повысится, онъ спекулянтъ. Такимъ образомъ, всякая торговля можетъ принимать спекулятивный характеръ; и спекуляція въ исторіи почти такое же древнее явленіе, какъ сама торговля.

Такъ какъ измѣненія цѣнъ происходятъ не всегда согласно съ расчетами спекулянта, то вмѣсто прибыли его занятіе приноситъ нерѣдко и убытки; вообще, это своеобразная игра, сопровождаемая рискомъ, подобно всякой другой.

Въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ спекуляція выступаетъ преимущественно въ формѣ такъ называемой «биржевой игры»; ея центрами являются биржи; ея главное орудіе—цѣнныя бумаги и въ меньшей степени—всѣ другіе товары.

Кредитъ и акціонерныя предпріятія служатъ источникомъ громадной массы обращающихся на рынкѣ цѣнныхъ бумагъ: векселей, неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, закладныхъ листовъ, акцій, всевозможныхъ процентныхъ бумагъ и пр. Одни государственные долги порождаютъ цѣнныхъ бумагъ на многіе милліарды рублей; а общая цѣнность подобныхъ бумагъ, находящихся въ обращеніи, должна измѣряться десятками милліардовъ рублей. Каждая такая бумага представляетъ, какъ было выяснено, законное свидѣтельство на полученіе извѣстной доли созданной общественнымъ трудомъ прибавочной стоимости.

Такъ какъ цѣнныя бумаги самостоятельной цѣнности не имѣютъ (ихъ собственная трудовая стоимость ничтожна), то рыночная цѣна ихъ особенно подвержена колебаніямъ въ зависимости отъ спроса и предложенія. Именно благодаря этому цѣнныя бумаги и становятся самымъ удобнымъ орудіемъ спекуляціи.

Разсмотримъ, какимъ образомъ различныя причины вызываютъ измѣненія въ рыночной цѣнѣ бумагъ.

Акціонерное предпріятіе работаетъ хорошо и даетъ на каждые 100 рублей основного капитала 15 рублей дивиденда; а обычный для даннаго общества кредитный процентъ на капиталъ составляетъ 5% въ годъ. Такимъ образомъ, доходъ съ одной сторублевой акціи такой же, какъ обыкновенно съ 300 рублей; естественно, что и покупать акцію будутъ охотно за сумму около 300 рублей. Наоборотъ, если съ одной акціей можно разсчитывать только на 1 рубль доходу въ годъ, то ея рыночная цѣна — около 20 рублей. Такова основная причина колебаній въ цѣнѣ бумагъ: вѣроятность получить больше или меньше доходу съ бумаги. Но «вѣроятность» еще не есть полная достовѣрность; многое можетъ казаться людямъ болѣе или менѣе вѣроятнымъ въ зависимости отъ ихъ настроенія, отъ надеждъ или опасеній, внушаемыхъ общимъ ходомъ дѣлъ. Это приводитъ насъ къ другой причинѣ, порождающей болѣе частыя и нерѣдко очень сильныя колебанія биржевыхъ цѣнъ—къ «настроенію рынка».

Всякія потрясенія, всякіе даже мелкіе, толчки, которые испытываетъ общественное хозяйство, немедленно отзываются на цѣнѣ (курсѣ) бумагъ.

Когда, въ силу какихъ бы то ни было причинъ, чисто экономическихъ или политическихъ, теряется или хотя немного ослабѣваетъ увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, рентьеръ начинаетъ чувствовать страхъ, какъ бы находящіяся въ его рукахъ бумаги не потеряли часть, а то

даже и всю свою магическую способность—не убавляясь въ цѣнности, приносить доходъ. Страхъ этотъ заставляетъ его немедленно предлагать свои бумаги на продажу желающимъ. Предложеніе цѣнныхъ бумагъ на рынкѣ быстро увеличивается; но спросъ самъ по себѣ уменьшается, въ силу той же неизвѣстности въ завтрашнемъ днѣ. Такое несоотвѣтствіе спроса и предложенія вызываетъ немедленное паденіе курса бумагъ, паденіе иногда чрезвычайно сильное и быстрое, сразу разоряющее многихъ рентьеровъ, которые за безцѣнокъ сбываютъ свои бумаги.

Между тѣмъ обстоятельства измѣняются, опасенія оказываются неосновательными, бумаги продолжаютъ приносить прибыль и снова подымаются въ цѣнѣ. Тогда сразу наживаются дѣльцы, скупившіе ихъ въ моментъ паденія.

Бываетъ подобнымъ же образомъ и быстрое, непрочное повышеніе цѣны бумагъ подъ вліяніемъ болѣе или менѣе случайныхъ обстоятельствъ. Когда, напр., благодаря слухамъ и газетнымъ утвержденіямъ, является надежда, что извѣстное предпріятіе будетъ особенно хорошо работать, станетъ особенно прибыльнымъ, тогда акціи предпріятія быстро повышаются въ цѣнѣ, и тѣ, кто продаетъ ихъ въ моментъ повышенія, обогащаются за счетъ наивныхъ покупателей.

Въ этихъ постоянныхъ колебаніяхъ спекуляція находитъ для себя самыя благопріятныя условія. Цѣнныя бумаги—только наиболѣе удобный для спекуляціи товаръ. Спекуляціи съ другими товарами (преимущественно съ тѣми, которые являются предметомъ международной торговли) дѣлаются по совершенно тому же типу.

Спекулятивная игра влечетъ за собой массу различныхъ уловокъ, обмановъ, создаетъ особое шулерство, которое очень сильно развито въ современномъ биржевомъ мірѣ.

Такъ какъ цѣны измѣняются въ зависимости отъ «настроенія рынка», то примѣняются всякія законныя и незаконныя средства, чтобы повліять въ ту или другую сторону на это настроеніе. Напр., если хотятъ вызвать пониженіе извѣстныхъ бумагъ, чтобы дешево купить ихъ, то начинаютъ распространять, устно и черезъ подкупную часть журналистики, неблагопріятные слухи относительно предпріятія; владѣльцы бумагъ приходятъ въ безпокойство и дешево ихъ сбываютъ. Гдѣ нужно повышеніе, тамъ дѣлается обратное—расхваливаютъ, рекламируютъ предпріятія, составляютъ даже ложные отчеты о блестящемъ положеніи дѣлъ.

Панамская исторія съ ея невѣроятной массой лжи, подлоговъ, подкуповъ, воровства, съ ея милліардными убытками и разореніемъ тысячъ людей—прекрасный образецъ того духа, который спекуляція воспитываетъ въ дѣятеляхъ биржевого міра.

Въ настоящее время биржевыя спекуляціи играютъ очень крупную роль въ составленіи большихъ богатствъ и разореніи множества капиталистовъ, вообще—въ дѣлѣ концентраціи капиталовъ. Значительная часть современныхъ милліонеровъ именно этимъ способомъ пріобрѣла свои громадныя состоянія. (Такъ, американецъ Гудъ, прославившійся безсовѣстностью своихъ спекуляцій, довелъ ими свое богатство до 550 милліоновъ

рублей, при чемъ его годовой доходъ измѣрялся 27 милліонами, суточный—74.000, доходъ въ минуту—50 рублями. Въ нѣсколько разъ большей величины достигаютъ въ настоящее время капиталы Рокфеллера, точная цифра которыхъ неизвѣстна. Подобныхъ биржевыхъ стомилліонеровъ и «милліардеровъ» особенно много въ Америкѣ; но есть они и въ Европѣ).

Вызываемое спекуляціей господство обмана глубоко подрываетъ довѣріе и уваженіе широкихъ массъ общества ко всей порождающей эти явленія капиталистической системѣ.

Итакъ, общественныя причины спекуляціи заключаются въ неорганизованномъ характерѣ мѣновыхъ отношеній, благодаря которому законъ стоимости проявляется въ жизни рынка лишь стихійно, въ непрерывномъ рядѣ уклоненій отъ нормы; а общественные результаты спекуляціи сводятся главнымъ образомъ къ ускоренному развитію крупнокапиталистическихъ отношеній, но отчасти также и къ ихъ дискредитированію.

4. Распредѣленіе общественнаго продукта между различными капиталистическими классами.

а) Прибыль.

По отношенію къ прибыли капиталистовъ періодъ машинъ характеризуется двумя особенностями: во-первыхъ, постепеннымъ уменьшеніемъ годового процента прибыли на капиталъ и, во-вторыхъ, быстрымъ возрастаніемъ ея общей суммы. Разсмотримъ основныя причины той и другой особенности.

Машина есть орудіе труда, и ея стоимость входитъ въ составъ постояннаго капитала. Между тѣмъ, машина замѣняетъ работника-исполнителя и вытѣсняетъ, слѣдовательно, часть рабочей силы: затраты на покупку рабочей силы уменьшаются, т.-е. уменьшается перемѣнный капиталъ.

Такимъ образомъ, при введеніи каждой новой машины на мѣсто нѣкоторой части перемѣннаго капитала становится извѣстное количество постояннаго: рядомъ съ возрастаніемъ постояннаго идетъ уменьшеніе перемѣннаго.

Если при введеніи машины производство очень быстро расширяется, то и перемѣнный капиталъ можетъ самъ по себѣ не уменьшиться, а даже увеличиться: не смотря на машину, работниковъ можетъ понадобиться больше прежняго. Но постоянный капиталъ—затраты на машины и матеріалы—и въ этомъ случаѣ возрастаетъ, очевидно, гораздо сильнѣе перемѣннаго, и по сравненію съ постояннымъ перемѣнный всетаки уменьшается, т.-е. представляетъ меньшую его часть, чѣмъ прежде. Напримѣръ, до введенія машины перемѣнный капиталъ былъ 5.000 при 10.000 постояннаго, т.-е. 1/2 постояннаго или 1/3 всего капитала; а при новыхъ условіяхъ перемѣннаго капитала оказывается 8.000 на

32.000 постояннаго, т.-е. ¼ постояннаго или ⅕ всего капитала. Другими словами, взятый абсолютно, самъ по себѣ, въ отдѣльности, перемѣнный капиталъ возросъ, а относительно—взятый по сравненію съ цѣлымъ капиталомъ,—какъ часть цѣлаго капитала,—онъ уменьшился.

Въ общемъ, это относится и ко всякому прогрессу техники: если въ извѣстномъ производствѣ повышается производительность труда, то на данное количество постояннаго капитала—орудій и матеріаловъ—требуется меньше живого труда, чѣмъ прежде, меньше рабочей силы, меньше перемѣннаго капитала. Но именно въ машинномъ производствѣ, гдѣ повышеніе производительности труда происходитъ особенно быстро, данное явленіе выступаетъ съ особенной яркостью.

Въ англійскомъ бумагопрядильномъ производствѣ въ началѣ XVIII вѣка весь вложенный капиталъ состоялъ наполовину изъ постояннаго и наполовину изъ перемѣннаго. Уже въ 60-хъ годахъ XIX вѣка постоянная часть капитала была ⅞, а перемѣнная только ⅛, т.-е. относительно меньше прежняго въ 4 раза (абсолютно же эта восьмая, благодаря росту всего капитала, значительно больше прежней половины).

Въ предыдущемъ было выяснено, что прибавочная стоимость создается приложеніемъ рабочей силы, и что поэтому величина прибавочной стоимости зависитъ не отъ величины капитала, а отъ величины перемѣнной его части, на которую покупается рабочая сила.

Норма прибавочной стоимости показываетъ, сколько процентовъ составляетъ прибавочная стоимость на перемѣнный капиталъ; норма прибыли показываетъ число процентовъ прибавочной стоимости на весь—и постоянный, и перемѣнный—капиталъ. Поэтому норма прибыли во столько разъ меньше нормы прибавочной стоимости, во сколько разъ перемѣнный капиталъ меньше всего капитала.

При введеніи машинъ и вообще при развитіи техники производства перемѣнный капиталъ относительно уменьшается. Если норма прибавочной стоимости не измѣняется, то норма прибыли должна понизиться.

Положимъ, норма прибавочной стоимости 100%, постоянный капиталъ 8.000, перемѣннаго 2.000 рублей, т.-е. первый составляетъ ⅘, а второй ⅕ всего капитала. Тогда прибавочная стоимость равняется 2.000 рублей, и норма прибыли 20%.

Примѣненіе новыхъ машинъ доводитъ постоянный капиталъ до 27.000, перемѣнный, положимъ, 3.000, т.-е. 9/10 и 1/10. Тогда прибавочная стоимость 3.000, норма прибыли только 10%. Хотя перемѣнный капиталъ и возросъ абсолютно на 1.000, но относительно онъ вдвое уменьшился (1/10 вмѣсто ⅕), и норма прибыли уменьшилась вдвое.

Для упрощенія расчетовъ здѣсь принято, что вся прибавочная стоимость превращается въ прибыль капиталиста. Въ дѣйствительности это не такъ; но неточность тутъ незначительная, и сущности дѣла нисколько не измѣняетъ.

Возвращаемся къ нашему примѣру. Если бы предпринимателямъ удалось достигнуть того, чтобы норма прибавочной стоимости повысилась вдвое, т.-е. до 200%, то норма прибыли оказалась бы опять 20%, т.-е.

уменьшенія процента тогда бы не произошло. Такимъ образомъ у предпринимателей есть способъ воспрепятствовать понижению процента прибыли, а именно увеличеніе нормы прибавочной стоимости, т.-е. усиленіе эксплоатаціи. И они пользуются этимъ способомъ (удлиненіе рабочаго дня, увеличеніе интенсивности труда и т. д.).

Но, примѣняя эти пріемы, капиталистъ имѣетъ дѣло не съ мертвой машиной, а съ живымъ существомъ. Машина инертна: въ зависимости отъ воли предпринимателя она можетъ дѣйствовать непрерывно по 24 часа въ сутки и съ такой скоростью, какую только допускаетъ ея устройство; при этомъ она износится, станетъ негодной для производства въ 4 раза скорѣе, чѣмъ если бы работала 12 часовъ и двигалась вдвое медленнѣе. Не таковъ организмъ человѣка; и усиленіе эксплоатаціи раньше или позже наталкивается на сопротивленіе со стороны рабочихъ, которое непрерывно возрастаетъ и переходитъ въ систематическую борьбу. Тогда относительное уменьшеніе перемѣннаго капитала, вытѣсненіе его постояннымъ ведетъ къ пониженію процента прибыли, что и наблюдается въ дѣйствительности.

Поэтому въ странахъ съ мало развитымъ капитализмомъ процентъ прибыли сравнительно высокъ: въ Россіи, напр., не рѣдкость предпріятія, дающія 25% на капиталъ, тогда какъ въ Западной Европѣ 5% считаются уже хорошей доходностью. Конечно, тутъ дѣйствуютъ и другія причины, но главной и основной остается относительное уменьшеніе перемѣннаго капитала.

Пониженіе процента прибыли еще не означаетъ уменьшенія абсолютной величины прибыли, ея суммы. Если получать 20% съ капитала въ 10.000, то это составитъ доходъ въ 2.000; но всего 10% съ капитала въ 40.000 равняется цѣлымъ 4.000. Вообще, прибыль увеличивается, если возрастаніе капитала идетъ быстрѣе, чѣмъ пониженіе процента.

Въ эпоху машинъ капиталистическое накопленіе идетъ съ поражающей скоростью. Значительное накопленіе было необходимымъ условіемъ машиннаго производства; но само машинное производство въ своемъ необычайно быстромъ развитіи вызываетъ весьма ускоренное накопленіе.

Несмотря на возрастающее потребленіе непроизводительныхъ классовъ, непрерывно увеличивается и та доля прибавочной стоимости, которая обращается въ капиталъ, служащій для дальнѣйшаго извлеченія прибавочной стоимости изъ наемнаго труда. Накопленіе происходитъ гораздо быстрѣе, чѣмъ пониженіе процента прибыли, такъ что величина прибыли не только возрастаетъ, но возрастаетъ притомъ быстрѣе, чѣмъ когда-либо прежде.

Считаютъ, что въ Германіи «накопляется» ежегодно болѣе одного милліарда рублей, въ Англіи — около двухъ милліардовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ накопленіе шло еще быстрѣе: въ 1840 году все національное богатство исчислялось тамъ въ 3.700 милліоновъ долларовъ, въ 1894 году — около 82 милліардовъ (1 долларъ = 1½ рубля).

Въ Англіи и Ирландіи цифра ежегоднаго дохода капиталистовъ и землевладѣльцевъ за періодъ 1843 — 1883 г. увеличилась болѣе чѣмъ вдвое — съ 344 до 720 милл. фунтовъ стерлинговъ (1 фунтъ стерл. = $9^3/_8$ рубля). Наибольшая доля этого возрастанія приходилась именно на прибыль предпринимателей.

Эти цифры даютъ нѣкоторое понятіе и о величинѣ собственно прибыли, и о всей той массѣ прибавочной стоимости, которая ежегодно создается въ странахъ машиннаго производства, а также и вообще о скорости развитія общественныхъ производительныхъ силъ.

Надо, впрочемъ, напомнить, что различія въ денежной оцѣнкѣ національныхъ доходовъ и національныхъ богатствъ для различныхъ періодовъ могутъ зависѣть не отъ одного накопленія, но отчасти также отъ пониженія стоимости денегъ (вслѣдствіе повышенія производительности труда, создающаго деньги-товаръ). Такое пониженіе стоимости денегъ дѣйствительно происходило за послѣдній періодъ, но оно такъ мало, что лишь въ слабой степени уменьшаетъ значеніе приведенныхъ цифръ. Кромѣ того, это значеніе еще нѣсколько ослабляется для цифръ національнаго богатства возрастаніемъ цѣнности того фиктивнаго капитала, который представляетъ изъ себя право частной собственности на землю (цѣна земли повышается благодаря повышенію ренты).

Насколько значительно возрастаетъ доля крупныхъ капиталовъ сравнительно съ долею мелкихъ, это можно иллюстрировать на примѣрѣ Франціи, въ которой мелкая буржуазія какъ разъ особенно многочисленна по сравненію съ другими странами. Тамъ изъ всей національной собственности, составляющей 174 милліарда франковъ, 114 милліардовъ, т.-е. почти $^2/_3$, принадлежатъ одной тридцатой населенія, и только 60 милліардовъ, т.-е. $^1/_3$, остальнымъ $^{29}/_{30}$ населенія.

б) Рента.

Какъ было выяснено, та доля прибавочной стоимости, которую беретъ землевладѣніе и которая называется земельной рентой, имѣетъ стремленіе непрерывно возрастать съ развитіемъ промышленной жизни. Обусловливается это тѣмъ, что промышленное развитіе общества, увеличивая спросъ на землю для всякаго рода предпріятій, увеличиваетъ тѣмъ самымъ монопольную силу землевладѣльческаго класса, его власть надъ остальнымъ обществомъ и позволяетъ этому классу присваивать все болѣе значительную часть производимой прибавочной стоимости.

Такимъ образомъ, какъ бы быстро ни происходило возрастаніе прибыли капиталистовъ, рента возрастала еще быстрѣе. Однако, не безъ борьбы промышленно-торговая буржуазія подчинялась такому положенію вещей. Она всѣми силами противодѣйствовала возрастанію ренты за землю, понижавшему прибыль.

Борьба ренты и прибыли велась въ самыхъ разнообразныхъ формахъ всюду, гдѣ встрѣчались лицомъ къ лицу интересы землевладѣльца и ка-

питалиста. Ея простѣйшая форма — борьба капиталистическаго фермера съ лэндлордомъ за арендную плату. Здѣсь все, чего фермеръ можетъ достигнуть, это сохраненіе за собой обычной предпринимательской прибыли; но даже это не всегда ему удается: благодаря тому, что изъ земли трудно безъ убытковъ вынуть вложенный въ нее капиталъ въ видѣ строеній, улучшеній почвы и т. п., фермеръ иногда оказывается вынужденъ мириться съ такимъ повышеніемъ арендной платы, которое ниже обычной нормы урѣзываетъ его прибыль.

Когда возрастаніе земледѣльческой ренты доводитъ хлѣбныя цѣны въ странѣ до чрезмѣрной высоты, повышая тѣмъ самымъ цѣну рабочей силы и еще болѣе понижая прибыль, тогда для промышленно-торговаго капитала становится выгоднымъ и цѣлесообразнымъ бороться съ рентой путемъ ввоза хлѣба изъ другихъ странъ: въ низко развитыхъ земледѣльческихъ странахъ, гдѣ рента еще не успѣла достигнуть большой высоты, гдѣ производство хлѣба обходится дешево благодаря дешевизнѣ рабочихъ рукъ, цѣны на хлѣбъ сравнительно низки, и ввозъ этого дешеваго хлѣба въ развитыя страны съ высокой рентой сильно урѣзываетъ ренту.

Противъ такого пріема борьбы землевладѣльческій классъ пускаетъ въ ходъ свою политическую силу, свое вліяніе на государство: добивается высокихъ пошлинъ на привозимые земледѣльческіе продукты, иногда—прямого запрещенія ихъ ввоза. Такъ, въ Англіи весьма долго держались «хлѣбные законы», допускавшіе ввозъ хлѣба лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣна хлѣба на внутреннемъ рынкѣ достигала извѣстной, весьма высокой нормы. Противъ политической силы буржуазія могла пустить въ ходъ только подобную же силу; на этой почвѣ разгорѣлась борьба капитала и землевладѣнія, какъ цѣлыхъ болѣе или менѣе сплоченныхъ общественныхъ классовъ. Англійская буржуазія побѣдила въ этой борьбѣ, и въ 1844 году добилась свободнаго ввоза хлѣба. Въ результатѣ земледѣльческая рента была остановлена въ своемъ возрастаніи, даже на время довольно сильно понизилась.

Этимъ не ограничился побѣдоносный капиталъ въ своемъ торжествѣ: онъ колонизовалъ обширныя, въ высшей степени плодородныя, черноземныя равнины Сѣв. и Южн. Америки, Австраліи, Южной Африки, связалъ ихъ съ европейскими рынками посредствомъ усовершенствованныхъ путей сообщенія и организовалъ эксплоатацію ихъ плодородія при помощи весьма совершенныхъ техническихъ пріемовъ, при чемъ важную роль сыграла земледѣльческая машина. Высокая производительность земледѣльческаго труда въ этихъ странахъ привела къ наводненію мірового рынка дешевымъ хлѣбомъ. Это было страшнымъ ударомъ для земледѣлія старыхъ капиталистическихъ странъ; и такъ какъ прибыль, по закону стремленія къ равной годовой нормѣ, рѣзко измѣниться не могла, то ударъ всего тяжелѣе отозвался на рентѣ этихъ странъ: ея возрастаніе было такъ сильно замедлено, что далеко не могло идти наравнѣ съ возрастаніемъ прибыли. По Джиффену, цифра земледѣльческой ренты

въ Англіи даже нѣсколько понизилась съ 1843 года по 1893 (съ 42.127.000 ф. стерл. до 41.682.000 ф. стерл.).

Но если европейскіе землевладѣльцы испытали пониженіе ренты, то новые землевладѣльцы черноземныхъ странъ стали за то получать громадную ренту, и суть дѣла не измѣнилась: общая сумма земледѣльческой ренты продолжала сильно возрастать. Пониженіе ренты было одной изъ главныхъ причинъ той громадной задолженности европейскаго землевладѣнія, которая развилась за послѣдніе десятки лѣтъ. Другой важной причиной была потребность въ улучшеніи земледѣльческой техники, возникшая изъ тяжелой конкурренціи; на улучшеніе земли и способовъ производства требовались капиталы, и ихъ землевладѣльцы должны были занимать. Задолженность эта привела къ тому, что значительная часть ренты уплачивается въ видѣ процента за долгъ кредитнымъ учрежденіямъ, которыя, такимъ образомъ, понемногу замѣняютъ прежнихъ получателей ренты.

Что касается до ренты не-земледѣльческой—съ земли подъ строеніями и т. п., то она и въ Европѣ не испытала остановки въ своемъ возрастаніи. Въ Англіи, напр., за 50 лѣтъ—съ 1843 по 1893 г. — она возрасла, по меньшей мѣрѣ, раза въ 3. Особенно быстро увеличивается она въ большихъ промышленно-торговыхъ городахъ; по мѣрѣ расширенія города плата за наемъ зданій въ центральныхъ его частяхъ доходитъ до громадныхъ размѣровъ, и ея возрастаніе приходится именно на ренту, потому что прибыль на капиталъ, вложенный въ постройку зданій, остается прежней. Въ отдѣльныхъ случаяхъ размѣры подобной ренты становятся почти невѣроятны: въ центральныхъ частяхъ самыхъ большихъ капиталистическихъ городовъ въ родѣ Лондона, Чикаго, цѣна квадратной сажени земли измѣряется десятками тысячъ рублей.

a) Заработная плата.

Мануфактурное раздѣленіе труда порождало раздробленіе рабочаго класса на группы съ различной высотою заработной платы соотвѣтственно различной сложности исполняемаго труда, различному обученію и искусству работниковъ. Одного рабочаго класса, благодаря этому, не было, а существовало множество классовъ рабочихъ, находившихся въ довольно несходныхъ матеріальныхъ условіяхъ жизни.

Устраняя мануфактурное разложеніе труда, замѣняя его спеціализаціей машинъ, машинное производство стремится устранить и прежнія различія въ заработной платѣ, стремится уравнять ее для всѣхъ работниковъ. Если, благодаря машинѣ, все болѣе сходною становится производственная роль различныхъ работниковъ, то необходимо должно становиться сходнымъ и ихъ матеріальное положеніе.

Для работы при машинѣ требуется такъ мало обученія, что всякій можетъ пройти его въ сравнительно короткое время. Всѣ прежніе разряды рабочихъ постепенно сводятся къ одному, который во многомъ подходитъ къ чернорабочимъ. Главная разница та, что работникъ при машинѣ дол-

женъ непремѣнно обладать нѣкоторымъ общимъ развитіемъ, нѣкоторой интеллигентностью: иначе рискованно и невыгодно было бы поручать ему машину, сложный механизмъ которой надо хоть сколько-нибудь понимать, чтобы всегда цѣлесообразно управлять имъ. И чѣмъ машина автоматичнѣе, чѣмъ менѣе она требуетъ отъ работника прямого физическаго вмѣшательства въ ея работу, тѣмъ больше она требуетъ отъ него чисто психической работы—напряженнаго вниманія, соединеннаго съ сознательнымъ отношеніемъ къ дѣлу, съ пониманіемъ смысла и назначенія различныхъ частей механизма, ихъ взаимной связи въ работѣ.

Такимъ образомъ, подобно ручному труду чернорабочихъ, трудъ работниковъ при машинѣ превращается въ простой трудъ, т.-е. требующій наименьшей суммы обученія и развитія, при какой возможно участіе въ общественномъ производствѣ. Но въ эту наименьшую сумму входитъ нѣкоторая общая интеллигентность работника, и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе значительная.

Съ большей интеллигентностью необходимо связанъ болѣе высокій уровень потребностей, а слѣдовательно—и болѣе высокая заработная плата. Такимъ образомъ, хотя каждый капиталистъ стремится возможно больше понижать заработную плату, но потребности производства заставляютъ его мириться съ фактическимъ ея повышеніемъ: если бы даже ему и удавалось временно преодолѣвать стремленіе рабочихъ къ такому повышенію, подавлять ихъ требованіе, то сами они, при недостаточномъ удовлетвореніи ихъ повышенныхъ потребностей оказались бы мало приспособленными къ работѣ съ машиной, а это было бы невыгодно и для него самого.

Кромѣ представителей «простого машиннаго труда, въ производствѣ, какъ было указано, продолжаетъ принимать участіе также особая группа представителей сложнаго труда—интеллигентно-техническій персоналъ: ученые механики, технологи, химики, спеціалисты по общей организаціи предпріятій—директора, бухгалтеры и т. д. Этотъ сравнительно немногочисленный классъ, по своей заработной платѣ, значительно отличается отъ простыхъ рабочихъ. Какъ средняя группа между предпринимателями и рабочими, онъ въ настоящее время не можетъ, вообще, причисляться къ рабочему классу.

Тѣмъ не менѣе, какъ было указано, машинному капитализму свойственна тенденція сблизить эту группу по производственной роли, общественному положенію и психологіи съ группами менѣе сложнаго труда. Тенденція эта съ наибольшей силой дѣйствуетъ на низшую, болѣе многочисленную часть интеллигентно-техническаго персонала, которая и теряетъ мало-по-малу свою нижнюю границу, сливаясь съ неприсилл..ированной частью рабочихъ. Не такова тенденція развитія другой, меньшей части техническаго персонала, занимающей болѣе высокое положеніе на службѣ у капиталистовъ, болѣе близкой къ нимъ и по происхожденію, и по привычкамъ: по мѣрѣ прогресса экономическихъ отношеній, по мѣрѣ возрастанія ихъ опредѣленности, эта высшая часть интеллигентнаго персонала рѣшительно примыкаетъ къ предпринимательскому классу.

Уже въ мануфактурный періодъ капитализма женскій и дѣтскій трудъ примѣняется въ производствѣ, но только въ весьма ничтожныхъ размѣ-

рахъ. Для ручного труда мануфактуры нужна въ большинствѣ случаевъ такая физическая сила, какой не обладаютъ женщины и дѣти,—сила взрослыхъ мужчинъ. Поэтому, въ эпоху мануфактуръ женщины и дѣти рѣдко оказывали конкурренцію мужчинамъ продажею своей рабочей силы.

Сравнительно больше примѣняется женскій и дѣтскій трудъ въ домашне-капиталистическомъ производствѣ; это зависитъ отъ того, что особенно жестокій характеръ эксплоатаціи мелкаго производителя торговымъ капиталомъ принуждаетъ хозяина мелкаго предпріятія въ свою очередь безпощадно эксплоатировать силы своей семьи, не обращая вниманія на несоотвѣтствіе работы съ силами трудящихся. Капиталисту мануфактуры выгоднѣе вести дѣло при помощи физически сильныхъ взрослыхъ рабочихъ; хотя имъ платить приходится больше, но при ручномъ трудѣ ихъ рабочая сила настолько превосходитъ рабочую силу женщинъ и дѣтей, что прибавочной стоимости отъ первыхъ можно получить все-таки сравнительно больше.

При машинномъ производствѣ ручного труда мало, большая часть работъ не требуетъ физической силы взрослаго человѣка. Поэтому, работа женщинъ и подростковъ начинаетъ находить все больше примѣненія; а тамъ гдѣ не требуется не только физической, но и психической силы взрослаго человѣка, тамъ выступаетъ на сцену трудъ дѣтей. Въ массѣ случаевъ для капиталиста является уже выгоднымъ замѣнить взрослыхъ мужчинъ болѣе дешевыми, хотя и болѣе слабыми работниками.

Въ результатѣ—конкурренція между рабочими усиливается, благодаря появленію на рынкѣ массы новыхъ рабочихъ силъ. Заработная плата падаетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе возрастаетъ примѣненіе женскаго и дѣтскаго труда. Нетрудно выяснить, гдѣ лежитъ та норма, къ которой стремится плата въ своемъ пониженіи. По закону стоимости, заработная плата должна соотвѣтствовать цѣнѣ обычныхъ средствъ потребленія рабочей семьи; но теперь эта заработная плата не одного мужчины, какъ было раньше, а вмѣстѣ всѣхъ продающихъ свою рабочую силу членовъ семьи. Какъ прежде, такъ и теперь семья получаетъ, въ среднемъ, необходимыя средства существованія; разница лишь та, что въ капиталистическомъ производствѣ принимаетъ участіе уже не одинъ глава семьи, но также и его жена и дѣти.

Размѣры примѣненія женскаго и дѣтскаго труда возрастаютъ съ развитіемъ капитала. Въ Россіи, странѣ только съ недавнихъ поръ капиталистической, женщины на фабрикахъ составляютъ немного болѣе $^1/_4$, подростки около $^1/_{13}$, дѣти около $^1/_{40}$ всѣхъ работающихъ; спеціально же въ прядильно-ткацкой промышленности, гдѣ женскій трудъ примѣняется очень широко, женщины составляютъ около $^2/_5$ общаго числа рабочихъ (256 тысячъ женщинъ на 324 тысячи мужчинъ и 16 тысячъ дѣтей отъ 12 до 15 лѣтъ въ пяти отрасляхъ промышленности, обрабатывающей волокнистыя вещества. Въ старой, капиталистической странѣ—Англіи отношеніе уже иное: такъ, въ прядильно-ткацкой промышленности мужчины тамъ составляютъ немного болѣе четверти (298.000 челов.), женщины больше половины (610.000), подростки около $^1/_{12}$ (89.000) и почти столько же дѣти до 13 лѣтъ (86.500). Во Франціи по даннымъ 1896 г. общее коли-

чество женщинъ-работницъ около 1/3 числа всѣхъ рабочихъ, подростковъ и дѣтей около 1/6.

Разница въ заработной платѣ мужчинъ, женщинъ и дѣтей довольно значительна. Такъ, на фабрикахъ и заводахъ московскаго района средняя плата мужчины—19 рублей въ мѣсяцъ, женщины—около 9 рублей, ребенка—около 6 рублей. Различія эти только отчасти зависятъ отъ меньшей способности женщинъ и дѣтей къ работѣ. Если сравнить плату за совершенно одинаковое количество работы, то оказывается, что мужчина всетаки получитъ больше, женщина меньше, ребенокъ еще меньше. Причина заключается въ томъ, что на рабочемъ рынкѣ женщины и дѣти въ меньшей степени способны отстаивать себя, что они въ общемъ менѣе сознательны и менѣе энергично борются за свои интересы.

Соціальные результаты женскаго и дѣтскаго труда весьма сложны и имѣютъ частью отрицательный, частью положительный характеръ.

Усилившаяся конкурренція между рабочими ставитъ каждаго изъ нихъ въ большую, чѣмъ прежде, зависимость отъ предпринимателя; рабочаго становится легче замѣнить, въ немъ меньше нуждаются, чѣмъ прежде. Число безработныхъ увеличивается.

Для женщинъ особенно для дѣтей фабричная работа означаетъ, въ большинствѣ случаевъ, преждевременное истощеніе организма; это истощеніе нерѣдко доходитъ до такой степени, что влечетъ за собою настоящее вырожденіе рабочихъ.

Работа беременныхъ женщинъ дурно отзывается на здоровьѣ ихъ будущихъ дѣтей: дѣти рождаются слабыми, имѣютъ видъ недоношенныхъ и подвержены усиленной смертности. Къ тому же у работницы-матери слишкомъ мало времени для ухода за ребенкомъ.

Нѣсколько подросши—иногда уже съ 6—8 лѣтъ, если этому не препятствуютъ законы—ребенокъ самъ нанимается на фабрику. О физической слабости такихъ дѣтей свидѣтельствуютъ не только фабричные инспектора, но и сами предприниматели. (Въ Англіи до изданія фабричныхъ законовъ восьмилѣтнія дѣти работали на фабрикахъ часовъ по 14 въ сутки).

Продолжительный фабричный трудъ не только изнуряетъ тѣло дѣтей, онъ еще убиваетъ въ корнѣ ихъ умственныя силы, дѣлаетъ дѣтей тупыми, одичалыми, неспособными къ развитію, иногда доводитъ прямо до идіотизма. Изъ такихъ дѣтей выростаютъ люди, лишенные всякой самостоятельности, всякой нравственной энергіи, существа безотвѣтныя и безпомощныя, непригодныя ни на что кромѣ роли пассивнаго орудія въ чужихъ рукахъ.

Совмѣстная ночная работа мужчинъ, женщинъ и дѣтей является для рабочаго класса опаснымъ источникомъ половой распущенности.

Фабричный трудъ женщинъ и дѣтей разрушаетъ рабочую семью, отчуждая жену отъ мужа, мать отъ дѣтей. Съ этимъ связана масса такихъ страданій, какихъ не знали предшествующія эпохи исторіи человѣчества.

Но въ то же время женщина выходитъ изъ прежняго рабскаго положенія въ семьѣ. Становясь самостоятельной работницей, пріобрѣтая, такимъ образомъ, экономическую независимость, она постепенно дости-

гаетъ фактической равноправности съ мужемъ. Положеніе дѣтей въ семьѣ также становится менѣе безправнымъ.

Основное же значеніе женскаго и дѣтскаго труда заключается въ томъ возрастаніи производительныхъ силъ общества, которое достигается болѣе полнымъ участіемъ женщинъ и дѣтей въ общей системѣ сотрудничества. Изъ этого вытекаютъ отмѣченные положительные результаты примѣненія женскаго и дѣтскаго труда: результаты же отрицательные вытекаютъ только изъ современной капиталистической формы этого примѣненія, и не являются необходимыми при всякихъ общественныхъ условіяхъ,—напр. могутъ чрезвычайно ослабляться даже соотвѣтственно направленнымъ фабричнымъ законодательствомъ; тѣмъ болѣе необязательны они при коренномъ переустройствѣ общества.

Во всякомъ случаѣ, женскій и дѣтскій трудъ еще далеко не главная причина, вызывающая увеличеніе числа безработныхъ. Болѣе существенная причина—то быстрое повышеніе производительности труда, которое достигается при помощи машинъ и дѣлаетъ многихъ рабочихъ лишними для капиталистическаго производства, устраняетъ ихъ отъ производственной дѣятельности. Этимъ путемъ создается такая масса безработныхъ, какой не могло быть въ предыдущіе періоды общественнаго развитія.

Въ общей системѣ капиталистическихъ отношеній и эта часть рабочаго класса не лишена производственнаго значенія. Она служитъ резервомъ для потребности производства въ рабочей силѣ. Когда благопріятныя условія рынка побуждаютъ предпринимателей расширить производство, тогда эта резервная армія промышленности является къ ихъ услугамъ, такъ что въ рабочей силѣ недостатка не оказывается.

Расширяясь, производство привлекаетъ нѣкоторую часть резерва, и онъ временно уменьшается. Но развитіе техники или суженіе рынка снова дѣлаетъ излишнею въ производствѣ нѣкоторую часть прежде занятыхъ рабочихъ. (Особенно сильно дѣйствуютъ въ этомъ направленіи кризисы производства, о которыхъ придется говорить въ послѣдующемъ). Появленіе новыхъ машинъ, вызывая быстрое увеличеніе резерва, обусловливаетъ затѣмъ его постепенное уменьшеніе. Машина понижаетъ цѣну товаровъ, такъ что они становятся доступными для болѣе широкаго круга покупателей; расширеніе спроса позволяетъ расширить производство; соотвѣтственно этому, вытѣсненныя машиной рабочія руки вновь находятъ мѣсто въ производствѣ. Однако, резервная армія далеко не всегда возвращается полностью къ своимъ занятіямъ: нерѣдко уменьшеніе числа занятыхъ рабочихъ оказывается не временнымъ, а постояннымъ. Такъ напр., въ Англіи за періодъ 1830—45 года, несмотря на расширеніе хлопчатобумажнаго производства на 142 % число занятыхъ въ немъ рабочихъ уменьшилось на 4%.

Въ общемъ, съ прогрессомъ машиннаго производства резервъ возрастаетъ. Своей конкурренціей съ занятыми рабочими онъ тяжело давитъ на высоту заработной платы. Развитіе путей сообщенія стремится предоставить резервную армію каждой отдѣльной страны, даже всѣхъ странъ

вмѣстѣ, къ услугамъ каждаго отдѣльнаго предпринимателя, такъ что безработица въ однѣхъ мѣстностяхъ вліяетъ на рабочій рынокъ другихъ.

Кромѣ собственно рабочихъ, быстрый прогрессъ техники вытѣсняетъ изъ производства также самостоятельныхъ мелкихъ производителей, которые жили ручнымъ трудомъ и не могутъ конкуррировать съ машинами. Въ странахъ технически отсталыхъ, быстро, а не постепенно вводящихъ машины или сразу становящихся рынками для машиннаго производства болѣе развитыхъ странъ, этимъ путемъ создается въ короткое время громадный «резервъ» для крупной промышленности, изъ котораго большая часть вымираетъ раньше, чѣмъ дѣйствительно понадобится капиталу. Такое вліяніе имѣли, напр., въ Остъ-Индіи въ 30-хъ годахъ англійскія хлопчато-бумажныя машины. Если же есть возможность, вновь созданная безработная армія отправляется искать работы въ болѣе развитыя капиталистическія страны. Такъ разоренные силою европейскаго и нарождающагося китайскаго капитала мелкіе китайскіе производители массами появляются на западномъ берегу Америки. Ихъ конкурренція оказываетъ угнетающее дѣйствіе на мѣстный рабочій рынокъ, тѣмъ болѣе что при крайне низкомъ уровнѣ потребностей они за невѣроятно дешевую цѣну продаютъ свою рабочую силу. Все это относится не только къ цѣлымъ экономически отсталымъ странамъ, какъ Китай, попадающимъ въ сферу дѣйствія европейскаго капитала; это относится также къ экономически отсталымъ частямъ отдѣльныхъ капиталистическихъ обществъ. По мѣрѣ того, какъ промышленное развитіе захватываетъ такія отсталыя области— обезземеливаетъ крестьянъ, разоряетъ кустарей и ремесленниковъ—оттуда возникаетъ наплывъ рабочей силы въ промышленные центры, на рабочій рынокъ крупнаго производства. Такъ обстоитъ дѣло и въ Россіи. На фабрикахъ и заводахъ нерѣдко возникаютъ столкновенія между коренными рабочими и пришлыми изъ крестьянъ, благодаря тому, что эти послѣдніе сбиваютъ плату.

Нѣкоторое понятіе о современныхъ размѣрахъ промышленнаго резерва и его колебаніяхъ могутъ дать слѣдующія цифры. Въ 1856 году въ Англіи, по оффиціальнымъ спискамъ, насчитывалось [illegible].000 лицъ, пользующихся общественной милостыней изъ налога для бѣдныхъ. Въ 1863—64 году, вслѣдствіе кризиса въ хлопчатобумажной промышленности, число это дошло до 1.030.000. Это еще неточныя цифры безработицы: далеко не всякій нуждающійся рѣшается прибѣгнуть къ общественной благотворительности; многихъ удерживаетъ чувство собственнаго достоинства; особенно, когда человѣкъ принадлежитъ къ резервной арміи лишь наполовину, т.-е. не совсѣмъ лишился работы, а только имѣетъ ея недостаточно. Для настоящаго времени цифра безработнаго населенія Англіи опредѣляется наиболѣе компетентными [illegible] (Кейръ-Гарди и Вил. Торнсъ) въ 1 милліонъ [illegible] и въ 1.750.000 [illegible], не считая тѣхъ, которые живутъ [illegible] общественной благотворительности. Для [illegible] 1895 г., т. е. въ эпоху чрезвычайно быстраго развитія промышленности, оффиціальныя данныя насчитывали 771.000 безработныхъ.

Въ странахъ отсталыхъ, быстро вводящихъ крупное капиталистическое производство, какъ Россія, цифры резервной арміи должны быть относительно не меньше, если не больше, чѣмъ въ странахъ развитыхъ. Но для первыхъ гораздо труднѣе сдѣлать подсчетъ, потому что преобладаетъ скрытая форма безработицы. Крестьянинъ, принужденный оставить подсобные промыслы и потому имѣющій производительную работу только во время земледѣльческаго сезона,—кустарь, сокращающій производство вслѣдствіе уменьшенія спроса со стороны торговаго капитала,—принадлежатъ въ извѣстной мѣрѣ къ производственно-излишнему при данныхъ условіяхъ населенію, хотя, по внѣшности, остаются самостоятельными мелкими производителями.

Безработная часть рабочаго класса представляетъ изъ себя наиболѣе чистую форму относительнаго перенаселенія.

Средства существованія капиталистическаго резерва разнообразны и неустойчивы: прежнія трудовыя сбереженія, общественная благотворительность, воровство, проституція и т. д. При этомъ, вообще, и рѣчи не можетъ быть о полномъ удовлетвореніи потребностей: голодъ, холодъ, нужда, вплоть до смерти отъ истощенія.

При существованіи промышленнаго резерва условія рыночной конкурренціи становятся въ особенно сильной степени неравными для капиталиста и рабочаго. Среди рабочихъ, естественно, возникаетъ стремленіе хоть сколько-нибудь ослабить результаты этого неравенства условій,

Единственный способъ уменьшить невыгоды, возникающія изъ чрезмѣрной конкурренціи, это уменьшить самую конкурренцію. На такой путь и вступилъ рабочій классъ. Стали возникать и развиваться различныхъ типовъ промышленныя организаціи рабочихъ.

Явленія этого не знала мануфактурная эпоха капитализма съ ея крайнимъ разъединеніемъ рабочаго класса, возникающимъ изъ мануфактурнаго раздѣленія труда. Устраняя это раздѣленіе, дѣлая все болѣе сходную производительную роль различныхъ работниковъ, уравнивая заработную плату, машинное производство создаетъ почву для ассоціацій. Объединяя массы людей въ одной мастерской, за однимъ дѣломъ, которое ведется по строго опредѣленнымъ правиламъ, промышленный капитализмъ пріучаетъ работниковъ къ единенію, воспитываетъ въ нихъ духъ дисциплины—необходимая предпосылка для прочности и практическаго успѣха какихъ бы то ни было организацій.

Таковы основныя экономическія условія, благодаря которымъ стало возможнымъ возникновеніе и развитіе современныхъ западно-европейскихъ рабочихъ организацій различнаго типа (профессіональные союзы или trade-union'ы, политическіе союзы, производительныя, потребительныя товарищества и проч.).

Раньше всего профессіональные союзы стали складываться въ Англіи—странѣ, въ которой раньше всего выступило на сцену машинное производство. По Брентано, первый trade-union современнаго типа явился въ 1794 году, слѣдовательно, именно въ эпоху великаго техническаго переворота, перехода отъ мануфактуры къ машинѣ. Въ прочихъ стра-

нахъ распространеніе союзовъ происходило, вообще, по мѣрѣ распространенія промышленнаго капитализма. Всюду развитіе ихъ шло съ возрастающей скоростью.

Изслѣдуя вопросъ о формахъ и быстротѣ развитія подобныхъ организацій, приходится, конечно, принимать во вниманіе не только основныя экономическія отношенія—производственныя отношенія работниковъ и ихъ участіе въ распредѣленіи, но также и условія производнаго характера: состояніе народнаго образованія, политическія условія,—особенно законы о союзахъ и т. д. Насколько важно въ этомъ смыслѣ состояніе народнаго образованія (условіе, реально неотдѣлимое отъ общаго развитія производительныхъ силъ), можно судить по тому факту, что наиболѣе образованныя изъ государствъ западнаго міра — Соединенные Штаты, Англія, Германія — отличаются и наибольшимъ количествомъ рабочихъ ассоціацій. О значеніи свободы союзовъ (которая сама, конечно, зависитъ отъ взаимнаго отношенія силъ пролетаріата и другихъ группъ общества) даетъ нѣкоторое понятіе слѣдующій примѣръ. Въ 1868 г. французское законодательство допустило рабочіе союзы, но установило для нихъ извѣстныя ограниченія: черезъ 16 лѣтъ, въ 1884 году, во Франціи насчитывалось 283 союза. Законъ 1884 года отмѣнилъ послѣднія ограниченія—и за 7 лѣтъ, къ 1891 году, число организацій увеличилось почти вчетверо—до 1,127.

Первичная, наиболѣе простая, наименѣе устойчивая и въ то же время наименѣе совершенная форма рабочей организаціи есть стачка (коалиція)—случайное, временное объединеніе рабочихъ на почвѣ какой-нибудь частной практической цѣли, выражающееся обыкновенно въ совмѣстномъ прекращеніи работы. Непосредственное значеніе стачекъ заключается въ томъ, что при благопріятныхъ условіяхъ онѣ могутъ вести къ частичнымъ улучшеніямъ въ матеріальномъ положеніи рабочихъ. Кромѣ того, нерѣдко стачки служили толчкомъ къ созданію болѣе опредѣленныхъ и болѣе прочныхъ организацій, каковы, напр., trade-union'ы (профессіанальные союзы).

Профессіональные союзы представляютъ наиболѣе распространенную форму рабочихъ организацій. Они складываются въ существенныхъ чертахъ по одному и тому же типу и преслѣдуютъ приблизительно сходныя цѣли. Типъ этотъ—болѣе или менѣе централистическое объединеніе, построенное на выборномъ началѣ, цѣли—повышеніе матеріальнаго уровня жизни посредствомъ взаимопомощи въ случаяхъ болѣзни, несчастій и пр., веденіе переговоровъ съ предпринимателями относительно заработной платы, а главнымъ образомъ—борьба съ ними, устройство стачекъ и т. д.; нерѣдко также повышеніе умственнаго и нравственнаго уровня посредствомъ библіотекъ, товарищескаго суда и т. п.

Профессіональные союзы вначалѣ объединяютъ чаще всего рабочихъ одного предпріятія, далѣе—одного рода предпріятій, далѣе—нѣсколькихъ близкихъ между собою отраслей производства; при этомъ они ограничиваются предѣлами одного города, одной области, одного государства. Но въ отдѣльныхъ, пока еще исключительныхъ, случаяхъ они заходятъ и дальше всѣхъ указанныхъ рамокъ—становятся международными или въ одной странѣ сливаются въ обширныя федераціи рабочихъ союзовъ весьма различныхъ отраслей промышленности.

Профессіональные союзы въ наибольшей мѣрѣ способны ослаблять конкурренцію между рабочими на рынкѣ труда. Отсюда—опредѣленная связь между развитіемъ союзовъ и высотой платы: страны съ значительнымъ распространеніемъ профессіональныхъ союзовъ, именно Америка, гдѣ въ trade-union'ахъ состоитъ треть всѣхъ рабочихъ, и Англія, гдѣ къ нимъ принадлежитъ четверть рабочихъ, отличаются болѣе высокой платой; плата рабочихъ, принадлежащихъ къ союзамъ, выше, чѣмъ не принадлежащихъ. Въ Англіи, по цифрамъ Джиффена, съ 1843 года по 1883 норма прибавочной стоимости понизилась въ $1^1/_2$ раза: именно въ 1843 году доходъ ремесленниковъ и рабочихъ составлялъ 171 милліонъ, прочихъ классовъ 342 милл. фунт. стерл., норма прибавочной стоимости около 200%; въ 1883 году соотвѣтствующія цифры—550 милл. и 720 милліоновъ,—норма прибавочной стоимости около 130%. (По одному изъ новѣйшихъ и, вѣроятно, болѣе точныхъ расчетовъ, приведенному у Гобсона, на долю рабочихъ приходится, однако, только 500 милліоновъ, на долю другихъ классовъ 800 милл., норма прибавочной стоимости 160%.)

Существенно измѣнить условія жизни рабочихъ профессіональныя организаціи не могутъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока охватываютъ не наибольшую часть рабочаго класса. Рабочіе, состоящіе внѣ профессіональныхъ союзовъ, оказываютъ сильную конкурренцію членамъ союзовъ. Притомъ тѣ улучшенія въ условіяхъ труда, которыя достигаются экономической борьбою профессіональныхъ союзовъ, не могутъ считаться прочными: капиталисты, выждавъ болѣе удобнаго для себя момента когда на рынкѣ труда спросъ на рабочія руки малъ, а предложеніе велико, вновь уменьшаютъ плату, удлиняютъ рабочій день и т. под.; рабочимъ приходится тогда или подчиниться, или начать новую борьбу при самыхъ невыгодныхъ, самыхъ тяжелыхъ условіяхъ.

Все это приводитъ рабочихъ къ убѣжденію, что необходимо законодательное закрѣпленіе сдѣланныхъ ими въ экономической борьбѣ завоеваній, законодательныя улучшенія условія труда. Необходимо, чтобы государственная власть охраняла жизнь, здоровье, интересы рабочихъ, чтобы къ этому ее обязывали соотвѣтственные законы. Но такъ какъ государство вообще есть организація классоваго господства, а современное государство—организація господства буржуазіи, то его только путемъ принужденія, только путемъ борьбы можно заставить издать и соблюдать законы, ограждающіе интересы рабочаго класса. Отсюда—политическая борьба пролетаріата за фабричные законы, за законы о сокращеніи рабочаго дня, о вознагражденіи за несчастія отъ машинъ, о страхованіи на случай болѣзни и старости и т. п. Борьба эта ведется путемъ стачекъ, путемъ демонстрацій, ведется и неорганизованными рабочими массами, и профессіональными союзами, и политическими рабочими организаціями. Ея завоеванія гораздо прочнѣе и надежнѣе, чѣмъ то, которыя достигаются чисто экономической борьбой, а кромѣ того—они гораздо шире охватываютъ жизнь рабочихъ массъ, потому что законы издаются обыкновенно не для отдѣльныхъ предпріятій или группъ

ихъ, но для цѣлыхъ отраслей промышленности, или даже для всѣхъ нихъ сразу.

Такая политическая борьба не захватываетъ, однако, самыхъ основъ экономической системы, и потому она все-таки можетъ только до извѣстной степени улучшить и смягчить условія жизни рабочаго класса, но не измѣнить ихъ по существу. Коренная *необезпеченность* продолжаетъ тяготѣть надъ всей жизнью рабочаго; при самыхъ лучшихъ фабричныхъ законахъ онъ можетъ во всякое время остаться безъ работы и безъ средствъ къ жизни, потому что остается прежняя анархія производства, прежняя стихійная власть рынка. Если вводится новая машина, или уменьшается на рынкѣ спросъ на тотъ или на иной товаръ, капиталисты *принуждены* выбрасывать на улицу десятки, сотни, тысячи рабочихъ; и этимъ выброшеннымъ никто и ничто при капиталистическомъ строѣ не можетъ гарантировать, что они найдутъ заработокъ. Передъ рабочимъ классомъ, когда онъ доходитъ до яснаго сознанія этой коренной необезпеченности и до сознанія ея зависимости отъ самыхъ основъ капиталистическаго строя, выступаетъ вопросъ о коренномъ преобразованіи общественнаго строя, объ измѣненіи его основъ, устраняющемъ анархію производства. Тогда рабочій классъ начинаетъ организоваться для борьбы за уничтоженіе частной собственности на землю и всѣ средства труда, и за передачу всего этого въ собственность общества, какъ цѣлаго, планомѣрно-организующаго производство. Эта *борьба за соціализмъ* ведется, конечно, также въ формѣ политической борьбы, и она-то создаетъ общую для цѣлой страны политическую организацію рабочаго класса и международный союзъ такихъ организацій—соціальдемократическія партіи и международные съѣзды съ ихъ исполнительными органами.

Въ этой борьбѣ за коренное переустройство соціальной системы профессіонально-экономическая борьба, и борьба за фабричные законы получаютъ новое значеніе, какъ *средства* на пути къ конечной цѣли, какъ способъ развивать энергію и организованность и практическія способности рабочаго класса въ его основной борьбѣ.

Въ странахъ несвободныхъ, гдѣ господствующіе буржуазные, а въ самыхъ отсталыхъ странахъ—и феодальные классы стѣсняютъ въ своихъ интересахъ всякую политическую жизнь рабочаго класса и всякое развитіе его самосознанія, тамъ и борьба профессіонально-экономическая и борьба за фабричные законы, и борьба за соціализмъ вызываютъ, какъ свое необходимое средство и условіе, борьбу за гражданскую свободу и демократическое государственное устройство. Въ *этой* борьбѣ рабочій классъ можетъ находить себѣ союзниковъ въ сознательныхъ крестьянахъ, ремесленникахъ, въ представителяхъ плохо оплачиваемаго умственнаго труда—вообще, въ низшихъ классахъ буржуазнаго общества, экономически и политически угнетаемыхъ классами высшими.

Профессіональная борьба и борьба за фабричные законы особенно широко и успѣшно развивается въ странахъ съ наиболѣе обширнымъ рынкомъ, а значитъ и наиболѣе обширнымъ спросомъ на рабочую силу:

таковы были до 900-хъ годовъ Англія и Америка. Движеніе же соціальдемократическое наиболѣе сильно выступаетъ не въ этихъ странахъ, и вообще не въ тѣхъ, которыя всего дальше ушли по пути развитія промышленнаго капитала, а скорѣе въ тѣхъ, которыя отличаются наиболѣе быстрымъ его развитіемъ въ данное время, какъ Германія. Но затѣмъ, на почвѣ завоеваній этого движенія, и профессіональная борьба и фабричные законы начинаютъ развиваться съ такой быстротой, что и въ этомъ отношеніи такія страны имѣютъ всѣ шансы скоро догнать и перегнать страны стараго капитализма.

Особую форму рабочихъ организацій представляютъ потребительныя и ссудо-сберегательныя товарищества, которыя, впрочемъ, не менѣе распространены въ средѣ крестьянства и городской мелкой буржуазіи, чѣмъ въ собственно рабочей средѣ. Цѣль подобныхъ организацій—улучшеніе условій жизни рабочихъ путемъ мелкихъ коммерческихъ операцій: болѣе дешевой оптовой покупки жизненныхъ средствъ (потребительныя товарищества), мелкаго взаимнаго кредита (ссудо-сберегательныя) и т. п. Всеобщаго улучшенія въ матеріальныхъ условіяхъ жизни рабочихъ такія организаціи вызвать сами по себѣ, независимо отъ профессіональныхъ и политическихъ союзовъ, не могутъ, ибо если бы онѣ и охватили весь рабочій классъ, то, согласно закону стоимости, покупатели рабочей силы получили бы возможность немедленно понизить заработную плату на такую сумму, какая сберегается для каждаго рабочаго его участіемъ въ подобныхъ ассоціаціяхъ; и только дѣятельность профессіональныхъ, политическихъ и т. п. союзовъ можетъ упрочить пріобрѣтенное повышеніе уровня жизни. Въ общемъ процессѣ экономическаго развитія значеніе потребительныхъ и ссудо-сберегательныхъ ассоціацій таково, что онѣ ускоряютъ своей конкурренціей гибель мелкихъ торговцевъ и мелкихъ ростовщиковъ. Такъ какъ интересовъ капитала онѣ не затрагиваютъ, то нерѣдко состоятъ подъ покровительствомъ предпринимателей.

Нѣсколько болѣе высокій типъ рабочихъ организацій представляютъ производительныя товарищества. Это группы рабочихъ, имѣющія въ своемъ распоряженіи средства производства и ведущія собственныя предпріятія. Такимъ образомъ, члены этихъ ассоціацій являются и предпринимателями, и рабочими одновременно. Подобныя организаціи способны довольно значительно улучшить матеріальное положеніе своихъ членовъ, устраняя переходъ прибыли въ руки капиталиста.

Но только въ рѣдкихъ случаяхъ производительныя ассоціаціи могутъ основываться безъ посторонней помощи (въ родѣ, напр., помощи отъ государства): при современной техникѣ для начала предпріятія необходимъ, обыкновенно, значительный капиталъ. Далѣе, веденіе дѣла производительной ассоціаціей представляетъ большія трудности; непривычка рабочихъ къ совмѣстной организаторской дѣятельности въ производствѣ, незначительность ихъ капитала, враждебное отношеніе капиталистовъ, которымъ при ихъ крупныхъ средствахъ иногда удается конкурренціей подорвать предпріятіе рабочихъ, и т. д.

Организуясь среди капиталистическихъ отношеній, производительныя ассоціаціи при благопріятныхъ условіяхъ радикально улучшаютъ положеніе своихъ членовъ, т.-е. сравнительно немногихъ рабочихъ. Тогда интересы этихъ немногихъ начинаютъ рѣзко расходиться съ интересами остальныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, присоединять новаго члена на равныхъ условіяхъ со старыми для ассоціаціи становится прямо невыгоднымъ, когда у нея уже имѣется порядочный капиталъ. Если у ассоціаціи накопилось, напр., по 1.000 рублей на человѣка, то принимать новаго члена безъ тысячи рублей значитъ для нея просто дѣлиться своей прибылью съ другими.

Вообще нѣтъ ничего легче, какъ превращеніе рабочихъ предпринимателей въ особую аристократію среди рабочихъ. Нерѣдко случается, что производительныя ассоціаціи нанимаютъ себѣ постороннихъ работниковъ и платятъ имъ только обычную плату (напр., знаменитый „фамилистеръ" въ Гизѣ). Въ своемъ развитіи производительныя ассоціаціи стремятся перейти въ акціонерныя компаніи. Онѣ, въ сущности, только увеличиваютъ мелкую буржуазію. Нерѣдко онѣ и устраиваются не изъ чистыхъ работниковъ, а изъ производителей мелкобуржуазнаго типа, напр., крестьянскія артели въ Россіи. До сихъ поръ производительныя ассоціаціи сравнительно рѣдко имѣли успѣхъ.

Гораздо устойчивѣе и жизненнѣе потребительно-производительныя ассоціаціи. Накопивши большія средства, потребительныя общества устраиваютъ собственныя мастерскія, фабрики для производства нѣкоторыхъ, наиболѣе потребляемыхъ членами общества товаровъ. При этомъ для производимыхъ товаровъ сбытъ оказывается болѣе или менѣе обезпеченнымъ, и производство можетъ идти успѣшно, а рабочіе предпріятій обыкновенно получаютъ при этомъ сравнительно хорошую заработную плату и пользуются выгодами участія въ потребительной ассоціаціи.

Политическая борьба рабочихъ за улучшеніе экономическихъ условій ихъ жизни и труда въ рамкахъ современнаго строя порождаетъ фабричное законодательство.

Фабричное законодательство заключается въ томъ, что государство вмѣшивается въ организаторскую дѣятельность отдѣльныхъ капиталовъ и ограничиваетъ свободу договора между капиталомъ и трудомъ. Для государства потребность въ такомъ ограниченіи возникаетъ изъ столкновенія интересовъ отдѣльныхъ предпринимателей съ интересами всего капиталистическаго общества. Какія бы формы ни принимало въ различныхъ случаяхъ фабричное законодательство—ограниченіе рабочаго дня, установленіе отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи отъ машинъ, контроль за гигіеничностью условій работы и т. д.—по существу, дѣло сводится къ одному—къ измѣненію «заработной платы» въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, къ измѣненію доли рабочихъ въ общественномъ распредѣленіи.

Чтобы выяснить, какимъ способомъ машинное производство, реформируя всѣ отношенія, создаетъ необходимость фабричныхъ законовъ, остановимся на частномъ примѣрѣ—на Англіи. Англія, какъ страна, гдѣ машинный капитализмъ развился всего раньше, раньше всѣхъ другихъ странъ приступила и къ фабричному законодательству.

Когда стремленіе капитала къ удлиненію рабочаго дня и къ пониженію заработной платы привело къ многимъ крайностямъ, угрожавшимъ рабочему классу вырожденіемъ, тогда обнаружилось, что въ измѣненіи такихъ условій заинтересованы не только сами рабочіе, энергично вступившіе въ борьбу за фабричные законы, но также и многіе другіе элементы общества. Во-первыхъ, землевладѣльческій классъ имѣлъ не мало основаній отнестись сочувственно къ стремленіямъ рабочихъ: всякое улучшеніе условій жизни рабочихъ, повышая ихъ потребности, повышаетъ ихъ спросъ на предметы потребленія, изъ которыхъ значительная часть производится въ земледѣліи: а усиленный спросъ на продукты земледѣлія означаетъ повышеніе ренты; кромѣ того, вражда землевладѣнія съ про-

мышленнымъ капиталомъ изъ-за ренты и прибыли располагала, вообще, землевладѣльцевъ выступить противъ промышленныхъ капиталистовъ и въ [illegible] фабричныхъ законахъ. Мелкая буржуазія склонна была проявить дѣятельное сочувствіе къ рабочимъ по двумъ главнымъ причинамъ: отчасти, въ силу той же вражды къ крупному капиталу, который побиваетъ мелкую буржуазію во всѣхъ областяхъ конкурренціи; отчасти, въ силу непосредственнаго состраданія къ тяжкому положенію работниковъ, изъ которыхъ иные еще недавно принадлежали къ мелкой буржуазіи, и въ положеніе которыхъ многіе изъ мелкихъ буржуа сами легко попадаютъ при неблагопріятныхъ условіяхъ. Болѣе просвѣщенные изъ капиталистовъ, способные подняться надъ интересами даннаго предпріятія и данной минуты, понимали, что нѣкоторое повышеніе жизненнаго уровня рабочихъ окажется даже выгоднымъ для самого капитала, такъ какъ улучшатся качество и интенсивность работы. Просвѣщенной англійской бюрократіи тѣ же соображенія были доступны еще въ большей мѣрѣ.

Въ результатѣ всѣхъ такихъ условій у рабочаго класса въ его борьбѣ за фабричные законы нашлись сильные союзники, и явилось законодательное ограниченіе рабочаго дня, первоначально только для женщинъ, подростковъ и дѣтей, какъ тѣхъ элементовъ рабочаго класса, отъ которыхъ непосредственно зависятъ здоровье и сила его послѣдующихъ поколѣній. Но при этомъ рабочій день взрослыхъ мужчинъ по большей части ограничивался самъ собою, такъ какъ женщины и дѣти составляли значительную часть работниковъ, и продолжать производство безъ нихъ оказывалось неудобнымъ и невыгоднымъ.

До фабричныхъ законовъ 14—15-тичасовой день былъ довольно обычнымъ явленіемъ. Уже 14-тичасовой день оставляетъ человѣку меньше двухъ часовъ на удовлетвореніе всѣхъ его высшихъ человѣческихъ потребностей, если считать 8 часовъ на сонъ. А между тѣмъ мѣстами можно было встрѣтить и 18-тичасовой день.

По закону 1833 года, рабочій день въ важнѣйшихъ отрасляхъ промышленности былъ ограниченъ 12 часами. Затѣмъ, послѣ ряда другихъ мелкихъ реформъ въ томъ же направленіи, законъ 1847 года довелъ рабочій день до 10 часовъ. За это же время была постепенно организована фабричная инспекція, особый государственный органъ для проведенія фабричныхъ законовъ въ жизнь и для преслѣдованія ихъ нарушеній. Благодаря сравнительно независимому положенію, которое дано было англійскимъ инспекторамъ въ ихъ дѣятельности, фабричные законы стали полнѣе осуществляться на практикѣ. (Отчеты англійскихъ инспекторовъ впервые познакомили Европу съ истиннымъ положеніемъ рабочаго класса, и дали богатый матеріалъ для изслѣдованія законовъ капиталистическаго строя).

Въ странахъ отсталыхъ по своему политическому строю, какъ Россія, фабричная инспекція не обладаетъ ни достаточной независимостью, ни достаточной просвѣщенностью и гуманностью, чтобы энергично отстаивать выполненіе законовъ, ограждающихъ интересы рабочихъ. Поэтому въ значительной степени законы эти остаются на бумагѣ.

Послѣ первыхъ шаговъ въ области фабричнаго законодательства послѣдующіе обходятся сравнительно дешевле, стоятъ меньшихъ усилій. Между прочимъ, если законодательныя ограниченія вводятся только въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, то капиталисты этихъ отраслей являются сторонниками дальнѣйшаго распространенія этихъ законовъ на другія производства, не желая, чтобы другіе капиталисты имѣли преимущество передъ ними въ дѣлѣ накопленія. Точно также, если, въ силу мѣстныхъ условій, одной части капиталистовъ приходится довольствоваться менѣе значительнымъ рабочимъ днемъ, чѣмъ остальнымъ, то эти капиталисты нерѣдко склонны бываютъ отстаивать законодательную нормировку рабочаго дня всей страны, нормировку въ такихъ только предѣлахъ, чтобы ихъ конкурренты потеряли свое преимущество передъ ними, а сами они не пострадали бы вовсе. Такъ, въ 1896 году, во время большихъ стачекъ въ Петербургѣ и др. мѣстахъ Россіи, стачекъ, въ которыхъ главнымъ требованіемъ являлось сокращеніе рабочаго дня, лодзинскіе хлопчатобумажные фабриканты, которые уже раньше вынуждены были энергичною борьбою своихъ рабочихъ сократить рабочій день, стояли за сокращеніе его закономъ для всей страны, чтобы ихъ конкурренты изъ московскаго района, у которыхъ рабочій день былъ очень длинный, лишились этого преимущества передъ ними.

Значеніе нормировки рабочаго дня для производства таково: давая рабочимъ возможность жить болѣе сознательной жизнью, она создаетъ условія для улучшенія качества и повышенія интенсивности труда. Является возможность увеличивать скорость машинъ, поручать одному рабочему большее ихъ число, чѣмъ прежде, и т. п. Благодаря этому, уже вскорѣ послѣ введенія сокращеннаго дня оказывается, что ежедневная полезная затрата трудовой энергіи больше, чѣмъ прежде: что 12-тичасовой день представляетъ болѣе значительную сумму труда, чѣмъ 15-тичасовой, 10-тичасовой больше, чѣмъ 12-тичасовой.

Возрастаніе интенсивности труда заставляетъ капиталистовъ скоро примириться съ закономъ о рабочемъ днѣ, такъ какъ прибыль обыкновенно оказывается не меньше, а нерѣдко больше прежней. Впрочемъ, есть предѣлъ, за которымъ сокращеніе рабочаго дня должно уменьшить прибавочную стоимость, такъ какъ дальше извѣстныхъ границъ интенсивность труда идти не можетъ. Трудно сказать, ближе или дальше этой границы лежитъ 8-мичасовой день; во всякомъ случаѣ, при нынѣшнихъ общественныхъ условіяхъ, онъ близокъ къ этой границѣ. (Движеніе въ пользу 8-мичасового дня началось съ 50-хъ годовъ и особенно усилилось съ 1889 года.)

Вначалѣ уменьшеніе рабочаго дня влечетъ за собою уменьшеніе безработицы; но, благодаря быстрому возрастанію интенсивности труда, уменьшеніе это бываетъ только временное: вскорѣ оказывается возможность обходиться съ прежнимъ или еще меньшимъ количествомъ рабочихъ рукъ.

Вслѣдъ за Англіей, и другія капиталистическія страны начали вводить у себя фабричные законы. При этомъ вліяніе исторической среды,

вліяніе мірового капитализма на остальныя страны выразилось въ томъ, что имъ фабричное законодательство достается вообще легче, цѣною меньшей борьбы (какъ и развитіе промышленнаго капитализма идетъ въ нихъ сравнительно быстрѣе).

Во всѣхъ странахъ законодательство шагъ за шагомъ захватывало различныя стороны фабричнаго дѣла. Прежде всего, оно ограничивало, обыкновенно, трудъ женщинъ и дѣтей. Работа дѣтей до извѣстнаго возраста по большей части вовсе воспрещается (въ Россіи до 12 лѣтъ). Затѣмъ мѣстами законъ ограничилъ даже рабочее время взрослыхъ мужчинъ. (Въ Россіи первый шагъ въ этомъ направленіи, правда, шагъ очень незначительный и ненадежный, дѣлаетъ законъ 2 іюня 1897 года, явившійся результатомъ упомянутыхъ выше стачекъ 1896 года).

Кое-гдѣ закономъ воспрещена ночная работа для женщинъ и дѣтей (въ Швейцаріи также для мужчинъ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ предпріятій, въ которыхъ сама техника требуетъ непрерывнаго производства). Значеніе этого закона очевидно: не говоря уже о прямомъ вредѣ ночной работы для здоровья людей, она служитъ еще сильнымъ источникомъ нездороваго развитія половой жизни среди рабочаго класса.

Затѣмъ, во многихъ странахъ законъ устанавливаетъ правила относительно чистоты въ мастерскихъ, относительно ихъ вентиляціи, относительно мѣръ предосторожности противъ вредныхъ производствъ и опасныхъ машинъ.

Жертвами нездоровыхъ условій производства гибнутъ ежегодно многія тысячи людей; но эти жертвы не поддаются прямому учету—о нихъ можно только косвенно судить по громадной смертности въ той или другой отрасли производства. Относительно же числа людей, раненыхъ и убитыхъ при производствѣ, статистика существуетъ, и для государствъ Западной Европы даже довольно точная. Изъ этой статистики видно, что, напр., въ Германіи за одинъ 1894 годъ общее число несчастныхъ случаевъ съ работниками было 216.000, а число убитыхъ равнялось 6.000 человѣкъ, да около 3.000 вслѣдствіе сильныхъ увѣчій лишились навсегда возможности работать. Насколько важными оказываются на практикѣ законы о мѣрахъ предосторожности противъ несчастныхъ случаевъ, видно, напр., изъ слѣдующаго: въ Англіи въ 1874 году на желѣзныхъ дорогахъ было убитыхъ—1 изъ 320 рабочихъ, раненыхъ—1 изъ 89; въ 1894 году, когда уже дѣйствовали нѣкоторые законы о мѣрахъ огражденія, убитыхъ было въ 2½ раза меньше: 1 изъ 796, раненыхъ почти вдвое меньше—1 изъ 140.

Въ нѣкоторыхъ странахъ фабричное законодательство опредѣляетъ отвѣтственность предпринимателей за несчастія съ рабочими при производствѣ.

Въ нѣкоторыхъ странахъ законъ организуетъ страхованіе рабочихъ на случай болѣзни, увѣчья, старости—иногда съ обязательнымъ участіемъ предпринимателей въ страховыхъ кассахъ.

Мѣстами фабричное законодательство обязываетъ хозяевъ имѣть школы для подростковъ и т. п.

Общая экономическая отсталость сельскаго хозяйства сказывается, между прочимъ, въ томъ фактѣ, что законодательная защита сельскихъ рабочихъ выступаетъ позже и проводится въ жизнь въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ защита промышленныхъ рабочихъ,—соотвѣтственно медленному развитію экономической и политической борьбы сельскаго пролетаріата.

Въ развитіи производительныхъ силъ общества законодательная нормировка условій труда имѣетъ громадное положительное значеніе: во-первыхъ, она ускоряетъ техническій прогрессъ уже тѣмъ, что повышаетъ стоимость рабочей силы, благодаря чему замѣна человѣческой работы машиною становится болѣе выгодной для предпринимателей; во-вторыхъ, она ускоряетъ концентрацію капитала, облегчая гибель мелкихъ предпріятій, которымъ гораздо труднѣе перенести повышеніе затратъ капитала на рабочую силу и на различныя улучшенія обстановки работъ, чѣмъ предпріятіямъ крупнымъ; въ-третьихъ, государственное вмѣшательство лишаетъ каждый отдѣльный капиталъ привилегіи быть единственнымъ и полновластнымъ организаторомъ производства; въ-четвертыхъ, улучшая положеніе рабочаго класса, оно создаетъ болѣе благопріятныя условія для развитія пролетарскаго сознанія и пролетарской борьбы, направленной къ коренному преобразованію общества.

5. Главнѣйшія измѣненія общественной психологіи въ періодѣ машиннаго капитализма.

По своему характеру тѣ измѣненія общественной психологіи, которыя совершаются въ періодѣ машиннаго капитализма, частью представляютъ изъ себя прямое продолженіе тѣхъ, которыя происходили въ предыдущую эпоху, частью значительно отъ нихъ отличаются.

Высвобожденіе личности изъ-подъ формальныхъ стѣсненій и авторитетовъ, унаслѣдованныхъ отъ феодальнаго міра, продолжается и почти завершается во времена машиннаго производства. По отношенію къ буржуазнымъ классамъ общества, этого и пояснять нѣтъ надобности. Что же касается рабочихъ, то въ нихъ уже одинъ переходъ отъ прежней механически-исполнительской роли, какую они играли въ мануфактурномъ производствѣ, къ сознательно-исполнительской, которая по существу близка съ организаторской, вызываетъ расширеніе горизонта мыслей и стремленій. Правда, обладая формальной свободой для развитія, рабочій располагаетъ обыкновенно лишь несравненно меньшей матеріальной свободой, матеріальной возможностью развитія; но и эта послѣдняя мало-по-малу расширяется (рабочіе союзы, фабричное законодательство, повышеніе заработной платы).

Направленіе, въ которомъ измѣняется психологія двухъ основныхъ группъ общества—капиталистовъ и пролетаріевъ—оказывается при этомъ неодинаковымъ. Первые, передавая постепенно организаторскую дѣятельность наемнымъ спеціалистамъ, начинаютъ развиваться по преимуществу въ потребительномъ, т. е. паразитическомъ направленіи;

торые, соотвѣтственно возрастающей сложности своей производственной роли, развиваются, главнымъ образомъ, въ производительномъ направленіи. Эти два типа развитія устанавливаются съ теченіемъ времени все прочнѣе въ ихъ взаимномъ соотвѣтствіи; къ чему это должно въ концѣ-концовъ вести, представить себѣ нетрудно.

Возрастаніе того познавательнаго матеріала, на который опирается дальнѣйшее развитіе, соотвѣтствуетъ общему возрастанію производства. Познаніе причинности явленій непрерывно расширяется. Натуральный фетишизмъ теряетъ всякую почву; отъ него сохраняются лишь ничтожные обломки.

Фетишизмъ товарный сохраняется, такъ какъ сохраняется то неорганизованное общественное раздѣленіе труда, которое его порождаетъ. Однако фетишизмъ этотъ не въ равной мѣрѣ господствуетъ надъ психологіей двухъ основныхъ общественныхъ группъ. Вполнѣ удерживаетъ онъ свою силу только по отношенію къ предпринимательской группѣ, для которой неорганизованное раздѣленіе труда имѣетъ въ жизни наибольшее непосредственное значеніе, для которой матеріальныя условія дѣятельности имѣютъ форму мѣновой собственности, для которой борьба за существованіе все болѣе сводится къ ряду мѣновыхъ процессовъ. Наоборотъ, въ жизни рабочаго класса все большую роль играютъ организованныя формы сотрудничества и раздѣленія труда, по своей простотѣ и прозрачности не оставляющія мѣста фетишизму,—связь совмѣстности въ трудовыхъ процессахъ все въ меньшей степени маскируется взаимной борьбой—конкурренціей; производство, а не обмѣнъ играетъ главную роль въ жизни. Отсюда **упадокъ** мѣнового фетишизма въ средѣ этого класса.

На экономическихъ воззрѣніяхъ изучаемой эпохи удобно будетъ полнѣе прослѣдить реформирующее вліяніе машиннаго производства на общественную психологію.

Для Норта, физіократовъ, А. Смита—экономистовъ позднѣйшей стадіи мануфактурнаго періода—характернымъ является глубокое убѣжденіе, что при господствѣ свободной конкурренціи общество должно пользоваться наибольшимъ благосостояніемъ, что въ свободной борьбѣ личныхъ интересовъ создается „справедливое" распредѣленіе. Въ тѣ времена еще слишкомъ мало были развиты, недостаточно ясно выступали отрицательныя стороны развивающагося капитализма. Для массы безземельнаго крестьянства, для всѣхъ, кто потерялъ прежніе источники средствъ къ жизни, мануфактура являлась какъ бы благодѣтельницей, спасавшей отъ голодной смерти. Это давало достаточный матеріалъ для оптимистическаго взгляда экономистовъ—идеологовъ капитала—на новыя формы производства и распредѣленія.

Съ великимъ промышленнымъ переворотомъ конца XVIII вѣка, съ развитіемъ машиннаго производства, многое измѣнилось. Быстрое образованіе капиталистическаго резерва, крайности женскаго и дѣтскаго труда, пониженіе заработной платы, стихійныя возстанія рабочихъ, разрушавшихъ машины, совмѣщеніе въ дѣйствительности національнаго богатства съ народной бѣдностью—все это бросалось въ глаза и требовало объясненія. Экономисты не могли обойти новыхъ вопросовъ поставленныхъ самой жизнью.

Въ то же время передъ экономистами Англіи, какъ идеологами капи-

тала, стояла и чисто практическая задача: содержаніе чрезмѣрно возросшаго капиталистическаго резерва на счетъ налога для бѣдныхъ слишкомъ дорого стоило буржуазіи, урѣзывало ея прибавочную стоимость сильнѣе, чѣмъ желательно было съ точки зрѣнія буржуазіи. Надо было сократить эти расходы до того уровня, который соотвѣтствовалъ бы дѣйствительно необходимой для капитала резервной арміи; для этого надо было найти идеологическія, по возможности научныя основанія.

Таковы были общественныя условія, породившія научную дѣятельность Роберта Мальтуса. Этотъ экономистъ (по своему общественному положенію—протестантскій священникъ) усовершенствовалъ примѣнительно къ новымъ цѣлямъ старыя аскетическія идеи. Онъ объявилъ инстинктъ размноженія виновникомъ всѣхъ соціальныхъ бѣдствій: люди даютъ волю этому инстинкту, и ихъ рождается слишкомъ много, больше, чѣмъ можетъ прокормить земля; голодъ судитъ людей и безъ пощады казнитъ тѣхъ, кому не слѣдовало являться въ міръ—такова воля Провидѣнія, таковъ законъ природы.

Конечно, сама дѣйствительность давала матеріалъ для этой идеи. Наблюдая жизнь отдѣльнаго хозяйства, можно нерѣдко видѣть настоящее „чрезмѣрное", т.-е. не соотвѣтствующее средствамъ семьи размноженіе. Выводъ, полученный изъ наблюденія надъ частными хозяйствами, стоило только перенести на все общество,—а такой пріемъ былъ очень привыченъ старымъ буржуазнымъ экономистамъ,—и получилось мальтузіанство.

Но развѣ ужъ природа такъ бѣдна, что не въ состояніи прокормить всѣхъ живущихъ людей и еще многіе милліоны? Нѣтъ отвѣчаетъ Мальтусъ,—природа безконечно богата, но она не такъ легко дѣлится съ человѣкомъ. Какъ бы ни была успѣшна борьба его съ природой, тѣ средства къ жизни, которыя онъ беретъ у нея, не могутъ возрастать съ такою скоростью, какъ число людей. Человѣкъ постоянно побѣждаетъ природу, но все дороже и дороже обходится каждая послѣдующая побѣда. Сегодня земледѣлецъ потратилъ извѣстное количество труда, чтобы добыть изъ своего клочка земли кусокъ хлѣба для своей семьи; завтра у него семья увеличилась, ему надо добыть двойное количество хлѣба; но труда для этого надо затратить, можетъ быть, уже втрое больше, чѣмъ прежде. Чтобы изъ того же участка земли добыть, сверхъ обычнаго, еще такое же количество хлѣба, надо затратить лишняго труда не столько же, а больше, чѣмъ прежде. Каждое новое количество прилагаемаго на данномъ пространствѣ труда оказывается менѣе производительнымъ, чѣмъ прежнее.

Правда, развитіе техники дѣлаетъ трудъ производительнѣе, но оно не можетъ угнаться за увеличеніемъ потребности въ пищѣ.

Положимъ населеніе страны удваивается каждыя 25 лѣтъ (Мальтусъ, на основаніи своихъ разсчетовъ, считаетъ этотъ срокъ не слишкомъ короткимъ). Такъ какъ человѣческая природа остается (по Мальтусу) неизмѣнной, то нѣтъ основанія ожидать, чтобы этотъ срокъ долженъ былъ измѣняться съ теченіемъ времени.

Итакъ, если теперь въ странѣ 1 милліонъ жителей, то черезъ 25 лѣтъ будетъ 2 милліона, черезъ 50 лѣтъ—4 милліона, черезъ 75 лѣтъ—8 милліоновъ и т. д.; черезъ 250 лѣтъ населеніе должно достигнуть 1.024 милліона. При этомъ пусть вначалѣ въ странѣ добывалось 100 милл. пудовъ хлѣба, по 100 пудовъ на человѣка, что и представляетъ, положимъ, норму необходимыхъ средствъ существованія.

Насколько же можетъ возрасти за это время производство средствъ къ жизни? Съ ходомъ общественнаго развитія производительность земли возрастаетъ, но, по Мальтусу, это будетъ уже много-много, если каждое новое поколѣніе сумѣетъ извлечь изъ земли на 100 милліоновъ пудовъ больше, чѣмъ предыдущее. Мальтусъ замѣчаетъ, что если бы, напримѣръ, въ Англіи прогрессъ земледѣлія шелъ такой скоростью, то страна въ

нѣсколько столѣтій обратилась бы въ одинъ сплошной садъ. Слѣдовательно.

черезъ	25 л.	производится	200	милл. пуд.	по	100	пуд.	на	человѣка:
„	50 „	„	300	„	уже „	75	„	„	„
„	75 „	„	400	„	„ „	50	„	„	„ .

и т. д. А такъ какъ необхомимо 100 пудовъ на человѣка, то очевидно, что часть населенія окажется лишней, и чѣмъ дальше, тѣмъ большая часть. Эта часть обречена на погибель отъ голода, болѣзней и т. под. причинъ.

Итакъ, вотъ откуда явился безработный: по Мальтусу, это лишній человѣкъ, котораго родители не должны были производить на свѣтъ. Рѣшеніе пастора-экономиста таково:

„Законы природы, которые въ то же время суть и законы Бога, осудили его и его семейство умереть съ голоду за неповиновеніе ихъ повторреннымъ внушеніямъ".

„Человѣкъ, который родился въ мірѣ, уже занятомъ,—если онъ не имѣетъ средствъ существованія отъ своихъ родителей, и если общество не нуждается въ его работѣ, такой человѣкъ не имѣетъ никакого права ни на малѣйшій кусокъ пищи. Ему незачѣмъ быть тамъ, гдѣ онъ находится: на роскошномъ пиру природы для него нѣтъ свободнаго прибора, и она приглашаетъ его удалиться".

Отсюда два практическихъ вывода:

Во-первыхъ, человѣкъ только тогда имѣетъ право производить на свѣтъ ребенка, когда находитъ возможнымъ навѣрное прокормить его. Въ противномъ случаѣ, человѣкъ нравственно обязанъ воздерживаться отъ брачной жизни.

Во-вторыхъ, всякая благотворительность—и государственная, и частная—не имѣетъ никакого смысла. Она безполезна, потому что не остановитъ дѣйствія „великаго закона Природы и Бога"; она вредна, потому что замедляетъ это дѣйствіе и даетъ лишнимъ людямъ возможность дольше мучиться на землѣ. „Даже если къ нему (голодному) протянется рука частной благотворительности,—говоритъ Мальтусъ,—то интересы человѣчества требуютъ. чтобы эта помощь была какъ можно болѣе скупой" Съ этой точки зрѣнія войны, эпидеміи, болѣзни—великіе благодѣтели человѣчества, избавляющіе его отъ излишняго населенія.

Итакъ, Мальтусъ полагалъ, что избыточное населеніе существующее во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, есть результатъ абсолютнаго перенаселенія, что оно порождается физіологическими причинами, и рано или поздно становится неизбѣжнымъ при всякихъ условіяхъ общественнаго развитія.

Соображенія эти, какъ было выяснено, правильны по отношенію къ натурально-хозяйственнымъ обществамъ съ ихъ застойной неподвижной техникой. Но именно современный міръ съ его стремленіемъ къ безграничному росту прозводительныхъ силъ, съ его поразительно быстрымъ увеличеніемъ суммы общественнаго богатства не даетъ никакихъ основаній говорить объ абсолютномъ перенаселеніи. Современное перенаселеніе есть относительное, т.-е. имѣетъ свою основу въ общественныхъ, а не въ общихъ біологическихъ условіяхъ, и зависитъ не отъ застойности техники, а, наоборотъ, отъ ея быстраго прогресса при данной системѣ отношеній между людьми.

О чрезмѣрномъ розмноженіи во всякомъ случаѣ не приходится говорить теперь, когда національное богатство капиталистическихъ странъ возрастаетъ гораздо быстрѣе населенія, когда даже англійскій углекопъ, одинъ изъ наилучше оплачиваемыхъ работниковъ земного шара, получаетъ въ видѣ заработной платы $^{15}/_{32}$ (47%) всей созданной его трудомъ стоимости (по даннымъ 1893 года). Особенно ясно выступаетъ несостоятельность теоріи Мальтуса въ такихъ фактахъ, какъ увеличеніе избыточнаго населенія сра-

зу на сотни тысячъ человѣкъ—во время кризисовъ, и сокращеніе ея до прежнихъ размѣровъ года черезъ 2—3: размноженіе не можетъ идти такими волнами.

Размноженіе само подчиняется въ наше время потребностямъ производства. Привлекая къ производству массу женщинъ и дѣтей, капиталъ поощряетъ ранніе браки и даетъ толчекъ усиленному размноженію; въ результатѣ оказывается, что тѣ же дѣти, достигая зрѣлаго возраста, становятся излишними для производства, переходятъ въ избыточное населеніе. Быстрѣе всего размножается та часть рабочихъ, которая всего хуже оплачивается; всего медленнѣе та, которая получаетъ наиболѣе высокую плату. Положеніе это подтверждается массою наблюденій, и находится въ очевидной связи съ тѣмъ фактомъ, что именно въ низшихъ наиболѣе простыхъ и всего хуже оплачиваемыхъ видахъ труда наиболѣе распространяется трудъ женщинъ и дѣтей, поощряющій размноженіе.

Ученіе Мальтуса о необходимости „нравственнаго воздержанія" низшихъ классовъ отъ брачной жизни подверглось съ теченіемъ времени весьма любопытному превращенію въ доктринахъ „ново-мальтузіанцевъ". Полагая, что „нравственное воздержаніе" доступно только немногимъ, исключительнымъ натурамъ, ново-мальтузіанцы предложили вмѣсто того примѣнять нѣкоторые медицинскіе пріемы, посредствомъ которыхъ избѣгаются естественныя послѣдствія любви. Ученіе это довольно сильно распространилось на Западѣ за послѣднія 30—40 лѣтъ, распространилось, несмотря на свое явное противорѣчіе съ общепринятыми нравственными воззрѣніями. Оно находитъ для себя почву, главнымъ образомъ, среди мелкой и отчасти средней буржуазіи, и ускоряетъ упадокъ этихъ классовъ; а во Франціи, гдѣ эти классы особенно многочисленны, ново-мальтузіанская практика вызвала даже угрожающую прогрессу страны задержку въ ростѣ народонаселенія. Утопичное въ своей основѣ (мысль, что можно устранить соціальныя бѣдствія, сокративъ только размноженіе), ученіе ново-мальтузіанцевъ находитъ мало сторонниковъ среди пролетарскихъ элементовъ общества.

Классическая школа буржуазныхъ экономистовъ завершила свое развитіе въ работахъ Давида Рикардо.

Капиталистъ и банкиръ, жившій среди уже значительно развитыхъ отношеній машиннаго капитализма Англіи, Рикардо съ большей точностью и полнотой изслѣдовалъ капиталистическое хозяйство, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ. Подобно имъ, онъ анализируетъ общественныя отношенія исключительно съ точки зрѣнія интересовъ производства. Вотъ какъ характеризовалъ его одинъ русскій писатель 40-хъ годовъ прошлаго вѣка:

„У Рикардо это одностороннее направленіе доходитъ до послѣдней крайности... Государства разсматриваются, какъ мастерскія, въ которыхъ производятся богатства; человѣкъ, какъ машина, которая производитъ или потребляетъ, а жизнь человѣка не болѣе не менѣе какъ капиталъ. Въ этомъ страшномъ мірѣ все взвѣшивается, все исчисляется, и экономическіе законы, подобно роковой, неумолимой необходимости, управляютъ явленіями".

Важная научная заслуга Рикардо состоитъ въ томъ, что онъ послѣдовательно примѣнялъ въ своемъ экономическомъ анализѣ теорію трудовой стоимости; между прочимъ это позволило ему ясно понять и выразить противоположность классовыхъ интересовъ, которую отчасти не понимали, отчасти затушевывали его предшественники.

Методъ Рикардо—исключительно дедуктивный: за предпосылку берутся развитыя капиталистическія отношенія, основнымъ двигателемъ человѣческихъ дѣйствій признается личный интересъ, и выясняется, какъ при такихъ условіяхъ должны складываться отношенія людей.

По Рикардо цѣнность товаровъ опредѣляется среднимъ количествомъ заключающагося въ нихъ труда. Такимъ образомъ цѣнность образуется **въ производствѣ**, и на рынокъ товаръ является уже съ опредѣленной

цѣнностью. Отсюда выводъ, что цѣнность товара *распадается*: на заработную плату, прибыль и ренту. Три класса лицъ—капиталистъ, землевладѣлецъ и рабочій—дѣлятъ между собою созданную цѣнность. При дѣлежѣ если одному достанется больше, то другимъ меньше. Въ этомъ заключается указанная Рикардо противоположность классовыхъ интересовъ. (По воззрѣніямъ Смита, цѣна товаровъ *слагается* изъ заработной платы, прибыли и ренты; при этомъ возрастаніе каждой доли можетъ происходить и не на счетъ другихъ.

Рикардо впервые далъ научную, хотя и не вполнѣ законченную, а въ отдѣльныхъ частностяхъ даже не вполнѣ правильную теорію ренты. Сущность ея такова.

Рента есть плата за пользованіе даровыми силами природы: люди, которые захватили въ монополію землю и ея природныя богатства, берутъ дань съ общества въ видѣ ренты. Самыя плохія изъ занятыхъ подъ обработку земель не даютъ уже ренты, а даютъ только прибыль на вложенный въ землю капиталъ (абсолютная рента не существуетъ для Рикардо). Земли болѣе плодородныя приносятъ больше обычнаго процента прибыли; излишекъ сверхъ прибыли есть рента. Если участокъ земли не даетъ даже обычной прибыли на вложенный капиталъ, то прекращаютъ обработку этого участка. Если и худшая земля даетъ больше обычной прибыли, то приступаютъ къ обработкѣ еще менѣе плодородныхъ, никѣмъ не занятыхъ земель.

Съ теченіемъ времени, благодаря росту населенія, спросъ на жизненныя средства—продукты земли—все болѣе увеличивается; а цѣны на нихъ возрастаютъ еще быстрѣе, такъ какъ безъ этихъ предметовъ потребленія обходиться всего труднѣе. Начинаютъ обрабатывать все болѣе и болѣе плохіе участки земли, вкладываютъ больше капитала въ тѣ, которые уже заняты для земледѣлія. Вслѣдствіе этого, рента съ теченіемъ времени возрастаетъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и заработная плата: она опредѣляется стоимостью необходимыхъ средствъ къ жизни; а эти средства—прежде всего хлѣбъ и мясо—становятся все дороже съ увеличеніемъ ренты; такимъ образомъ, заработная плата въ деньгахъ возрастаетъ, если даже потребности рабочихъ не развиваются.

Съ возрастаніемъ ренты и заработной платы прибыль должна уменьшаться. Если два участка въ дѣлежѣ берутъ себѣ больше, то третьему—капиталисту—достанется меньше. Такова, по Рикардо, причина постепеннаго пониженія процента прибыли. (Другая, болѣе существенная причина пониженія процента прибыли—относительное уменьшеніе перемѣннаго капитала—ускользаетъ отъ Рикардо).

Заработную плату Рикардо изслѣдовалъ менѣе удачно, чѣмъ ренту. Подобно Смиту, онъ считаетъ заработную плату цѣнностью труда. Между тѣмъ, трудъ самъ опредѣляетъ собою цѣнность всѣхъ товаровъ и цѣнности имѣть не можетъ: цѣнностью извѣстнаго количества труда могло-бы быть только это же самое количество труда, и за 10-ти часовой трудъ пришлось бы отдавать продуктъ 10-ти часового труда; при этомъ невозможна была бы прибавочная цѣнность. Буржуазнымъ экономистамъ, вообще, не удалось дойти до понятія о *рабочей силѣ*, о томъ, что покупается не трудъ, а возможность труда, сила работника.

Что касается величины заработной платы, то Рикардо установилъ относительно нея общій законъ, впослѣдствіи прозванный „желѣзнымъ“, по которому заработная плата держится съ небольшими колебаніями около уровня цѣны необходимыхъ жизненныхъ средствъ. Въ основаніе этого закона онъ кладетъ ученіе Мальтуса о размноженіи. При всякомъ повышеніи заработной платы выше нормы необходимыхъ средствъ рабочіе начинаютъ быстрѣе размножаться, такъ какъ браки становятся чаще и смертность меньше. Усиленное размноженіе быстро создаетъ избытокъ населе-

нія, предложеніе рабочихъ рукъ начинаетъ превышать спросъ и заработная плата падаетъ ниже уровня необходимыхъ средствъ. Тогда голодъ и болѣзни, истребляя излишекъ рабочихъ, скоро снова возстановляютъ равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ.

Законъ заработной платы Рикардо невѣренъ въ томъ отношеніи, что не допускаетъ общаго и прочнаго ея повышенія, зависящаго отъ измѣненія уровня привычныхъ потребностей работника, создаетъ для нея *неизмѣнную* норму. Еще болѣе невѣрна обосновка этого закона на ученіи Мальтуса: измѣненія капиталистической резервной арміи, съ одной стороны, и степень сплоченности рабочихъ на рынкѣ труда, съ другой стороны,—вотъ дѣйствительныя условія, опредѣляющія высоту заработной платы.

Между прочимъ, къ числу научныхъ заслугъ Рикардо въ вопросѣ о заработной платѣ относится сдѣланное имъ указаніе на тотъ фактъ, что машины нерѣдко должны ухудшать положеніе трудящихся.

Общій взглядъ Рикардо на экономику статическій, какъ и у Смита: капиталистическая система отношеній представляется ему совершенной, единственно возможной въ дальнѣйшей жизни человѣчества,—взглядъ, какъ нельзя болѣе естественный для буржуазнаго экономиста — идеолога капитала.

Въ основѣ *индивидуалистической* психологіи, проявляющейся въ ученіяхъ экономистовъ-классиковъ, лежатъ тѣ общественныя отношенія, которыя обозначаются, какъ „неорганизованное общественное раздѣленіе труда“, и которыя выражаются въ обмѣнѣ, въ конкурренціи, въ анархіи производства. Но капиталистическое общество развиваетъ и иныя отношенія — связь простого сотрудничества и организованнаго раздѣленія труда, которыя господствуютъ въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго хозяйства, объединяя его производительныхъ членовъ. На почвѣ такихъ связей складывается иная *коллективистическая* психологія, раньше всего и въ наименѣе развитой формѣ выступающая въ ученіяхъ школы *соціалистовъ-утопистовъ*.

Утописты подвергли рѣзкой, энергичной критикѣ современный имъ общественный строй. Ярко выставляя его отрицательныя стороны, они противопоставляли имъ свои идеалы и предлагали цѣлые обширные проекты, выполненіе которыхъ должно было осчастливить человѣчество.

Къ первымъ утопистамъ можно отнести дѣятеля французской революціи Гракха Бабефа. Онъ организовалъ коммунистическій заговоръ, кончившійся полнѣйшей неудачей и гибелью какъ самого Бабефа, такъ и многихъ бабувистовъ.

Потерпѣвъ пораженіе въ кровавой борьбѣ, утопически-соціалистическое теченіе принимаетъ новыя формы и вполнѣ мирный характеръ.

У *Сенъ-Симона* съ его „новымъ христіанствомъ“ соціалистическій идеалъ выраженъ еще довольно неясно. Онъ полагалъ, что *религія* будетъ той силой, которая передѣлаетъ міръ въ духѣ братства, устранитъ раздѣленіе общества, неравенство и борьбу.

Шарль Фурье гораздо отчетливѣе и яснѣе изобразилъ свои идеалы. Онъ далъ полное фантастическое изображеніе будущаго разумнаго общества, подробно описалъ нормальную организацію производства и распредѣленія („фаланстеры“). Нельзя не отмѣтить, какую громадную власть даже надъ такимъ умомъ, какъ Фурье, имѣли господствующія отношенія его времени. Въ организаціи „идеальнаго“ распредѣленія Фурье назначаетъ труду 5 изъ 12 частей всего продукта, капиталу 4 части и „таланту“ 3 части. Получается довольно почтенная норма прибавочной стоимости въ 140%. (Плата „таланту“, очевидно, должна быть отнесена, по крайней мѣрѣ, въ наибольшей своей части, поскольку она не вытекаетъ изъ нормальной высоты потребностей, связанныхъ съ трудовой реализаціей „таланта“,—къ области прибавочной стоимости).

Робертъ Оуэнъ, жившій въ Англіи, среди болѣе развитыхъ экономическихъ отношеній, чѣмъ французскіе утописты, выступилъ уже рѣшительнымъ противникомъ частнаго присвоенія и сторонникомъ общественно-организованнаго производства. Какъ и другіе утописты, онъ ясно рисуетъ свои идеалы, такъ какъ стоитъ все на той же точкѣ зрѣнія—полагаетъ, что идеи сами по себѣ могутъ передѣлать жизнь. Но онъ совершенно свободенъ отъ религіознаго мистицизма, свойственнаго Сенъ-Симону, и философскихъ фантазій, характерныхъ для Фурье.

Всего ярче утопизмъ новой школы выступаетъ въ тѣхъ средствахъ, которыя она предлагала для осуществленія своихъ идеаловъ. Сенъ-Симонъ разсчитывалъ на силу религіи, Фурье и Оуэнъ возлагали самыя пылкія надежды на сочувствіе и содѣйствіе „сильныхъ міра сего", начиная съ королей и кончая крупными капиталистами.

Энергичный англичанинъ и опытный практикъ-предприниматель, Оуэнъ не разъ пытался на дѣлѣ положить основаніе осуществленію своихъ идей. Онъ полагалъ, что путемъ устройства коммунистическихъ ассоціацій можно достигнуть перевоспитанія человѣчества для лучшаго строя; и самъ онъ на частныя, преимущественно на свои собственныя средства основывалъ такія ассоціаціи. Дѣло постоянно оканчивалось неудачей.

Одну изъ важныхъ историческихъ заслугъ Оуэна представляетъ еще отношеніе къ вопросу о рабочемъ днѣ. Установивъ на своей фабрикѣ сокращенный рабочій день, онъ много способствовалъ распространенію идеи о необходимости уменьшенія рабочаго времени. Однимъ изъ первыхъ, онъ печатно выступилъ на защиту государственнаго вмѣшательства въ этой области, и принималъ дѣятельное участіе въ агитаціи 30-хъ годовъ за установленіе рабочаго дня закономъ.

Утописты первыми внесли въ литературу идею измѣняемости общественныхъ формъ. Фурье и еще раньше его Базаръ, ученикъ Сенъ-Симона, изображали въ своихъ произведеніяхъ послѣдовательную смѣну общественныхъ формъ. Но утописты не пытались поставить свои идеалы въ связь съ ходомъ историческаго развитія, не пытались показать, что продолжающаяся смѣна общественныхъ формъ должна привести къ ихъ идеаламъ. Идеалы являлись оторванными отъ дѣйствительности.

Утописты стояли такъ далеко отъ экономической науки своего времени, что вначалѣ ихъ вліяніе на нее было совершенно ничтожно.

Развитіе крупнаго машиннаго производства, до крайности обостряя дѣйствіе конкурренціи, ускоряетъ гибель мелко-буржуазныхъ предпріятій. Пріобрѣтая особенно рѣзкій и мучительный характеръ, процессъ этотъ разрушаетъ прежнюю спокойно-консервативную психологію мелко-буржуазныхъ элементовъ общества, и вызываетъ съ ихъ стороны рядъ попытокъ отстоять свое экономическое существованіе, помѣшать крупному капиталу въ его стремленіи пролетаризировать мелкихъ производителей. Выразителями этого теченія общественной жизни явились мелко-буржуазные экономисты.

Подобно тому, какъ самая мелкая буржуазія въ капиталистической системѣ отношеній занимаетъ среднее, переходное мѣсто между главными общественными классами, экономическія воззрѣнія мелко-буржуазной школы точно также въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ занимаютъ среднее мѣсто между старой и новой политической экономіей.

Сисмонди былъ ярымъ врагомъ капиталистической крупной промышленности. Болѣе, чѣмъ кто-либо другой, онъ отмѣчалъ и подчеркивалъ отрицательные результаты введенія машинъ. Мелкія формы производства были идеаломъ Сисмонди. Такъ какъ свободная конкурренція ведетъ къ ихъ гибели, вполнѣ обезпечивая побѣду крупной промышленности и машинъ, то Сисмонди энергично возставалъ противъ свободной конкурренціи и настаивалъ на необходимости государственнаго вмѣшательства. Въ чемъ именно должно выражаться это вмѣшательство, онъ ясно не опредѣлялъ.

Эта сторона воззрѣній Сисмонди—идея о необходимости поддержать мелкое производство противъ крупнаго—была не только утопичной (осуществить ее уже не было возможности), но и реакціонной (задержка въ развитіи крупнаго производства была бы задержкой въ развитіи общества).

Не малый историческій интересъ представляютъ воззрѣнія Сисмонди на промышленные кризисы. По его мнѣнію, они происходятъ изъ несоотвѣтствія между производствомъ и потребленіемъ. Это несоотвѣтствіе порождается крупной промышленностью, которая, съ одной стороны, чрезвычайно расширяетъ производство, съ другой стороны, уменьшаетъ покупательныя средства массы населенія, разоряя своей конкурренціей мелкихъ производителей и замѣняя рабочихъ машинами. Болѣе глубокая причина кризисовъ—неорганизованность общественнаго производства—ускользала отъ Сисмонди.

Прудонъ, подобно Сисмонди, разсматривалъ общественное хозяйство съ мелко-буржуазной точки зрѣнія; въ то же время, какъ авторъ обширныхъ и сложныхъ плановъ переустройства общественныхъ отношеній въ духѣ равенства, онъ является продолжателемъ старыхъ французскихъ утопистовъ (отличаясь отъ нихъ тѣмъ, что на мѣсто „братства“ склоненъ былъ ставить „взаимность“, принципъ обмѣна).

Утопическіе планы Прудона отличаются большой опредѣленностью и даже внѣшней практичностью. Въ нихъ, кромѣ заботы о поддержаніи гибнущаго мелкаго производства, выступаетъ стремленіе возвратить пролетаризированной части населенія ея прежнюю экономическую самостоятельность.

Прудонъ полагалъ, что главная причина экономической зависимости рабочаго класса лежитъ въ современной организаціи обмѣна и кредита. Производитель принужденъ постоянно отыскивать себѣ рынокъ для товара и зачастую долго дожидаться сбыта; при этомъ мелкіе производители не выдерживаютъ конкурренціи и легко лишаются средствъ производства; а для тѣхъ, съ кѣмъ это разъ случилось, нѣтъ, при нынѣшнихъ общественныхъ условіяхъ, никакихъ способовъ вновь стать самостоятельными производителями—кредитъ существуетъ только для имущихъ.

Слѣдовательно, надо организовать дѣло обмѣна и кредита такимъ образомъ, чтобы, съ одной стороны, мелкій производитель всегда могъ получить достаточную ссуду подъ залогъ произведеннаго товара, вслѣдствіе чего временный недостатокъ сбыта не разстраивалъ бы его дѣла, съ другой стороны — чтобы каждому работнику организованный даровой кредитъ давалъ средства начать самостоятельное дѣло. Тогда всѣ будутъ маленькими капиталистами, и водворится постепенно гармонія интересовъ.

Для достиженія этихъ цѣлей слѣдуетъ основать народный банкъ, въ которомъ каждый производитель могъ бы получать за свой товаръ свидѣтельства на его цѣнность. Такія свидѣтельства обращаются между участниками банка, какъ деньги; ими можно платить за товары; это—народныя деньги. При такихъ условіяхъ для введенія мелкихъ предпріятій не будетъ затрудненія въ недостаткѣ капиталовъ. Расширяющіяся средства банка дадутъ ему затѣмъ возможность организовать даровой кредитъ и для рабочихъ, желающихъ начать самостоятельное дѣло.

Свои планы Прудонъ пытался осуществить на практикѣ; попытка окончилась полной неудачей.

Сущность прудоновскаго утопизма заключается въ томъ, что Прудонъ надѣялся устранить экономическія противорѣчія путемъ организаціи только обмѣна и кредита; между тѣмъ, противорѣчія эти вытекаютъ изъ неорганизованности всего производства. Напримѣръ, перепроизводство и кризисы отнюдь не были бы устранены съ осуществленіемъ проектовъ Прудона.

Кромѣ того, сама исторія осудила на неудачу всякія попытки поддержать въ экономической борьбѣ мелкое производство противъ крупнаго, неизмѣримо выше развивающаго производительность труда.

Воззрѣнія Прудона долгое время пользовались громаднымъ успѣхомъ среди рабочаго населенія Франціи. Это объясняется тѣмъ, что Франція есть страна мелко-буржуазной психологіи по преимуществу. Самымъ многочисленнымъ классомъ въ этой странѣ являются мелкіе земельные собственники (ихъ и сейчасъ еще насчитывается тамъ нѣсколько милліоновъ), у которыхъ складъ мыслей неминуемо долженъ быть мелко-буржуазный. Весьма понятно, что и рабочіе, которые сами вышли изъ мелкой буржуазіи и жили въ ея средѣ, на долгое время прониклись ея взглядами и стремленіями.

Чѣмъ рѣзче сталкиваются въ жизни практическіе интересы различныхъ общественныхъ классовъ и группъ, тѣмъ съ большей опредѣленностью выступаютъ во взаимной борьбѣ классовыя и групповыя идеологіи. Съ теченіемъ времени, классическая школа экономистовъ, выросшая въ атмосферѣ развитого промышленнаго и торговаго капитала Англіи, стала подвергаться нападеніямъ и со стороны идеологовъ крупно-буржуазныхъ классовъ какъ самой Англіи, такъ и другихъ странъ.

Такъ, въ эпоху борьбы изъ-за хлѣбныхъ законовъ, покровительствовавшихъ англійскому земледѣлію, экономисты, стоявшіе на сторонѣ лэндлордовъ, подвергли ожесточенной критикѣ ученіе свободной конкурренціи, во многихъ случаяхъ весьма удачно указывая его слабыя стороны.

Даже для промышленнаго капитала странъ, менѣе развитыхъ, чѣмъ Англія, ученіе классической школы являлось во многихъ отношеніяхъ неподходящимъ.

Въ началѣ нынѣшняго вѣка для зарождающагося капитализма Германіи была очень тяжелая конкурренція развитого англійскаго производства. Свободная торговля оказывалась настоящимъ препятствіемъ прогрессу германской промышленности. Требовалось создать особенно благопріятныя условія для дѣятельности нѣмецкихъ капиталистовъ.

Листъ предложилъ старое, испытанное средство меркантилистовъ—протекціонизъ, высокія таможенныя пошлины. При этомъ Листу приходилось бороться съ либеральной политической экономіей, которая имѣла не мало послѣдователей въ Германіи. То были, по большей части, представители интересовъ торговаго капитала, для котораго свобода торговли желательна въ большинствѣ случаевъ.

Основное положеніе Листа было слѣдующее: „цѣлью экономической политики должно быть полное, разностороннее развитіе производительныхъ силъ страны“.

Изъ этого положенія дѣлается выводъ, что если въ странѣ зарождается обрабатывающая промышленность и ея развитію вредитъ иностранная конкурренція, то надо оградить своихъ предпринимателей отъ неравной борьбы,—оградить высокими пошлинами. Для одного-двухъ поколѣній это будетъ невыгодно: имъ придется за дорогую цѣну покупать плохіе отечественные продукты вмѣсто хорошихъ и дешевыхъ иностранныхъ. Но зато слѣдующія поколѣнія воспользуются выгодами развитой промышленности. Пошлины должны постепенно уменьшаться, чтобы отечественные предприниматели не могли оставаться при одной и той же низкой техникѣ; а когда они окажутся способными конкуррировать съ иностранными капиталистами, то покровительство должно совершенно прекратиться, уступить мѣсто свободной торговлѣ.

Такимъ образомъ, уже Листу въ его борьбѣ со школой свободной конкурренціи приходится до нѣкоторой степени становиться на историческую точку зрѣнія, на точку зрѣнія развитія.

По мѣрѣ того, какъ горизонтъ буржуазной экономической науки расширялся за предѣлы англійскаго капитализма и по мѣрѣ того, какъ фактическія отношенія различныхъ странъ, въ томъ числѣ и Англіи, измѣнялись въ процессѣ развитія, для буржуазныхъ экономистовъ становилось все труднѣе удерживаться на прежней статической точкѣ зрѣнія: сама жизнь принуждала ихъ хотя отчасти воспринять идею развитія.

Въ 30-хъ годахъ въ Англіи, въ 40-хъ годахъ въ Германіи возникла „историческая" школа буржуазной политической экономіи. Наибольшее развитіе получила она въ Германіи. Ея выдающимися представителями были тамъ: Рошеръ, Книсъ, Гильдебрантъ.

Исходя въ своей критикѣ старыхъ доктринъ изъ точки зрѣнія интересовъ германскаго капитала своего времени, экономисты эти уже не отстаивали мнѣнія о полной гармоніи интересовъ при свободной конкурренціи, но находили, что вполнѣ либеральный строй приводитъ къ наибольшему производству и наилучшему распредѣленію. Въ примѣненіи идеи развитія къ экономикѣ школа эта была какъ нельзя болѣе умѣренна. Вотъ основныя положенія, которыя она отстаивала въ наукѣ.

Экономическій строй не есть нѣчто неизмѣнное; онъ способенъ къ развитію. Поэтому его надо изучать исторически, а не только статически,—въ его измѣненіи, а не только такимъ, каковъ онъ есть въ данный моментъ или какимъ онъ является въ абстрактномъ представленіи экономиста. Методъ политической экономіи долженъ быть индуктивный, главнымъ образомъ—статистическій. Изучая національное хозяйство, слѣдуетъ разсматривать его, какъ одно сложное цѣлое, а не какъ простую сумму частныхъ хозяйствъ; неправильно поэтому примѣнять къ національному хозяйству выводы, полученные изученіемъ частнаго хозяйства, какъ дѣлали Смитъ, Рикардо и другіе. Далѣе, въ экономическомъ изслѣдованіи надо принимать во вниманіе зависимость народнаго хозяйства отъ другихъ сторонъ общественной жизни—отъ политики, обычая, господствующихъ идей и т. д. Слѣдуетъ также отрѣшиться отъ воззрѣнія старыхъ экономистовъ, что въ экономической дѣятельности человѣкъ руководится только личнымъ интересомъ: надо принимать во вниманіе и другія побужденія, напр., нравственное чувство.

Воззрѣнія эти далеко не во всемъ представляютъ прогрессъ по сравненію съ классической школой Смита—Рикардо. Такъ, признаніе для мѣнового хозяйства иныхъ движущихъ силъ въ экономической жизни особей, кромѣ личнаго интереса, силъ именно нравственнаго характера—только запутываетъ анализъ: въ дѣйствительности, чисто альтруистическимъ, напр., побужденіямъ нѣтъ мѣста въ мѣновой жизни; они скованы и могутъ проявляться лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Къ чувствамъ и стремленіямъ лично-эгоистическимъ надо было бы прибавить только весьма родственныя имъ соціально-эгоистическія или классовыя, которыя дѣйствительно ярко проявляются въ экономической жизни и имѣютъ въ ея развитіи громадное значеніе.

Гораздо послѣдовательнѣе и полнѣе, чѣмъ „историческая" школа, проводилъ историческую точку зрѣнія въ экономической наукѣ Родбертусъ-Ягецовъ.

Богатый прусскій помѣщикъ, одно время министръ, Родбертусъ былъ, въ сущности, идеологомъ нѣмецкихъ аграріевъ своего времени. Этому нисколько не противорѣчилъ своеобразный оттѣнокъ экономическаго радикализма, замѣтный въ произведеніяхъ Родбертуса. Рѣзко выступившія въ жизни Германіи противорѣчія между интересами еще полуфеодальныхъ землевладѣльцевъ и интересами капиталистовъ легко могли воспитать въ идейномъ представителѣ первой изъ этихъ группъ склонность къ энергичной критикѣ отношеній капитала, а интересы рабочаго класса, не стоявшіе тогда въ такомъ очевидномъ противорѣчіи съ интересами аграріевъ, представлялись удобной точкой опоры для такой критики. Къ тому же экономическій радикализмъ Родбертуса, строго говоря, почти не простирается на его непосредственно-практическую программу.

Въ анализѣ экономическихъ отношеній Родбертусъ [illegible] на теорію трудовой стоимости Рикардо. [illegible] теоретическое значеніе имѣютъ работы Родбертуса по вопросу о распредѣленіи національнаго дохода между общественными классами.

Національный доходъ, по Родбертусу, распадается на заработную плату и „ренту вообще“ (т. е. прибавочный продуктъ). Какъ и Рикардо, Родбертусъ признаетъ, что заработная плата опредѣляется цѣнностью необходимыхъ для работника жизненныхъ средствъ; но, изслѣдуя факты, Родбертусъ приходитъ къ инымъ выводамъ относительно заработной платы, чѣмъ Рикардо.

Рикардо, полагая вслѣдъ за Мальтусомъ, что производительность земледѣльческаго труда понижается съ ходомъ развитія, выводилъ изъ этого неизбѣжность повышенія денежной заработной платы: стоимость, а за ней и цѣны жизненныхъ средствъ работника, производимыхъ главнымъ образомъ въ сельскомъ хозяйствѣ, должны повышаться. Родбертусъ же, опираясь на сдѣланныя до него наблюденія и на современную ему агрономическую науку, доказывалъ, что такой взглядъ совершенно ошибоченъ: и въ сельскомъ хозяйствѣ производительность труда не понижается, а повышается, какъ въ обрабатывающей промышленности, хотя не такъ быстро. Отсюда вытекаетъ неизбѣжность постояннаго пониженія стоимости рабочей силы. Такимъ образомъ относительная доля рабочаго класса во всемъ національномъ доходѣ, по мѣрѣ техническаго прогресса, уменьшается, а „рента“ возрастаетъ. Неравномѣрность въ распредѣленіи усиливается.

Въ этой возрастающей неравномѣрности распредѣленія Родбертусъ видитъ основное противорѣчіе капиталистической системы и источникъ всѣхъ другихъ ея противорѣчій. Именно такая мысль лежитъ въ основѣ его теоріи кризисовъ, весьма сходной съ теоріей Сисмонди. Постоянное увеличеніе размѣровъ производства, идущее рядомъ съ относительнымъ пониженіемъ заработной платы, должно приводить къ тому, что нарушается равновѣсіе между предложеніемъ товаровъ на рынкѣ и покупательной силой націи: товаровъ на рынкѣ оказывается гораздо больше, чѣмъ можетъ купить вся нація, среди которой главнымъ потребителемъ является рабочій классъ. Тогда разражается кризисъ. Такимъ образомъ Родбертусъ, какъ и Сисмонди, не доходитъ до основной причины перепроизводства—неорганизованнаго характера общественнаго раздѣленія труда, и останавливается на причинѣ выводной, частной; между тѣмъ, даже полное устраненіе этой причины при сохраненіи обмѣна и конкурренціи не помѣшало бы наступленію перепроизводства.

По вопросу о земельной рентѣ Родбертусъ высказывался такъ. Въ земледѣліи перемѣнный капиталъ относительно больше, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ промышленности, а слѣдовательно, и прибавочная стоимость больше: ея излишекъ превращается въ земельную ренту. Взглядъ этотъ основанъ на неправильномъ примѣненіи теоріи трудовой стоимости: въ эпоху капитала цѣны отдѣльныхъ товаровъ, въ томъ числѣ и хлѣба, не опредѣляются прямо ихъ трудовой стоимостью, и если бы не было земельной ренты, то производство хлѣба, несмотря на большую прибавочную стоимость, давало бы, по законамъ конкурренціи, только обычную прибыль.

Важную научную заслугу Родбертуса представляютъ его работы по вопросу объ историческомъ развитіи общественныхъ формъ. Историкофилософскіе взгляды, лежащіе въ основѣ этихъ работъ, страдаютъ нѣкоторой неясностью. Иногда онъ какъ будто готовъ признать, что правовыя отношенія подчинены производственнымъ,—заявляетъ, напр., что „правовая идея и экономическая необходимость издавна шла рука объ руку“; но въ большинствѣ случаевъ, напротивъ, онъ склоненъ объяснять общественно-экономическое развитіе развитіемъ правовой идеи. Въ своей работѣ о переходѣ отъ чистаго рабства къ колонату онъ стоитъ скорѣе на первой точкѣ зрѣнія, выражая ту мысль, что переходъ явился результатомъ техническаго прогресса въ земледѣліи. Онъ также указывалъ, что само рабство требуетъ извѣстнаго развитія производительности труда, что оно возможно только у земледѣльческихъ народовъ.

Процессъ развитія человѣчества представляется Родбертусу въ слѣдующемъ видѣ. Въ эпоху рабства—первая стадія развитія—не только орудія и матеріалы, но и самъ работникъ является частной собственностью и капиталомъ. Въ эпоху наемнаго труда—вторая стадія—работникъ уже не частная собственность, не капиталъ, но онъ не обладаетъ капиталомъ, не можетъ быть самостоятельнымъ производителемъ и, благодаря этому, фактически оказывается несвободнымъ; такимъ образомъ, наемный трудъ, по Родбертусу, есть только новая, смягченная форма рабства. Третью стадію Родбертусъ характеризуетъ коллективной общественной собственностью на средства производства и окончательнымъ освобожденіемъ производителей отъ матеріальной зависимости. Переходъ къ этой стадіи, медленный и послѣдовательный, долженъ, по Родбертусу, завершиться въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ—лѣтъ черезъ пятьсотъ; а силой призванной осуществить его, является государство,—черта характерная для міровоззрѣнія Родбертуса, рѣзко отдѣляющая его отъ научныхъ соціалистовъ, которые видятъ такую силу въ рабочемъ движеніи.

Кромѣ общихъ теоретическихъ соображеній, Родбертусъ предлагалъ и практическую программу реформы для ближайшаго будущаго. Проникнутая духомъ умѣренности, съ одной стороны, и вѣрой во всемогущество государства, съ другой, программа эта въ то же время отличается крайнимъ утопизмомъ. Сущность ея заключается въ слѣдующемъ. Такъ какъ основная причина соціальныхъ бѣдствій есть постоянное уменьшеніе доли рабочаго класса въ національномъ доходѣ, то государство должно воспрепятствовать этому уменьшенію. Оно должно закономъ установить, какую часть стоимости произведеннаго товара слѣдуетъ отдать работнику, какую—владѣльцу капитала, земли (при этомъ не безъ выгоды остались бы и аграріи, которые спаслись бы отъ замѣчавшагося уже въ то время относительнаго уменьшенія земледѣльческой ренты въ общей суммѣ національнаго дохода). Для осуществленія этого плана государство должно точно опредѣлить трудовую стоимость каждаго продукта и постоянно слѣдить за измѣненіями этой стоимости. Нетрудно представить себѣ, какими громадными трудностями и опасностями для государства сопровождалось бы проведеніе въ жизнь подобнаго проекта.

До извѣстной степени противоположностью воззрѣніямъ Родбертуса являются взгляды Генри Джорджа, американскаго экономиста, выступившаго четверть вѣка тому назадъ. Идеологъ быстро развивающагося промышленнаго капитала Соединенныхъ Штатовъ—Генри Джорджъ во многомъ воспроизводитъ ученіе физіократовъ; подобно тому, какъ тѣ возставали противъ привилегій землевладѣльческихъ высшихъ классовъ, онъ рѣшительно возстаетъ противъ земельной ренты и частнаго землевладѣнія вообще. Практическая программа Джорджа гораздо радикальнѣе программы физіократовъ: онъ требуетъ не „единаго поземельнаго налога", а передачи земли въ національную собственность—„національзаціи" земли. И теоретическія положенія Джорджа весьма сходны съ положеніями физіократовъ; такъ, напр., онъ объясняетъ „процентъ" на капиталъ производительной силою земли. Среди буржуазныхъ классовъ Америки и особенно Англіи ученіе Джорджа нашло многочисленныхъ сторонниковъ. Въ буржуазномъ государствѣ національзація земли чрезвычайно увеличила бы силу крупной буржуазіи, какъ экономическую—уничтоженіемъ землевладѣльческой эксплоатаціи капиталистовъ,—такъ и политическую—уничтоженіемъ политическаго соперничества аграріевъ съ буржуазіей.

Когда старая политическая экономія въ своемъ послѣдовательномъ развитіи перестала служить интересамъ буржуазіи, идеологи которой положили основаніе этой наукѣ, тогда отъ науки отдѣлилась особая побочная вѣтвь, отличительную черту которой представляетъ именно служеніе этимъ интересамъ.

Потребность въ поддѣлкѣ науки возникла только въ XIX вѣкѣ. Эконо-

мисты, которые привыкли ссылаться на непреложные, вѣчные законы, открытые ихъ предшественниками, почувствовали, что законы эти измѣняютъ свой характеръ и направленіе своего дѣйствія на человѣческіе умы. Непреложность старыхъ экономическихъ законовъ померкла, было доказано, что они—законы только для опредѣленной стадіи развитія, а какъ законы этой стадіи, они оказались противорѣчивыми. Тогда настало время вульгарныхъ экономистовъ. Въ ихъ рукахъ наука превратилась въ собственную противоположность. Приведемъ тому нѣсколько примѣровъ.

Теорія трудовой стоимости Петти — Рикардо учитъ, что цѣнность товара опредѣляется количествомъ заключеннаго въ немъ труда. Отсюда англійскіе утописты сдѣлали выводъ, что платой за трудъ должна быть стоимость всего продукта (ошибка, основанная на смѣшеніи труда и рабочей силы: рабочій продаетъ собственно не трудъ свой, а рабочую силу, и потому при капиталистическихъ отношеніяхъ долженъ получать именно стоимость рабочей силы, а не стоимость продукта своего труда). Вывода этого не въ силахъ были опровергнуть вульгарные апологеты, которые также не умѣли различать трудъ и рабочую силу. Тогда они стали отрицать самую теорію трудовой стоимости.

Когда въ Англіи, послѣ законодательнаго установленія 12-часового дня, общественно-экономическое развитіе привело къ постановкѣ на очередь вопроса о дальнѣйшемъ сокращеніи рабочаго времени, то большинство предпринимателей находило, что ихъ интересы должны пострадать, если пройдетъ новый законъ. „Наука", въ лицѣ профессора политической экономіи Сеніора, немедленно выступила съ утвержденіемъ, что вся прибыль создается въ послѣдній, 12-ый часъ рабочаго дня.

Сеніоръ разсуждалъ очень просто. Положимъ, полотно, которое рабочій успѣваетъ соткать за 12-тичасовой день, стоитъ 7 р. 20 к.; слѣдовательно, въ каждый часъ приготовляется полотна на 60 к. Но капиталистъ затратилъ на пряжу и орудія 6 р., на плату работнику 60 к.; прибыль всего 60 к. Очевидно, что эта прибыль создана въ послѣдній, 12-ый часъ, и если его уничтожить, фабрикантъ остается не при чемъ.

Апологетъ совершенно упустилъ изъ виду тотъ фактъ, что вновь созданная рабочимъ стоимость соотвѣтствуетъ вовсе не 7 р. 20 к., а только 1 р. 20 к., потому что 6 р.—это стоимость матеріаловъ и орудій, которая входитъ, какъ составная часть, въ стоимость товара—полотно. Такимъ образомъ, въ часъ создается новой стоимости только на 10 к.; и если день уменьшить на 1 часъ, а плата останется прежняя, то прибыль только на 10 к. и уменьшится—станетъ 50 к. вмѣсто 60 к. Въ самомъ дѣлѣ, если на 12 часовъ фабрикантъ даетъ рабочему орудій и матеріаловъ на 6 р., то на 1 часъ всего этого требуется на 50 к., а на 11 часовъ—на 5 р. 50 к. Вмѣстѣ съ 60 к. заработной платы это составитъ 6 р. 10 к.; такова сумма издержекъ капиталиста. Товару приготовлено будетъ на $^1/_{12}$ меньше прежняго, т.-е. не на 7 р. 20 к., а на 6 р. 60 к. Слѣдовательно прибыль—6 р. 60 к. минусъ 6 р. 10 к.—составляетъ 50 к. А Сеніоръ полагалъ, очевидно, что и на 11-тичасовой день матеріала и орудій пойдетъ попрежнему на 6 р.; тогда прибыли не получилось бы вовсе.

Между прочимъ, вульгарная экономія постоянно старалась найти разныя нравственныя оправданія для прибыли капиталистовъ. Одно изъ самыхъ обычныхъ заключалось въ томъ, что прибыль есть награда капиталиста за его „воздержаніе". Капиталистъ могъ бы проѣсть, пропить свой капиталъ, но онъ воздерживается отъ этого, онъ даетъ своему капиталу производительное употребленіе и тѣмъ приноситъ пользу обществу. Стало быть, его воздержаніе есть заслуга, которую слѣдуетъ вознаградить.

И дѣйствительно, отдѣльный капиталистъ могъ бы промотать свой капиталъ, но можетъ ли сдѣлать это классъ капиталистовъ? Для него капиталомъ являются средства производства, и промотать всѣ ихъ, т.-е. обмѣнять на предметы потребленія, рѣшительно невозможно; ибо

кто купилъ бы эти средства производства, если бы весь классъ капиталистовъ „впалъ въ невоздержанность“? Да и вообще странно утверждать, что человѣкъ „предается воздержанію“, когда онъ употребляетъ свое имущество такимъ образомъ, чтобы получить прибыль.

Чтобы характеризовать отношеніе вульгарной политической экономіи къ рабочимъ, беремъ цитату изъ одного французскаго экономиста.

„Въ политической экономіи рабочій является ни чѣмъ инымъ, какъ основнымъ капиталомъ, накопленнымъ страной, которая дала средства для обученія и полнаго развитія силъ работника. По отношенію къ производству богатствъ, рабочаго надо разсматривать, какъ машину, на постройку которой былъ затраченъ извѣстный капиталъ, начинающій приносить проценты съ того времени, какъ работникъ становится полезнымъ факторомъ промышленности“.

Еще дальше идетъ одинъ изъ русскихъ апологетовъ. По поводу научной теоріи, выясняющей, что прибавочная цѣнность опредѣляется излишкомъ общественно-производительнаго труда надъ трудомъ, создающимъ средства существованія производителей, онъ замѣчаетъ: „рабочій или молочный скотъ, несомнѣнно, вырабатываетъ больше продуктовъ, чѣмъ сколько онъ обходится хозяину, и такимъ образомъ онъ создаетъ прибавочную цѣнность на одинаковыхъ основаніяхъ съ человѣческою рабочею силою... Въ теченіе, напр., половины рабочаго дня лошадь покрываетъ извѣстную долю своей денежной стоимости вмѣстѣ съ издержками на свое содержаніе, а другая половина ежедневной работы идетъ всецѣло въ пользу хозяина, составляя для него прибавочную цѣнность...“ Превративъ такимъ образомъ домашній скотъ въ производительный общественный классъ, несущественно отличающійся отъ наемныхъ рабочихъ, онъ далѣе весьма послѣдовательно распространяетъ эту логику и на машины, заявляя, что „при замѣнѣ рабочихъ машинами нѣтъ и рѣчи о потерѣ преимуществъ, связанныхъ съ упомянутымъ выше природнымъ даромъ человѣческой рабочей силы“ (т.-е. способностью въ процессѣ т р у д а создавать цѣнность; у апологета и машины, очевидно, „трудятся“).—Здѣсь мѣновой фетишизмъ доходитъ до такой крайности, что почти превращается въ собственную противоположность—въ фетишизмъ натуральный.

Подъ вліяніемъ общаго экономическаго развитія и развитія экономической науки школа грубой апологіи должна была уступить мѣсто школѣ компромисса. Представителями новой школы явились большей частью профессора политической экономіи, люди, въ силу своего средняго общественнаго положенія, психологически наиболѣе склонные выступить выразителями стремленій къ компромиссу. Экономисты болѣе непримиримаго консервативнаго оттѣнка дали новой школѣ несправедливое прозваніе „катедеръ-соціалистовъ“ (соціалисты каѳедры); сама же она называетъ себя „реалистической“, „соціально-реформаторской“, „историко-этической“ и т. п. Названіе „катедеръ-реформеровъ“ болѣе точно выражало бы сущность этого направленія.

Въ своихъ теоретическихъ основныхъ положеніяхъ катедеръ-реформеры очень мало отличаются отъ нѣмецкой исторической школы 40-хъ годовъ. Многіе изъ нихъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ допускаютъ возможность историческаго измѣненія общественныхъ формъ. Многіе особенно подчеркиваютъ экономически-организаторское значеніе общегосударственныхъ интересовъ—силу, которая д о л ж н а, м о ж е т ъ и з а х о ч е т ъ осуществлять требованія общественной справедливости, а не классовыя стремленія. Большинство придаетъ особенно большое значеніе признанію самостоятельной и важной роли, какую, по ихъ мнѣнію, играютъ въ экономической жизни нравственныя, альтруистическія чувства и стремленія (отсюда названіе школы—„историко-этическая“).

Въ своихъ практическихъ программахъ катедеръ-реформеры представляютъ большое разнообразіе взглядовъ. „Реалисты“—вообще сторонники

соціальныхъ реформъ; но такъ какъ именно въ этой области данная школа въ наибольшей мѣрѣ выступаетъ какъ школа компромисса, то очень понятно, что по вопросу о желательности реформъ различные представители школы идутъ неодинаково далеко. Одни почти вполнѣ консервативны по своимъ идеаламъ, напр., Брентано, Гельдъ, Шмоллеръ; другіе, напр., Вагнеръ, до извѣстной степени приближаются въ этомъ отношеніи къ утопистамъ, но только относятъ осуществленіе своихъ „государственно-соціалистическихъ" идеаловъ къ весьма отдаленному будущему, а для настоящаго считаютъ возможнымъ ограничиться нѣкоторыми умѣренными реформами въ области фабричнаго законодательства.

Всѣ „реалисты" сходятся на томъ, что нормальной слѣдуетъ признать такую общественную организацію, которая соединяетъ наибольшее производство со справедливымъ распредѣленіемъ. Но что такое „справедливое распредѣленіе"—насчетъ этого взгляды ихъ расходятся.

Шмоллеръ, напр., полагаетъ, что справедливое распредѣленіе должно воздавать каждому „по заслугѣ". Подъ заслугами подразумѣваются у него самыя разнообразныя понятія: добродѣтели, познанія, труды, даже капиталъ (т.-е. собственно трудъ накопленія капитала; см. параграфы о первоначальномъ и капиталистическомъ накопленіи). Идеаломъ соціальнаго устройства для Шмоллера является такое общество, которое „представляетъ собою лѣстницу различныхъ существованій, но съ легкими переходами отъ одной ступени къ другой". Это была бы, конечно, очень устойчивая система, потому что каждая низшая ступень прочно удерживалась бы въ своемъ низшемъ положеніи давленіемъ всѣхъ высшихъ: идеалъ, очевидно, бюрократическаго происхожденія.

По мнѣнію Брентано, въ современныхъ отношеніяхъ ненормально не то, что трудъ сталъ товаромъ, а то, что онъ не вполнѣ такой же товаръ, какъ другіе; что продавецъ рабочей силы не находится въ равныхъ условіяхъ рыночной конкурренціи съ ея покупателемъ. Желательно, по мнѣнію Брентано, такое измѣненіе условій, при которомъ положеніе обѣихъ сторонъ на рынкѣ было бы равное; достигается же это путемъ организаціи продавцовъ рабочей силы въ профессіональные союзы, подобные англійскимъ trade-union'амъ. Дѣло государства—облегчить организацію такихъ союзовъ или, по крайней мѣрѣ, не мѣшать ей. Когда продавцомъ рабочей силы является не отдѣльное лицо, а trade-union, то условія обмѣна равныя, и въ результатѣ получается справедливое распредѣленіе. Неорганизованность производства въ его цѣломъ для Брентано не представляется, слѣдовательно, основной причиной тѣхъ противорѣчій, объ устраненіи которыхъ онъ заботится.

Другіе реалисты, напр., Адольфъ Вагнеръ, гораздо больше, чѣмъ Брентано, придаютъ значенія прямо государственному вмѣшательству въ организацію производства.

Въ общемъ „реалистическая" школа имѣетъ за собой немалыя заслуги по разработкѣ многихъ частныхъ экономическихъ вопросовъ историко-статистическимъ методомъ.

Въ области абстрактно-экономической теоріи намъ слѣдуетъ еще отмѣтить весьма распространенное въ наше время среди представителей каѳедры ученіе о цѣнности, извѣстное подъ именемъ „теорія предѣльной полезности". Ученіе это, въ виду его чрезвычайной сложности, мы не можемъ излагать здѣсь, а укажемъ только его исходную точку зрѣнія. Она заключается вотъ въ чемъ. Продуктъ имѣетъ для человѣка ту или иную „субъективную цѣнность"; цѣнность эта опредѣляется той полезностью, которую данный продуктъ представляетъ для даннаго лица. Каждый человѣкъ субъективно, по-своему, оцѣниваетъ данный товаръ по его полезности и соображаетъ, чѣмъ онъ можетъ пожертвовать для пріобрѣтенія этого товара, или наоборотъ. Такую оцѣнку и такое сравненіе дѣлаютъ при обмѣнѣ и покупатели, и продавцы, при чемъ „субъективная

цѣнность“ товара для каждаго оказывается иная; а столкновеніемъ „субъективныхъ цѣнностей“ товара опредѣлится его объективная, дѣйствительная мѣновая цѣнность. Какимъ образомъ человѣкъ въ своей субъективной оцѣнкѣ можетъ сравнивать различные товары, и какимъ образомъ рядъ субъективныхъ оцѣнокъ одного товара покупателями и продавцами можетъ приводить къ образованію объективной мѣновой цѣнности товара—это выясняется при помощи своеобразнаго понятія „предѣльной полезности“ и различныхъ выкладокъ надъ нимъ; но все это совершенно невозможно изложить въ немногихъ словахъ, и потому мы перейдемъ прямо къ указанію недостатковъ основной точки зрѣнія, на которой Джевонсъ, Менгеръ, Бёмъ-Баверкъ и другіе построили всю теорію „предѣльной полезности“.

Дѣло въ томъ, что человѣкъ рождается, живетъ и развивается въ обществѣ, а не внѣ его, и психологія личности необходимо опредѣляется той общественной средой, въ которой она складывается. И субъективная оцѣнка товаровъ необходимо образуется въ зависимости отъ общественныхъ условій. Продавецъ или покупатель въ своихъ „субъективныхъ“ оцѣнкахъ не можетъ не подчиняться цѣнамъ объективно, независимо отъ его воли существующимъ на рынкѣ, такъ что онѣ опредѣлятъ субъективную оцѣнку въ безконечно большей степени, чѣмъ наоборотъ. Въ громадномъ числѣ случаевъ личность вообще не можетъ дать оцѣнки по полезности тому или иному товару, и нужна масса ухищреній, чтобы толковать о „субъективной цѣнности“, какую имѣетъ, наприм., для милліонера-капиталиста аршинъ продаваемаго имъ дешеваго ситцу, или для бѣдной модистки—роскошная шляпа, которую она не можетъ носить, или для гробовщика—гробъ, который онъ производитъ безъ всякаго разсчета на свое личное потребленіе. Теоретикамъ субъективной цѣнности пришлось создать настоящую схоластику, чтобы распространить свое ученіе на всѣ дѣйствительные случаи мѣновой оцѣнки.

Отсылая насъ изъ области обмѣна въ тайники внутренней душевной жизни отдѣльныхъ людей, теорія субъективной цѣнности объясняетъ факты, доступные прямому, объективному изслѣдованію, фактами ему недоступными, объясняетъ видимое невидимымъ. Это—коренной недостатокъ, дѣлающій теорію безполезной для научной работы экономиста.

Теорія предѣльной полезности выдвигается буржуазными экономистами, какъ противовѣсъ теоріи трудовой стоимости, на которую опираются враги капитала въ своей идейной борьбѣ противъ капитализма. Когда англійскіе утописты сдѣлали изъ теоріи трудовой стоимости свой ошибочный выводъ, что вся цѣнность продукта „должна принадлежать труду“, то противъ идеи трудовой стоимости выступили, какъ мы видѣли, старые вульгарные экономисты. Когда новое поколѣніе экономистовъ сторонниковъ рабочаго класса стало выяснять рабочимъ другой, уже вполнѣ правильный выводъ трудовой теоріи—непримиримое противорѣчіе классовыхъ интересовъ пролетаріата и буржуазіи,—то походъ противъ трудовой стоимости начала австрійская школа и ея многочисленные приверженцы изъ буржуазно-ученаго міра. Многіе изъ нихъ, наприм., Бёмъ-Баверкъ, совершенно открыто указываютъ на ту, по ихъ мнѣнію, важную заслугу теоріи предѣльной полезности, что она отнимаетъ почву у „вредныхъ лжеученій“ рабочей партіи. Тѣмъ самымъ они признаютъ и подчеркиваютъ апологетическій характеръ своей теоріи.

Главными представителями н о в о й экономической науки явились Фердинандъ Лассаль и Карлъ Марксъ.

Лассаль былъ больше практическимъ вождемъ рабочаго движенія, чѣмъ творцомъ его теоріи. Онъ сумѣлъ широко организовать нѣмецкій рабочій классъ, разъяснивши рабочимъ двѣ основныя идеи рабочей партіи: противорѣчіе классовыхъ интересовъ и экономически-классовое значеніе политическихъ правъ и политической силы. Онъ популяризировалъ экономическія теоріи Рикардо и Маркса. У Рикардо онъ заимствовалъ главнымъ

образомъ его пониманіе законовъ, управляющихъ заработной платой („желѣзный законъ“ Лассаля); это было, конечно, слабой стороной его теоріи: какъ мы видѣли, цѣнность рабочей силы не есть величина неизмѣнная (необходимый минимумъ жизненныхъ средствъ, согласно Рикардо и Лассалю), а величина перемѣнная, зависящая отъ уровня жизни рабочаго класса, достигнутаго имъ въ борьбѣ противъ капитала. Но этотъ теоретическій недочетъ мало повліялъ на успѣхъ идейно-организаціонной работы Лассаля. Опаснѣе могъ оказаться другой пунктъ воззрѣній Лассаля: его увлеченіе производительными товариществами. Онъ считалъ возможнымъ посредствомъ развитія и распространенія подобнаго рода рабочихъ ассоціацій шагъ за шагомъ прійти къ устраненію капитализма; въ каждой такой ассоціаціи онъ видѣлъ частичное осуществленіе высшаго строя—переходъ средствъ производства и прибавочной стоимости въ руки рабочихъ. Мы знаемъ, насколько ошибочна эта идея: среди капиталистическихъ отношеній производительныя ассоціаціи либо гибнутъ, либо переходятъ въ капиталистическія предпріятія акціонернаго типа; положеніе рабочаго класса онѣ улучшить не могутъ, переходъ въ его руки всѣхъ средствъ производства онѣ не приближаютъ. Но даже эта ложная идея въ рукахъ геніальнаго вождя принесла, можетъ быть, гораздо больше пользы, чѣмъ вреда, развитію рабочаго класса. Онъ дѣлалъ изъ нея выводъ о необходимости для рабочаго класса политической полноправности и политической силы, чтобы воспользоваться государственнымъ аппаратомъ для устройства производительныхъ товариществъ, которое при политическомъ господствѣ буржуазіи не можетъ широко развиться (борьба за всеобщее избирательное право). Въ то же время Лассаль съ небывалою силой проводилъ въ пролетарское сознаніе объединяющія идеи—классовой борьбы, классовой организаціи, классоваго идеала.

Что касается Карла Маркса, то объ его воззрѣніяхъ спеціально говорить здѣсь не приходится: ихъ изложенію посвящена, въ сущности, вся эта книга. Онъ былъ величайшій идейный организаторъ XIX вѣка. Онъ первый сдѣлалъ наукою ученіе объ общественномъ развитіи и научно установилъ путь этого развитія. Въ его рукахъ общественная наука стала дѣйствительнымъ и могучимъ орудіемъ соціальнаго прогресса.

6. Процессы общественнаго развитія и деградаціи въ періодѣ машиннаго капитализма.

Конкурренція, вытекающая изъ неорганизованности производства, продолжаетъ оставаться одной изъ силъ, измѣняющихъ общественныя отношенія; въ эпоху машиннаго капитализма дѣйствіе этой силы становится сильнѣе—уже не сводится къ однимъ явленіямъ концентраціи капитала, но порождаетъ разнообразные и сложные процессы, направленные частью въ сторону развитія, частью же въ сторону деградаціи общественныхъ производительныхъ силъ.

Рядомъ съ этой силой выступаетъ и другая. Стремленіе покупателя рабочей силы купить ее возможно дешевле и стремленіе рабочихъ продать ее возможно дороже, сталкиваясь, порождаютъ цѣлый рядъ различныхъ измѣненій, сущность которыхъ сводится къ развитію или деградаціи рабочаго класса, къ улучшенію или ухудшенію матеріальныхъ, а за матеріальными—и всякихъ иныхъ условій его существованія.

Въ предыдущемъ и эта сила разсматривалась, какъ особый, частный случай „конкуренціи“ покупателя и продавца, т.-е. ихъ борьбы при актѣ обмѣна. Но въ эпоху машиннаго капитализма эта частная форма конкуренціи пріобрѣтаетъ особенный характеръ и особенное значеніе въ жизни общества; особенный характеръ заключается въ томъ, что антагонизмъ покупателей и продавцовъ рабочей силы простирается не только на ихъ мѣновыя отношенія, но и на цѣлыя идеологіи, слѣдовательно, на очень многія жизненныя проявленія въ различныхъ областяхъ общественнаго процесса; особенное значеніе выражается въ цѣломъ рядѣ новыхъ общественныхъ формъ, возникающихъ изъ этого антагонизма (классовыя организаціи, фабричное законодательство и т. п.).

Подъ непрерывно - обостряющимся дѣйствіемъ обѣихъ указанныхъ силъ—конкуренціи и рабочаго движенія—общественная борьба съ природою обнаруживаетъ, въ общемъ, чрезвычайно стремительный ходъ развитія, какого не знала ни одна изъ предыдущихъ общественныхъ формацій.

а) Кризисы.

Стихійная сила конкуренціи порождаетъ стремленіе капиталистическаго производства къ безпредѣльному расширенію. Каждый отдѣльный предприниматель не можетъ не подчиняться этому стремленію, не можетъ остановиться въ расширеніи предпріятія и въ развитіи его техники; иначе онъ былъ бы очень скоро побитъ въ конкуренціи другими, болѣе энергичными капиталистами.

Производя на продажу, капиталистъ, конечно, понимаетъ, что безполезно расширять производство, если некуда сбыть товаръ. Но, сверхъ того, онъ понимаетъ, что если онъ самъ сократитъ производство, то это не принесетъ ему пользы: общаго положенія дѣлъ на рынкѣ онъ не измѣнитъ, такъ какъ одинъ онъ имѣетъ слишкомъ мало значенія; выиграютъ при этомъ только его соперники, которые будутъ съ тѣмъ большей выгодой расширять свои предпріятія; и даже если рынки окажутся недостаточны, то именно его предпріятіе, какъ менѣе крупное, скорѣе погибнетъ тогда отъ пониженія цѣнъ. Къ тому же капиталистъ разсчитываетъ и на то, что съ пониженіемъ цѣнъ сбытъ будетъ расширяться, и что, слѣдовательно, повышенная производительность труда въ его предпріятіи сама создастъ для себя рынокъ.

Быстрое расширеніе производства во всѣхъ предпріятіяхъ рано или поздно приводитъ къ капиталистическому перепроизводству.

Капиталистическое производство создаетъ товары, т.-е. продукты для рынка, для продажи. Такимъ образомъ, возрастающее производство означаетъ возрастающее предложеніе товаровъ на рынкѣ и, слѣдовательно, для своего нормальнаго хода нуждается въ соотвѣтственно возрастающемъ спросѣ. Если спросъ на продукты не соотвѣтствуетъ размѣрамъ ихъ производства, отстаетъ отъ него, то происходитъ общее пониженіе цѣнъ, при которомъ весь общественный продуктъ частью продается ниже стоимости, а частью и вовсе не продается. Обычный ходъ производства

существенно нарушается: громадное большинство предпріятій терпятъ убытки.

Но какимъ образомъ возможно, чтобы рыночный спросъ на всѣ капиталистическіе продукты оказался ниже ихъ предложенія?

Общественное производство не только расширяется, но это расширеніе происходитъ еще съ возрастающей скоростью, ибо причина этого возрастанія—конкурренція—дѣйствуетъ все съ большею силою, по мѣрѣ того какъ для капитала исчерпываются существующіе рынки и труднѣе становится искать новые. Между тѣмъ измѣненія спроса происходятъ по иному закону.

Спросъ въ капиталистическомъ обществѣ опредѣляется не просто существующей потребностью членовъ общества въ томъ или иномъ продуктѣ, но ихъ покупательной силой. Мѣновое общество, въ противоположность натуральному, признаетъ только такую потребность, которая соединена со средствами уплаты за ея удовлетвореніе. Благодаря этому, въ капиталистическомъ обществѣ вполнѣ возможно и бываетъ въ дѣйствительности, что, наприм., чрезвычайная нужда въ хлѣбѣ среди населенія идетъ рядомъ съ недостаткомъ спроса на хлѣбъ; продуктъ произведенъ въ чрезмѣрномъ количествѣ и безполезно гніетъ въ амбарахъ, потому что тѣ, кто имѣетъ потребность въ немъ, не имѣютъ средствъ заплатить за него.

По отношенію къ спросу, развивающееся капиталистическое производство обнаруживаетъ двѣ противоположныхъ тенденціи: одна направлена къ постоянному увеличенію спроса, другая — къ его уменьшенію. Первая вытекаетъ изъ такихъ фактовъ, какъ пониженіе цѣнъ вслѣдствіе прогресса техники, дѣлающее продукты доступными для болѣе широкаго круга покупателей, — какъ возрастаніе перемѣннаго капитала и прибавочной стоимости, обусловленное общимъ расширеніемъ производства и означающее увеличеніе покупательной силы различныхъ классовъ,—какъ отысканіе новыхъ рынковъ и т. п. Въ основѣ второй тенденціи лежитъ, съ одной стороны, прогрессивное уменьшеніе мелкой буржуазіи и класса капиталистовъ въ прогрессѣ концентраціи предпріятій, вытѣсненія болѣе мелкихъ и слабыхъ болѣе крупными и сильными; съ другой стороны, вытѣсненіе работниковъ машинами, вызываемое имъ уменьшеніе числа лицъ, участвующихъ въ производствѣ и получающихъ заработную плату; то и другое означаетъ уменьшеніе покупательной силы потребителей.

Борьбою этихъ двухъ тенденцій опредѣляются фактическія измѣненія общей суммы рыночнаго спроса. Въ болѣе раннихъ стадіяхъ развитія промышленнаго капитала первая тенденція чрезвычайно сильна: постоянное расширеніе рынковъ для капитала на счетъ некапиталистическихъ странъ и некапиталистическихъ классовъ общества, вовлекаемыхъ въ мѣновыя отношенія, а отчасти также непрерывно продолжающійся процессъ возникновенія новыхъ и новыхъ предпріятій приводятъ къ тому, что быстро возрастающій спросъ поспѣваетъ за предложеніемъ или даже обгоняетъ его. Но, по мѣрѣ того какъ капитализмъ захватываетъ всѣ страны и всѣ области общественнаго хозяйства, онъ все болѣе оказывается вы-

нужденнымъ довольствоваться расширеніемъ прежнихъ рынковъ, не имѣя возможности находить новые. Возникновеніе новыхъ предпріятій становится болѣе рѣдкимъ дѣломъ, такъ какъ возрастаетъ величина капитала, необходимаго при началѣ предпріятія. Такимъ образомъ, прежнія условія для расширенія спроса смѣняются менѣе благопріятными. Въ то же время усиливается тенденція къ суженію спроса: техническій прогрессъ, совершаясь съ возрастающей скоростью, все сильнѣе ограничиваетъ число занятыхъ работниковъ, которые, получая заработную плату, являются наиболѣе надежными покупателями, такъ какъ покупаютъ лишь необходимое; процессъ концентраціи капитала, уменьшая число предпріятій, уменьшаетъ тѣмъ самымъ число покупателей — капиталистовъ. По мѣрѣ того какъ усиливаются процессы, дѣйствіе которыхъ направляется къ уменьшенію спроса, возрастаніе спроса должно замедляться, хотя бы оно и продолжалось еще, какъ это обыкновенно наблюдается въ дѣйствительности.

Итакъ, предъ нами два процесса: съ одной стороны, непрерывное возрастаніе производства, съ другой стороны, расширеніе спроса на продукты этого производства; скорость перваго процесса постоянно возрастаетъ, скорость второго, хотя вначалѣ и весьма значительная, постепенно уменьшается. Очевидно, что рано или поздно производство должно опередить спросъ, должно наступить «перепроизводство». И тенденція къ безконечному расширенію производства, и вліянія, замедляющія возрастаніе спроса, вытекаютъ изъ одного общаго источника, имѣютъ одну общую причину — конкурренцію, т.-е. въ сущности, неорганизованный характеръ общественной связи между предпріятіями. Слѣдовательно, стремленіе къ перепроизводству коренится въ самыхъ основахъ капиталистической системы отношеній.

Явленія перепроизводства впервые выступаютъ съ достаточной опредѣленностью въ первой четверти XIX вѣка, когда машинный капитализмъ сдѣлалъ уже значительные успѣхи; мануфактурный капитализмъ не зналъ этихъ явленій, потому что ему не было свойственно такое стремительное развитіе производства, и потому, что для расширенія рынковъ имѣлась масса некапиталистическихъ странъ.

Общее перепроизводство выражается въ такъ называемыхъ промышленныхъ кризисахъ. Промышленный кризисъ представляетъ изъ себя глубокое и обширное потрясеніе всей системы общественнаго хозяйства, сложный комплексъ разнообразныхъ явленій, поразительныхъ и угрожающихъ по своему характеру: рѣзкое паденіе цѣнъ, разореніе множества предпріятій, массовая безработица и т. д. Это—громадное, общественно-стихійное бѣдствіе, охватывающее, время отъ времени, капиталистическій міръ.

Чтобы выяснить себѣ, почему явленія перепроизводства могли обнаруживаться не постепенно, въ видѣ, наприм., явнаго, медленно возрастающаго переполненія рынковъ съ медленнымъ паденіемъ цѣнъ, а быстро, въ формѣ настоящихъ «кризисовъ», надо принять во вниманіе слѣдующее. Благодаря неорганизованности капиталистическаго производства, ни

одинъ предприниматель не можетъ имѣть точныхъ свѣдѣній ни о состояніи промышленности въ ея цѣломъ, ни о положеніи дѣлъ въ отдѣльныхъ ея отрасляхъ. Биржевая организація, правда, позволяетъ получать нѣкоторыя свѣдѣнія подобнаго рода; но при стремительномъ возрастаніи всего производства и при значительныхъ колебаніяхъ спроса она не даетъ средствъ судить объ измѣняющихся отношеніяхъ между общими размѣрами производства и общей суммой спроса. Такимъ образомъ, быстрое расширеніе производства продолжается не только тогда, когда спросъ еще достаточенъ, но и нѣкоторое время послѣ того, какъ соотвѣтствіе того и другого уже нарушено. Скрытое перепроизводство уже существуетъ, но оно еще ничѣмъ не проявляется: фабрикантъ продолжаетъ свое дѣло не только въ прежнихъ, но еще въ большихъ размѣрахъ, полагая, что найдетъ покупателей, какъ находилъ до сихъ поръ; оптовый торговецъ дѣлаетъ у него огромныя закупки, разсчитывая на постепенный сбытъ или на немедленную спекулятивную перепродажу товара. По внѣшности положеніе дѣлъ является вполнѣ благопріятнымъ, и тѣмъ сильнѣе возрастаетъ перепроизводство.

Наконецъ, наступаетъ моментъ, когда перепроизводство осязательно обнаруживается въ недостаткѣ покупателей на какіе-нибудь товары. Цѣна этихъ товаровъ рѣзко понижается, и разоряются многіе изъ предпринимателей, промышленныхъ и торговыхъ, предлагающихъ данные товары на рынкѣ; другіе же принуждены сократить или временно пріостановить свое производство. Такимъ образомъ, въ одной области общественнаго хозяйства происходитъ рѣзкое сокращеніе производства со всѣми его послѣдствіями въ видѣ пониженія заработной платы, безработицы и т. п. Въ силу тѣсной связи между различными отраслями производства, создаваемой общественнымъ раздѣленіемъ труда, въ кризисъ вовлекаются другія отрасли, напримѣръ, тѣ, которыя доставляютъ первой матеріалы, и тѣ, которыя доставляютъ орудія,—спросъ на все это оказывается сразу рѣзко пониженнымъ, — потомъ тѣ, которыя подобнымъ же образомъ связаны съ этими послѣдними отраслями, и т. д. Возрастаніе безработицы есть «перепроизводство» рабочей силы и влечетъ за собой пониженіе спроса на предметы потребленія рабочихъ, т.-е. вызываетъ перепроизводство и кризисъ въ соотвѣтственныхъ отрасляхъ производства и далѣе— во всѣхъ непосредственно связанныхъ съ ними.

Такимъ образомъ, въ кризисѣ выступаютъ рядомъ два типа перепроизводства: во-первыхъ, абсолютное, которое зависитъ отъ чрезмѣрнаго возрастанія производства, обгоняющаго спросъ, и во-вторыхъ, относительное, которое обусловливается уже уменьшеніемъ спроса, происходящимъ отъ общаго разстройства дѣлъ, крушенія предпріятій, безработицы и т. п.; первое бываетъ въ подобныхъ кризисахъ основнымъ явленіемъ, второе—производнымъ, которое, присоединяясь къ основному, чрезвычайно усиливаетъ и обостряетъ его дѣйствіе.

Само собой понятно, что въ общемъ экономическомъ крушеніи торговое и кредитное дѣло неминуемо участвуютъ вмѣстѣ съ другими отраслями производства. Надо только прибавить, что, въ силу самого своего

характера, предпріятія того и другого рода подвергаются особенно сильному потрясенію: торговцы всѣхъ непосредственнѣе испытываютъ на себѣ вліяніе недостаточнаго спроса, а банкиры страдаютъ и отъ разоренія массы своихъ должниковъ, которые перестаютъ имъ платить, и отъ неумѣренныхъ требованій со стороны напуганныхъ кризисомъ вкладчиковъ, которые спѣшатъ взять деньги изъ банка на руки. Разореніе же торговцевъ и банкировъ опять-таки разстраиваетъ дѣла очень многихъ пользующихся ихъ услугами промышленныхъ капиталистовъ, и т. д.

Такъ явленія кризиса съ однѣхъ отраслей производственной жизни распространяются на другія. Въ этомъ сказываются высокая сложность и связность капиталистической организаціи. Въ эпоху натуральнаго хозяйства, когда отдѣльныя группы жили почти изолированной жизнью, ничего подобнаго быть не могло: даже полная гибель однѣхъ группъ мало вліяла на судьбу другихъ. Въ мелкобуржуазномъ обществѣ связь между хозяйствами уже сильнѣе развита, но въ каждомъ данномъ случаѣ она является болѣе или менѣе тѣсною лишь для сравнительно небольшого числа ихъ,—и разстройства хозяйственной жизни не распространяются широко. Капиталистическое общество съ его высоко развитымъ раздѣленіемъ труда подобно въ этомъ отношеніи высшимъ организмамъ, тогда какъ предыдущія общественныя формаціи можно сравнить съ низшими организмами: если разрушить часть тѣла у человѣка, то весь организмъ испытываетъ тяжелый кризисъ, такъ что вредное вліяніе отражается и на органахъ, наиболѣе удаленныхъ отъ мѣста воздѣйствія; наоборотъ, у какого-нибудь полипа или червя со слабымъ раздѣленіемъ жизненной дѣятельности между частями тѣла даже очень сильное мѣстное поврежденіе мало отзывается на остальныхъ элементахъ организма.

Явленія типичнаго остраго кризиса характеризуются поразительной рѣзкостью перехода отъ процвѣтанія къ крушенію. Вплоть до самаго начала кризиса промышленность быстро развивается, и наканунѣ рокового дня оживленіе достигаетъ высшей степени. Размѣры производства громадны, но сбытъ товаровъ идетъ хорошо, рынки, повидимому, достаточны. Оптовые торговцы покупаютъ у фабрикантовъ и другъ у друга, мелкіе у оптовыхъ; спекулянты, покупая для перепродажи, создаютъ фиктивное возрастаніе спроса. И капиталисты, и рабочіе чувствуютъ себя лучше, чѣмъ когда-либо. Излишекъ товаровъ все болѣе накопляется. Скрытая болѣзнь развивается внутри общественнаго организма. Она разражается кризисомъ лишь тогда, когда достигла уже значительной степени, и потому-то ея проявленія такъ страшно интенсивны.

Первымъ симптомомъ надвигающагося крушенія является обыкновенно гибель наиболѣе спекулятивныхъ по своему характеру предпріятій, фальшивое процвѣтаніе которыхъ создано было искусственными биржевыми пріемами. Проходитъ слухъ о банкротствѣ одной, другой, третьей фирмы. Область кредита, наиболѣе чувствительная часть экономическаго организма, немедленно отражаетъ на себѣ возникшее потрясеніе, и отражаетъ съ чрезвычайной силой—въ формѣ кредитнаго кризиса.

Кредитъ основанъ на чувствѣ довѣрія, а чувства людей измѣнчивы. При всякомъ толчкѣ, который угрожаетъ общественному хозяйству, на всѣхъ капиталистовъ—и крупныхъ, и мелкихъ—нападаетъ неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, страхъ за свои капиталы. Гдѣ царствуетъ страхъ, тамъ исчезаетъ довѣріе и падаетъ кредитъ. Кредитныя сдѣлки прекращаются. Вездѣ, гдѣ возможно, стараются обратно получить отданныя деньги. Ищутъ денегъ, денегъ и денегъ, потому что не довѣряютъ болѣе людямъ, а только деньгамъ. Паническій страхъ нападаетъ на биржевиковъ, банкировъ, рентьеровъ; банки осаждаются толпами вкладчиковъ. Принужденные платить кредиторамъ, но не получая денегъ съ должниковъ, многіе банки погибаютъ; за ними разоряются ихъ вкладчики—капиталисты.

Торговые и промышленные предприниматели, въ лихорадочной погонѣ за деньгами, спѣшатъ продавать товары; между тѣмъ, спросъ еще сокращается, такъ какъ всѣ стараются удержать деньги въ рукахъ. Рынки загромождены массой товаровъ, цѣны понижаются до послѣдней крайности. Одно за другимъ падаютъ уже и промышленныя предпріятія, а уцѣлѣвшія сокращаютъ или пріостанавливаютъ производство. Резервная армія быстро возрастаетъ на цѣлыя сотни тысячъ человѣкъ, въ число которыхъ входятъ и тысячи разорившихся капиталистовъ. Погибаетъ все слабое въ капиталистическомъ смыслѣ; но и сильнымъ приходится плохо.

Вслѣдъ за днями кризиса наступаетъ періодъ застоя. Крупныхъ новыхъ крушеній не происходитъ, но и улучшенія тоже нѣтъ: производство и рынокъ въ угнетенномъ состояніи.

Мало-по-малу громадныя массы товаровъ начинаютъ таять на рынкѣ: понемногу ихъ сбываютъ. Постепенно, одно за другимъ, оправляются крупныя предпріятія и приступаютъ къ расширенію дѣла. Совершается шагъ за шагомъ переходъ отъ застоя къ умѣренному процвѣтанію. Производство снова достигаетъ прежнихъ размѣровъ, а затѣмъ перерастаетъ ихъ. При этомъ оказывается, что изъ прежнихъ мелкихъ предпріятій многіе исчезли безъ слѣда, и общее число предпріятій уменьшилось. Оживленіе возрастаетъ. Развитіе производства вновь становится неудержимо стремительнымъ. Повтореніе причинъ вызываетъ повтореніе слѣдствій—и за моментомъ высшаго процвѣтанія наступаетъ новый кризисъ.

Весь этотъ кругъ явленій уже нѣсколько разъ повторялся въ послѣднемъ столѣтіи. Первый общій кризисъ производства произошелъ въ 1825—26 году; второй—въ 36—37 г., далѣе въ 47-мъ и 57 гг.; до этого времени періодичность была довольно правильная, съ промежуткомъ въ десять лѣтъ. Затѣмъ послѣдовалъ міровой кризисъ 1873 года. По своей силѣ и продолжительности онъ далеко превосходилъ всѣ предыдущіе: распространяясь изъ страны въ страну, онъ продолжался нѣсколько лѣтъ, по крайней мѣрѣ до 1878 года. Затѣмъ, до начала 90-хъ годовъ не наблюдалось широкаго общаго процвѣтанія, а преобладалъ застой. Но мало-по-малу застой вновь смѣнился роскошнымъ расцвѣтомъ міровой промышленности, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ сильнѣйшаго оживленія въ 99-мъ году начался новый кризисъ. Онъ съ особенной силой

поразилъ Россію, но проявился вездѣ. Онъ продолжался нѣсколько лѣтъ, и размѣры его были громадны. Такъ, во Франціи, которая пострадала отъ него меньше, чѣмъ напр. Германія, число безработныхъ возросло на пол-милліона—съ 400 тысячъ въ 1896 г. до 900 тысячъ въ 1902 году.

По вопросу о дальнѣйшемъ развитіи кризисовъ мы должны отмѣтить два различныя мнѣнія.

По однимъ воззрѣніямъ, кризисы должны и впредь повторяться въ той же острой формѣ, какъ прежде, только промежутки между ними стали значительно длиннѣе. Громадная, во много разъ возросшая обширность и сложность капиталистическаго механизма требуетъ болѣе длительнаго дѣйствія нарушающихъ равновѣсіе силъ, чтобы разразился кризисъ; этому замедленію помогаетъ и большая, чѣмъ прежде, взаимная приспособленность элементовъ въ отдѣльныхъ областяхъ общественной жизни, создаваемая, напр., развитіемъ биржевой организаціи. Распредѣляясь на всю область міроваго капитализма, міровое перепроизводство должно достигнуть болѣе сильной степени, чтобы выразиться въ острыхъ и рѣзкихъ проявленіяхъ. Зато самыя эти проявленія должны становиться болѣе интенсивными, болѣе грозными. Въ пользу такого взгляда говоритъ, кромѣ теоретическихъ соображеній, шестнадцатилѣтній промежутокъ между кризисами 57 и 73 годовъ и двадцатишестилѣтній между кризисами 73 и 99 годовъ, а также особенно громадная сила послѣднихъ кризисовъ.

По другому воззрѣнію, измѣняется самый характеръ кризисовъ. Свѣтлые промежутки между ними дѣлаются все болѣе короткими, періоды кризиса и застоя, сливаясь между собою, занимаютъ все большую часть прежняго десятилѣтняго цикла. Перепроизводство выступаетъ въ формѣ хроническаго угнетенія промышленности, которое, постепенно превращаясь въ постоянное явленіе, не допускаетъ возможности того сильнаго оживленія, того интенсивнаго поступательнаго хода производственной жизни, который неминуемо обрывается кризисомъ. Но самое угнетеніе становится все болѣе глубокимъ; тенденція къ разстройству производственной жизни непрерывно усиливается. Воззрѣніе это въ настоящее время имѣетъ за себя меньше данныхъ, чѣмъ предыдущее; но оно являлось преобладающимъ до наступленія послѣдняго кризиса.

Отъ общихъ кризисовъ капиталистическаго производства кризисы частные отличаются, во-первыхъ, своимъ происхожденіемъ изъ причинъ болѣе частнаго характера, чѣмъ тенденція капитализма къ перепроизводству, и, во-вторыхъ, своими сравнительно меньшими размѣрами: они захватываютъ иногда отдѣльныя страны, иногда извѣстную область общественнаго хозяйства, сравнительно слабо отзываясь внѣ этой ограниченной сферы. Но такіе частные кризисы могутъ сами по себѣ быть чрезвычайно сильны, по интенсивности проявленій мало отличаясь въ отдѣльныхъ случаяхъ отъ настоящихъ міровыхъ кризисовъ.

Причинами частныхъ кризисовъ являются войны, революціи, неурожаи, громадныя биржевыя спекуляціи... Такъ, англійскій хлопковый кризисъ 1863—64 года былъ вызванъ войной въ Соединенныхъ Шта-

тахъ; общее экономическое угнетеніе, пережитое Россіей въ 1891—92 году, зависило отъ сильнаго неурожая, и т. п. Разсмотримъ на конкретныхъ примѣрахъ механизмъ возникновенія подобныхъ кризисовъ.

Междоусобная война въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1860—64 гг., извѣстная подъ названіемъ войны за освобожденіе негровъ, была результатомъ противоположности интересовъ между господствующими классами сѣвера и юга—промышленной буржуазіей и землевладѣльческой аристократіей. Первая стремилась къ протекціонизму, къ высокимъ пошлинамъ на продукты обрабатывающей промышленности, которые желала продавать по дорогой цѣнѣ; вторая добивалась свободной торговли, чтобы дешево покупать тѣ же самые продукты. Въ производствѣ же сырыхъ матеріаловъ дешевый рабскій трудъ юга былъ неудобнымъ конкуррентомъ для предпринимателей сѣвера, пользовавшихся наемнымъ трудомъ. Когда экономическая борьба приняла форму войны, то въ Англіи произошелъ кризисъ вслѣдствіе недостатка хлопка для прядильно-ткацкаго производства, такъ какъ значительная часть хлопка ввозилась изъ южныхъ штатовъ. Хлопчато-бумажная промышленность испытала сильнѣйшее сокращеніе размѣровъ, и резервная армія увеличилась приблизительно на двѣсти тысячъ человѣкъ. Такъ общественная борьба въ одной странѣ вызвала производственный кризисъ въ другой, благодаря той тѣсной экономической связи между странами, которую создаетъ общественное раздѣленіе труда.

Во всякомъ случаѣ, по отношенію къ такимъ частнымъ кризисамъ, которые непосредственно вызываются политическими потрясеніями, спекуляціей, вообще условіями явно общественнаго характера, не трудно выяснить, что основная ихъ причина тождественна съ причиной общихъ кризисовъ—неорганизованный характеръ общественнаго раздѣленія труда. Но и тамъ, гдѣ кризисъ порождается, на первый взглядъ, чисто стихійными причинами, напр., метеорологическими условіями, приводящими къ неурожаю, при болѣе тщательномъ анализѣ обнаруживается обыкновенно та же основная причина. Напр., такіе большіе неурожаи, какъ въ 1891 г. въ Россіи, становятся возможны только при сильномъ истощеніи почвы хищническимъ земледѣльческимъ хозяйствомъ. Переходъ отъ натуральнаго производства къ мѣновому и вызываемый этимъ переходомъ упадокъ крестьянскаго хозяйства принуждаетъ крестьянъ прибѣгать къ чрезмѣрному расширенію запашекъ и усиленной эксплоатаціи земли, при чемъ производительныя силы земли не возстановляются по мѣрѣ ихъ растрачиванія. Только истощенная почва ставитъ земледѣліе въ такую зависимость отъ условій погоды, что дѣлаются возможными и даже отъ времени до времени неминуемо должны случаться такіе неурожаи, которые сразу поражаютъ цѣлую страну. Слѣдовательно, и здѣсь сильный кризисъ не есть явленіе случайное для данной системы отношеній; сравнительно случайнымъ оказывается лишь тотъ фактъ, что кризисъ разражается, напр., въ 1891, а не въ 1890 году.

Изъ различныхъ областей общественнаго хозяйства наиболѣе легко поддается разстраивающимъ вліяніямъ область кредита. Такъ какъ сущ-

ность кредита составляетъ довѣріе, то для кредитнаго кризиса достаточной причиной является простая возможность потрясенія условій производства. Напр., угрожаетъ война; является опасеніе, что она разоритъ нѣкоторыя страны, что капиталисты тѣхъ странъ, а особенно ихъ правительства, перестанутъ платить свои долги. Ненадежность положенія подрываетъ кредитъ. Возникаетъ при этомъ усиленный спросъ на деньги, многіе предприниматели оказываются вынуждены немедленно платить такіе долги, по которымъ разсчитывали получить отсрочку. Благодаря несоотвѣтствію спроса и предложенія денегъ, собственно кредитный кризисъ осложняется денежнымъ кризисомъ: съ упадкомъ кредита соединяется недостатокъ денегъ на необходимыя уплаты. Потрясеніе распространяется, конечно, и на сферы собственно промышленныя, такъ какъ для промышленныхъ капиталистовъ, капиталъ которыхъ заключается, главнымъ образомъ, въ средствахъ производства и въ произведенныхъ товарахъ, а не въ деньгахъ, усиленный спросъ на деньги весьма тягостенъ.

Къ частнымъ кризисамъ слѣдуетъ отнести продолжающійся уже много лѣтъ хроническій кризисъ европейскаго земледѣлія. Его основныя причины: во-первыхъ, громадное расширеніе земледѣльческаго производства въ плодородныхъ странахъ другихъ частей свѣта, хлѣбъ которыхъ дешевъ не только въ силу большей производительности земледѣльческаго труда, но какъ было раньше указано, благодаря также сравнительно низкой земельной рентѣ; во-вторыхъ, недостатокъ рабочихъ рукъ для капиталистическаго земледѣлія Европы вслѣдствіе стремленія обезземеленныхъ крестьянъ въ города, гдѣ развивается обрабатывающая промышленность, а жизненныя условія для наемныхъ работниковъ лучше.

По формѣ, кризисы представляютъ изъ себя нѣкоторую деградацію общественнаго хозяйства, временное пониженіе производительныхъ силъ общества; но они же служатъ и могущественнымъ побужденіемъ къ техническому прогрессу, къ дальнѣйшему развитію производительныхъ силъ. Во-первыхъ, конкурренція, благодаря кризису, обостряется до крайности; во-вторыхъ, стремленіе вознаградить понесенныя потери побуждаетъ капиталистовъ изыскивать новыя средства обогащенія; наконецъ, въ третьихъ — и это главное — причину своихъ убытковъ, понесенныхъ во время кризиса, капиталистъ видитъ въ чрезвычайномъ пониженіи цѣны на товаръ и, естественно, старается довести технику предпріятія до такой высоты, чтобы даже весьма пониженныя цѣны не причиняли убытка.

Ускоряя техническій прогрессъ, кризисы способствуютъ развитію капиталистическихъ отношеній со всѣми ихъ послѣдствіями, къ числу которыхъ относятся и новые кризисы. Здѣсь тенденція къ развитію тѣснѣйшимъ образомъ сплетается съ тенденціей къ деградаціи. Если бы капиталистическое общество не умѣло создать въ своихъ нѣдрахъ прочной гарантіи развитія — въ лицѣ организующагося въ могучую силу, чтобы взять на себя всю организацію производства, рабочаго класса,—

оно имѣло бы всѣ шансы разрушиться и разложиться въ одномъ изъ ближайшихъ кризисовъ.

Кризисы, какъ наиболѣе рѣзкое проявленіе неорганизованности общественныхъ отношеній, послужили за послѣднее время и для класса предпринимателей сильнымъ побужденіемъ къ попыткамъ внести больше организованности въ экономическую жизнь.

б) Синдикаты предпринимателей.

Когда противорѣчіе между развитіемъ производительныхъ силъ и общественными формами, усиливаясь, стало принимать характеръ очень тягостный для самой буржуазіи: чрезмѣрно обостренная убійственная конкурренція, кризисы,—тогда и классъ капиталистовъ понемногу началъ приступать къ борьбѣ съ задѣвающими его неудобствами капиталистическихъ отношеній.

Средствомъ борьбы въ этомъ случаѣ является для предпринимателей объединеніе, организація. Путемъ организаціи капиталисты стремятся парализовать вліяніе той анархіи производства, которая лежитъ въ основѣ чрезмѣрной конкурренціи, кризисовъ и т. д.

Организовавшись въ союзъ, предприниматели извѣстной отрасли промышленности стараются нормировать ея производство, подчинить его опредѣленнымъ правиламъ. Такіе союзы предпринимателей называются синдикатами или картелями (ихъ высшая, наиболѣе развитая форма—трэстами).

Первыя попытки организовать синдикаты относятся еще къ 60-мъ годамъ нашего вѣка. Но рѣшительнымъ толчкомъ къ выступленію на сцену новой формы организаціи послужилъ кризисъ 1873 и послѣдующихъ годовъ. Съ тѣхъ поръ во многихъ капиталистическихъ странахъ синдикаты успѣли сдѣлаться крупной общественной силой.

Почва для возникновенія синдикатовъ подготовлялась усиленной концентраціей капиталовъ, уменьшеніемъ числа предпріятій и возрастаніемъ ихъ размѣровъ. Если объединеніе капитала данной области производства въ рукахъ немногихъ предпринимателей еще не совершилось, если существуетъ еще много сравнительно мелкихъ предпріятій, то объединеніе предпринимателей въ союзъ, во-первыхъ, очень трудно, во-вторыхъ, менѣе прочно. Всѣмъ предпринимателямъ данной отрасли столковаться тогда почти невозможно, и значительная часть ихъ останется внѣ организаціи; а въ такомъ случаѣ картель не въ состояніи выполнить своей задачи—нормировать, регулировать производство. Вообще, картель есть союзъ к р у п н ы х ъ предпринимателей.

Что касается до самой формы картельнаго объединенія, то она въ значительной степени подготовлена была акціонерными товариществами, которыя уже представляютъ изъ себя своего рода союзы капиталистовъ.

Однимъ изъ важныхъ условій, облегчающихъ объединеніе предпріятій въ синдикаты, является покровительственная система въ промышленномъ законодательствѣ.—Избавляя фабрикантовъ даннаго государства отъ ино-

странной конкурренціи, ставя ихъ въ исключительное, привилегированное положеніе, предоставляя имъ въ монополію внутренній рынокъ. Протекціонизмъ создаетъ наиболѣе благопріятныя условія для организаціи синдикатовъ. При господствѣ протекціонизма, синдикатъ можетъ вполнѣ устранить конкурренцію и дать наибольшія выгоды вступившимъ въ него капиталистамъ. При свободной же торговлѣ конкурренція иностранныхъ предпринимателей, которыхъ трудно присоединить къ синдикату, значительно уменьшаетъ выгоды синдиката для его членовъ: синдикатъ не обладаетъ монополіей производства, слѣдовательно, не можетъ и нормировать производство, произвольно опредѣлять его размѣры и цѣны его продуктовъ. Вотъ почему въ странахъ протекціонизма, каковы, напр., Соединенные Штаты, картельная система развивается особенно быстро. Тѣмъ не менѣе протекціонизмъ не есть необходимое условіе возникновенія синдикатовъ. Такъ, даже въ Англіи, гдѣ существуетъ наибольшая свобода торговли, послѣ 1873 года основалось большое число картелей, между которыми есть не мало весьма богатыхъ и могущественныхъ. При свободной торговлѣ легче могутъ возникнуть международные синдикаты.

Первые шаги развитія картелей сопровождались множествомъ неудачъ, крушеній, распаденій. Воспитанные среди экономической анархіи, проникнутые духомъ «свободной» конкурренціи, члены картелей зачастую обнаруживали полную неспособность къ соблюденію дисциплины, къ организованному веденію дѣла. Они или нарушали открыто общія постановленія, или обходили ихъ съ помощью различныхъ уловокъ, и страдали какъ разъ тѣ члены, которые добросовѣстно подчинялись установленнымъ ограниченіямъ. И теперь еще многіе синдикаты погибаютъ отъ этой причины.

Другая, еще болѣе важная причина гибели многихъ картелей заключалась въ томъ, что имъ не удавалось пріобрѣсти дѣйствительной власти надъ производствомъ своей отрасли. Когда оставшіеся независимыми конкурренты расширяютъ свое производство, картельная организація теряетъ всякій смыслъ существованія; для ея членовъ весьма невыгодно подчиняться ограниченіямъ, которыя только даютъ преимущество ихъ врагамъ; установленіе картелемъ рыночныхъ цѣнъ становится прямо невозможнымъ. Особенно гибельно для синдиката, если самые сильные предприниматели данной отрасли, въ сознаніи своего могущества, не желаютъ присоединиться къ нему. Опытъ показываетъ, что синдикатъ можетъ диктовать цѣны только тогда, когда въ его рукахъ находится $^2/_3$-$^3/_4$ всего рынка.

Когда синдикатъ захватываетъ дѣйствительную власть надъ своей отраслью производства, то всѣ предпріятія, неспособныя къ объединенію, обрекаются на гибель. Своей силой и сплоченностью синдикатъ безпощадно пользуется для борьбы съ противниками. Напр., германскій синдикатъ производителей шиннаго желѣза постановилъ объявить боевыя цѣны противъ всѣхъ, «кто не примкнулъ къ нему». Швейцарскій синдикатъ кружевныхъ фабрикъ, чтобы смирить непокорныхъ, добился отъ правительства строгаго примѣненія 11-тичасового дня на фабрикахъ, гдѣ прежде была сверхсрочная работа. Онъ заявилъ далѣе, что всѣ служащіе у непримкнувшихъ къ нему предпринимателей по прошествіи 3 мѣсяцевъ не будутъ болѣе приниматься на заводы синдиката.

Развитіе картелей шло съ поразительной быстротой, но въ то же время со строгой послѣдовательностью. Въ ихъ исторіи до настоящаго времени можно намѣтить нѣсколько стадій.

Первая стадія—подготовительная. Составляются слабыя соглашенія на сравнительно короткіе сроки для поддержанія цѣнъ или для ограниченія производства. Дѣлается множество попытокъ подъ вліяніемъ еще неясныхъ стремленій. Неудачи очень часты.

Затѣмъ идетъ уже организація настоящихъ картелей. Заключаются прочные союзы на болѣе продолжительный срокъ, съ цѣлью дѣйствовать одновременно и на установленіе цѣнъ, и на ограниченіе производства.

Мало-по-малу объединеніе становится все болѣе прочнымъ. Программа картеля расширяется. Захвативши власть надъ производствомъ, онъ раздѣляетъ рынки между своими членами, основываетъ центральныя мѣста для сбыта товаровъ, обязываетъ членовъ ввести у себя новыя техническія улучшенія и т. д.

Наконецъ, уничтожаются послѣдніе остатки конкурренціи внутри самого союза, послѣдніе остатки самостоятельности отдѣльныхъ предпринимателей. Союзъ устанавливаетъ всѣ мелочи производства и опредѣляетъ размѣры прибыли, идущей каждому члену. Получается одно гигантское предпріятіе—трэстъ. Прежніе самостоятельные предприниматели являются въ немъ просто акціонерами. Для настоящаго времени это—высшая форма картеля.

И теперь еще всѣ различныя формы картелей встрѣчаются рядомъ; но всюду наблюдается тенденція къ переходу въ высшія формы.

Большое историческое значеніе имѣетъ появленіе международныхъ синдикатовъ (въ 1889 году ихъ считалось 11, въ 1896—больше 40), яркое выраженіе того факта, что развитой капитализмъ есть явленіе международное, не знающее національностей. Изъ такихъ синдикатовъ стоитъ отмѣтить свинцово-серебряный, въ рукахъ котораго находится $^3/_4$ ежегодной добычи всего серебра на свѣтѣ и $^1/_3$ всего свинца; затѣмъ табачный, динамитный и др. Нефтяной трэстъ Сѣв. Америки за послѣдніе годы стремился пріобрѣсти вліяніе на русское нефтяное дѣло; если бы ему удалось овладѣть этимъ послѣднимъ, то для трэста во всемъ мірѣ не останется конкурренціи.

Число синдикатовъ въ настоящее время считается цѣлыми сотнями.

Громадныя средства, которыми располагаютъ синдикаты, позволяютъ имъ быстро примѣнять всякія усовершенствованія, которыя для отдѣльныхъ предпринимателей были бы черезчуръ дороги. На службѣ у синдикатовъ находится обыкновенно масса ученыхъ спеціалистовъ, и для выработки такихъ спеціалистовъ синдикаты часто устраиваютъ ученыя и учебныя учрежденія. Вообще, техническій прогрессъ ускоряется новой формой организаціи.

Далѣе, само собой понятно, насколько синдикаты ускоряютъ процессъ концентраціи капиталовъ. По даннымъ послѣднихъ лѣтъ, табачный, напр., трэстъ поглотилъ не менѣе 150 предпріятій, нефтяной—

около 400, стальной 785. Капиталъ 447 трэстовъ Сѣв. Америки исчисляется въ 20 миллiардовъ долларовъ (38.000 милл. руб.).

На общiй ходъ промышленности синдикаты влiяютъ въ томъ направленiи, что придаютъ ему болѣе спокойный, болѣе ровный характеръ, впрочемъ, только отчасти. Они охраняютъ промышленность отъ сравнительно мелкихъ потрясенiй, частныхъ кризисовъ.

Но устранить мiровые кризисы картельная организацiя не въ силахъ, что видно изъ слѣдующихъ соображенiй. Пока въ синдикаты организовались не всѣ предпрiятiя, до тѣхъ поръ объ устраненiи всеобщихъ кризисовъ, очевидно, не можетъ быть и рѣчи. Но и тогда, когда всѣ отрасли производства организуются въ отдѣльные синдикаты, и тогда экономическая анархiя не устраняется. Конкурренцiя принимаетъ только новую, быть можетъ, еще болѣе тяжелую форму, чѣмъ прежде. Между организацiями отдѣльныхъ отраслей производства завязывается ожесточенная борьба. Каждый синдикатъ, будучи монополистомъ въ своей области, стремится къ безконечному повышенiю цѣнъ на свои товары; другiе препятствуютъ ему въ этомъ, преслѣдуя, со своей стороны, аналогичныя цѣли; исходъ борьбы зависитъ отъ соотношенiя силъ синдикатовъ. Чтобы судить о напряженности, объ отчаянномъ характерѣ этой борьбы, надо принять во вниманiе, что однѣ отрасли промышленности доставляютъ другимъ средства производства, что между всѣми отраслями существуютъ тѣснѣйшая взаимная связь и зависимость. Синдикатъ, положимъ, хлопковыхъ плантаторовъ значительно повышаетъ цѣны на хлопокъ; между тѣмъ, прядильноткацкiй синдикатъ уже довелъ цѣны тканей до такой высоты, которая для него наиболѣе выгодна, такъ что дальнѣйшее повышенiе этихъ цѣнъ причинитъ только убытки, вызвавши сокращенiе спроса. Тогда прядильно-ткацкiй синдикатъ поставленъ въ необходимость либо принять невыгодныя для него цѣны на хлопокъ, либо на неопредѣленное время прекратить производство. Въ первомъ случаѣ дѣла этого синдиката должны значительно ухудшиться, и ему рано или поздно не миновать окончательнаго крушенiя въ борьбѣ съ болѣе сильными синдикатами. Во второмъ случаѣ, получается какъ бы стачка двухъ синдикатовъ другъ противъ друга; тотъ, который потерпитъ пораженiе, долженъ потерять свою самостоятельность; а время этой борьбы является временемъ страшнаго экономическаго кризиса, поражающаго все общественное хозяйство.

Въ настоящее же время при общихъ кризисахъ производства картели терпятъ колоссальные убытки, въ полномъ соотвѣтствiи съ колоссальностью своихъ капиталовъ. Такъ, въ 1903 г. потери на курсѣ для 100 главныхъ картелей Сѣв. Америки составляли 1754 милл. долларовъ или 3300 милл. рублей, около 44% общей стоимости акцiй.

Но если картельная организацiя и не можетъ устранить всеобщихъ кризисовъ, то все-таки предпринимателямъ она даетъ возможность легче ихъ переносить. Нельзя сказать того же по отношенiю къ рабочимъ. Въ самомъ дѣлѣ, противъ перепроизводства картели борются путемъ сокращенiя производства, и благодаря уже этому одному, спросъ

на рабочія руки сокращается. А техническій прогрессъ, ускоряющійся при новой формѣ организаціи, еще болѣе содѣйствуетъ расширенію капиталистическаго резерва. Кромѣ того, громадная экономическая сила синдикатовъ въ значительной мѣрѣ направляется и прямо противъ рабочихъ союзовъ, хотя она же служитъ и побужденіемъ къ ихъ развитію. На борьбу противъ рабочихъ организацій трэсты могутъ тратить и въ дѣйствительности тратятъ громадныя средства, такъ что бороться съ ними не безъ шансовъ на успѣхъ могутъ только крупнѣйшія организаціи профессіональныя, да еще, разумѣется, политическія рабочія партіи, путемъ давленія на государство.

Чрезвычайно уменьшая число предпріятій, синдикаты облегчаютъ тѣмъ самымъ введеніе фабричнаго законодательства—благопріятное условіе для экономическаго прогресса.

О томъ, насколько благопріятно вліяетъ картельная организація на прибыль капиталистовъ, можно судить по слѣдующему примѣру. Между тѣмъ какъ вообще на Западѣ прибыль въ 5—7% считается уже очень высокой, дивидендъ международнаго динамитнаго трэста, объединившаго всѣ болѣе крупныя динамитныя фабрики земного шара, составлялъ въ 80-хъ годахъ отъ 8 до 15%.

Дивидендъ громаднаго нефтяного трэста Сѣв. Америки за 8 лѣтъ (1896—1903) при нарицательномъ акціонерномъ капиталѣ въ 100 милліоновъ долларовъ (190 милл. рублей) составлялъ ежегодно отъ 31% до 48%, въ среднемъ 39%.

Вліяніе новой формы организаціи на цѣны большей частью неблагопріятное для потребителей—синдикаты поднимаютъ цѣны, обмѣниваютъ свои товары не на равное по стоимости, а на большее количество другихъ товаровъ, напр., денегъ. Но когда и другіе товары попадутъ въ руки синдикатовъ, когда синдикаты охватятъ большую часть производства, тогда равновѣсіе цѣнъ должно опять возстановиться; по крайней мѣрѣ, среднія цѣны на товары синдикатовъ должны прійти къ нормѣ, потому что монополіи будетъ противопоставлена монополія. Однако, и теперь уже не всегда картели повышаютъ цѣны. Картели высшаго порядка могутъ процвѣтать и безъ повышенія цѣнъ, даже иногда понижаютъ ихъ, чтобы расширить спросъ. Нефтяной трэстъ Сѣверной Америки, захвативъ рынокъ въ свои руки, понизилъ цѣны на нефть. Чѣмъ лучше, обширнѣе, технически совершеннѣе поставлено производство синдиката, тѣмъ скорѣе отъ него можно ожидать пониженія цѣнъ.

Среди класса капиталистовъ синдикаты порождаютъ рѣзкую противоположность интересовъ между организованной и неорганизованной его частью. Отдѣльно стоящіе предприниматели ведутъ ожесточенную борьбу противъ угрожающихъ имъ гибелью синдикатовъ, добиваются законовъ, враждебныхъ новой формѣ организаціи, возстановляютъ противъ нея общественное мнѣніе и т. п. Но въ концѣ-концовъ все оказывается тщетнымъ: сила синдикатовъ возрастаетъ.

в) Интеграція предпріятій.

Въ общественномъ раздѣленіи труда одни предпріятія получаютъ отъ другихъ необходимыя средства производства — матеріалы и орудія. Эта форма взаимной связи предпріятій имѣетъ свои неудобства для предпринимателей: она порождаетъ борьбу, и нерѣдко ожесточенную, между предпріятіями, находящимися въ подобныхъ отношеніяхъ. Если прядильныя фабрики повышаютъ цѣну на пряжу, а ткацкія не имѣютъ возможности соотвѣтственно повысить цѣны на ткани, то фабриканты тканей терпятъ убытки, и могутъ добиться прежнихъ цѣнъ на матеріалы лишь путемъ борьбы съ прядильщиками, путемъ сокращенія производства.

Отсюда возникаетъ новая тенденція въ промышленности. Если прежде преобладающее стремленіе къ развитію техники вызывало крайнюю спеціализацію предпріятій, суженіе поля ихъ дѣятельности, то теперь на мѣсто этой спеціализаціи выступаетъ мало-по-малу расширеніе сферы производства отдѣльныхъ предпріятій. Капиталистъ стремится организовать въ собственномъ предпріятіи производство тѣхъ матеріаловъ и орудій, которые въ немъ требуются; такимъ путемъ онъ достигаетъ наименьшей зависимости отъ другихъ предпринимателей. Само собой разумѣется, что такая интеграція предпріятій—объединеніе общественно раздѣленныхъ, взаимно необходимыхъ производствъ—по силамъ только наиболѣе крупнымъ капиталамъ; въ наибольшей мѣрѣ это могутъ осуществлять большія акціонерныя общества и трэсты.

Интеграція предпріятій есть процессъ, во многомъ аналогичный процессу образованія картелей, но захватывающій другую сторону предпріятій. Эти двѣ тенденціи взаимно дополняютъ другъ друга; но, и взятыя вмѣстѣ, онѣ не въ силахъ существенно преобразовать строеніе капиталистическаго общества, тѣмъ болѣе что въ его предѣлахъ не могутъ итти до конца.

Это преобразованіе въ силахъ осуществить только развитіе рабочаго движенія.

VIII. Соціалистическое общество.

Эпоха промышленнаго капитализма еще далеко не завершилась; но неустойчивость ея отношеній уже выяснилась вполнѣ. Выяснились и коренныя противорѣчія этого строя, которыя все глубже его подрываютъ,— и силы развитія, которыя создаютъ основы для иного строя. Намѣтилось, въ главныхъ чертахъ, направленіе, по которому идетъ и это разрушеніе, и это развитіе. Такимъ образомъ, уже теперь можно сдѣлать выводы о томъ, каковъ будетъ новый строй, въ чемъ его основныя различія отъ нынѣшняго.

Можетъ показаться, что наука не имѣетъ права говорить о томъ, что еще не наступило, и чему не было точнаго примѣра въ прошломъ. Такая мысль очень ошибочна. Наука существуетъ именно для того, что-

ли предвидѣть. Чему не было еще точнаго примѣра, того она не можетъ, разумѣется, предвидѣть вполнѣ точно. Но если въ общемъ извѣстно то, что есть, и извѣстно, въ какую сторону оно измѣняется, то наука должна сдѣлать выводъ о томъ, что изъ этого получится. Она должна сдѣлать этотъ выводъ для того, чтобы люди въ своихъ дѣйствіяхъ могли съ нимъ сообразоваться, чтобы они не тратили безплодно свои силы, дѣйствуя вопреки будущему, задерживая развитіе новыхъ формъ,—но чтобы они могли сознательно работать для ускоренія и облегченія этого развитія.

Выводы общественной науки о будущемъ строѣ не могутъ быть вполнѣ точными, благодаря тому, что громадная сложность общественныхъ явленій не позволяетъ въ наше время охватывать ихъ во всей полнотѣ, со всѣми частностями, но только—въ общихъ чертахъ. Поэтому и картина новаго строя можетъ быть дана только въ еще болѣе общихъ чертахъ. Но онѣ-то и являются наиболѣе важными чертами, особенно для человѣка нашихъ дней.

При современномъ состояніи науки не только нельзя установить, хотя бы приблизительно, время коренного измѣненія общественныхъ формъ и замѣны ихъ новыми, но даже самый переходъ къ этимъ новымъ формамъ приходится принимать условно: новый, высшій строй явится въ томъ случаѣ, если общество будетъ итти впередъ въ своемъ развитіи, какъ шло впередъ до сихъ поръ. Исторія древняго міра показываетъ, что человѣческія общества могутъ иногда итти назадъ, приходить въ упадокъ, разлагаться; исторія первобытнаго человѣчества, а также нѣкоторыхъ замкнутыхъ восточныхъ обществъ говоритъ о возможности долгаго застоя. Но для застоя или деградаціи нужны достаточныя причины; въ жизни современнаго общества ихъ указать нельзя. Стать застойнымъ оно не можетъ при массѣ внутреннихъ противорѣчій, при порождаемомъ ими стремительномъ ходѣ жизни. Вызвать коренную деградацію эти противорѣчія могли бы только въ тотъ случаѣ, если бы налицо не имѣлось достаточныхъ силъ и элементовъ для развитія; но они имѣются, и до сихъ поръ тѣ же общественныя противорѣчія развивали ихъ и умножали. Производительныя силы общества непрерывно растутъ, растетъ и организуется громадный классъ общества, стремящійся осуществить новыя формы. Поэтому нѣтъ никакихъ серьезныхъ данныхъ, чтобы ожидать обратнаго движенія, деградаціи общества; неизмѣримо больше основаній думать, что оно продолжитъ свой путь и создастъ новыя формы.

1. Отношенія общества къ природѣ.

Развитіе машинной техники еще въ періодѣ капитализма пріобрѣтаетъ характеръ такой послѣдовательности и непрерывности, что становится вполнѣ возможнымъ опредѣлить тенденціи, а стало быть и дальнѣйшіе результаты этого развитія. Основная тенденція уже была намѣчена —она направлена къ автоматизму машинной работы. Машина

стараго типа, при которой болѣе или менѣе значительная часть необходимыхъ механическихъ движеній выполняется руками работника, уступаетъ мѣсто новому типу—механизму автоматическому, при которомъ роль работника сводится почти исключительно къ надзору и контролю надъ дѣйствіемъ машины. Самый этотъ контроль все болѣе упрощается и облегчается введеніемъ вспомогательныхъ регулирующихъ приспособленій, становится все менѣе мелочнымъ, все болѣе пріобрѣтаетъ характеръ лишь общаго наблюденія за исправностью дѣйствій различныхъ аппаратовъ, входящихъ въ составъ машины: механику нѣтъ надобности ежеминутно взглядывать на манометръ или на измѣритель тока и каждый разъ самому принимать мѣры къ установкѣ надлежащаго уровня давленія пара или силы тока, если въ машину включены регуляторы, автоматически поддерживающіе то и другое на установленной высотѣ; онъ долженъ только время отъ времени освѣдомляться, дѣйствуютъ ли самые регуляторы, и въ случаѣ надобности мѣнять ихъ установку, а также заботиться о быстромъ ихъ исправленіи въ случаѣ порчи и т. под. Но при этомъ все болѣе повышается уровень знанія, пониманія, сообразительности, общаго психическаго развитія, который требуется отъ работника. Трудъ при машинѣ становится по своему типу все болѣе «организаторскимъ», все болѣе интеллектуальнымъ, все менѣе ремесленнымъ, все менѣе требующимъ технической ловкости узкаго спеціалиста. Работа мысли получаетъ все большее преобладаніе надъ работой мускуловъ.

При этомъ количество машинъ и сумма развиваемой ими механической энергіи возрастаетъ въ такой колоссальной степени, что физическая энергія людей становится почти несоизмѣримо малою по сравненію съ этой громадной величиной. Силы природы выполняютъ для человѣка исполинскую работу,—послушные мертвые рабы, мощь которыхъ растетъ до безконечности.

Особенное значеніе для развитія новыхъ общественныхъ формъ имѣетъ техника сообщеній между людьми. Ея стремительный прогрессъ, наблюдаемый въ концѣ эпохи капитализма, явно направленъ къ тому, чтобы устранить всѣ препятствія, которыя ставятъ объединенію и сплоченію людей природа и пространство. Усовершенствованіе безпроволочнаго телеграфа и телефона въ очень недалекомъ, повидимому, будущемъ создастъ возможность для людей непосредственно сноситься на какихъ угодно разстояніяхъ и на какихъ угодно естественныхъ преградахъ. Возрастающая скорость всѣхъ способовъ передвиженія будетъ физически сближать людей вмѣстѣ съ продуктами ихъ труда въ такой мѣрѣ, какъ не могли и мечтать прошлыя поколѣнія. Наконецъ несомнѣнно, близокъ уже моментъ созданія свободно управляемыхъ воздухоплавательныхъ аппаратовъ. Разрѣшеніе этой труднѣйшей задачи дастъ человѣческимъ отношеніямъ реальную независимость отъ географическихъ условій земной поверхности, отъ ея строенія и ея очертаній.

Дѣйствительная власть общества надъ природою, безпредѣльно развивающаяся на основѣ научно-организованной техники—такова первая характеристика послѣ-капиталистическаго строя.

2. Общественныя отношенія производства

Какъ мы видѣли, машинная техника въ періодѣ капитализма измѣняетъ формы сотрудничества въ двухъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, техническое раздѣленіе труда теряетъ характеръ «спеціализаціи», съуживающей и ограничивающей психику работника, и становится сходнымъ съ «простой кооперацiей», въ которой работники выполняютъ однородную работу; при этомъ техническая «спеціализація» переносится съ человѣка на машину. Съ другой стороны, самыя рамки этого сотрудничества расширяются въ громадныхъ размѣрахъ: возникаютъ предпріятія, объединяющія въ одной организованной системѣ тысячи и десятки тысячъ работниковъ.

Обѣ эти тенденціи для новаго строя надо представить себѣ продолженными несравненно дальше, чѣмъ въ эпоху машиннаго капитализма. Различія профессіональной спеціализаціи должны свестись къ такой ничтожной величинѣ, что исчезаетъ окончательно то психическое разъединеніе, которое создается разнородностью трудовой жизни людей; связь взаимнаго ихъ пониманія и общенія безпрепятственно расширяется и упрочивается на основѣ дѣйствительной общности жизненнаго содержанія.

Въ то же время организованное трудовое объединеніе безпрерывно растетъ, группируя людей уже сотнями тысячъ и милліонами на одной общей трудовой задачѣ.

Изъ продолжающагося развитія этихъ двухъ прежнихъ тенденцій возникаютъ двѣ уже новыхъ особенности послѣ-капиталистическаго строя. Съ одной стороны, преодолѣвается и теряетъ значеніе послѣдняя наиболѣе устойчивая форма спеціализаціи—раздѣленіе организатора и исполнителя. Съ другой стороны, всѣ трудовыя группировки людей становятся все болѣе подвижными, все болѣе текучими.

Хотя въ эпоху машиннаго капитализма исполнительскій трудъ при машинахъ уже приближается по своему характеру къ организаторскому труду, но все же различія между ними остается достаточно, а потому и обособленіе ролей организаторской и исполнительской не перестаетъ быть прочнымъ: самый опытный работникъ машиннаго производства все же далеко не то, что его директоръ, и не можетъ замѣнить этого послѣдняго. Но дальнѣйшее повышеніе сложности и тонкости механизмовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общей интеллигентности работника должно подорвать это различіе, и создать постоянную возможность легкой замѣны любого организатора однимъ изъ исполнителей обратно. Исчезаетъ трудовое неравенство этихъ двухъ типовъ, и они сливаются между собою.

Вмѣстѣ съ послѣдними остатками психической «спеціализаціи» устраняется всякая необходимость и всякая разумность прикрѣпленія опредѣленныхъ лицъ къ опредѣленной частной работѣ. Совершенно напротивъ, новыя формы труда требуютъ такой умственной гибкости и такой разносторонности опыта, для развитія и поддержанія которыхъ работникъ прямо-таки долженъ время отъ времени мѣнять работу, переходя отъ однѣхъ машинъ къ другимъ, отъ роли «организаторской» къ «исполнительской» и обратно. А несравненно болѣе быстрый, чѣмъ въ нашу

эпоху, прогрессъ техники, съ постояннымъ усовершенствованіемъ машинъ и ихъ комбинацій, долженъ сдѣлать въ высокой степени подвижными, быстро измѣняющимися самыя группировки человѣческихъ силъ въ отдѣльныя трудовыя системы («предпріятія», какъ ихъ называютъ въ наше время).

Все это становится возможнымъ и осуществимымъ, благодаря тому, что производство въ цѣломъ организовано обществомъ сознательно и планомѣрно. На основѣ научнаго опыта и трудовой солидарности создается всеобщая, объединяющая организація труда; устраняется та анархія, которая въ эпоху капитализма разъединяетъ отдѣльныя предпріятія—безпощадной конкурренціей, и цѣлые общественные классы—суровою борьбой. Наука указываетъ путь къ такой организаціи, вырабатываетъ способы ея выполненія; объединенная сила сознательныхъ работниковъ ее осуществляетъ.

Въ этой новой системѣ производства каждый работникъ дѣйствительно равенъ другому работнику, какъ сознательные элементы единаго разумнаго цѣлаго; въ этой системѣ каждому даются всѣ условія чтобы съ наибольшей полнотой и всесторонностью развить свою трудовую силу и съ наибольшей цѣлесообразностью примѣнять ее въ пользу всѣхъ.

Итакъ, стройная организованность всей производственной системы, при величайшей подвижности ея элементовъ и ихъ группировокъ и при высокой психической однородности трудящихся, какъ всесторонне развитыхъ сознательныхъ работниковъ,—вотъ вторая характеристика послѣ-капиталистическаго общества.

3. Распредѣленіе.

Распредѣленіе представляетъ вообще необходимую часть производственной системы, и въ своей организаціи всецѣло отъ нея зависитъ. Планомѣрная организація производства предполагаетъ такую же организацію распредѣленія. Верховнымъ организаторомъ и здѣсь и тамъ является само общество, какъ цѣлое: оно распредѣляетъ трудъ, оно соотвѣтственно этому распредѣляетъ и продукты труда. Это прямая противоположность тому анархическому, неорганизованному распредѣленію, которое выражается въ обмѣнѣ и частной собственности, которое протекаетъ на почвѣ конкурренціи и грубой борьбы интересовъ.

Принципъ распредѣленія прямо вытекаетъ изъ основъ организаціи сотрудничества. Если система производства организована такъ, что должна обезпечивать каждому члену общества полное и всестороннее развитіе силъ и цѣлесообразное ихъ примѣненіе на пользу всѣхъ, то система распредѣленія должна давать ему всѣ средства потребленія, какія ему необходимы и для этого развитія силъ, и для ихъ примѣненія. Приблизительно эта мысль, только неполно и неточно, выражается въ обычной такъ назыв. коммунистической формулѣ распредѣленія труда и продукта: отъ каждаго по его силамъ, каждому по его потребностямъ.

Общественная организація производства и распредѣленія предполагаетъ, конечно, и общественную собственность на средства производства, и точно также на предметы потребленія, созданныя общественнымъ трудомъ,—вплоть до момента передачи ихъ обществомъ отдѣльнымъ лицамъ для потребленія. Тамъ, въ области потребленія, которое по существу индивидуально, начинается «индивидуальная собственность». Она, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ капиталистической частной собственностью, которая прежде всего есть собственность частныхъ лицъ на средства производства, и не заключаетъ въ себѣ права работниковъ на необходимыя средства потребленія.

Сложность новой организаціи распредѣленія, очевидно, должна быть громадна, и требуетъ такого развитія статистическаго и освѣдомляющаго аппарата, до какого нашей эпохѣ еще очень далеко. Однако, уже въ наше время складываются, въ самыхъ различныхъ областяхъ экономической жизни, различные элементы, которые должны послужить матеріаломъ для подобнаго аппарата: въ сферѣ банковаго и кредитнаго дѣла — агентуры и комитеты экспертовъ для выясненія положенія рынковъ, организація биржевая и т. под.; въ сферѣ рабочаго движенія — организація союзныхъ кассъ взаимопомощи, потребительныхъ обществъ; далѣе, сюда же относится организація государственнаго страхованія и т. д. Но всѣ эти элементы должны существенно преобразиться, чтобы войти въ будущую систему распредѣленія, потому что теперь они всецѣло приспособлены къ анархической системѣ капитализма и подчинены ея формамъ. Это скорѣе разбросанные зародышевые прообразы будущей единой и стройной системы распредѣленія.

Итакъ, общественно-организованное распредѣленіе на основѣ общественной собственности на всѣ средства производства—такова третья характеристика послѣ-капиталистическаго строя.

4. Общественная психологія.

Основнымъ строеніемъ новой общественной организаціи опредѣляется первая черта общественной психологіи, выступающей въ ея рамкахъ: высшая степень соціальности. Трудовая сплоченность великой семьи человѣчества и коренная однородность развитія людей должны создать такую степень взаимнаго сочувствія и взаимнаго пониманія людей, на которую слабымъ указаніемъ является только современная солидарность сознательныхъ и борющихся элементовъ рабочаго класса—представителя будущаго общества въ настоящемъ. Человѣкъ, воспитанный эпохою ожесточенной конкурренціи, безпощадной экономической вражды людей, группъ и классовъ, не въ силахъ даже представить себѣ того высшаго развитія товарищеской связи людей, которое органически вытекаетъ изъ новыхъ трудовыхъ отношеній.

Изъ реальной власти общества надъ природой внѣшней и надъ своей собственной природою вытекаетъ другая черта психологіи новаго міра—это отсутствіе всякаго фетишизма, чистота и ясность познанія, освобожденнаго отъ идоловъ мистики и призраковъ метафизики. Исчезаютъ послѣдніе слѣды фетишизма натуральнаго, отражающаго окончательно низвергнутое господство надъ человѣкомъ внѣшней природы; разрушается

и искореняется до конца фетишизмъ соціальный, отражающій господство надъ человѣкомъ стихійныхъ силъ общественной природы, власть рынка и конкурренціи. Сознательно и планомѣрно организуя свою борьбу со стихіями природы и свои собственныя отношенія въ этой борьбѣ, общественный человѣкъ не нуждается въ кумирахъ, воплощающихъ чувство безпомощности передъ непреодолимыми силами окружающаго міра; непознанное для него перестаетъ быть непознаваемымъ, потому что процессъ познанія, организованный планомѣрно на почвѣ организованнаго труда, сопровождается сознаніемъ силы, чувствомъ побѣды, потому что въ жизненномъ опытѣ человѣка нѣтъ больше области, окруженной несокрушимою стѣною тайны.

Какъ результатъ соединенія обѣихъ указанныхъ чертъ общественной психологіи выступаетъ третья черта — прогрессивное устраненіе принудительныхъ нормъ и вообще элементовъ принужденія въ общественной жизни.

Жизненное значеніе всякихъ принудительныхъ нормъ—обычая, права, нравственности — заключается въ томъ, что онѣ регулируютъ жизненныя противорѣчія между людьми, группами, классами. Противорѣчія же эти сводятся къ борьбѣ, конкурренціи, враждѣ, насилію, и вытекаютъ изъ неорганизованности, анархичности общественнаго цѣлаго. Принудительныя нормы, которыя, частью стихійно, частью сознательно, вырабатываетъ общество въ борьбѣ съ этой неорганизованностью и этими противорѣчіями, становятся для людей внѣшней силой, которой они подчиняются; и въ качествѣ такой внѣшней силы, стоящей надъ человѣкомъ, нормы эти становятся фетишами, т.-е. извращенно представляются людямъ, какъ что-то высшее, требующее поклоненія или почитанія. Безъ этого фетишизма принудительныя нормы не имѣли бы той власти надъ людьми, какая необходима, чтобы сдерживать жизненныя противорѣчія. Натуральный фетишистъ приписываетъ власти, праву, нравственности происхожденіе изъ самой «сущности вещей». То и другое означаетъ— высшее происхожденіе, абсолютное значеніе. Вѣруя въ такой высшій и абсолютный характеръ нормъ фетишистъ съ преданностью раба подчиняется имъ и поддерживаетъ ихъ.

Когда общество перестаетъ быть анархичнымъ и складывается въ гармоничныя формы стройной организаціи, тогда жизненныя противорѣчія въ его средѣ перестаютъ быть основнымъ и постояннымъ явленіемъ, но только—частнымъ и случайнымъ. Принудительныя же нормы суть своего рода «законы» въ томъ смыслѣ, что они должны регулировать явленія повторяющіяся, вытекающія изъ самого строенія общества; очевидно, при новомъ строѣ онѣ утрачиваютъ свой смыслъ. Случайныя же и частныя противорѣчія, при высокомъ развитіи соціальнаго чувства и при такомъ же высокомъ развитіи познанія, легко преодолѣваются людьми и безъ спеціальныхъ «законовъ», принудительно проводимыхъ «властью». Напр., если душевно-больной причиняетъ опасность и вредъ другимъ людямъ, то не требуется особыхъ «законовъ» и органовъ «власти», чтобы устранить такое противорѣчіе, но достаточно указаній науки, чтобы цѣле-

сообразно лѣчить человѣка, и соціальнаго чувства окружающихъ людей, чтобы, препятствуя проявленіямъ насилія съ его стороны, причинять ему также какъ можно меньше насилія.

Смыслъ принудительныхъ нормъ въ обществѣ высшаго типа теряется тѣмъ болѣе, что съ исчезновеніемъ соціальнаго фетишизма, съ ними связаннаго, онѣ теряютъ и свою «высшую» силу.

Ошибочно думаютъ тѣ, кто полагаютъ, что въ новомъ обществѣ должно сохраниться „государственное устройство", т.-е. правовая организація, потому что необходимы нѣкоторые принудительные законы, напр., законъ о томъ, чтобы каждый по стольку-то часовъ въ день работалъ для общества. Всякое государственное устройство есть о р а н и з а ц і я **к л а с с о в а г о г о с п о д с т в а**, и оно невозможно тамъ, гдѣ нѣтъ классовъ. Что касается распредѣленія труда въ обществѣ, то оно при новомъ строѣ гарантируется, съ одной стороны, указаніями науки и ея выразителей, техническихъ организаторовъ труда, дѣйствующихъ только именемъ науки, но не именемъ власти, съ другой стороны — силою соціальнаго чувства, связывающаго людей въ одну трудовую семью искреннимъ стремленіемъ сдѣлать все для блага всѣхъ.

Только въ переходномъ періодѣ, когда еще сохраняются остатки классовыхъ противорѣчій прошлаго, мыслима государственная форма и для новаго общества — „государство будущаго". Но и это государство есть также организація классового господства, только — господства пролетаріата, класса, уничтожающаго раздѣленіе общества на классы, а съ этимъ раздѣленіемъ устраняющаго затѣмъ и государственную форму общества.

5. Силы развитія.

Новое общество основано не на мѣновомъ, а на **н а т у р а л ь н о м ъ** хозяйствѣ. Между производствомъ и потребленіемъ продуктовъ не стоитъ рынокъ, покупка и продажа,—но только сознательно и планомѣрно организованное распредѣленіе.

Новое натуральное хозяйство отличается отъ стараго, — напр., первобытно-коммунистическаго,—тѣмъ, что оно охватываетъ собою не большую или маленькую общину, но—цѣлое общество изъ сотенъ милліоновъ людей, а затѣмъ—все человѣчество.

Въ обществахъ съ мѣновымъ хозяйствомъ силы развитія—«относительное перенаселеніе», конкурренція, классовая борьба,—т.-е. въ сущности в н у т р е н н і я п р о т и в о р ѣ ч і я общественной жизни. Въ обществахъ натурально-хозяйственныхъ, разсмотрѣнныхъ нами выше-родовыхъ, феодальныхъ и т. под.—эти силы сводятся къ «абсолютному перенаселенію», т.-е. къ в н ѣ ш н е м у п р о т и в о р ѣ ч і ю, къ противорѣчію между обществомъ и природой, между возникающимъ изъ размноженія ростомъ потребности въ средствахъ жизни, и суммою этихъ средствъ, которую при данныхъ способахъ труда доставляетъ природа.

Въ новомъ натурально-хозяйственномъ обществѣ силы развитія лежатъ опять во в н ѣ ш н е м ъ п р о т и в о р ѣ ч і и—общества и природы, въ **с а м о м ъ** п р о ц е с с ѣ борьбы общества съ природою. Здѣсь не требуется медленно дѣйствующей силы чрезмѣрнаго размноженія, чтобы человѣкъ совершенствовалъ далѣе свой трудъ и свое познаніе: потребности человѣчества растутъ въ самомъ процессѣ труда и опыта, каждая новая побѣда надъ

природою и ея тайнами ставитъ новыя задачи и загадки въ высоко-организованной, гармоничной, чуткой ко всякому пробѣлу и противорѣчію психикѣ новаго человѣка. Власть надъ природою означаетъ постоянное накопленіе энергіи общества, усвояемой имъ изъ внѣшней природы. Накопляемая энергія ищетъ исхода и находитъ его въ творчествѣ, въ созданіи новыхъ формъ труда и познанія.

Правда, не всегда накопленіе энергіи ведетъ къ творчеству — оно можетъ вести и къ вырожденію. Паразитическіе классы современнаго и прежнихъ обществъ, накопляя энергію за счетъ труда другихъ людей, ищутъ ей исхода не въ творчествѣ, а въ развратѣ, извращеніяхъ, въ утонченностяхъ потребленія; и это ведетъ къ ослабленію психики, къ упадку класса.—Но таковы только паразиты; они живутъ не въ сферѣ общественно-полезнаго труда, а почти исключительно въ сферѣ потребленія; естественно, что въ этой сферѣ они и ищутъ новыхъ формъ жизни—и находятъ ихъ въ утонченностяхъ и извращеніяхъ.—Такихъ паразитовъ новое общество не знаетъ; въ немъ всѣ — трудящіеся, и въ сферѣ труда они удовлетворяютъ жажду творчества, вытекающую изъ избытка энергіи. Они совершенствуютъ технику и познаніе, — а стало быть и собственную природу.

Новыя силы развитія, рождающіяся изъ трудового опыта людей, дѣйствуютъ тѣмъ сильнѣе и быстрѣе, чѣмъ шире, сложнѣе, разностороннѣе этотъ опытъ. Поэтому въ новомъ обществѣ, съ его колоссальной широтой и сложностью системы труда, съ его громадной связностью, сближающей и объединяющей опытъ самыхъ различныхъ (при одинаковомъ уровнѣ развитія) человѣческихъ личностей, эти силы развитія должны создать такой стремительный прогрессъ, о которомъ мы не можемъ даже составить себѣ точнаго понятія. Гармоническій прогрессъ будущаго общества неизмѣримо интенсивнѣе, чѣмъ полустихійный, колеблющійся среди противорѣчій прогрессъ нашей эпохи.

Всѣ экономическія препятствія къ развитію устранены въ новой общественной системѣ. Такъ, распространеніе машинъ, которое въ капиталистическомъ обществѣ находитъ границу въ прибыльности машинъ, тамъ зависитъ всецѣло отъ ихъ производительности. А мы уже видѣли, что машина, очень полезная для сбереженія труда, часто является весьма невыгодной съ точки зрѣнія капиталистической прибыли (см. главу о распространеніи машинъ).

Итакъ, высшая мыслимая для насъ ступень власти надъ природою, организованности, соціальности, свободы, прогрессивности — такова общая характеристика новаго, соціалистическаго строя.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Общія понятія.

I. Первобытный родовой коммунизмъ.

II. Патріархально-родовая организація общества.

Древнее рабство.

Стр.

III. Феодальное общество

IV. Мелко-буржуазное общество.

V. Эпоха торговаго капитала.

VI. Промышленный капитализмъ.

Эпоха мануфактуръ.

VII. Промышленный капитализмъ.

Эпоха машиннаго производства.

VIII. Соціалистическое общество.

HB 179 M197 1906
Malinovskiĭ, Aleksandr Aleksandrovich
Kratkiĭ kurs ėkonomicheskoĭ nauki. Izd. 9., vnov ispr.

PLEASE DO NOT REMOVE
SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 02 24 04 006 2